

159 III

4.3

9752/2

~~TH 11/11/11~~
~~N 33 (c).~~

Fred Thompson

F. A. G.

9752/2
1431-80
31
ЛБ9 III

РАЗНЫХЪ ЧАСТЕЙ СВѢТА.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

М. ЧИСТЯКОВА

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ, ГРАВИРОВАННЫМИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНОМЪ.

III
J. H.
9.

ПОДАШЕНО
НИКОЛА
ЦЕСАРЕВИЧА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

3
ПАНСИОНЪ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

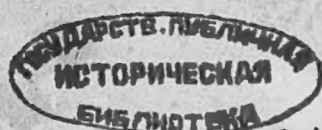
И.

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народнаго Книжнаго
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. по просвѣщенію.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Я. А. ИСАКОВА.

1872.

62. кн. 62.

578091.✓

КОЛИЗЕЙ.

(Изъ путешествія въ 1853 году.)

азваніе — Колизей, или правильнѣе, колоссей, происходитъ отъ слова колоссъ, что значитъ огромный, исполинскій. Это—древній римскій амфитеатръ. Онъ частію еще уцѣлѣлъ. Зданіе величественное и изящное!

Со многихъ пунктовъ можно наслаждаться имъ; но чуть-ли не самый лучшій видъ представляетъ онъ, когда стоишь по срединѣ арены, на которой бились гладіаторы *) и видишь кругомъ себя громады стѣнъ, тамъ гордо возвышающихся, тутъ полуобрушенныхъ, тутъ совсѣмъ обрушенныхъ. Среди этихъ величественныхъ развалинъ какимъ-то особеннымъ чувствомъ трогаетъ мою душу синева самага чистаго неба, просвѣчивающагося сквозь окна въ верхней части зданія, обращенной къ сѣверу.

Въ Колизеѣ надобно быть одному. Богомольцы, приходящіе туда человѣкъ по десяти, или по двадцати вмѣстѣ,

*) См. Ж. д. Д. 1851-г. № 1, статья «О вліяніи Христіанства».

капуцинъ, который каждую пятницу является тамъ говорить проповѣдь, каменщики, работающіе тамъ всякій день, кромѣ воскресенья и самыхъ знойныхъ часовъ въ сутки, галерные преступники, которые имъ прислуживаютъ, все это развлекаетъ сначала, но въ послѣдствіи ко всему этому привыкаешь, и среди говора, стука молотковъ и крика рабочихъ, предаешься вполнѣ своей мечтательности, которая въ Колизеѣ овладѣваетъ душою всякаго.

Въ коридоры верхнихъ этажей можно всходить по лѣстницамъ: онѣ поправлены довольно хорошо. Въ Римѣ всякій *чичероне* (проводникъ и рассказчикъ) убиваетъ ваше удовольствіе: однакожъ, если пойдешь путешествовать по Колизею безъ проводника, то, пожалуй, попадешь на своды, уже изветшавшіе, источенные дождями, и совсѣмъ убьешься. Поднявшись въ самый верхній этажъ этихъ развалинъ, все съ сѣверной стороны, вы видите прямо передъ собою храмъ Святаго Петра «въ Цѣпяхъ», выглядывающій изъ-за огромныхъ деревьевъ.

Къ югу Колизей обрушился больше, нежели въ другихъ мѣстахъ; вы смотрите черезъ его развалины и вдали на равнинѣ вамъ представляется храмъ Св. Павла, гдѣ этотъ великій *учитель народовъ* былъ погребенъ. Храмъ частію закрывается длинными рядами кипарисовъ.

Смотря съ высоты этихъ развалинъ, невольно переносишься въ прошедшее, и, какъ въ прошедшемъ всѣ вѣка стоятъ не одинъ за другимъ, а какъ-то рядомъ, то припоминаешь вдругъ и римскаго императора Веспасіана *), и римскаго знаменитаго зодчаго Микель-

*) См. Ж. д. Д. статью «Разрушеніе Іерусалима». 1851 г., стр. 449.

спѣгу по амфитеатру и всматривался въ его очерки и размѣры. Это было именно въ то время, когда онъ строилъ церковь Петра. Великое созданіе природы и искусства, какого бы рода оно ни было, способно одушевлять поэтическую душу и даетъ ей самой силу задумывать и производить что нибудь великое.

Когда меня заставляли въ Колизеѣ другіе путешественники, всякое наслажденіе у меня тотчасъ прекращалось. Ничтожные разговоры о балльных происшествіяхъ, сплетни, шуточкы, вычурныя остроты и нѣжности мгновенно прогоняли возвышенныя мечты и прелесть меланхолической задумчивости. И жалки мнѣ казались люди, и я припоминалъ, что камень иногда бываетъ умнѣе и одушевленнѣй человѣка. Вѣроятно я точно также мѣшалъ наслажденію другихъ. Какъ бы то ни было, но, еслибъ только это зависѣло отъ моей воли, то во все время пребыванія своего въ Римѣ, я бы заперъ Колизей и не пустилъ туда ни одной души — разумѣется, кромѣ самого себя. Колизей почти весь построенъ изъ большихъ кусковъ *травертина*, довольно обыкновеннаго камня, поздраватаго, какъ известковый. Цвѣтъ его бѣлый, отливающійся нѣсколько желтизной. Зданіе казалось бы лучше, еслибы оно было построено изъ обыкновеннаго тесанаго камня: но какъ бы оно было прекрасно, еслибъ на постройку его употребили мраморъ!

Надъ арками Колизея находятся нумера, уцѣлѣвшіе отъ древности. Каждая изъ этихъ арокъ служила дверью. Въ галлерей и къ мѣстамъ шло множество лѣстницъ; такимъ образомъ, въ нѣсколько минутъ сто тысячъ человѣкъ могли свободно входить въ амфитеатръ и выходить изъ него.

Говорятъ, что Титъ построилъ галлерей, которая шла отъ его дворца, находившагося на эсквилинской

горѣ, до самаго Колизея такъ, что императоръ могъ являться на зрѣлищахъ, не показываясь на улицѣ. Эта галлерей оканчивалась между аркадами №№ 38 и 39. Между ними находится арка безъ нумера.

Въ Колизеѣ все величественно и просто: онъ не обремененъ никакими мелкими украшеніями — этими ребяческими погремущками, которыми безвкусные архитекторы обвѣшиваютъ зданія. Отъ этого Колизей поражаетъ вниманіе всею своею массою, своею стройною громадой. Мысль не развлекается никакою мелочью, и въ душѣ остается впечатлѣніе чего-то могучаго и торжественнаго. «Великіе памятники, говоритъ нѣмецкій поэтъ Гете, какъ великіе люди, однимъ видомъ своимъ возвышаютъ сердце». Оно крѣпнетъ и мужаетъ отъ нихъ. Смотри на Колизей, чувствуешь готовность и способность работать надъ чѣмъ нибудь великимъ.

Мѣсто, на которомъ происходили игры и зрѣлища, называлось *ареной* — что значитъ песокъ. Это потому, что его въ день представленія посыпали пескомъ. Говорятъ, что арена была гораздо ниже, нежели теперь. Впродолженіи столькихъ вѣковъ много пыли налегло на нее. Она была окружена довольно высокой стѣной, чтобы львы и тигры не могли бросаться на зрителей. Въ ней были ходы, запиравшіеся рѣшетками. Въ нихъ-то входили гладіаторы, и выпускали звѣрей; въ нихъ же вытаскивали трупы.

Почетныя мѣста находились прямо надъ стѣной, окружавшей арену. Этотъ ярусъ назывался *подіумъ*. Отсюда было удобно слѣдить за ходомъ битвы во всѣхъ ея подробностяхъ, можно было наслаждаться страшною игрою жизни. Въ самомъ дѣлѣ, стоило посмотреть: вотъ звенятъ роковыя желѣзныя рѣшетки; входятъ гладіаторы; по два въ рядъ идутъ они передъ знатнѣйшими ложами

и показываютъ, что мечи ихъ хорошаго закала, что кинжалы прекрасно наточены. Римлянинъ любилъ забавляться не шутя — народъ серьезный. Проходя, нѣкоторые говорили эти слова, отъ которыхъ даже теперь вѣетъ на сердце могильнымъ холодомъ: «здравствуйте! Обреченные на смерть васъ привѣтствуютъ!» Труба зазвучала — смотрите: начинается римская забава: два гладіатора отдѣляются отъ толпы: они въ красной одеждѣ, туго подтянуты блестящими мѣдными поясами. У одного на лѣвой ногѣ мѣдный синій башмакъ съ высокимъ коблукомъ (котурнъ); на правой маленькій бронзовый башмачекъ; на головѣ шапка, съ которой висятъ золотыя сѣтки; въ одной рукѣ — трезубецъ; въ другой — сѣть. Это — Римлянинъ.

Оружіе противника его составляютъ, какъ полумѣсяцъ, выгнутая остріемъ коса и большой круглый щитъ. Гребень его каски имѣетъ форму рыбы. Это отличительный знакъ его: это — Галлъ. Враги бьются и защищаются съ остервенѣніемъ: только гибель одного можетъ спасти другаго. Проворный и сильный Галлъ замахнулся косою и, кажется, сію минуту снесетъ голову своему врагу. Но Римлянинъ отшатнулся и стремительно мечетъ сѣть на Галла. Орлинымъ взглядомъ Галлъ замѣтилъ это движеніе при самомъ его началѣ и вовремя покрылся щитомъ; сѣть скользнула по немъ, какъ по льду. Битва разгорается съ каждою минутой. Кипя другъ къ другу неумолимою злобой, волнуемые ужасомъ, разжигаемые криками и рукоплесканіями безчисленной толпы, бойцы алчутъ крови. Коса и трезубецъ сверкаютъ какимъ-то острымъ блескомъ, сшибаются и звенятъ. Но бой — не равенъ: у Римлянина — два оружія; онъ начинаетъ одолѣвать бѣднаго Галла, наступаетъ на него, тѣснить, обращаетъ въ бѣгство и,

гонясь за нимъ, кричитъ ему съ ядовитой насмѣшкой: «что ты бѣжишь отъ меня, Галлъ? Я ловлю рыбу». Вотъ у гонимаго въ предсмертную минуту еще разъ свергнула стѣсненная мысль: есть средство спастись; онъ употребить его: но двѣсти тысячъ алчныхъ глазъ его преслѣдуютъ, мысль его открыта. противнику его кричать, машутъ, указываютъ руками. Бѣдный Мирмиллонъ долженъ погибнуть: онъ — Галлъ, онъ сынъ тѣхъ Галловъ, которыхъ гордый вождь *) бросивъ мечъ на вѣсы, сказалъ имъ — Римлянамъ — «горе побѣжденнымъ!» Онъ долженъ погибнуть. Изможденный, онъ остановился на мгновенье, чтобы перевести духъ — увы! Губительная сѣть накрыла его; врагъ опутываетъ его, волочить по землѣ и вонзаетъ въ него свой трезубецъ. Римляне рукоплещутъ!

Вотъ бьются Самнитяне. Костюмъ ихъ — бронзовый башмакъ на лѣвой ногѣ, серебряный щитъ и шлемъ съ красными перьями. Тутъ Римлянамъ все равно, кто ни погибнетъ, а лучше всего — если погибнуть оба; потому что Самнитяне нѣкогда тоже были врагами Рима. Пусть же теперь потомки ихъ льютъ для забавы кровь свою.

Одни бойцы смѣняются другими. Рѣдкій изъ нихъ съ арены выходитъ въ *Дверь жизни*. Вотъ наконецъ являются всадники; они въ шлемахъ безъ отверстій для глазъ, они наталкиваются на стѣну, отыскиваютъ другъ друга по топоту и ржанью коней, прислушиваются, гонятся въ ту сторону, гдѣ нѣтъ непріятеля, машутъ мечами, оборотившись другъ къ другу спиной — они играютъ въ жмурки. Это забавно грубымъ Рим-

*) См. статью «о томъ, какъ гуси Римъ спасли». Ж. д. Д. 1851, № 18.

лянамъ: они хохочутъ. Наконецъ эти незрячіе бойцы находятъ другъ друга, сдѣпляются и бьются на смерть. Римляне хохочутъ больше прежняго.

И тяжело становится сердцу, когда переносишься воображеніемъ въ тѣ кровавыя времена. Еще тяжелѣе, когда вспомнишь, сколько христіанъ замучено на аренѣ. Но вотъ въ одномъ углу, среди развалинъ — пѣніе. Это звуки нашего времени, это святыя звуки христіанства, кроткаго, утѣшительнаго для человѣчества. И на душѣ становится легче и благодаришь Провидѣніе, что оно призвало тебя къ жизни, когда подобныя зрѣлища уже невозможны.

Такъ какъ арена была мѣстомъ мученичества для многихъ святыхъ людей, то въ Средніе Вѣка очень уважали Колизей и, можетъ быть, это одно спасло его отъ совершеннаго разрушенія. Папа Бенедиктъ XVII, желая защитить его отъ грабительства тѣхъ, которые не смотря ни на что ломали оттуда камни себѣ на дома, построилъ вокругъ арены четырнадцать маленькихъ часовенъ. Въ каждой изъ нихъ находится по альфресковой (стѣнной) картинѣ, изображающей какое нибудь происшествіе изъ страданій Спасителя. Въ восточной части Колизея находится церковь, въ которой обыкновенно совершаютъ Богослуженіе.

А когда отбившись отъ тягостныхъ воспоминаній, представляешь себѣ вѣковѣчную давность Колизея и отдаешься настоящимъ впечатлѣніямъ, то нельзя не увлекаться тѣмъ неуволимо-разнообразнымъ раздумьемъ, то горькимъ, то тихо тоскливымъ, нѣжно-сладостнымъ, которое отвсюду такъ и льется въ душу. Придешь бывало поутру, уединишься въ какой нибудь уголь, ляжешь среди груды обломковъ, самъ, какъ обломокъ, въ дикой травѣ, и бродишь глазами по исполин-

скимъ рядамъ этажей. Или взойдешь наверхъ и смотришь на арену. Тамъ преступники работаютъ и поютъ. Звукъ цѣпей ихъ страннымъ образомъ мѣшается съ пѣснями птицъ, которыхъ множество водится въ Колизеѣ. Когдаходишь къ кустарникамъ, которыми заросли ложи и галлерей, оттуда вспархиваютъ сотнями пѣлыя стаи птичекъ, теперь единственныхъ жильцовъ этого пустыннаго мѣста. Но нѣтъ ничего очаровательнѣе этого молчанья, когда все притихнетъ, когда останется всякое движеніе и, можно сказать, живешь и чувствуешь только глазами и не видишь ничего, кромѣ Колизея, да неба.

КОНКЛАВЪ. ПОѢЗДКА ИЗЪ НЕАПОЛЯ ВЪ РИМЪ. ВЕЧЕРЪ. СМЕРТЬ ЛЕОНА XII. ИЗБРА- НІЕ ПАПЫ.

(Изъ давнишнихъ воспоминаній путешественника).

КОНКЛАВЪ СЛОВО ВЪ СЛОВО ЗНАЧИТЬ *подъ ключемъ*, или *подъ замкомъ* взаперти. отъ латинскаго *sub clau* (кумъ клавѣ). Такъ называется мѣсто, гдѣ избираютъ кого-нибудь въ достоинство Папы, и самое собраніе кардиналовъ, участвующихъ въ избраніи.

Кардиналы — это высшіе государственные люди въ Папской Области. Они всѣ — духовнаго званія. Въ Папы можно избирать только изъ нихъ же.

Избраніе это производится всегда въ Римѣ, въ папскомъ дворцѣ — Ватиканѣ. Тамъ есть множество келій, или маленькихъ комнатокъ — въ двадцать два фута въ длину и въ двадцать футовъ въ ширину каждая. Онѣ построены всѣ изъ сосноваго дерева. Каждому избирателю, который въ тоже время можетъ быть и избраннымъ, отводится особая комнатка. До тѣхъ поръ, пока продолжается избраніе, они не могутъ выходить изъ этого конклава: двери и окна его закладываются. Но такъ какъ избраніе можетъ продолжаться нѣсколько дней, то кардиналамъ ежедневно приносятъ кушанье. У каждаго кардинала бываетъ по два *конклависта* — т. е. по двое слугъ. Тѣмъ, которые слабы здоровьемъ, позволяется имѣть трехъ. Но это топографическое и этнографическое воспоминаніе о конклавѣ сначала и не приходило мнѣ на умъ, когда я былъ въ Италіи, и къ нему, къ конклаву-то, я добрался не прямо и не вдругъ, какъ вы сейчасъ увидите. Это было въ 1829 году — давно ужасно — для *отцвѣтшихъ молодостей* и *угасшихъ жизней*. Жилъ я тогда въ Неаполѣ, знаете, въ виду очаровательнаго залива и страшнаго Везувія, который, кажется, каждую минуту, подземнымъ, могильнымъ голосомъ говоритъ: помни смерть! (*memento mori*). Но о смерти я тогда не хотѣлъ и думать.

Меня пригласили на богатый балъ въ Римъ — *вѣчный городъ*, по крайней мѣрѣ, по своимъ воспоминаніямъ. Я приготовилъ себѣ самый щегольской костюмъ и отправился въ дилижансѣ. Ызды отъ Неаполя до Рима тогда было 38 часовъ. Всѣхъ насъ, съ кондукторомъ и двумя ямщиками, было девять человѣкъ. Выѣхали мы около трехъ часовъ утра. Еще свѣтилъ мѣсяцъ, и свѣтилъ прекрасно. Четверня лошадей неслась во всю прыть, точно какъ будто и ей готовился балъ. Вотъ мы промча-

лись черезъ Аверсу, Капую и Спаранизи. Мѣста вездѣ очаровательныя. Солнце взошло и пригрѣло итальянскою теплотой. Я задремалъ току нѣжащею дремотой, которой такъ сладко предаваться въ дорогѣ, въ спокойномъ экипажѣ и въ молодости. Вдругъ, часовъ около девяти, слышу — закричалъ кондукторъ, закричали ямщики, закричали пассажиры; а сосѣдъ мой толстый Голландецъ, сверхъ того съ самымъ сердечнымъ участіемъ началъ садить мнѣ подѣ бока кулаками. Раздалось два ружейныхъ выстрѣла. Я немножко понялъ, что у насъ идетъ дѣло о разбойникахъ, а у разбойниковъ о насъ, и открывъ глаза совершенно убѣдился въ этомъ. Прямо мнѣ въ високъ уставилось дуло ружья. Ружье было прескверное — заряженное.

Разбойники говорили между собою очень тихо и торопливо; отъ времени до времени они поколачивали насъ дулами ружей по рукамъ и по колѣнямъ, убѣждая этимъ отдавать все, что у насъ было. Я вынулъ сорока-франковую монету и подалъ ее тому, который приставалъ ко мнѣ не съ короткимъ, а между тѣмъ успѣлъ запустить за сапогъ два, или три червонца: хотѣлось подешевле раздѣлаться съ негодями. Смерть мнѣ жаль было разставаться съ часами, къ которымъ я очень привыкъ, и я ужъ подумывалъ, какъ-бы мнѣ запрятать ихъ подальше: но моя сорока-франковая монета дала обо мнѣ разбойникамъ высокое понятіе. Они стали у меня требовать золота и велѣли вылѣзть изъ кареты. Другіе, Богъ знаетъ почему, сами повискакали: должно быть, безпокойно сидѣть подѣ дуломъ разбойничьяго ружья. Насъ всѣхъ поставили за каретой, гуськомъ, спинами къ разбойникамъ. Приказано было не оглядываться назадъ. Четверо изъ нихъ стояли, уставивъ на насъ ружья. Остальные съ необыкновеннымъ проворствомъ и ловкостію очищали

наши карманы, карету и все, что было въ чемоданахъ. Изъ моего бальнаго костюма понравилась только одна часть; а остальное — фракъ, жилеть, манишки, нарукавные кружева они съ презрѣніемъ вытряхнули на дорогу и — такая досада — ужасно перепачкали. О часахъ моихъ у меня осталось одно горестное воспоминаніе.

Разбойники были всѣ молодые люди, отъ 18 до 20 лѣтъ; одѣты по крестьянски, только у всѣхъ лица почти совсѣмъ закрывались платками. Они были вооружены ножами, кинжалами, топорами; у пятерыхъ только находились ружья: а всѣхъ ихъ было восьмеро. Пообобравъ насъ достаточно, снявъ съ нашего кондуктора серги и хвативъ его по головѣ палкою, они собирались было скинуть съ насъ сапоги, какъ вдругъ заговорили что-то очень проворно всѣ вмѣстѣ и кинулись въ сторону. Показались мужики, которые везли хлѣбъ. Они поглядѣли на насъ спокойно, узнали, въ чемъ дѣло, и, не сказавъ ни слова, продолжали свой путь. Между тѣмъ ямщики и кондукторъ все еще лежали ничкомъ, какъ ихъ положили.

Видя однакоже, что ихъ не бьютъ и не рѣжутъ и что, слѣдовательно, лежать больше не для чего, они поднялись, запрягли распряженныхъ разбойниками лошадей и поскакали скорѣй прежняго.

Озаренный романическимъ приключеніемъ, я пріѣхалъ въ Римъ, дополнилъ изъянтъ своего костюма и явился на балъ съ живѣйшимъ желаніемъ рассказать о такой занимательной встрѣчѣ. Къ величайшему моему удовольствію, тамъ ужъ разнеслась о ней молва, и мое имя было нѣсколько разъ упомянуто. Когда я явился, меня всѣ окружили и стали спрашивать. Я рассказывалъ со всею живостію и убѣдительностію очевидца. Это на нѣсколько минутъ сообщило вечеру художе-

ственный тонъ. Танцы, конечно, его не поддержали; музыка совсѣмъ разстроила. Но пѣніе вполне вознаградило это разстройство: пѣла госпожа Тамбурины прелестную по голосу неаполитанскую пѣсню, въ содержаніи которой есть что-то похожее на затѣю дѣтскаго воображенія: «Я поставлю домъ посреди моря — да, посреди моря! Я построю его изъ перьевъ — да, изъ павлиньихъ перьевъ! Я сдѣлаю лѣстницы изъ серебра и золота, а балконъ изъ драгоценныхъ камней.—Когда мой другъ по утру встаетъ, то будто заря занимается.»

Поэтъ, очевидно, хотѣлъ выразить мысль, что для друга его, какъ для волшебнаго существа, не годится обыкновенное человѣческое жилище; что для него, какъ для солнца, золото, серебро и драгоценности могутъ служить только подножіемъ, и лишь чистое море достойно отражать и хранить образъ красоты его въ глубинѣ своей. Но въ звукахъ итальянскаго языка и въ голосѣ пѣвицы была прелесть неуловимая для мысли.

Отъ разговора о музыкѣ и поэзіи перешли къ разговорамъ о жизни; кто-то между прочимъ рассказывалъ, что одному человѣку, извѣстному по уму, дарованію и благородству души, грозитъ самая страшная и неотразимая клевета.

Одинъ аббатъ, слушая это, покачалъ головой и, не сказавъ ни слова, прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

«Что ты такое, человѣческая слава? Изъ-за тебя смѣлый подставляетъ гибельнымъ ударамъ свою могучую грудь; другой коротаешь въ тѣни быстролетную жизнь. Изъ-за тебя самая смерть кажется прекрасной.

«Что ты такое, человѣческая слава? И у того, кто тебя жаждетъ, и у того, кто нашелъ тебя, нѣтъ въ

сердцѣ покоя. Тяжело ты достаешься, и одна мысль — лишиться тебя — ѣдкая мука.

«Что ты такое, человѣческая слава? Ты — сладкій обманъ, дитя долгаго душевнаго страданія, мимолетный вѣтеръ, за которымъ какъ ни гонись — не утонишься. Между живыми ты — точило безсмысленной злобы; между мертвыми ты — сладкій звукъ для онѣмѣвшаго слуха. Слава! Ты — кара гордости человѣческой.»

Голосъ аббата, звучавшій меланхоліей и горькимъ негодованіемъ, потрясъ всѣхъ; даже и дамы на нѣсколько минутъ призадумались и только шептали изрѣдка.

Въ это время неожиданно что-то вдругъ всколебало все собраніе. Хозяйка съ озабоченнымъ видомъ обращалась то къ тому, то къ другому изъ гостей, бывшихъ подлѣ нея; потомъ схватила перо, наскоро написала нѣсколько коротенькихъ записочекъ и тотчасъ разослала ихъ. Это изумило многихъ: но вскорѣ все объяснилось: пришла вѣсть, что папа при смерти.

Она оправдалась: черезъ два дня въ Капитоліи ударили въ большой колоколъ, и вслѣдъ за этимъ раздался звонъ во всѣхъ церквахъ. Это было общественное уведомленіе о кончинѣ Леона XII.

Какимъ образомъ вяжется это въ жизни? — Ъхаль я на вечеръ и попалъ было подъ ножи разбойниковъ; съ самой свѣтлою, игривой музыкой смѣшалась клевета, и лишь только прозвучали стихи о ничтожности человѣческой славы, разнеслась похоронная вѣсть. Все это произвело во мнѣ странное меланхолическое чувство. Но оно еще больше усилилось отъ слѣдующаго случая.

По особенному покровительству, вошли мы ночью въ храмъ Св. Петра, когда работники заколачивали гробъ папы. Это было при свѣтѣ семи, или осьми фа-

желовъ. Среди безмолвія и мрака ночи, подъ величественнымъ сводомъ огромнѣйшаго и изящнѣйшаго изъ всѣхъ зданій, какія бывали и есть въ мірѣ, въ виду покойника, рабочіе зубоскалили, смѣялись, перебрасывались шутками. И ни у кого изъ нихъ не вырвалось ни слезинки, ни слова молитвы — не было даже минуты того молчанія, которое такъ естественно у гроба. Одна изъ дамъ, путешествовавшихъ съ нами, не могла удержаться отъ слезъ и выпросила позволеніе вбить одинъ гвоздь. Когда все было кончено, мастера подняли блоками гробъ надъ дверьми церкви, продолжая разговаривать и шутить по прежнему.

На другой день кардиналъ служилъ обѣдню по случаю открытія Конклава. Вечеру мы видѣли процессію всѣхъ кардиналовъ, отправлявшихся на избраніе новаго папы. Передъ ними несли распятіе, обращенное къ нимъ ликомъ Спасителя. За каждымъ кардиналомъ шелъ его конклавистъ. Говорятъ, что каждый изъ конклавистовъ, при выходѣ изъ Конклава, получаетъ титуло барона и право гражданства, въ какомъ угодно городѣ папской области. Кардиналамъ были оказываемы, по итальянскимъ обычаямъ, царскія почести: ихъ окружала стража, составленная изъ знатныхъ особъ; за ними шли Швейцарцы въ костюмахъ XV столѣтія.

Въ процессіи впереди шли кардиналы - епископы.

Ихъ было пятеро. Намъ сказали, что одинъ изъ нихъ будетъ папой. За ними шли двадцать два кардинала-священника, а потомъ пять кардиналовъ - дьяконовъ. Подлѣ нихъ шелъ губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ Рима.

Эту процессію у воротъ Конклава встрѣтила коммиссія, состоявшая изъ пяти кардиналовъ. Въ восемь часовъ вечера ударили три раза въ колоколъ. Всѣ, не

принадлежащіе въ Конклаву, вышли вонъ изъ Ватикана.

Кардиналовъ, между которыми должно было происходить избраніе, заложили кирпичами въ ихъ кельяхъ. У дверей конклава поставили стражу. Народъ въ безчисленномъ множествѣ безвыходно стоитъ и съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, столько свойственнымъ итальянскому характеру, ждетъ выбора.

Выборъ производится обыкновенно такъ: каждый кардиналъ произноситъ краткую молитву, подходитъ къ жертвеннику и кладетъ въ чашу маленькую запечатанную записочку, сложенную особеннымъ образомъ. Тутъ пишетъ онъ имя того, въ чью пользу подаетъ голосъ, текстъ изъ священнаго писанія, и свое собственное имя. Сначала почти никогда выбора не бываетъ: кардиналы изъ одной вѣжливости подаютъ голоса одинъ въ пользу другаго. Чтобы нетерпѣливому народу подавать извѣстіе о ходѣ балотировки, изъ окна комнаты, сосѣдней съ конклавомъ, устраивается труба въ семь, или восемь футовъ длины. Кардиналы, назначенные для разсматриванія поданныхъ голосовъ, два раза въ день прочитываютъ положенныя въ чашу записки, и, если мнѣнія не склоняются рѣшительно ни на чью сторону, то сожигаютъ ихъ. Дымъ выходитъ въ означенную трубу. «Дымокъ! Дымокъ!» (Fumata) кричитъ народъ и расходится до слѣдующаго дня.

Кушанье кардиналамъ - избирателямъ приносятъ съ особенною церемоніей: сперва идутъ въ ливреяхъ слуги того, или другаго изъ нихъ; потомъ два челоуѣка несутъ носилки; на нихъ — корзина съ гербомъ и съ кушаньемъ; наконецъ двѣ, или три парадныя кареты. Но кушанья не доходятъ прямо къ тому, для кого назначаются. Ихъ сперва осматриваетъ епископъ, чтобы

тамъ не было отъ кого письма, которое могло бы имѣть вліяніе на выборъ папы. Впрочемъ, эта предосторожность бесполезна. Избиратели всегда находятъ средство сообщить отъ себя, кому слѣдуетъ, то или другое извѣстіе; каждый вечеръ изъ Конклава падаетъ на мостовую монета; въ расщепину ея вложена крошечная записка. Ее кто-то подхватываетъ и уноситъ.

Многократно повторявшаяся фумата насъ утомила. Мы начали гулять по окрестностямъ. Погода же была чудесная. Между тѣмъ въ это время, Шатобріанъ захотѣлъ подать въ Конклавъ свой голосъ: онъ отправился туда. Въ знакъ особеннаго къ нему уваженія, кареты всѣхъ кардиналовъ-избирателей ѣхали за его каретой. Кардиналы нашли возможность сдѣлать это распоряженіе. Вошедши въ ту комнату, гдѣ производится осмотръ кушанья, Шатобріанъ приложился къ маленькому отверстию, которое было въ стѣнѣ конклава, и началъ говорить рѣчь. Ему отвѣчали оттуда-же. Но выборъ еще не кончился. Во всемъ Римѣ молебствія и процессія. Такимъ образомъ прошло пятнадцать дней.

Однажды шелъ ужасный дождь, точно какъ ливень въ тропическихъ странахъ. Мы сидѣли дома. Вдругъ запыхавшись вбѣгаетъ къ намъ парикмахеръ: «Господа! *Фуматы* не было; значитъ, нынче не жгли записокъ, на которыхъ означаютъ имена; значитъ, папа выбранъ!»

Мы бросились вонъ, на улицу, и побѣжали на площадь. Дождь лилъ; буря бушевала: но сквозь толпы народа едва можно было продраться. Черезъ десять минутъ насъ промочило до костей. Съ нами было нѣсколько дамъ. Онѣ дрожали, пронизываемые вѣтромъ. Мы, правду сказать, рѣшительно изъ одной вѣжливости предложили имъ воротиться домой, тѣмъ больше, что окна нашей квартиры выходили на площадь и изъ нихъ

все можно было видѣть. Но дамы приняли это за рѣшительную обиду. Имъ, совершенно также, какъ и намъ, хотѣлось непремѣнно быть на дождѣ, стоять подлѣ самой стѣны дворца, видѣть, можетъ быть, даже, съ тысячею другими, первымъ взглянуть, какъ выйдетъ кардиналъ, слышать его голосъ и проч. и проч. Люди стояли, какъ плотно вбитыя сваи. Яблоку упасть было негдѣ. А дождь все лилъ ливнемъ и мылъ намъ головы.

Такъ прошло съ часъ, даже значительно больше часу. Чернь начала роптать, досадовать, нѣкоторые ужъ стали поговаривать *о фуматъ*; иные, которымъ вѣрно не въ первый разъ приходилось быть въ такомъ положеніи, люди разсудительные — запаслись виномъ и кушаньемъ и подкрѣпляли себя среди такой невзгоды. Вдругъ, начиная отъ самой стѣны, говоръ и крикъ началъ умолкать съ необыкновенною быстротою. Послышался стукъ молотка изъ Конклава. Глаза всѣхъ были прикованы къ закладенному окну, выходившему на балконъ. Вотъ отвалился маленькій камушекъ. Раздались оглушительныя восклицанія. Вотъ сдѣлалось маленькое отверстіе, потомъ все больше и больше, и наконецъ — въ него могъ пройти человѣкъ. Показался кардиналъ. Всѣ притаили дыханіе. Но въ это время загудѣлъ такой страшный дождь, что кардиналъ отступилъ назадъ. Невозможно вообразить себѣ волненія, шума, крика, происшедшаго въ народѣ. Это можно было видѣть по судорожнымъ движеніямъ лицъ и искривленныхъ ртовъ. Нѣкоторые, охрипнувъ отъ крика и не имѣя утѣшенія размахивать руками, толкались головою. Но дождь нѣсколько утихъ. На балконѣ явился кардиналъ Альбани. Настало глубокое молчаніе. Кардиналъ сказалъ по-латыни: возвѣщаю вамъ великую радость: въ Папы избранъ высокостепеннѣйшій и высокопочтеннѣйшій госпо-

динъ Францискъ Ксаверій, епископъ Тускуланскій, Святой римской церкви Кардиналь Кастильони, принявшій имя Пія VIII. Имя новоизбраннаго папы было произнесено отчетливо и внятно. Въ народѣ раздались восторженные клики. Многіе плакали. Кардиналь бросилъ въ народъ бумагу, на которой были написаны произнесенные имъ слова, и захопалъ въ ладоши. Загремѣло всеобщее, единодушное рукоплесканіе. Въ ту же минуту раздался пушечный выстрѣлъ съ крѣпости Св. Ангела. Народъ разсыпался, гадая о своей будущности.

Конклавъ продолжался тридцать шесть дней. Кастильони былъ избранъ въ послѣднюю ночь. Когда его спросили, согласенъ ли онъ? — «Да!» отвѣчалъ кардиналь, и принялъ имя Пія VIII. Новоизбраннаго кардиналы проводили въ ризницу и облачили въ одѣяніе первосвященника. Послѣ этого онъ сталъ на жертвенникъ капеллы и принялъ первое выраженіе покорности, какъ глава римской церкви: кардиналы обнимали его по два раза и цѣловали у него руку. Одинъ изъ нихъ надѣлъ ему перстень. Около 9 часовъ папа Пій VIII явился въ Квиринальскомъ дворцѣ, въ Ватиканѣ. Его встрѣтили съ энтузіазмомъ.

Въ тотъ же день я уѣхалъ изъ Рима: но сквозь разнообразныя впечатлѣнія, сквозь ряды церемоній и торжествъ, сквозь шумныя толпы ликующаго народа, мнѣ часто видѣлись — могильная ночь въ храмѣ Св. Петра, багровые факелы, работники, заколачивавшіе гробъ Леона XII, и слезы одной женщины.

ЗИМА, ПРОВЕДЕННАЯ ВЪ КОРСИКѢ.

Разсказъ охотника.

концѣ ноября 1848 года вышли мы на берегъ въ Аяччіо; насъ было двое — мой пріятель и я; поклажи никакой; все наше богатство — за спиною; на плечѣ ружье, а вѣрные товарищи наши, лягавыя собаки, подлѣ насъ. Мы понапрасну прождали долго пролета бекасовъ въ Дофине и не дождавшись, отправились за ними въ Корсику, гдѣ ихъ застать ничего не стоило; втому же хотѣлось познакомиться съ этимъ полудикимъ краемъ. Первыя охотничьи попытки наши были неудачны: изъ гавани Аяччіо видны пять мысовъ и, какъ истинные охотники, мы тотчасъ отправились искать на нихъ дичи; два дня пробродили мы и ничего не нашли. Но можно ли было жаловаться на судьбу свою, въ то время, когда послѣ долгой ходьбы, сидишь на берегу прелестнѣйшаго залива, подъ тѣнью нависшей скалы розоваго гранита? Передъ вами синій

горизонтъ сливается съ моремъ, и солнечный лучъ сверкаетъ въ блестящей бѣлизнѣ далекаго паруса; а подлѣ васъ на пескѣ горитъ и трещитъ веселый огонекъ; передъ нимъ на миртовой палочкѣ, жарится жирная утка — нашъ завтракъ.

Неудачная охота заставила насъ осмотрѣться въ городѣ; по самой серединѣ его тянется аллея апельсиновыхъ деревьевъ, съ которыхъ въ декабрѣ, около Рождества, можно еще собирать превкусные, спѣлые плоды; улицы вообще красивы и особенно живописны по безчисленному множеству садовъ и аллей; дорога же отъ греческой церкви по берегу моря идетъ между садами и холмами, покрытыми богатѣйшею растительностію; она можетъ стать на ряду съ прелестнѣйшими итальянскими мѣстами прогулокъ.

Но мы нисколько не намѣрены были проводить зиму въ городѣ; намъ хотѣлось покочевать по острову; насмотрѣться побольше мѣстъ, поохотиться вволю, такъ мы и начали хлопотать о томъ, какъ бы скорѣе обратиться на просторъ. Въ Корсикѣ, точно на востокѣ, можно путешествовать только пѣшкомъ, или верхомъ; мы избрали послѣдній способъ. Тамъ — особая порода маленькихъ, косматыхъ, бодрыхъ и чрезвычайно умныхъ лошадей; ухода за ними нѣтъ порядочнаго, никто ихъ не чиститъ, не холитъ: однакожъ, по всему видно, что они происходятъ отъ очень хорошей, чистой породы. Пока лошадь молода, она бродитъ на свободѣ, въ лѣсахъ, по болотамъ и горамъ; когда же понадобится, ее ловятъ арканомъ, точно въ американскихъ пампасахъ. Обѣздить ихъ не очень трудно: но они до глубокой старости сохраняютъ всю свою силу и бодрость.

Мы себѣ добыли четырехъ лошадокъ, косматыхъ,

какъ медвѣди, и такихъ же здоровыхъ; на двухъ мы ѣхали сами, на третьей нашъ вьюкъ, а четвертая была для нашего проводника. Корсиканецъ не похожъ на испанскихъ погонщиковъ муловъ, которые всегда путешествуютъ пѣшкомъ; нѣтъ, ужъ если двое на лошадахъ, такъ ему было бы обидно идти пѣшкомъ и онъ ни за что не пойдеть. Нашимъ вожатымъ былъ сапожникъ Маттео, человѣкъ всѣмъ недовольный, а въ особенности своимъ префектомъ за то, что тотъ не умѣлъ оцѣнить его достоинствъ и не давалъ ему какого нибудь почетнаго и выгоднаго мѣста. Но мы не обращали вниманія на его жалобы и однажды, рано утромъ, пустились въ свое путешествіе; больше всѣхъ веселились наши собаки; онѣ съ лаемъ прыгали передъ нами: видно, предчувствовали удачу.

Мы вскорѣ вѣхали въ горы, начали взбираться на нихъ, и солнце уже садилось, когда мы добрались до вершинъ: луна взошла, освѣтила живописные склоны, долины и дала болѣе мягкости рѣзкимъ очеркамъ окружающей картины; пора было подумать о ночлегѣ; кста-ти встрѣтилась деревенька Гросетто, и мы стали искать пріюта. Единственная гостинница была занята нами; намъ подали довольно голодный ужинъ; мы еще сидѣли за столомъ, а вѣсть о пріѣздѣ иностранцевъ уже разнеслась по всей деревнѣ и жители ея, одинъ за другимъ, стали набираться въ комнату. Они насъ окружили и наперерывъ спрашивали о томъ, о семъ; чтобы отдѣлаться отъ нихъ, мы вздумали попотчевать ихъ виномъ, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они уже называли насъ друзьями; одинъ изъ крестьянъ между тѣмъ вытащилъ родъ гитары и, вѣроятно, для нашего удовольствія, заигралъ какой-то вальсъ; другіе пустились плясать, и вскорѣ вся комната была наполнена вертя-

щимися мужиками; мы на нихъ смотрѣли очень серьезно. Вдругъ одинъ изъ плясуновъ остановился и предложилъ какой-то національный танецъ, впрочемъ такой, который можно только плясать въ мужскомъ обществѣ. Музыка заиграла, и пляска началась. Вдругъ дверь отворилась и въ залу вошелъ молодой человѣкъ, очень блѣдный и худой; онъ велъ подъ руку молодую, прекрасную женщину; онъ былъ одѣтъ по корсиканской модѣ — въ черную бархатную куртку и такіе же широкіе шаравары; у дамы его голова была увита бѣлою кисеею въ видѣ чалмы, такъ какъ носятъ Еврейки дамасскія. Они сѣли къ очагу. На минуту прерванная пляска опять началась, какъ ни въ чемъ не бывало. Молодой человѣкъ гордо смотрѣлъ на толпу въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ; потомъ вскочилъ; глаза его сверкнули, и онъ прямо подскочилъ къ плясуну. «Негодяй! воскликнулъ онъ, какъ ты смѣешь плясать передъ дамой такимъ образомъ?» Въ эту минуту десять мужиковъ подскочили къ молодому человѣку; лица ихъ выражали гнѣвъ, у каждаго рука была за пазухой: каждый изъ нихъ уже сжималъ рукоятку кинжала. Мы бросились, чтобы помѣшать кровопролитію; но въ это время одинъ старикъ огромнаго роста вмѣшался въ толпу, подошелъ къ молодому человѣку и положилъ ему руку на плечо: — «Молодой человѣкъ, ты слишкомъ много сказалъ! Мы были здѣсь, когда ты вошелъ; если тебѣ не нравилось наше общество, отъ чего ты не спросилъ себѣ особой комнаты? Еслибъ этихъ иностранцевъ не было здѣсь, тебѣ пришлось бы худо; но въ честь имъ, мы тебя прощаемъ; только оставь насъ въ покоѣ!»

— Я васъ не боюсь — сказалъ молодой человѣкъ, прислоняясь къ стѣнѣ, и выхвативъ кинжалъ.

Мы вмѣстѣ со старикомъ старались погасить ссору,

и послѣ многихъ попытокъ намъ это удалось. Въ продолженіи всей этой сцены молодая женщина оставалась совершенно спокойною, какъ будто здѣсь ничего до нея не касалось. «Вотъ каменное сердце, подумалъ я; да она, вѣроятно, и тогда продолжала бы глядѣть въ огонь, когда кровь полилась бы изъ-за нея. Есть же такія природы!»

На другой день мы разстались; молодой человѣкъ отправился въ Аяччіо, а мы въ деревню Олмето. Тутъ начались наши охотничьи подвиги. Къ намъ присоединился какой-то корсиканскій охотникъ, и мы втроемъ отправились на поиски. Куропатокъ было видимо-невидимо въ кустарникахъ, а болотныя озерки кипѣли утками. Я шелъ перелѣскомъ по нивѣ; вдругъ вижу, собака моя остановилась передъ густымъ кустомъ; хвостъ вытянула, глазъ не сводить съ куста; вѣрно, заяцъ, подумалъ я, залегъ тутъ на зиму. Приближаюсь, медленно обхожу весь кустикъ, наклоняюсь къ самой землѣ — ничего не вижу въ густыхъ листьяхъ; а собака все стоитъ. Наконецъ долгіе поиски надоѣли мнѣ, я продвинулъ ружье въ кустъ и ну трясти его: поднимается куропатка; я прикладываюсь; за нею взлетаетъ другая, еще, еще и я насчитываю болѣе двѣнадцати. Отъ радости и неожиданности я сначала забылъ выстрѣлить, потомъ пустилъ въ догонку два выстрѣла, но безъ успѣха. Вскорѣ, однакожъ, нашли другіе, такіе же кусты, и этотъ день не обошелся даромъ куропаткамъ. Удачная охота завлекла насъ далеко, и ночь застала насъ на берегу Тарано, за пять, или за шесть часовъ ходьбы отъ Олмето. Мы ужасно устали, начали искать пристанища на ночь и нашли изъ досокъ сколоченную избу пильщиковъ. Дичи у насъ на ужинъ было въволю, а хозяева охотно подѣлились съ нами пуками со-

ломы для ночлега и дали намъ по шерстяному одѣялу. На слѣдующій день взяли мы лошадку у своихъ хозяевъ, навьючили на нее дичь и пошли въ обратный путь; только къ вечеру добрались мы до Олмето, а весь день провели также, какъ вчерашній, и еще запаслись утками и куропатками. Но тутъ въ первый разъ почувствовали мы, что не весело возвращаться съ такой удачной охоты въ чужое мѣсто: никто изъ родныхъ не ждетъ дома, не передъ кѣмъ разложить своей добычи, некому рассказать о такомъ множествѣ мелочныхъ, но для любящаго сердца занимательныхъ подробностей охоты. Мы въѣхали въ Олмето незамѣченные никѣмъ, точно будто намъ удалось застрѣлить воробья: къ довершенію горя, никто не умѣлъ порядочно изжарить куропатки, не было вертела, и намъ пришлось ѣсть жаркое полуиспеченное въ печи. Впрочемъ все же удачная охота придавала намъ мужества, и мы весело отправились дальше. Дорога наша шла по живописному берегу залива Пропріано. По мѣрѣ приближенія къ городку Сартэно окружающіе насъ виды теряли свою дико-живописную фізіономію; въ разныхъ мѣстахъ, по склонамъ горъ, стали замѣтны обработанные поля и чудесные виноградники; самый городъ стоитъ на уступахъ горы, у подошвы которой стелется до берега моря чудеснѣйшая долина.

Сартэно скорѣе походить на большое село, нежели на городъ; онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что въ его округѣ, еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Корсики, сохранилось гибельное обыкновение кровомщенія (vendetta); здѣсь убійствомъ платятъ не только за прежнее убійство, но часто ссора, или споръ за межу, за лошадь оканчивается кровью, и однажды пролитая кровь вызываетъ новое кровопролитіе. Въ остальной Европѣ

есть еще до сихъ поръ безразсудство за обиду драться на дуэли; Корсиканцы тоже смотрятъ на вендетту, какъ на дуэль, въ которой позволена всякая хитрость, и обманъ, и тайное нападеніе. Истинно варварскій обычай! Слѣдующій случай можетъ показать, что въ сердцѣ челоѣка въ одно и тоже время можетъ жить ненавистное чувство мести и благородная привязанность къ отечеству. Во время войны одинъ изъ предвсдителей народа, Паоли, былъ отрѣзанъ отъ своего отряда съ незначительною толпою приверженцевъ; онъ укрылся въ монастырь; непріатели осадили его и довели до крайности. Смертельный врагъ его Червони собралъ всѣхъ своихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и поспѣшилъ къ нему на выручку; произошло сраженіе: непріатель былъ отбитъ, и Паоли могъ опять свободно дѣйствовать на пользу общаго дѣла. Послѣ сраженія онъ ищетъ своего избавителя, чтобы съ благодарностью протянуть ему руку; а его ужъ нѣтъ; онъ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ съ закоренѣлымъ чувствомъ ненависти въ сердцѣ, съ намѣреніемъ убить изъ-за угла этого же самаго Паоли при первой возможности, чтобы отмстить за убіеніе одного изъ его родственниковъ, дяди, племянника, свояка, все равно, только за то, что тотъ когда-то пролилъ кровь одного изъ его единокровныхъ. — Въ этомъ отношеніи Корсиканцы нисколько не измѣнились; чѣмъ они были за 200 лѣтъ передъ этимъ, то самое они и теперь. Корсиканецъ считалъ бы себя несчастнѣйшимъ и самымъ презрѣннымъ челоѣкомъ, еслибъ у него не было оружія; и оттого часто платье въ лохмотьяхъ, домъ разваливается, поле не обработано, а у cadaго за плечами ружье, въ карманѣ черной бархатной куртки пистолетъ и кинжалъ; это также необходимо, какъ для насъ палка; безъ этого ему

казалось бы неловко: онъ не зналъ бы куда дѣвать руки. Когда Корсика стала принадлежать Франціи, первою заботою новаго правительства было обезоружить народъ; и это удалось послѣ большихъ хлопотъ; но въ 1848 году у всѣхъ опять появились охотничьи ружья; мнѣ рассказывалъ оружейникъ, что онъ въ одинъ день продалъ до сотни.

Ознакомившись съ нравами жителей Сартэно, мы поскорѣ постарались выбраться изъ него, чтобы не попасть въ какую нибудь непріятную исторію, отъ которой званіе путешественника, иностранца, насъ бы ни чуть не защитило. Мы взяли проселкомъ, чтобы скорѣе добраться до залива Фигари и деревеньки Моначчіа. Ночь насъ застигла въ горахъ, намъ пришлось въ потемкахъ отыскивать какого нубудъ селенія, и мы нашли его: но тутъ новая бѣда, гдѣ остановиться? Гостинницы не было; мы стучались въ разные дома, но тоже понапрасну; наконецъ Маттео сказалъ намъ: пойдѣмъ къ священнику!

Чего же лучше? Къ нему; и не ошиблись; насъ встрѣтило самое радушное гостепріимство: патеръ усадилъ насъ у пылаваго очага и подалъ намъ орѣховъ и яицъ на ужинъ; впрочемъ, его приводило въ большое замѣшательство, что онъ не могъ намъ дать чего нибудь получше и посытнѣе; служанка его, женщина въ черномъ короткомъ платьѣ съ красными чулками и толстыми башмаками, хлопотала не меньше хозяина. Слѣдующій день было воскресенье, и мы пошли къ обѣднѣ; церковь бѣдная, деревянная, вмѣсто колокольнаго употребили двѣ елки; на нижніе сучья привязали перекладину, на нее привѣсили колокола и дѣло съ концемъ. Послѣ обѣдни патеръ взялъ миртовую палку и пошелъ съ нами на охоту.

Деревня эта лежала тоже близъ залива Фигари, такъ въ Моначчіо ходить было незачѣмъ и мы рѣшились поохотиться здѣсь. Весь берегъ моря заросъ полутора - аршинными кустами ладанника — любимое жилище куропатовъ. Собаки наши безпрестанно дѣлали стойки; но куропатки рѣдко взлетали: онѣ перебѣгали изъ куста въ кустъ, и мы ихъ преслѣдовали съ неутомимымъ терпѣніемъ; подъ вечеръ патеръ пошелъ домой, взявъ съ насъ обѣщаніе воротиться къ нему на ужинъ. Намъ удалось наполнить къ этому времени свои охотничьи сумки и даже привѣсить не убравшихся туда куропатовъ къ поясу и такимъ образомъ явиться къ своему ласковому хозяину. А тамъ насъ ждалъ уже славный ужинъ: патеръ собралъ дань со всей деревни и оттого на его бѣдномъ столикѣ явилась разная дичь, морская рыба, сыръ, масло и печеные каштаны. Добрый патеръ продержалъ насъ въ своемъ домѣ три дня, и мы никогда не забудемъ его ласки, его гостепріимства и пріятныхъ вечеровъ, проведенныхъ въ разговорахъ передъ пылающимъ очагомъ. Къ намъ въ это время собирались всѣ старики изъ деревни и школьный учитель; разговоръ шелъ на ломанномъ италіанскомъ языкѣ.

Я замѣтилъ, что народъ въ Корсикѣ довольно образованъ; есть много читающихъ, а разсуждаютъ всѣ очень умно и основательно; особенно заботятся объ образованіи дѣтей; рѣдко найдешь ребенка, который не умѣлъ бы читать и писать. Корсиканцы не любятъ физической работы и по возможности избѣгаютъ ея, но очень уважаютъ умственную. Можно сказать, каждый пастухъ пропитанъ поэтическимъ чувствомъ и умѣетъ говорить *языкомъ боговъ* (т. е. стихами). Пастушеская жизнь очень соотвѣтствуетъ лѣни Корсиканца: тутъ не нужно такъ трудиться, какъ при хлѣбопашествѣ; къ

тому же потребности ихъ такъ ограничены; я встрѣчалъ многихъ, которые только и питались, что молокомъ и каштанами; изъ нихъ они дѣлаютъ хлѣбъ и пекутъ ихъ, какъ картофель въ золѣ; еслижъ есть еще толстый плащъ и лошадка, то — это счастливецъ. Корсиканцы всѣ смотрятъ аристократами въ своихъ черныхъ бархатныхъ курткахъ, въ башмакахъ, съ ружьемъ за плечами. Удовольствіе пахать землю, сѣять и жать они предоставляють переселившимся сюда Французамъ.

Хотя намъ очень пріятно было въ домѣ священника, но надо же было и честь знать, и мы съ нимъ распрощались и пустились по дорогѣ въ Бонифачію; чтобъ проѣхать поближе, мы опять оставили вправо морской берегъ и углубились во внутрь страны. Передъ нами лежалъ рядъ скалъ; странныя и рѣзкія очертанія ихъ отдѣлялись темными пятнами на яркой синевѣ неба. Дорога вьется между этими скалами и потомъ идетъ черезъ отверстіе, похожее на исполинскія ворота: съ одной стороны стоятъ горы, увѣнчанныя темными соснами; съ другой совершенно голая скала съ крестомъ на вершинѣ. Эти ворота, какъ бы волшебствомъ, перенесли насъ въ совершенно новый край. Въмѣсто пастуховъ въ косматыхъ плащахъ изъ козьяго пуха и шерсти, вездѣ виднѣлись крестьяне въ бѣлыхъ холщевыхъ балахонахъ. садовники и огородники съ корзинами винограда и разныхъ овощей; куда ни глянешь — поля, засѣянные хлѣбами, оливковыя рощи на склонѣ горъ, а подлѣ самага моря легкія колокольни Бонифачію свѣтились, точно иглы. Тамъ, дальше, по ту сторону пролива, на Сардинскомъ берегу, бѣлѣли деревеньки.

Въѣздъ въ Бонифачію дико-живописенъ; покидаешь обработанныя поля, зеленые виды и въѣзжаешь въ ущелье мѣловыхъ горъ; только тамъ и сямъ по ихъ бѣлымъ

обрываюмъ тянется тоненькою нитью зеленая трава; не видишь ни моря, ни далекаго горизонта; передъ вами открывается круглая долина безъ выхода, *раковина*, какъ ее называютъ Корсиканцы; со всѣхъ сторонъ торчатъ остроконечныя скалы; въ одномъ углу ея — маленькое озерко съ нѣсколькими рыбацкими лодками. Если поднять голову вверхъ, то увидишь городъ надъ собою на горѣ, которая спускается въ долину каменными уступами, точно лѣстница великановъ; маленькое озерко — это гавань Бонифачіо; оно соединяется съ моремъ узкимъ протокомъ.

Внутри Бонифачіо поражаетъ своимъ мрачнымъ, грязнымъ видомъ; улицы кривыя, узкія; море не только у подошвы горы, на которой лежитъ городъ, а частію и подъ нимъ; потому что волненіе прибоя и бури подточили скалу, и она далеко виситъ надъ водою; а между тѣмъ рѣдко найдешь мѣсто въ Бонифачіо, откуда открывалось бы море — такъ дурно городъ построенъ. Мы пристали въ гостинницѣ, и намъ подали къ обѣду одинъ только супъ, но какой? Его нельзя было ѣсть даже послѣ нашего продолжительнаго путешествія верхомъ. Намъ дали тоже комнату на концѣ длиннаго коридора; ввечеру мой товарищъ сталъ жаловаться на непріятный запахъ и мы пошли отыскивать его причину; дошли до полки, подставили стулъ и увидѣли огромный окорокъ, но не совсѣмъ свѣжій, и не соленый, и не копченый, а сырой. «Ужъ не четверть ли это муфлона?» спросилъ я.

— Нѣтъ, это конина, отвѣчалъ мнѣ товарищъ, внимательно разсмотрѣвъ мясо.

«Какъ конина!»

— Посмотри хорошенько на эту ногу; могла ли она принадлежать какому нибудь другому животному, кромѣ лошади?

Доказательство было осязательное, и мы, не думая долго, открыли окно и отправили всю четверть на улицу. Мы терялись въ догадкахъ, какое употребленіе хозяинъ дѣлалъ изъ конскаго мяса; но вскорѣ усталость взяла свое, и мы уснули мертвымъ сномъ, а на другое утро и самое воспоминаніе объ этомъ предметѣ вышло изъ головы. Мы обѣдали и ужинали за общимъ столомъ и всякій разъ супъ намъ не нравился; на слѣдующій день, за обѣдомъ, мой товарищъ шутя спросилъ хозяина: «ужъ не кладете ли вы конины въ супъ?»

— Иногда, отвѣчалъ онъ спокойно; обыкновенное мясо здѣсь что-то безвкусно, такъ я прибавляю конскаго, отчего у меня супъ и выходитъ такой славный.

При этихъ словахъ мы поглядѣли на него съ крайнимъ удивленіемъ, не доѣли своей порціи и пошли дообѣдывать въ Порто-Веккіо.

Корсика вся мало извѣстна путешественникамъ, а Порто-Веккіо самый неизвѣстный уголокъ ея. Это, можно сказать, не городъ, а деревня живописно-сгруппированная на холмѣ; передъ ней превосходная гавань, защищенная самою природою; она также просторна и также удобна, какъ гавань въ Смирнѣ и Тулонѣ; но здѣсь не видно ни одного корабля, только двѣ, три рыбацкія лодки качаются у берега. Тамъ и сямъ изъ моря поднимаются крошечные островки; каждый изъ нихъ состоитъ изъ скалы, вершина которой осѣнена нѣсколькими зонтичными елями; вокругъ города лежитъ большая равнина, пересѣченная множествомъ болотъ и лѣсовъ; изъ болотистыхъ озеръ во многихъ мѣстахъ торчатъ сучья потопленныхъ въ нихъ деревьевъ; въ море выдаются мысы, а на нихъ непроходимые лѣса въ нѣсколько миль длиною и шириною; ліаны перепутываются, перекидываются съ дерева на дерево, что дѣлаетъ лѣса эти по-

хожими на американскіе; гдѣ нѣтъ лѣсовъ, тамъ кустарники, верески, отдѣльныя купы большихъ деревьевъ, однимъ словомъ, окрестности Порто - Веккіо на первый взглядъ представляютъ охотнику всѣ возможности находить дичь; и какъ ей не быть въ этомъ раздольѣ, въ этомъ уединеніи, въ этомъ огромномъ полукругѣ, со всѣхъ сторонъ обставленномъ большими горами!

Порто - Веккіо намъ очень понравилось; мы могли соединять городскія удобства съ совершенно независимою кочевою жизнью; пока мы оставались на холмѣ, мы были горожанами, а въ равнинѣ — вольными стрѣлками. На наше счастье встрѣтились мы случайно съ человѣкомъ очень оригинальнымъ и въ тоже время страстнымъ охотникомъ. Имя его Бураско. Онъ родомъ Италіанецъ, но неизвѣстно, по какой причинѣ, переселился въ Корсику, не любилъ своей родины и никогда не говорилъ о ней; лѣтомъ ловилъ онъ пѣвковъ и торговалъ ими, зимою — охотился за кабанами, муфлонами и бекасами. Нрава былъ онъ очень скрытнаго, молчаливъ и дикъ; не искалъ случая сблизиться съ нами и даже всячески уклонялся отъ насъ. Одѣтъ онъ былъ тоже не по корсикански: ходилъ въ шерстяной блузѣ, кожаныхъ чулкахъ и такихъ же лаптяхъ.

Однажды застали мы его соннаго подъ деревомъ; загорѣлое италіанское лицо его, освѣщенное яркимъ солнцемъ, выражало угрюмое спокойствіе; собака тоже спала у ногъ его, ружье лежало подлѣ него въ травѣ; когда мы стали подходить, собака его проснулась, вскочила, оцетинилась и зарычала; Бураско въ тоже мгновеніе былъ на ногахъ и схватился за ружье. Мы ласково заговорили съ нимъ и предложили ему раздѣлить нашъ завтракъ и фляжку вина. Бураско молча сѣлъ и началъ ѣсть; вино наше ему понравилось, а еще больше попра-

вилось ружье моего товарища: онъ удивлялся, разсматривалъ превосходные стволы, необыкновенно широкіе и длинные; чтобы посмотрѣть, каково изъ него стрѣляетъ мой товарищъ, т. е. стоитъ ли онъ того, чтобы владѣть этимъ оружіемъ, онъ самъ захотѣлъ пойти съ нами на охоту. Надобно замѣтить, что товарищъ мой былъ отличнѣйшій стрѣлокъ. Мы пошли: куропатки взлетали на очень далекомъ отъ насъ разстояніи, и товарищъ мой убивалъ ихъ одну за другою; Бураско пришелъ въ восторгъ; онъ протянулъ ему руку и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: «ну, такого охотника и такого ружья я еще не видывалъ; вы стоите другъ друга; хотите взять меня въ проводники? Я укажу вамъ такія мѣста, гдѣ куропатки и бекасы кишмя кишатъ, точно на птичьемъ дворѣ; по рукамъ, что ли?» Мы съ удовольствіемъ согласились и съ тѣхъ поръ сдѣлались друзьями.

Лучшаго вожатаго намъ не найти бы; мы ужъ не теряли времени, какъ прежде, въ бесплодныхъ переходахъ, шли навѣрное, точно по плану, впередъ назначенному. На первый взглядъ еще намъ понравились окрестности Порто - Веккіо, а при помощи Бураско мы только убѣдились въ ихъ неистощимомъ богатствѣ. Сотни утокъ садились на уединенныя лѣсныя озерки; стаи куропатокъ взлетали поминутно изъ этихъ кустовъ, гдѣ рѣдко, рѣдко проходитъ человѣкъ; жителей въ Порто - Веккіо мало, а охотниковъ еще меньше; на нѣсколько миль въ окрестности нѣтъ деревень; ктому же вся страна тутъ мало обработана, а извѣстно, земледѣліе вытѣсняетъ всякую дичину. Въ Корсикѣ я увидѣлъ въ первый разъ особаго рода ловлю куропатокъ: къ длинной доскѣ пробковаго дерева прибиваютъ фонарь съ вогнутымъ зеркальцемъ; одинъ крестьянинъ несетъ передъ собою

зажженный фонарь: его не видно въ тѣни, которую бросаетъ закрытая часть фонаря; другіе крестьяне разсыпаются по обѣимъ сторонамъ; идутъ очень осторожно, освѣщая то ту, то другую часть поля; лишь только куропатка завидитъ огонь, то поднимаетъ голову и выглядываетъ изъ молодаго хлѣба, стараясь рассмотреть, что за странный, незнакомый для нея свѣтъ; любопытную тотчасъ прикрываютъ сѣткой, или убиваютъ изъ ружья. Въ окрестностяхъ же Порто-Веккіо такой охоты не бываетъ; здѣсь слишкомъ мало полей и куропатки спятъ спокойно въ верескахъ и кустахъ. Еще одно обстоятельство особенно помогаетъ имъ разводиться въ ужасномъ количествѣ. Начиная съ Мая до конца Августа, т. е. во время лѣтнихъ жаровъ, болота начинаютъ высыхать, испаренія гнилой воды такъ сильны и злокачественны, что сильнѣйшія лихорадки отъ нихъ происходятъ. Поэтому у всѣхъ жителей приморскихъ деревень есть еще дома въ горахъ, куда они перебираются на жаркую лѣтнюю пору. Есть корсиканская пословица: <у кого два дома, у того въ одномъ, вѣрно, каплетъ>; эта пословица особенно можетъ быть примѣнена къ крестьянскимъ домамъ близъ Порто-Веккіо, съ тою только разницею, что не въ одномъ каплетъ, а въ обоихъ — такъ бѣдны и дурно они построены. Какъ бы то ни было, если людямъ плохое житье, за то приволье куропаткамъ, уткамъ и бекасамъ. Они успѣваютъ опериться къ тому времени, когда народъ съ горъ опять перебирается въ долину. Фазановъ мы не стрѣляли; хотя Бураско и увѣрялъ, что ихъ довольно много по рѣчкѣ Фіуморбо, да намъ не захотѣлось гоняться за ними. Мой товарищъ и Бураско неутомимо бродили по лѣсамъ и болотамъ; у меня же первый жаръ простылъ, ноги болѣли отъ ходьбы, плечи отъ сумки и отъ ружья, и я

готовъ былъ поотдохнуть и понѣжиться. Поэтому я проводилъ цѣлые часы на берегу прелестнаго залива, курилъ сигару и дремалъ, или садился на лодку съ рыбаками и отправлялся на ловлю; ловля здѣсь удивительно удачна; бывало, затащатъ неводъ и въ немъ придетъ столько рыбы, что его и не поднимешь; двѣ тони, много три и кончено; отправляйся домой съ богатымъ запасомъ! Но сколько чудесныхъ вечеровъ провелъ я на морѣ; я бралъ рыбацью лодку, выплывалъ на средину залива, клалъ весла, ложился на дно лодки и закуривалъ сигару; легкая волна качала лодку, надо мною свѣтилась яркая, глубокая синева неба; теплый воздухъ обдавалъ какою-то нѣгою; съ берега долетали разнообразные звуки — то ржаніе лошади, то блеяніе козъ, мычанье коровы, отрывистый звонъ рога, или звучная пѣсня, полная неизъяснимой прелести южной, мягкой мелодіи. Нѣтъ, такіа минуты были лучше охоты; онѣ говорили душѣ, пробуждали въ ней столько воспоминаній, столько мыслей и чувствъ!

И такъ, намъ было очень хорошо и пріятно въ Порто-Веккіо, но путешественникъ все стремится впередъ, впередъ! И намъ захотѣлось новыхъ мѣстъ, новыхъ видовъ; ктому же проводникъ у насъ теперь былъ превосходный, и не только проводникъ, но другъ. Бураско къ намъ привязался всею душой, и я никогда не забуду, сколько онъ однажды выказалъ участія и заботливости обо мнѣ. Это было на охотѣ: недалеко отъ меня изъ вереска поднялось стадо куропатокъ; я и собака моя — за нимъ; оно — отъ меня, перелетало, перелетало, и мы забрели до самой подошвы горы Таліо-Россо. Вдругъ изъ-за камней передо мною явился чловѣкъ высокаго роста, смуглый, суровый; въ рукахъ у него было ружье. По обычаю всѣхъ Корсиканцевъ, онъ

спросилъ меня: «кто я, откуда, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Корсику и одинъ ли я?»

Такіе вопросы дѣлали мнѣ не въ первый разъ и потому я очень спокойно отвѣчалъ на нихъ. Потомъ незнакомецъ сказалъ мнѣ: «ну такъ я же вамъ укажу мѣсто, гдѣ дичи столько, что поспѣвайте только стрѣлять; пойдемъ! Это недалеко отсюда». Я пошелъ за нимъ; ужъ мы шли, шли, и все былъ одинъ отвѣтъ: близко, здѣсь, сейчасъ. Мы взобрались на вершину Талио-Россо и тутъ, дѣйствительно, нашли ужасное множество куропатокъ: ни прежде, ни послѣ мнѣ не удавалось встрѣчать такого количества; онѣ со всѣхъ сторонъ взлетали точно ракеты, однѣ за другими; но куда ни ступишь, изъ-подъ ноги катится камень, обрывается глыба земли, или прямо передъ ружьемъ торчитъ кустъ. Не смотря на такія неудобства я пустилъ выстрѣловъ двадцать, но застрѣлилъ всего только четыре куропатки. Стало смеркаться, пора было подумать о возвращеніи. Незнакомецъ во все время, съ улыбкою сожалѣнія, смотрѣлъ на мои неудачи и, вѣрно, въ душѣ насмѣхался надъ моею неловкостью. Я его попросилъ проводить меня до подошвы горы; онъ согласился; но на полдорогѣ остановился и сталъ очень значительно потирать себѣ затылокъ.

«Вотъ видите ли, сказалъ онъ, я бандить, я, пожалуй, пошелъ-бы съ вами и дальше, но для меня это опасно».

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на моего товарища; мнѣ до того и въ голову не приходило, какой опасный сосѣдъ у меня. А между тѣмъ, какъ остаться одному въ горахъ, какъ найти дорогу? Но могъ ли я просить, чтобъ онъ провожалъ меня?

«На прощанье, опять сказалъ бандить, дайте мнѣ нѣсколько зарядовъ; гдѣ мнѣ взять пороху, гдѣ пуль? На-

шему брату никто ничего не продаетъ, приходится просить!»

Я ему отсыпалъ пороху и пуль; мы простились очень дружелюбно и я пошелъ; черезъ минуту онъ нагналъ меня и попросилъ спичекъ, потомъ пистоновъ, потомъ перчатокъ, платка: я все далъ ему, и мы опять разстались; но черезъ нѣсколько секундъ онъ опять нагоняетъ меня и говоритъ: «Синьоръ, у меня еще есть просьба до васъ»; въ то же время онъ опять сталъ тереть себѣ затылокъ — что для меня было плохимъ знакомъ. «Я замѣтилъ, продолжалъ онъ, что у васъ красивая пороховница; у меня нѣтъ такой, такъ подарите ее мнѣ».

— Вы правы, она не дурна, отвѣчалъ я, но у меня всего одна, такъ я ее у себя оставлю.

«Но мнѣ была-бы она очень кстати!»

— Да убирайся ты прочь!

Сказалъ я, и съ этими словами пошелъ; черезъ нѣсколько секундъ я оглянулся: бандитъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ и чесалъ у себя за ухомъ. Онъ еще догналъ меня и сказалъ: «Синьоръ Франчезе! Вы очень невѣжливы; вы не умѣете дѣлиться братски съ добрыми людьми; но я не хочу вамъ зла; вы чужестранецъ и потому прощаю васъ! Но на память дайте мнѣ по-крайней-мѣрѣ скольконибудь денегъ!»

Я ему далъ нѣсколько монетъ, и мы опять разстались.

Между тѣмъ ночь настала. Съ горы я кое-какъ спустился, но сбился съ дороги на равнинѣ; то я попадалъ по колѣно въ болото, то подходилъ къ самому берегу озера. Темнота была такая, хоть глазъ коли. Не разъ приходилъ мнѣ на мысль бандитъ, которому по несчастію понравилась моя пороховница. Я все болѣе и болѣе сби-

вался съ настоящаго направленія, попалъ наконецъ въ кусты и тогда ужъ совершенно не зналъ, что начать. Вдругъ, не далѣе ста шаговъ отъ меня раздались два выстрѣла одинъ за другимъ: собака моя бросилась туда и я услышалъ голосъ Бураско, который кликалъ ее. Я поспѣшилъ на эти пріятные для меня звуки.

Когда Бураско меня увидѣлъ, онъ такъ живо, такъ оригинально и такъ энергически выразилъ свою радость, что сердце во мнѣ такъ шевелилось, будто я встрѣтился съ милымъ, давно невиданнымъ другомъ. Бураско узналъ отъ пастуха, что я пошелъ на гору съ бандитомъ Джіованъ-Антономъ. Онъ былъ увѣренъ, что бандитъ не сдѣлаетъ мнѣ зла, но все же безпокоился обо мнѣ и цѣлыхъ два часа бродилъ подлѣ Талио-Росси, въ надеждѣ встрѣтиться со мною.

Впрочемъ Джіованъ-Антонъ былъ со мною очень вѣжливъ, но года два спустя, я узналъ, что онъ сдѣлался страшилищемъ для всего округа Сартэно; онъ съ своею шайкой грабилъ жителей, облагалъ данью цѣлыя селенія и т. п. Исторія его похожа на исторію всѣхъ корсиканскихъ бандитовъ: у него въ ссорѣ убитъ былъ братъ; ему приходилось мстить за убійство; онъ исполнилъ этотъ кровавый обычай и бѣжалъ въ горы; сначала жилъ охотой, но потомъ голодъ и нужда всякаго рода заставили его грабить на дорогахъ.

Мы уже давно расплатились съ нашимъ первымъ проводникомъ Маттео и отослали съ нимъ лошадей; теперь рѣшились продолжать путешествіе пѣшкомъ; тѣмъ болѣе, что не намѣревались долго пробыть въ Корсикѣ. Мы наняли одного мула для нашей поклажи и весело пустились въ путь къ деревенькѣ Маліачіаро, лежащей на рѣчкѣ Фіуморбо. Въ Аяччіо намъ дали рекомендательное письмо къ одному изъ жителей Маліачіаро; письмо это

такъ оригинально и такъ характеризуетъ Корсиканца, что я выпиываю его здѣсь: «Любезный мой родственникъ! Посылаю вамъ двухъ человѣкъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ; они ѣдутъ къ вамъ въ Фіуморбо. Объ нихъ знаю я только, что они страстные охотники. Я думаю, если имъ удастся застрѣлить оленя, или кабана, такъ они уѣдутъ себѣ въ Парижъ. Собери же всѣхъ нашихъ родныхъ и друзей, задай этимъ чужимъ охоту на славу, они тогда скорѣе уѣдутъ домой и станутъ говорить: «вотъ посмотрите, что мы застрѣлили въ лѣсу Пинія на Фіуморбо».

За нѣсколько дней до нашего отъѣзда изъ Порто-Веккіо отправили мы письмо по адресу и сдѣлали приписку, въ которой назначили день нашего пріѣзда въ Маліачіаро. Насъ встрѣтили тамъ, какъ жданныхъ гостей; огромная охота была приготовлена. Черезъ часъ послѣ нашего прибытія цѣлый караванъ охотниковъ еще пріѣхалъ; на каждой лошаdkѣ сидѣли по два человѣка; эту новую толпу привелъ одинъ изъ друзей нашихъ, который узналъ, что насъ здѣсь ожидаютъ и готовятъ для насъ охоту; такъ онъ, съ своей стороны, хотѣлъ тоже сдѣлать намъ удовольствіе, но чуть не вышло противное. Послѣ первыхъ привѣтствій оказалось, что охотники принадлежали къ двумъ партіямъ, другъ другу враждебнымъ; соединить ихъ въ одномъ дѣлѣ, хоть въ одну охоту, было невозможно; отдать предпочтеніе одной изъ нихъ и охотиться только съ нею — еще хуже; дѣло могло бы дойти до ножей. Наконецъ намъ пришла счастливая мысль: насъ двое; такъ было рѣшено, что товарищъ мой будетъ охотиться съ одной партіей, а я съ другой.

На слѣдующій день, до зари, обѣ ватаги двинулись въ двѣ противоположныя стороны; мы пошли въ лѣсъ; загоныщики окружили его съ одной стороны, а мы,

охотники, съ другой; дѣти, женщины, мужики начали кричать изо всѣхъ силъ, бить въ ладони, или въ котлы. Собаки были спущены и вскорѣ подняли оленя; онъ тотчасъ побѣжалъ къ намъ. Я стоялъ на опушкѣ лѣса; сердце мое билось, я ожидалъ, вотъ, вотъ звѣрь выбѣжитъ на меня; ужъ раза два мнѣ показалось, будто я вижу рога изъ-за ближнихъ кустовъ; но вдругъ лай собакъ понесся въ другую сторону, все дальше и дальше прочь отъ насъ. Загонщики дали намъ знать, что олень прорвалъ ихъ линію и ушелъ въ лѣсъ. Опять обошли большой кругъ, опять установили каждого на свое мѣсто и вскорѣ собаки опять подняли оленя; въ лѣсу раздались два выстрѣла; крики и лай продолжались; вдругъ что-то бурое мелькнуло между кустами; я приложился и выстрѣлилъ; мнѣ показалось, что олень упалъ; я бросился въ кусты — ничего; только нѣсколько капель крови на травѣ и на листьяхъ. Я воротился и простоялъ съ полчаса на одномъ мѣстѣ; вдругъ все утихло; потомъ раздались звуки роговъ и далекія восклицанія; а! видно охота кончилась, подумалъ я и пошелъ на голоса.

Прихожу, и мнѣ представляется странная и печальная картина; обширный кругъ изъ мужиковъ, женщинъ и дѣтей; посрединѣ стоитъ олень, пойманный живой; вокругъ шеи у него нѣсколько лѣанъ, и два охотника держатъ ихъ за концы. Изъ трехъ ранъ кровь сочилась на траву. Собаки загнали оленя въ озеро и тутъ его поймали живаго; бѣдное животное смотрѣло испуганными глазами во всѣ стороны. Каждый охотникъ показывалъ мнѣ на оленя и говорилъ: «надобно взять его съ собою живьемъ; раны заживутъ; вы его отвезите съ собою въ Парижъ».

Я не зналъ, что отвѣчать; охотничій пылъ у меня прошелъ, и я теперь думалъ только о томъ, какъ бы

В. Кривош

Молодая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, идетъ за подою и ведетъ лошадку на водопой.

{0 стран. и пар. Т 3).

освободить плѣнника. Я осторожно высказалъ свое мнѣніе: но со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія, и общее негодованіе выказалось такъ ясно, что я долженъ былъ замолчать. Хотѣли вести оленя: но онъ уперся обѣими ногами въ землю и его нельзя было сдвинуть съ мѣста; бились, бились и принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Тогда распорядитель охоты подошелъ ко мнѣ и попросилъ охотничьяго ножа; я его далъ и отвернулся; олень былъ убитъ. Говорятъ, будто у оленя передъ смертью катятся слезы изъ глазъ; я этого не видалъ, потому что у меня самого слезы были на глазахъ; и видѣлъ только, какъ онъ качался и упалъ, и слышалъ, какъ онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ. Оленя взвалили на лошадь, и вся толпа двинулась съ этой добычей назадъ въ деревню, при звукахъ роговъ и кликахъ радости. Я далъ себѣ слово никогда больше не охотиться за оленями: такъ печально и такъ непріятно было впечатлѣніе, на меня произведенное.

Черезъ часъ воротилась и другая охота, только съ пустыми руками. Весь вечеръ провелъ я въ лихорадочномъ безпокойствѣ: я боялся, чтобъ двѣ враждебныя партіи не поссорились между собою и не покончили худо и безъ того кровавый день. Однакожь все обошлось мирно. Свой охотничій ножъ подарилъ я распорядителю: мнѣ не хотѣлось болѣе брать его въ руки: мнѣ подавали кожу съ убитаго звѣря; она до сихъ поръ у меня хранится.

Изъ Маліачіаро отправились мы къ минеральнымъ водамъ въ Пуцциколо; еще издали привѣтно взглянуло на насъ съ холма длинное, чисто-выбѣленное строеніе; густая зелень, окружающая его со всѣхъ сторонъ, придавала ему особенно живописный видъ. Намъ отвели двѣ комнаты съ желѣзными кроватями — роскошь, къ

какой мы не привыкли съ самага приѣзда въ Корсику. О своемъ обѣдѣ намъ пришлось самимъ заботиться: ни повара ни кухарки не было; мы были въ большомъ затрудненіи, но къ немалому удовольствію нашему тутъ только открылось, что Бураско въ этомъ дѣлѣ очень свѣдущъ; до сихъ поръ скрывалъ онъ свое искусство изъ боязни, чтобъ его не заставили готовить кушанье, и онъ, такимъ образомъ, лишился бы возможности охотиться съ нами. Любовь его къ намъ взяла верхъ надъ расчетливостью, и онъ для насъ пожертвовалъ удовольствіемъ. Мы превесело прожили три недѣли въ этомъ мѣстѣ; то ловили чудеснѣйшую рыбу, въ соленыхъ озерахъ, то охотились одни, то охотились вмѣстѣ съ окрестными пастухами и съ остальными жителями нашего дома. А что за странный народъ были жители нашей казармы — крестьяне! Лѣтомъ они живутъ въ горахъ, работаютъ тамъ, или пасутъ стада, а на зиму перебираются въ Пуцциколло и наполняютъ весь домъ: каждый живетъ тутъ съ своимъ семействомъ или въ отдѣльной комнатѣ, или просто въ уголку. Мужчины цѣлый день лежатъ на солнцѣ, или передъ огнемъ, курятъ трубки, или охотятся въ горахъ; женщины работаютъ и нянчатся съ дѣтьми. Не разъ видалъ я — молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, идетъ за водою и ведетъ лошадку на водопой; правой рукой держитъ она кувшинъ на головѣ; на лѣвой сидитъ мальчикъ, который отъ нечего дѣлать играетъ прядью волосъ своей матери; поводъ лошади надѣтъ на руку; и вся эта живописная группа живо, весело, съ мелодической пѣснью, движется по картинному ландшафту.

Съ окрестными пастухами намъ было очень пріятно сблизиться; это люди гордые, смѣлые и далеко неприхотливые; живутъ они въ плетеныхъ, довольно простор-

ныхъ шалашахъ; ихъ они устронвають безъ затѣй: въ землю вобьютъ четыре кола; между ними плетень изъ кустарника; съ одной стороны отверстіе — это дверь; вмѣсто потолка или крыши настланы прутья, навалена трава, верескъ, и чтобъ ни откуда не дуло, все засыпано землею, и стѣны, и потолокъ. Огонь раскладываютъ у самаго входа, чтобъ дымъ не мѣшалъ дышать; вечеромъ, когда бывало подойдешь къ такому шалашу, изъ-за огня и дыма выглядываетъ нѣсколько смуглыхъ лицъ, и слышенъ веселый дѣтскій говоръ; лошадь обыкновенно тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, бродить, пощипывая траву.

Вотъ съ этими-то пастухами и постояльцами дома минеральныхъ водъ мы часто охотились на кабановъ; но случилось какъ-то странно: всѣ били кабановъ, всѣ дѣлили между собою ихъ мясо, а намъ не приходилось стрѣлять по такой дичинѣ; на насъ выбѣгали все лисичи; мы не могли пользоваться ихъ мясомъ; кожи намъ не надо было. Наконецъ стали подозрѣвать Корсиканцевъ въ томъ, что они нарочно угощаютъ насъ лисицами; сказали объ этомъ Бураско; онъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Поохотимся безъ нихъ; я выслѣжу кабана!»

Цѣлый день онъ пробродилъ, воротился къ вечеру, повелъ насъ въ лѣсъ, въ глубокій оврагъ и разставилъ за кустами. Еще дома завернулъ онъ наши ноги лисьими кожами, чтобы обмануть чутье кабана. Передъ нами шла просѣка; луна взошла и освѣтила весь лѣсъ; ночь была удивительно хороша. Два часа простояли мы, не трогаясь съ мѣста. Было холодно, и я началъ терять терпѣніе; вдругъ изъ лѣсной глубины показалась темная масса; кабанъ шелъ прямо на насъ; ступить шага два, остановится, прислушается, подниметъ голову и опять уткнетъ носъ въ землю. Онъ шелъ такъ осторожно, что

у него подъ копытомъ не хрустнула ни одна вѣтка, ни одинъ сухой листъ не шелестнулъ. Онъ подходилъ къ кусту, за которымъ ждалъ мой товарищъ; у меня захватывало дыханіе; ружье дрожало въ рукахъ моихъ, я ждалъ выстрѣла, а его все нѣтъ. Вотъ кабанъ уже подходитъ къ самому кусту, гдѣ спрятался мой товарищъ; почти прикасается къ вѣткамъ, и наконецъ-то молнія блеснула: кабанъ подпрыгнулъ и рухнулъ на землю; черезъ мгновеніе онъ вскочилъ и хотѣлъ броситься въ кустъ, но раздался еще выстрѣлъ, звѣрь упалъ и больше не шевелился.

«Хорошо!» сказалъ Бураско, подходя къ убитому звѣрю. «Вотъ такъ-то надо охотиться за кабанями: и крику, и шуму мало, да и мясо не для чего дѣлится со встрѣчнымъ и поперечнымъ».

Муль нашъ былъ привязанъ къ дереву у самой опушки лѣса; Бураско сходилъ за нимъ; мы навьючили на него нашу добычу и съ торжествомъ отправились домой. Этимъ подвигомъ мы окончили свои охотничьи походы и начали думать о томъ, какъ бы добраться до какого нибудь приморскаго города, откуда пароходъ доведетъ бы насъ до твердой земли.

Передъ самымъ отъѣздомъ, въ гостинницѣ мы встрѣтили молодаго доктора изъ Бастіи, разговорились съ нимъ и узнали отъ него одинъ случай изъ его жизни, который бросилъ печальную тѣнь на все его настоящее и будущее. Онъ учился medicinѣ въ Парижѣ, очень хорошо окончилъ свой курсъ и съ богатыми надеждами отправился на родину; отца ужъ онъ не засталъ въ живыхъ; движимое наслѣдство разошлось по рукамъ; остался всего только домишко, да немного, совершенно необработанной земли. Но молодой человѣкъ не унывалъ, онъ ждалъ практики; практика явилась, да вотъ бѣда,

за труды ему платили больше ласковыми словами, нежели деньгами; а между тѣмъ жить надо было чѣмъ нибудь. Думалъ, думалъ нашъ молодой докторъ и придумалъ извлечь выгоду изъ дома — отдать его въ наймы. Въ этомъ домѣ ужъ около двадцати лѣтъ, жило небогатое семейство и не только ничего не платило за квартиру, но привыкло даже считать домъ своимъ; сначала отецъ доктора не требовалъ съ нихъ ничего, потому что семья была большая, малъ-мала меньше, а потомъ, когда всѣ дѣти повзросли, тоже не бралъ ничего, потому что ужъ такъ ввелось. Докторъ хотѣлъ привести дѣла въ порядокъ; онъ пошелъ къ своимъ жильцамъ и попросилъ ихъ платить ему хоть незначительную сумму денегъ, говоря что за все прожитое до того время, они ничего ему не должны. Прошелъ еще годъ, не платятъ: тогда докторъ подалъ прошеніе въ судъ, и дѣло завязалось; жилецъ пришелъ въ бѣшенство и объявилъ, что онъ довольно долго живетъ въ этомъ домѣ, такъ, естественно, онъ ему ужъ давно и принадлежитъ. Не смотря на это возраженіе, дѣло пошло судебнымъ порядкомъ. Однажды докторъ получилъ письмо отъ знаменитаго бандита Деціо; разбойникъ ему пишетъ: «Докторъ! Заплатите издержки по тяжбѣ и оставьте вашего жильца въ покоѣ; вы должны отступить отъ своего дома, если не хотите имѣть дѣла со мною». Задумался докторъ; бандитъ этотъ былъ человѣкъ страшный; цѣлыя деревни платили ему дань; однакожъ докторъ ничего не придумалъ и оставилъ письмо безъ вниманія. Черезъ нѣсколько времени пришло еще письмо; къ прежнимъ требованіямъ прибавлялось: «Какъ на первое письмо нѣтъ отвѣта, то докторъ долженъ заплатить мнѣ 800 франковъ (200 р. с.), въ противномъ случаѣ я убью его изъ-за угла». Докторъ отослалъ письмо къ префекту, а самъ сталъ осте-

регаться, т. е. никуда не выходить изъ дому. Черезъ полъ года, онъ потерялъ всю свою практику, значить всѣ доходы, и былъ доведенъ до совершенной бѣдности. Положеніе его стало нестерпимо и онъ рѣшился выйти изъ него; написалъ бандиту письмо и просилъ у него свиданія. Деціо согласился, но докторъ долженъ былъ явиться безъ оружія. Въ назначенномъ для свиданія мѣстѣ, Деціо не было, а ждалъ доктора маленькій мальчикъ, который велѣлъ ему идти въ другое мѣсто; тамъ таже исторія и такъ нѣсколько разъ, пока онъ не добрался до совершенно пустыннаго мѣста, между голыми скалами; на одной изъ нихъ стоялъ Деціо съ двумя бандитами; у всѣхъ были ружья. Начались переговоры: вмѣсто 800 франковъ съ доктора требовали ужъ 2000; послѣ долгихъ торговъ, Деціо уступилъ половину; надо было написать условіе; у бандита съ собою были бумага, чернила и перья; онъ сошелъ съ своей крѣпости. «Если ты шевельнешься, то мои молодцы положатъ тебя на мѣстѣ», сказалъ онъ доктору.

— Развѣ не видишь ты, что у меня нѣтъ оружія, отвѣчалъ послѣдній.

Деціо подошелъ къ доктору, подаль ему бумагу и сталъ доставать чернилицу: но въ это время молодой человекъ выхватилъ изъ своего кармана пистолеть, раздробилъ ему голову, схватилъ его ружье и былъ уже за выступомъ скалы, когда раздались выстрѣлы сторожевыхъ бандитовъ. Докторъ пустился бѣжать, ловко спрятался въ кустарники и счастливо добрался домой; спасся онъ только своимъ необыкновеннымъ присутствіемъ духа отъ настойчивой погони бандитовъ. Впоследствии бандиты объявили, что отъ нихъ доктору нечего опасаться: его смѣтливость и ловкость имъ понравилась, а Деціо не былъ имъ родственникомъ: такъ они

за него мстить не стануть. Но у бандита остался десяти-
лѣтній сынъ, который ужъ учится стрѣлять въ цѣль;
значить, доктора ждетъ горькая судьба!

Самый рассказъ, и печаль, которая слышалась въ го-
лосѣ молодаго человѣка, навели тоску, которая не поки-
дала насъ во все время переѣзда нашего до Марсели.

ЖИВОСТЬ ВОООБРАЖЕНІЯ И ЧУВСТВА У НЕАПОЛИТАНЦЕВЪ.

Неаполитанцы, какъ большая часть южныхъ народовъ, одарены необыкновенно живымъ воображеніемъ и чувствомъ; они вполне наслаждаются красотами своей вѣчно-цвѣтущей природы и произведеніями изящныхъ искусствъ; особенно любятъ поэзію и музыку. Самые трогательные, живописные и гармоническіе стихи знаменитаго италіанскаго поэта, Торквата Тасса, знакомы каждому неаполитанскому простолюдину. Въ минуты радости, задумчивости, или горя, онъ выбираетъ тѣ изъ нихъ, которые больше соотвѣтствуютъ его чувству, и поетъ, поетъ ихъ долго, повторяетъ ихъ тысячу разъ, на разные тоны, до восторга, до самозабвенія, разгораясь сильнѣй и сильнѣй отъ сладкозвучныхъ октавъ, которыми хотѣлъ высказать и облегчить свою душу.

Однажды путешественник ѣхалъ ночью по берегу неаполитанскаго залива. На землѣ и на небѣ лежала непроницаемая тьма. Въ природѣ какъ будто замерли всѣ звуки. Только одна зыбь ходила по морю и мѣрно, какъ маятникъ, ударяла въ скалистый берегъ. Путешественникъ ѣхалъ въ задумчивости. Вдругъ до него долетѣлъ голосъ... другой... нѣсколько голосовъ вмѣстѣ, и очень выразительныхъ и мелодическихъ. Онъ ѣдетъ скорѣй, догоняетъ какую-то толпу и невольно останавливается: въ темнотѣ, одинъ подлѣ другаго, сплошною массой, человѣкъ двадцать, или тридцать, стояли неподвижно и пѣли изъ «Освобожденнаго Іерусалима» гимнъ, пѣтый крестоносцами, при входѣ въ Іерусалимъ. Въ ихъ пѣніи была какая-то религіозная торжественность и важность. Когда хоръ умолкъ, многіе попадали на колѣни, молились и плакали навзрыдъ. Это были арестанты, которыхъ вели изъ одного города въ другой.

Безмолвіе и темнота ночи, воспоминаніе о своихъ проступкахъ, а можетъ быть, и преступленіяхъ, мысль о справедливости закона, ихъ карающаго, горькое раскаяніе, горькое сожалѣніе — все это растрогало ихъ души. Имъ нужны были звуки, полные святаго чувства, и они нашли ихъ въ стихахъ Тасса.

Каждый день, когда начнетъ ослабѣвать солнечный зной, и съ моря повѣетъ свѣжесть, предвѣстница вечерней прохлады: толпы народа высыпаютъ на берегъ. Здѣсь въ разныхъ мѣстахъ являются декламаторы, которыхъ, по имени одного изъ героев поэмы Тасса, называютъ Ринальди (Rinaldi). Одинъ декламируетъ стихи для самаго себя; другой въ кругу дѣтей; тотъ — среди многочисленнаго и самаго пестраго общества. Его слушаютъ знатныя дамы и простыя женщины, таможенные, солдаты, матросы, рыбаки. Тѣ стоятъ; тѣ сидятъ на

камняхъ; иные лежатъ на землѣ. Вниманіе всѣхъ напряжено въ высшей степени; они не пророняютъ ни одного слова. Чувство поэта и декламатора въ одно мгновеніе отражается на фізіономіяхъ слушателей. Наслажденіе, нѣга, тихая радость, гнѣвъ, безпокойство, сожалѣніе, негодованіе — все это видишь въ чертахъ, въ краскѣ лица, въ огнѣ большихъ черныхъ глазъ.

Когда въ стихахъ описывается благородный поступокъ, мужество, смѣлость, ловкость, — со всѣхъ сторонъ раздаются одобренія герою: «Прекрасно! Молодецъ! Вотъ такъ! Бей проклятаго Сарацина!» Если описывается, что герой окруженъ многочисленными непріятелями, раненъ, падаетъ съ лошади, — вездѣ слышны вопли: «Несчастный! Помогите ему! Онъ истекаетъ кровью! Боже мой! Его растопчутъ турецкія лошади!» — И вотъ женщины протягиваютъ дрожащія руки; мужчины схватываются за кинжалы.

Иногда декламаторъ, доведя рассказъ свой до того мѣста, гдѣ говорится, что рыцарь попался въ плѣнъ, вдругъ останавливается и восклицаетъ къ слушателямъ: «Выкупайте, хрістіане, паладина изъ рукъ невѣрныхъ! Онъ изноетъ въ неволѣ отъ тоски по своей прекрасной Италіи!» И вотъ всякій шаритъ у себя въ карманѣ, и монеты летятъ къ декламатору на выкупъ плѣнника.

Эти стихи, которые производятъ такое живое дѣйствіе, уже давно знакомы всякому: многіе, сами зная ихъ наизусть, въ сотый разъ приходятъ слушать ввечеру, на берегу моря; когда рассказчикъ ошибается, — его поправляютъ; когда забудетъ и остановится, — ему подсказываютъ: но, кажется, описаніе дѣлается для Италіанца тѣмъ живѣй, чѣмъ чаще повторяется.

Неаполитанцы — самый музыкальный, самый пѣвучій народъ. Дѣвушка за шитьемъ, столяръ надъ мебелью,

извозчикъ на козлахъ, слуга позади экипажа, крестьянинъ въ виноградникѣ, или за плугомъ, нянька подѣтѣнью деревъ, на Вилла Реале, надъ дремлющимъ дитятей, рыбаки, гребцы на взморьѣ, солдатъ ночью, на часахъ — всѣ поютъ, и многіе самыми прелестными голосами, съ большимъ чувствомъ. Вы ввечеру открываете окно въ своей комнатѣ, и вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ къ вамъ влетаютъ звуки инструментовъ и пѣсень: въ первомъ этажѣ поютъ подѣ фортепьяно; въ четвертомъ подѣ гитару; проходящій останавливается и вторитъ голосу незнакомой пѣвицы. Вы тоже увлекаетесь музыкальнымъ движеніемъ: начинаете напѣвать вполголоса, потомъ все громче и громче и наконецъ даете просторъ своей груди.

Иногда какая нибудь пѣсня, Богъ вѣсть, откуда возмется, съ борозды поля или огорода, изъ каменоломни, изъ сада, изъ хижины, или великолѣпнаго палаццо, и прозвучитъ по цѣлой Италіи въ созвучныхъ отголоскахъ; за нею явится другая и третья и т. д. А поэтъ, которому *первому* принадлежала эта пѣсня... кто онъ? Какая ему отъ ней выгода? Но онъ былъ счастливъ, когда она вырвалась изъ устъ его, и съ него довольно.

Однажды у Неаполитанца обѣдало нѣсколько его соотечественниковъ, Тосканецъ, Флорентинецъ и Французъ; была одна дама — хозяйка дома, умная, образованная, живая Неаполитанка и тринадцатилѣтняя, веселая, бойкая, разговорчивая дѣвочка, ея дочь.

По окончаніи обѣда, за десертомъ, каждый изъ гостей пропѣлъ любимую пѣсню своего роднаго края. А Парижанинъ отдѣлывался только комплиментами: у него не было пѣсни. Дошла очередь до хозяйки. «Фіоретта! сказала она: пропой за себя и за меня; я не могу —

нездорова». Дѣвочка вышла на средину комнаты, стала передъ гостями и начала пѣть изъ Нормы разныя мѣста, одушевляясь помѣрѣ того, чѣмъ болѣе пѣла. Увлечшись чувствомъ, она живо вообразила себѣ дубъ друидовъ и для довершенія очарованія схватила за руку Француза, поставила его передъ собою, начала пѣть передъ нимъ гимнъ и наконецъ съ мольбою упала къ его ногамъ, какъ будто къ корню священнаго дерева. Изъ глазъ ея лились слезы. Путешественникъ съ чувствомъ наклонился, поднялъ дѣвочку и поцаловалъ ее въ голову. «Дерево услышало мою мольбу! Дерево тронулось!» выразительно и громко сказала маленькая пѣвица, захохотала и побѣжала въ садъ.

Нѣсколько минутъ спустя, въ тѣнистыхъ аллеяхъ, среди душистыхъ кустарниковъ уже опять звучала пѣсня.

ХАРАКТЕРЪ НЕАПОЛИТАНЦЕВЪ.

Характеръ Неаполитанцевъ очень сложенъ, и потому въ немъ можно найти множество противорѣчій. Разсказы о разбояхъ въ Неаполѣ не заслуживаютъ вниманія; если и бываютъ из-

рѣдка убійства, то въ слѣдствіе ссоры, или изъ мести, но никогда изъ корысти. Неаполитанецъ ласковъ, гостепріименъ; онъ откровененъ, если ему не для чего обманывать иностранца; онъ довѣрчивъ и суевѣренъ какъ дитя; въ денежныхъ дѣлахъ хитеръ до невѣроятности, но его обманы до того смѣшаты васъ, что вы не рѣшитесь осердиться за нихъ. Кажется, весь народъ задалъ себѣ одну задачу жизни — веселье; всякъ о томъ только хлопочетъ, а съ такою наклонностію можно ли быть злымъ? Можно ли жить въ разладѣ съ знакомымъ, сосѣдомъ, или родственникомъ? Поутру Неаполитанецъ работаетъ изо всѣхъ силъ, дѣятеленъ, а съ полудня предается отдыху и наслажденіямъ.

Неаполитанецъ говоритъ столько же руками и всевозможными тѣлодвиженіями, сколько словами. Все преувеличивать — истинная потребность для него: говоря о самой простой вещи, онъ употребляетъ напыщенные и вычурныя выраженія. Французъ старается высказать то, что чувствуетъ; Испанецъ чувствуетъ гораздо больше, нежели выражаетъ; Англичанинъ и чувствуетъ и говоритъ мало, а живой Неаполитанецъ выражаетъ втрое больше того, что чувствуетъ; еслижъ въ добавокъ у него есть даръ краснорѣчія, то слушатель невольно увлекается, а если краснорѣчія нѣтъ, то оно замѣняется крикомъ. На рынкѣ рыбакъ клянется, кричитъ, кривляется, хлопочетъ, навязывая свою маленькую рыбку съ такою назойливостію, какъ будто продаетъ кита. Онъ подноситъ вамъ къ носу свой товаръ, выхваляетъ его до небесъ и все изъ - за полъ - карлина (6 коп. сер.), о которомъ мечтаетъ; еслижъ получить его, вы ужъ не узнаете того же человѣка. Черезъ полъ - часа онъ спокойно усѣлся въ свою корзину, курить трубку, или спить, гдѣ нибудь въ тѣни, послѣ обѣда, состоявшаго изъ трехъ макаронъ, и, чтобъ поднять его опять на ноги, надобно дать ему порядочныя деньги. За часъ назадъ, слова лились у этого человѣка потокомъ, глаза блестѣли, руки и ноги ходили; теперь же онъ смотритъ на васъ величаво и говоритъ нехотя, или мычитъ что - то съ просонья. Спросите его поутру: отъ куда онъ? Онъ вамъ отвѣтитъ: *Nappoli* и расскажетъ вамъ біографію всего своего семейства, а въ вечеру онъ произнесетъ чуть слышно: *Nabole* и закроетъ глаза, чтобъ поскорѣе окончить разговоръ.

Ладзароне иногда видывалъ въ чужихъ рукахъ серебряную монетку въ два карлина, но у него самаго никогда столько не бывало. Покажите ему піастръ и скажите:

«видишь піастръ, я тебѣ дамъ его, если ты пойдешь со мною домой и позволишь мнѣ снять съ тебя портретъ». Онъ тотчасъ вострепелся, лѣвъ забыта, трубка брошена, ивовые прутья, служившіе ему диваномъ, тоже, и онъ идетъ за вами съ богатой надеждой, вздрагивая по временамъ отъ удовольствія. Вы его устанавливаете въ самое естественное и спокойное для него положеніе, т. е. все тѣло его преимущественно опирается на правую ногу, лѣвая рука — въ бокъ, камзолъ накинуть на плечи, какъ плащъ, а шапка надвинута на ухо. Вы принимаетесь за карандашъ, вполнѣ надѣясь имѣть славный рисунокъ въ альбомѣ; не тутъ-то было: черезъ пять минутъ ладзароне начинаетъ зѣвать, потягиваться и ворочаться, какъ нетерпѣливое дитя. Черезъ десять минутъ терпѣніе его истощилось; онъ прощается съ вами и охотно отказывается отъ піастра, котораго ему такъ хотѣлось. Онъ даже нисколько не колеблется при такой жертвѣ, онъ не сожалеетъ о такой значительной для него потерѣ и уходитъ съ своею обыкновенною безпечностію, весело и громко попѣвая.

Ладзароне будетъ биться изо всѣхъ силъ, чтобы добыть *карминъ*; если это ему удастся, онъ совершенно счастливъ. Онъ надоѣдаетъ вамъ всѣми средствами, чтобы вымолить *байокъ* (1½ коп. сер.): но если дѣло идетъ объ услугѣ, или объ исполненіи долга, расчетъ не входитъ въ умъ его. Одинъ бѣдный лодочникъ бѣгалъ десять часовъ сряду по городу, чтобы отыскать иностранца, который за былъ него въ лодкѣ свой зонтикъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, находитъ его квартиру, отдаетъ зонтикъ служанкѣ и уходитъ, не думая попросить какой нибудь награды. Если у васъ стремя порвется, или упряжь попортится, ладзароне подбѣгаетъ, вмигъ все приводитъ въ порядокъ, кланяется и уходитъ,

пожелавъ добраго пути. — Купите что нибудь у Неаполитанца, или поторгуйте, онъ непременно запроситъ въ три-дорога, и непременно обманетъ васъ, но безъ злости, очень вѣжливо, улыбаясь и не считая того дурнымъ дѣломъ. Это, по его мнѣнію, торговый оборотъ. Неаполитанецъ способенъ къ деликатности. «Въ Февралѣ», говоритъ одинъ путешественникъ, «нанималъ я часто карету, за которой стоялъ прекрасный мальчикъ, лѣтъ восьми, совершенно мѣднаго цвѣта. Весь костюмъ его состоялъ изъ коротенькаго пальто и чернаго галстуха; ноги его всегда были покрыты грязью, что давало имъ видъ сапогъ. Въ Мартѣ, онъ уже не стоялъ на запяткахъ, а продавалъ букеты цвѣтовъ у входа въ Ville-Reale. Всякой разъ, когда я проходилъ мимо него, онъ, дружески улыбаясь, подавалъ мнѣ букетъ фіалокъ, не требуя за него денегъ. Однажды я сказалъ ему: «пора заплатить тебѣ за твои цвѣты». — «Нѣтъ, не нужно, еччеленца», отвѣчалъ онъ; «еслижъ вы хотите мнѣ подарить что нибудь, то дайте гаванскую сигару; это будетъ настоящій пиръ для меня». — На меня смотрѣлъ этотъ мальчикъ не какъ на покупателя, а какъ на друга; онъ помнилъ, что я не разъ давалъ ему на водку. За то другимъ прохожимъ онъ надоѣдалъ смертельно, выпрашивая байокъ.

Часто въ одномъ и томъ же человѣкѣ встрѣчаются самыя противоположныя свойства. Баркароле, который везетъ васъ въ Искію, употребитъ все время переѣзда на то, чтобы выманить у васъ лишнихъ десять копѣекъ; онъ выдумываетъ небывалыя бѣды, случившіяся съ нимъ, съ его родными, или товарищами, старается возбудить ваше сожалѣніе и воспользоваться вашею щедростью. Прервите его и, въ свою очередь, расскажите ему какую нибудь небылицу, онъ повѣритъ вамъ отъ души;

скажите, что вы начальникъ пиратовъ, что у васъ есть гдѣ нибудь вблизи засада, готовая броситься на него, онъ задрожитъ всѣмъ тѣломъ и упадетъ передъ вами на колѣни, умолая о пощадѣ. — Неаполитанецъ падаетъ ницъ въ церкви передъ изображеніемъ Маддоны, и въ то же время высматриваетъ, нѣтъ ли по близости кого нибудь, изъ чьего кармана можно бы вытащить носовой платокъ, или кошелекъ; но еслибы въ присутствіи его кто нибудь осмѣлился дотронуться до церковныхъ драгоценностей, онъ тутъ же зарѣзалъ бы его.

Пріѣздъ иностранца въ Неаполь чрезвычайно занимателенъ; на набережной всегда толпятся ладзарони; пароходъ пристаётъ. На чемоданы пріѣзжаго бросаются нѣсколько человекъ, кладутъ ихъ на тележку, за которую берутся столько, сколько могутъ умѣститься, и везутъ бѣгомъ; впереди и по сторонамъ скачутъ ладзарони: одинъ съ плащомъ, другой съ зонтикомъ; тотъ съ калошами, этотъ съ тростью, а за тележкой цѣлая толпа оборванныхъ мальчишекъ несется съ шумомъ и крикомъ. — Если у пріѣзжаго только одинъ чемоданъ, факкини (носильщикъ) взваливаетъ его себѣ на плечо и несетъ, какъ перо, шагая такъ, что трудно поспѣвать за нимъ: на лѣстницу идетъ онъ бѣгомъ, но входя въ комнату, видимо измѣняется: ноша для него стала нестерпимо тяжелою, онъ весь согнулся, ноги его подгибаются; ротъ разинутъ, грудь тяжело дышетъ, онъ бросаетъ со стономъ чемоданъ на полъ, тяжело вздыхаетъ итираетъ рукавомъ потъ. Путешественникъ торопится дать ему больше надлежащей платы, чтобы отдѣлаться отъ него поскорѣе; факкини, какъ бы остолебенѣлъ, взглянувъ на то, что ему дали.

«Какъ, еччеленца», произноситъ онъ наконецъ, «только-то?»

Озадаченный путешественник кладетъ ему въ руку еще два карлина и думаетъ, что отвязался отъ него; нѣтъ, факкини поблагодарилъ, отступилъ на три шага и еще чего-то ждетъ.

«Чего тебѣ еще? Вѣдь, тебѣ заплачено!»

«Синьоръ, отвѣчаетъ онъ, чемоданъ былъ очень тяжелъ, я его далеко несъ, а теперь такъ жарко; я умираю отъ жажды, дайте мнѣ два байока на лимонадъ».

Приѣзжій даетъ два байока; факкини отступаетъ еще на три шага и останавливается у порога, перебирая руками свою шалку и дожидаясь, пока его замѣтятъ.

«Какъ, ты еще здѣсь?»

«Что дѣлать, синьоръ, бѣдность, жена, дѣти... Жить такъ дорого... Когда я еще не былъ женатъ, то служилъ при церкви Джезу Нуово...»

Наконецъ путешественникъ потерялъ терпѣніе: беретъ навязчиваго за руку и выталкиваетъ его изъ комнаты. Съ того надобно было начать, потому что это единственное средство отдѣлаться отъ факкини.

Однажды, на набережной Санта Лючіа, иностранецъ расплачивался съ носильщикомъ, по положенію; факкини требовалъ прибавки; откуда ни возьмись, другой факкини бросается на него, колотитъ его и упрекаетъ за корыстолюбіе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Иностранецъ въ восторгѣ отъ его здравомыслія, и тутъ же поручаетъ ему отнести куда-то записку. Черезъ пять минутъ комисіонеръ воротился; иностранецъ даетъ ему законный карлинъ. «Еччеленца, вѣрно, ошибаетесь; вы меня, должно быть, приняли за другаго. Посмотрите, какой у меня хорошій камзолъ. Только нищіе и негодяи бѣгаютъ стремглавъ изъ за карлина; я заслужилъ, по крайней мѣрѣ, вдвое своею быстротою, ловкостью и приличною наружностью».

Извозчикъ неаполитанскій столько же оригиналенъ, сколько факкинп. Крикъ *una carozza!* заглушаетъ немолчный шумъ и гамъ неаполитанскаго народонаселенія. Если вы пойдете къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ извозчики, они всѣ въ одинъ голосъ закричатъ: *una carozza!* бьютъ своихъ лошадей изо всѣхъ силъ, мчатся прямо на васъ галопомъ, сталкиваются; угощаютъ друга друга ловкими ударами бичей и откидываютъ подножки, растворяютъ дверцы раньше, чѣмъ вы успѣете сдѣлать малѣйшее движеніе, которое бы доказывало согласіе сѣсть въ карету. Если вы ѣдете въ коляскѣ и мимо васъ проѣзжаетъ пустая карета, извозчикъ непременно закричитъ: *una carozza!* вѣроятно надѣясь, что вы выйдете изъ коляски и сядете въ его карету, или предполагаетъ: не понадобятся ли вамъ разомъ два экипажа? — Извозчикъ обыкновенно возитъ своихъ сѣдоковъ съ немовѣрною быстротою, чтобы получить поскорѣе на водку. Деньги у него въ рукахъ, онъ еще не успѣлъ закрыть дверцы и ужъ опять начинаетъ свой вѣчный крикъ: *una carozza!* — Страсть къ преувеличенію и къ деньгамъ такъ же сильна въ извозчикѣ, какъ въ каждомъ Неаполитанцѣ. Вотъ, что говоритъ одинъ путешественникъ: «Однажды, вечеромъ, поздно я возвращаюсь домой съ бала: дождь шелъ ливнемъ; я прошу извозчика въѣхать въ ворота на дворъ.

«Никакъ не могу, отвѣчаетъ онъ: передъ домомъ пропасть!»

Въ двадцати шагахъ передъ нами была небольшая лужа и канавка, которую чинили.

«Что ты, надо мной смѣешься что-ли?»

— И, синьоръ, какъ я смѣю; я тотчасъ бы въѣхалъ на дворъ, но мы упадемъ въ пропасть. Я изувѣчу своихъ лошадей; отъ коляски останутся только щепки; еч-

челенца переломаетъ себѣ руки и ноги, а я умру въ гошпиталѣ отъ ранъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, ты правъ, сказалъ я, выходя изъ коляски; теперь будь спокоенъ, ты потеряешь только полъ карлина, который бы получилъ на водку.

— О, останьтесь, синьоръ, останьтесь, я постараюсь проѣхать!

Я былъ уже на дворѣ. Извозчикъ хватилъ бичемъ своихъ лошадей и вскачь влетѣлъ за мною на дворъ къ крыльцу. Я всхожу на лѣстницу и слышу, какъ онъ требуетъ своего полъ карлина. Когда я былъ во второмъ этажѣ, до меня долетали еще его просьбы: «дайте мнѣ что нибудь на водку, хоть байокъ! Вѣдь я взѣхалъ на дворъ, я здѣсь!»

ИТАЛІАНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ, ИЛИ ПО- ѢЗДКА СЪ ВЕТТУРИНО.

Веттуринъ, или веттурино—италіанское слово, значитъ извозчикъ, или ямщикъ. Это что-то въ родѣ нашего русскаго троичника. Но у троичника главное — вещи, кладъ; а люди берутся на придачу; онъ за нихъ не отвѣчаетъ, а потому объ нихъ и не заботится: сиди себѣ они, какъ хотятъ, ѣшь, пей, или, пожалуй, не ѣшь и пей, это не его дѣло. У него на рукахъ — лошади, бочки, тюки и проч., а человѣкъ, извѣстно, не лошадь, не бочка съ сахаромъ, не тюкъ съ товаромъ.

Италіанскій веттуринъ — совсѣмъ другой человѣкъ: вы въ полномъ его распоряженіи, вы совершенно въ его рукахъ: онъ очень *заботится* о сѣдокахъ и

распоряжается ими, какъ дѣтьми: останавливается тамъ, гдѣ захочетъ, приказываетъ подавать кушанье, какое ему

вздумается; а чтобы не растрясло сѣдоковъ, ѣдетъ потихоничку: пусть они себѣ спятъ, если это возможно, или занимаются пріятными разговорами, если придется, или смотреть на природу, если дурная погода, или дурной товарищъ этому не мѣшаетъ. Добрый веттуринъ! Онъ все это позволяетъ имъ даромъ.

Замѣчательно, что, когда уговариваются съ нимъ ѣхать, не сѣдокъ ему, а онъ сѣдоку даетъ задатокъ, потому что веттуринъ не любитъ церемоній, и если кто дастъ ему цѣну больше той, за которую онъ ужъ было согласился везти, то онъ оставляетъ васъ съ задаткомъ, а самъ отправляется, куда ему надобно. Сѣдоковъ своихъ онъ, разумѣется, забираетъ одного за другимъ, по домамъ, или по квартирамъ. Тутъ мудрено сказать: кому приходится тошнѣй, первому или послѣднему, потому что тому и другому приходится дожидаться въ нерѣшительности всегда долго: первый тысячу разъ спрашиваетъ: когда-то наконецъ всѣ соберутся? И часто ему до отправленія въ путь приходится уже порядочно напутешествоваться по городу: послѣдній тысячу разъ подходитъ къ окну, или выходитъ на крыльцо, задавая себѣ мудреный вопросъ: ужъ возьмутъ ли меня наконецъ? И до поѣздки онъ вдоволь устанетъ отъ ходьбы и безпокойства.

Мнѣ надобно было ѣхать изъ Флоренціи (цвѣтущаго, цвѣтистаго города), въ Римъ. Съ веттуриномъ, думалъ я, мы отправимся по мѣстамъ живописнымъ. Что въ дилижансѣ! Посадятъ тебя, какъ арестанта, и помчатъ во всю прыть, по прямой, однообразной дорогѣ и довезутъ такъ, что не успѣешь ни на что взглянуть; а тутъ — съ веттуриномъ, я успѣю налюбоваться прекрасными видами; душа моя укрѣпится ихъ впечатлѣніями и сдѣлается болѣе способною наслаждаться величіемъ и развалина-

ми Рима и чудными картинами и статуями, которыя, какъ цвѣты, вѣчно будутъ красоваться среди этихъ развалинъ и улаживать грусть, которая невольно обнимаетъ душу, при видѣ всякаго разрушенія, особенно при видѣ разрушенія того, что было столько славно и казалось вѣчнымъ. Будучи занятъ такими, какъ видите, совсѣмъ не дурными мыслями, я очень обрадовался, какъ узналъ, что нашъ веттуринъ отправится рано утромъ, до восхожденія солнца, т. е. въ два часа. Я не люблю дожидаться другихъ и считаю большою невѣжливостію заставлять, чтобы другіе меня дожидались; поэтому еще въ половинѣ втораго у меня ужъ было все готово къ отъѣзду. Но ударило два, три, четыре часа—веттурины одинъ за другимъ ѣдутъ мимо гостинницы, а моего нѣтъ. Вотъ въ монастыряхъ зазвонили на молитву, въ гостинницахъ — на работу; а я все сижу, стою, хожу, смотрю въ окно безъ дѣла. Считаю каждую четверть по городскимъ часамъ, я досчитался уже до шести, и началъ рѣшительно думать, что веттуринъ ко мнѣ не заѣдетъ: но вотъ онъ наконецъ появился. — Что такъ поздно? спросилъ я. — Нельзя было раньше; отвѣчалъ веттуринъ. Въ каретѣ у него сидѣлъ *тяжелый* англичанинъ и римская дама. Англичанинъ долго спалъ; дама прощаясь съ своею дочерью, долго плакала; веттуру, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать было нельзя. Они оба заплатили деньги, значитъ одинъ имѣлъ право вдоволь спать, а другая плакать. «Но за то ужъ теперь, сказалъ веттуринъ, мы покатимъ, ухъ какъ покатимъ! Только держись!» Въ самомъ дѣлѣ, онъ щелкнулъ бичемъ, и мы быстро покатались по мосту черезъ р. Арно; держаться тоже точно было надобно, потому что экипажъ ужасно трясся и качался. Но прокатившись черезъ мостъ, мы остановились передъ монастыремъ. Оттуда вышелъ еще сѣдокъ. Онъ

занялъ мѣсто подлѣ меня. Съ нимъ разговориться было нельзя, во первыхъ, онъ былъ тоже Англичанинъ, значить, человѣкъ молчаливый; во вторыхъ, онъ очень мало говорилъ по-французски, а я ни слова по-англійски; сверхъ того, только что сѣвъ подлѣ меня, онъ началъ читать какую-то книжку и не отрывалъ отъ нея глазъ. Да и правду сказать, я предпочитаю впечатлѣнія природы всякому разговору. Природа есть языкъ Божій; въ природѣ куда ни глянь, на чемъ ни останови вниманія, все такъ мудро, такъ стройно, такъ прекрасно, все такъ помогаетъ одно другому, что всякое чужество корысти и вражды мало-по-малу истребляется, или по-крайней-мѣрѣ утихаетъ въ душѣ человѣка, вникающаго въ то, что говорятъ земля, трава, воздухъ, свѣтъ, вода — всѣ стихіи, всѣ созданія. И такъ я съ любопытствомъ и кроткимъ чувствомъ смотрѣлъ на окрестности. Была уже поздняя осень. Оливковыя деревья клонились къ землѣ, обремененныя плодами; виноградныя лозы вились другъ вокругъ друга, люди посрѣзали съ нихъ кисти; вѣтеръ пооборвалъ ихъ листья. Кромѣ внутренней силы, дружбы и надежды на теплое время, на благость неба, у нихъ ничего не осталось.

Въ другомъ отдѣленіи нашей кареты шелъ свѣтскій разговоръ: Англичанинъ шутилъ; дама смѣялась, переводила его шутки своему мужу, который въ свою очередь начиналъ смѣяться. Англичанинъ рассказывалъ, что онъ знакомъ все съ графами, князьями и принцами; дама съ уваженіемъ слушала его и въ переводѣ передавала свое уваженіе мужу. Всѣмъ было очень весело. Приѣхавъ въ Инчизу, мы остановились въ гостинницѣ, совсѣмъ непривлекательной: лѣстница, правда, широкая, но грязная; хозяинъ разсуждаетъ такъ, что, если ее вычистить, то она, вѣдь, опять загрязнится же, значить

и чистить не для чего. Скатерть и салфетки въ столовой залѣ желтыя какъ будто сейчасъ облиты были кофе; ихъ не моютъ, вѣроятно, по той же причинѣ, по какой не чистятъ лѣстницы; полъ кирпичный; стѣны запачканныя; словомъ все соотвѣтствовало одно другому. Мы заказали кушанье. Когда его принесли, Англичанинъ какъ человѣкъ, бывшій въ большомъ обществѣ, слѣдовательно, очень развязный и непринужденный, схватилъ вилку, переверочалъ и осмотрѣлъ всѣ куски, выбралъ тотъ, который казался ему лучше другихъ и попробовавъ его, сказалъ: это хорошо! Дама принесла свои пирожки, приготовленные ей дочерью на дорогу, и подала два изъ нихъ Англичанину. «Это я сберегу къ вечеру, сказалъ онъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ карманъ; они — прекрасны! Впрочемъ, надобно же попробовать», прибавилъ онъ, и взялъ еще пирожокъ, ужъ безъ подчиванья.

«Удивительно какъ вкусны, просто объяденье!» при этомъ онъ взялъ еще одинъ. Мужъ синьоры смотрѣлъ съ недоумѣнiемъ, думая, неужели такъ всегда бываетъ въ высшемъ англійскомъ обществѣ; синьора хохотала со всею откровенностью, которая показывала, что она въ Англичанинѣ видитъ самаго грубаго чудака. Когда мы снова сѣли въ экипажъ, Англичанинъ и мужъ синьоры начали пѣть какую-то арію. Стукъ экипажа, хлопанье бича, истерическій (болѣзненный) хохотъ римлянки, пискливый голосъ Итальянца и жесткій, обрывистый басъ Англичанина, фальшивое пѣнье обоихъ, оттого вдвойнѣ непріятное, все это составляло такой разладъ, что даже въ мысляхъ производило какую-то путаницу, и какъ я ни старался забытья, представляя себѣ что-нибудь стройное, заманчивое, занимательное, но вмигъ одинъ звукъ разрушалъ картину, которая уже начинала слагаться въ

моемъ воображеніи. Къ счастью пошла дорога, изрытая большими выбоями, и пѣвцы мало-по-малу утихли. Къ вечеру сперва пошелъ дождь, а потомъ мокрый снѣгъ, который тотчасъ же таялъ; глинистая дорога сдѣлалась вязкою. Мы едва двигались; наступила ночь; экипажъ шатался, какъ пьяный, и каждую минуту готовъ былъ опрокинуться. Густая темнота увеличивала опасность. Синьора боялась за свою голову: ей непрерывно мерещились разбойники. Мужъ боялся за свои бока; ему безпрестанно казалось, что онъ валится; я тоже раздѣлялъ его опасенія, но не говорилъ ни слова, потому что онъ кричалъ за двоихъ. Англичанинъ бранилъ дорогу, снѣгъ, грязь, кучера, всю Италію; кучеръ бранилъ лошадей. Это было опять что-то въ родѣ пѣнья. Наконецъ блеснулъ *гостепріимный* огонекъ; всѣ умолкли отъ удовольствія; лошади пошли проворнѣй, и вскорѣ мы подѣхали къ уединенному дому, который называется гостинницей, даже *академіей*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ у насъ, въ Россіи, харчевни и рестораціи называются заведеніями. Входимъ въ эту академію,—вмѣсто пріемной — стойло, или сарай, для лошадей, лошаковъ и другихъ животныхъ. «Что, развѣ тутъ ночевать?» спросилъ я веттурина. — Нѣтъ! Ступайте дальше; тамъ будетъ для васъ мѣсто; а здѣсь лошадямъ и однѣмъ тѣсно; отвѣчалъ онъ шутливо. — А будетъ тамъ лучше? спросилъ я. — Да, немножко, чтобы сосѣдямъ-то вашимъ не было слишкомъ завидно; сказалъ онъ и отворилъ дверь. Въ самомъ дѣлѣ, помѣщеніе для насъ было не много лучше лошадинаго; правда, комната была просторная, но не чистая, и гораздо холоднѣе конюшни. Пока принесли дровъ и прутьевъ, пока разгорѣлся огонь въ каминѣ, мы назяблись порядочно. Ёли, Богъ вѣсть, что. Мнѣ надобно было спать въ одной комнатѣ съ Ан-

гличаниномъ. Онъ прежде меня отправился туда и началъ распоряжаться, по своему. Прихожу: онъ подослалъ себѣ на полу подъ ноги мою простыню и перекладываетъ на свою постель мои подушки. «Я не люблю спать низко»; сказалъ онъ, увидя меня. «И я тоже, отвѣчалъ я: къ тому жъ, вамъ, конечно, угодно помѣняться со мной простынями; я охотно уступаю вамъ свою». Съ этимъ словомъ я взялъ у него съ постели свои подушки и свою простыню. Онъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ будто я сдѣлалъ ему невѣжливость.

На другой день синьора и Англичанинъ задержали насъ довольно долго; синьора по своей нѣжности; она, тоскуя о дочери, заснула уже послѣ разсвѣта; Англичанинъ по грубости: онъ слишкомъ разоспался. Черезъ Ареццо въ Кастильоне мы ѣхали между группами прекрасныхъ оливковыхъ деревьевъ. Оливковое дерево больше всего изъ нашихъ сѣверныхъ растеній походитъ на ветлу, или ракиту; только сучья у него не идутъ вверхъ, какъ у ракиты, напротивъ, очень гибки и клонятся къ землѣ, какъ у плакучей ивы, или березы, и листья гораздо мельче. Кастильоне городокъ очень живописный издали и чрезвычайно грязный внутри. Можно сказать, что множество кривыхъ улицъ, извилинъ и самыхъ дрянныхъ домишекъ набрано изъ другихъ городовъ, заброшено, какъ попало, обведено стѣной, и вышелъ Кастильоне. Маленькіе висячіе сады, или террасы оживляютъ бѣдныя строенія и даютъ имъ свѣжій видъ; ихъ можно назвать цвѣтами между развалинъ и грязи. Подъѣзжая къ нему, мы услышали крикъ, визгъ и страшное хрюканье; народъ кипѣлъ по дорогамъ и улицамъ: шли, ѣхали въ экипажахъ, и верхами на лошадяхъ и ослахъ. Въ этотъ день въ Кастильоне была ярмарка и на про-

дажу стогнали огромныя стада свиней, которыя двигались, какъ волны *чернаго* моря. Когда сталъ накрапывать дождь, всадники и всадницы распустили колосальные желто-зеленые зонтики; они закрывали не только людей, но и животныхъ, на которыхъ люди ѣхали. Издали они представлялись какими-то исполинскими подвижными грибами. Повсюду слышался веселый говоръ, шумъ и смѣхъ. Картина чрезвычайно оригинальная! Съ разными дорожными неудобствами, изъ которыхъ самое непріятное составлялъ Англичанинъ, мы проѣхали черезъ Перуджіо. При перемѣнѣ экипажа *достопамятный* Британецъ перелѣзъ въ сосѣдство ко мнѣ, чтобы удобнѣй наслаждаться видами. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ закрылъ глаза и сквозь сонъ и сквозь зубы просилъ меня будить его, если представится что-нибудь замѣчательное. Воспользовавшись этимъ, я началъ его толкать подъ бокъ на каждомъ шагу, говоря, что виды непрерывно одинъ другаго лучше. Это, естественно, ему надоѣло и онъ сказалъ: нѣтъ, вы разбудите меня, когда увидите что-нибудь ужъ необыкновенно прекрасное. Я предоставилъ ему полную свободу спать и радъ былъ, что онъ меня оставилъ въ покоѣ. Подлѣ городка Ассизи, въ деревнѣ, мы вошли въ церковь, любопытную по многимъ достопримѣчательностямъ. Англичанинъ не хотѣлъ ходить вмѣстѣ съ нами и отдѣльно для себя пригласилъ монаха показывать и объяснять то, что особенно стоитъ вниманія. Обошедъ всю церковь, онъ обернулся къ почтенному старику спиною, не сказавъ ему даже ласковаго слова, и, разумѣется, не пожертвовавъ ничего на монастырь. Когда синьора замѣтила это своему путнику, онъ отвѣчалъ: «за чтожъ тутъ благодарить, или давать деньги?» Впрочемъ онъ говорилъ грубости даже тогда, когда хотѣлъ быть вѣжливымъ.

Есть въ Даніи слѣдующее народное преданіе: одна злая мачиха бросила въ колодезь дѣвушку, дочь своего мужа. Дѣвушка вышла оттуда невредимою и когда стала говорить, то у ней съ каждымъ словомъ падали на землю розы и золото. Мачиха бросила въ колодезь свою злую дочь, которая тоже вышла оттуда, но у ней съ каждымъ словомъ изо рта выскакивала то лягушка, то ящерица, то другая какая нибудь гадина. Англичанинъ былъ родной братъ злой дочери. Впрочемъ онъ доставлялъ намъ и удовольствіе — своими странностями: на примѣръ, мы пріѣхали въ Терни ночью. Было темно, хоть глазъ выколи. Тамъ есть любопытный водопадъ. Англичанинъ хотѣлъ непременно видѣть его, позвалъ проводника и велѣлъ зажечь два факела. «Но съ двумя факелами вы ровно ничего не увидите», сказалъ проводникъ. — «Ну, такъ зажги три», отвѣчалъ чужакъ. Они отправились. Воротясь, Англичанинъ говорилъ, что водопадъ — дрянь, что онъ осмотрѣлъ его съ верху до низу и не нашелъ въ немъ ничего, стоящаго вниманія. Мы не могли удержаться отъ смѣху; проводникъ хохоталъ. Англичанинъ не хотѣлъ заплатить ему ничего: но съ итальянскимъ проводникомъ не такъ легко раздѣлаться. Когда дѣло дошло до спора, онъ насчиталъ большую сумму за сапоги, за грязь, за вѣтеръ, за холодъ, за темноту, такъ что Англичанинъ испугался такихъ огромныхъ издержекъ и былъ радъ, что проводникъ согласился взять съ него половину.

За милою отъ воинственнаго Рима произошла преуморительная исторія, въ которой употреблены были въ дѣло умъ, сила и разнаго рода оружіе. Это происходило въ ужасной гостинницѣ, какую не удивительно бѣ было найти въ глуши необразованнаго государства: одна комната служила кухней, столовой и гостинной. Окно въ

ней не было; свѣтъ входилъ только въ дверь; по срединѣ стоялъ большой, четырехугольный, желѣзный ящикъ; въ немъ раскладывали огонь, и онъ служилъ каминомъ и очагомъ; подлѣ — деревянный столъ и скамейки для прѣзжающихъ. На полу же, въ разныхъ мѣстахъ, стояла и лежала посуда — горшки, бутылки и прочее; ходили и сидѣли куры. Передъ дверью находилась помойная яма и груда всякой нечистоты. Стѣны были расписаны самыми яркими красками: все ландшафты, виды природы и зданій, но такіе, что дома не отличишь отъ дерева; точь-въ-точь, какъ въ лубочныхъ азбукахъ. Въ разныхъ мѣстахъ висѣли пучки папоротника (Farrenkräuter), чтобы прогонять и истреблять мухъ, которыя однакожь, не смотря на видимую опасность, кипѣли густыми роями. Прихотливость есть ребяческое свойство людей избалованныхъ: но опрятность необходима для здоровья и удовольствія всякаго человѣка. Тутъ, какъ видите, все отбивало аппетитъ; а дѣлать было нечего: голодъ заставилъ насъ заказать кушанье, кому какое вздумалось. Хозяйка внимательно выслушала наши заказы и замѣтила, кому что слѣдуетъ подавать.

Черезъ нѣсколько времени Англичанинъ подошелъ къ очагу, пересмотрѣлъ всѣ кушанья и взялъ, что ему понравилось. Но хозяйка, окинувъ его сверкающими глазами съ ногъ до головы, вмигъ вырвала у него то, что онъ взялъ. Онъ оттолкнулъ ее въ сторону. — «Что вы, съ ума сошли? сказала она. Смотрите: ваше кушанье — совсѣмъ еще сыро».

Англичанинъ ущипнулъ ее за руку. Хозяйка замахнулась на него ножомъ. Мужъ схватилъ ее поперегъ и держалъ изо всѣхъ силъ. Она барахталась, махала ножомъ и грозила Англичанину, что изомнетъ его какъ битую говядину, исколотитъ какъ бифштексъ, изрубитъ

какъ фаршъ. Англичанинъ отпрыгнулъ и заслонился стуломъ. Мы кое-какъ возстановили миръ. Хозяйка подала кушанье. Англичанинъ ѣлъ съ ожесточеніемъ. Когда дошло дѣло до расплаты, съ него потребовали вдвое; это впрочемъ было снисходительно, потому что онъ ѣлъ за троихъ: но по упрямству, онъ хотѣлъ платить только половину. Опять — война. Мы приняли сторону хозяйки. Англичанинъ взбѣсился, бросилъ деньги и закричалъ: здѣсь все дрянъ — и кушанье, и прислуга и общество....

— Какъ! сказала синьора: и общество? Вы ѣхали со мной и съ моимъ мужемъ!

— Да, и общество! Вы вѣчно болтаете: шю, шю, шю! А мужъ вашъ нѣмъ, какъ пень. Онъ глупъ, онъ необразованъ....

— Мой мужъ? вскрикнула Италіанка. Необразованъ?... Мужъ! Покажи ему свой докторскій дипломъ. Покажи, покажи, пусть онъ знаетъ, пусть онъ видитъ, что ты человѣкъ образованный.

Мужъ вынулъ свой дипломъ и подалъ Англичанину.

— Читайте, читайте! повторяла синьора и не смѣйте говорить, что мужъ мой необразованъ. Вы сами необразованы, и земля ваша дикая, и небо у васъ сѣрое, и солнца у васъ никогда не видать, какъ не видать улыбки на вашихъ лицахъ, и въ языкѣ вашемъ нѣтъ звуковъ для ласки! *Poveri Inglesi! Glaciali! Maledetti!* (Бѣдные Англичане! Ледяные! отверженные!)

Англичанинъ въ отвѣтъ на все это засвисталъ и зашелкалъ языкомъ, какъ глухой тетеревъ. Веттуринъ сказалъ, что лошади готовы; мы всѣ поторопились сѣсть, и вскорѣ увидѣли Римъ. При взглядѣ на куполы его церквей, на великолѣпныя зданія, на заглохшія травой, размытыя дождемъ гробницы, на развалины, отъ которыхъ

вѣтъ на душу такимъ раздумьемъ, я забылъ про всѣ неудобства пути, про Англичанина, про нечистыя гостиницы: благороднѣйшія впечатлѣнія, высшія чувства, можно сказать, смыли съ души все, что отъ мелочныхъ нуждъ, отъ животныхъ потребностей, отъ грубыхъ встрѣчъ, какъ дорожная пыль и грязь, налегло-было на нее.

КАТАНА

о дорогѣ изъ Мессины въ Катану природа, кажется, рассыпала всѣ богатства свои; виды самые разнообразные и самые роскошные представляются путешественнику. Близость моря съ одной стороны, а горъ съ другой, охлаж-

даетъ нѣсколько зной и придаетъ влажность воздуху. Дорога непрерывно вьется по берегу моря: на горизонтѣ вы видите Реджію, а пейзажъ со стороны земли замыкается снѣговой вершиной Этны. Подъ непроницаемою

тѣнью апельсиновыхъ и померанцовыхъ деревьевъ путешественникъ всегда найдетъ прохладу, и благоуханіе уже издали манить его туда. Лѣса свѣжихъ, зеленыхъ дубовъ, тюльпановыхъ деревьевъ, миртовъ и другихъ южныхъ растеній, по своимъ живописнымъ оттѣнкамъ и разнообразнымъ формамъ, скорѣе походятъ на сады и парки. По обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ чудовищныя кактусы, на которыхъ зрѣютъ индѣйскія фиги; для этого растенія нуженъ только зной: оно принимается на всякой почвѣ; оно пускаетъ свои корни въ расщелины скалъ, въ старыя стѣны, въ углубленія лавы; оно — то ползетъ по землѣ, извиваясь, какъ змѣя, то подымается на вышину до 12 футовъ, разрастается въ ширину и, перемѣшивая свои огромныя лопасти, образуетъ самыя странныя и фантастическія группы. Иногда крестьянки развѣшиваютъ на нихъ бѣлье для просушки, и тогда онѣ кажутся еще страннѣе. Индѣйская фига самое благодѣтельное растеніе; она одна въ теченіи цѣлаго столѣтія растетъ на лавѣ и мало по малу превращаетъ ее въ землю, на которой потомъ принимаются и другія деревья; а сочный превосходный плодъ ея идетъ на столъ богачу и нищему.

Не далеко отъ деревни Джіардини, между скалами, круто въ верхъ, идетъ тропинка въ Таормину, древній городъ, построенный Греками. Остатки его и теперь еще красуются на конусообразной скалѣ; прежде туда вела дорога, высѣченная въ горѣ, а теперь приходится взбираться по тропинкѣ, годной только для горныхъ козъ. Проводникъ съ гордостью указываетъ на остатки водопровода, обломки храмовъ и на греческій театръ, которому нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ; колонны, сцена, выходы — все уцѣлѣло; уступы готовы для зрителей. Какъ во всѣхъ греческихъ театрахъ, глубина сцены

открыта, и видъ черезъ это отверстіе служить лучшими декораціями въ мірѣ. Зрителямъ правой стороны открывалась живописная долина Джіардини и голубая поверхность моря; зрители лѣвой стороны видѣли Этну и цѣпь темныхъ холмовъ лавы, которые тянутся по направленію къ Катанѣ.

Наглядѣвшись на этотъ театръ, путешественникъ не станетъ обращать вниманія на новѣйшія постройки норманской архитектуры; онъ спѣшитъ изъ Таормины, чтобы сохранить подолѣе впечатлѣніе, имъ полученное.

Съ какой стороны ни подъѣзжайте къ Катанѣ, вамъ надо пробираться по неровнымъ пустынямъ лавы; онѣ имѣютъ мрачный видъ, и пускаться одному, безъ проводника, по нимъ очень опасно. Потокъ кипящей лавы, остывая, сохранилъ свои волны; безъ тропинки едвали можно пройти два, три шага; иногда приходится карабкаться на крутизну, иногда прыгать съ одного обломка на другой; идти прямо, по одному направленію, нѣтъ ни малѣйшей возможности; еслижъ все слѣдовать по волнообразнымъ лощинамъ, то черезъ минуту несомнѣнно собьетесь съ дороги. Взглянувъ назадъ, вы ужъ не узнаете мѣстъ, по которымъ прошли, и съ ужасомъ думаете, что едва-ли есть выходъ изъ этого лабиринта. Къ тому же подверженный головокруженію, карабкаясь на неровности лавы, легко можетъ свалиться въ пропасть. Если обувь не очень толста, она въ четверть часа изорвется и свалится съ ногъ. Лава доходитъ до самаго моря; она образовала на берегу и въ водѣ множество конусовъ, чудовищныхъ грибовъ и маленькихъ острововъ, на которыхъ мало-по-малу появляется растительность. По причинѣ такой неровности дна морскаго, пароходы могутъ приставать къ гавани Катаны только въ самую безвѣтренную пору года.

Благодаря такой отчужденности отъ прочей Сициліи, Катанцы сохранили много оригинальности. Путешественника особенно пріятно поражаетъ богатый, красивый городъ между огромными пустынями лавы. Удивительно, какъ могутъ люди селиться у подошвы огнедышащей горы! Сколько разъ была Катана разрушена землетрясеніемъ! Въ 1169 году не осталось камня на камнѣ, и 15,000 жителей погибло подъ развалинами. Въ одно изъ самыхъ большихъ изверженій Этны, въ 1669 году, два потока лавы, каждый по три версты въ ширину, набѣжали на городъ; охватили его съ двухъ сторонъ, истребили множество зданій и, какъ бы чудомъ, остановились у монастыря Св. Венедикта. Часть горы опустилась на сто футовъ; черезъ два часа она снова поднялась и приняла совершенно новую форму.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого происшествія, Катана была опять выстроена на томъ же мѣстѣ, и лава послужила фундаментомъ для многихъ домовъ. Улицы теперь очень широки и вымощены большими плитами: всѣ зданія новыя; они придаютъ городу веселый и щеголеватый видъ; только тамъ и сямъ змѣются трещины по фасадамъ дворцовъ — слѣды послѣдняго землетрясенія. Участь Катаны постоянно виситъ на волоскѣ; грозный сосѣдъ всегда готовъ уничтожить ее, и жизнь пятидесяти тысячъ человѣкъ зависитъ отъ того, какое направленіе приметъ лава.

Въ нынѣшнее время національное платье очень выходитъ изъ употребленія; парижскія моды проникаютъ во всѣ города Италіи, но женщины Катаны еще не совсѣмъ бросили черный шелковый, длинный плащъ, который покрываетъ ихъ, какъ домино, съ головы до ногъ; изъ подъ него только выставляются ноги. Видѣнъ кончикъ

Собираніє винограда.

носа и сверкають огненные черные глаза, въ которыхъ горить еще пламя мавританской крови.

По улицамъ Катаны никогда не встрѣтишь экипажа: тамъ всѣ ѣздятъ на ослахъ; они вообще въ большомъ употребленіи во всей Сициліи. Пріѣзжая, напр. къ какому нибудь великолѣпному палаццо, очень спокойно привязываютъ осла къ колоннѣ, или еще къ чему нибудь, идутъ въ комнаты, дѣлають визитъ, и черезъ нѣсколько минутъ, отвязавъ своего длиноухаго носильщика, отправляются дальше. По утрамъ часто встрѣчаешь на улицѣ молодыхъ людей, богато одѣтыхъ, которые ѣдутъ на ослахъ; тутъ, видишь, стоитъ группа передъ гостиницею; всадники, не слѣзая, пьютъ лимонадъ; тамъ, тоже не слѣзая, просматривають *Journal des Deux Siciles*, разговаривають, передають другъ другу новости и разѣзжаются рысцей на тихихъ, покорныхъ ослахъ своихъ.

Отлогости Этны занимають значительное пространство; на нихъ, кромѣ Катаны и Таормины, разбросано множество деревень и городковъ; тутъ вообще живутъ четыреста тысячъ человѣкъ, т. е. пятая доля всего населенія Сициліи. Гора эта гуще населена, чѣмъ вся остальная Сицилія, гдѣ нашлось бы мѣста для шести милліоновъ жителей. Этна раздѣляется на три части: на нижнюю, которая превосходно обработана и привлекаетъ путешественника богатствомъ и разнообразіемъ растительности; на среднюю, покрытую густымъ лѣсомъ, отчего и названа *Bosco*; и на верхнюю, это — самый вулканъ, гдѣ огонь и снѣгъ постоянно враждуютъ другъ съ другомъ. *Боско* очень мало населенъ, но за то жители его отличаются своимъ ростомъ и необыкновенною силою; они не пугаются постоянныхъ землетрясеній, а чтобъ не починять домовъ своихъ, живутъ на открытомъ воз-

духѣ. Они только въ Октябрѣ, для собиранія винограда, выходятъ изъ лѣсовъ своихъ и спускаются къ подошвѣ Этны; туда же собираются разнообразныя и разнохарактерныя окрестныя жители; всѣ, отъ мала до велика, работаютъ и веселятся до упаду.

Изъ-за этихъ дней стоитъ побывать въ Катанѣ! Винограду поспѣваетъ видимо - не - видимо; каждому найдется дѣло. Всякій, безъ исключенія, бѣжитъ на гору, въ виноградники, съ кривымъ ножомъ въ карманѣ и съ корзиной на рукѣ. Молодыя дѣвушки не много работаютъ, а больше говорятъ, смѣются, ѣдятъ ягоды и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ начала танцевъ. Вотъ, послѣдняя кисть винограда срѣзана, всѣ чаны полны, работы больше нѣтъ, начинаются праздники на цѣлый мѣсяцъ. Каждый владѣлецъ виноградника, по порядку, даетъ обѣдъ и балъ; гости являются безъ приглашенія. Богатый и бѣдный, иностранецъ и туземецъ, всякій найдетъ ласковый и простой пріемъ, не на два, или на три часа только, а на цѣлыя сутки; хозяинъ угощаетъ со всѣмъ радушіемъ, свойственнымъ первобытнымъ, патріархальнымъ нравамъ. Большая часть пирующихъ не знаетъ имени своего хозяина. Вы проходите мимо дома; изъ комнатъ и сада слышенъ смѣхъ, говоръ и звуки скрипки: вы входите, садитесь за столъ, не здороваясь ни съ кѣмъ, и обѣдаете. Старики просиживаютъ вечера за кружкою вина, или дремлютъ, а молодые люди и дѣвушки берутъ кастаньеты и живая тарантелла начинается подъ однообразныя звуки тамбурина и, часто, въ высшей степени немзыкальныхъ взвизговъ скрипки; но танцующіе не обращаютъ на нихъ вниманія: они кружатся и летаютъ по комнатамъ съ жаромъ и увлеченіемъ, о которомъ наши сѣверныя танцы не могутъ дать ни малѣйшаго понятія. Въ продолженіи первой недѣли,

увеселенія тянутся, какъ увѣряють тамошніе жители, вяло и медленно: скрипки и тамбурины звучать только до зари; дѣвушки толпятся по разнымъ угламъ и говорятъ только между собою, или прогуливаются длинными рядами; но черезъ недѣлю разговоры становятся живѣе, сливаются въ одинъ общій гомонъ и всѣ смѣются такъ, что издали слышно; танцы, безостановочно, продолжаются по цѣлымъ суткамъ. За то, всѣ жители Катаны цѣлый годъ не перестаютъ толковать о праздникахъ собиранія винограда.

ОДИНЪ ДЕНЬ НА МАЛЬТѢ.

три часа утра на палубѣ нашего парохода послышалось необыкновенное движеніе; люди суетились; якорная цѣпь застучала, и вода глухо всплеснулась отъ паденія якоря. Это означало — мы въ мальтійской гавани. Я тотчасъ накинулъ на себя шинель и побѣжалъ на палубу.

Прямо въ глаза бросился мнѣ яркій полумѣсяцъ; его рога были очень тонки, какъ концы серпа, но онъ изливалъ столько свѣта, сколько не бываетъ у насъ на сѣверѣ въ полнолуны. Впрочемъ, не онъ одинъ свѣтилъ; несмѣтное число звѣздъ искрилось, подобно дорогимъ самоцвѣтнымъ камнямъ; нѣкоторыя звѣзды горѣли такъ ярко, что всякій назвалъ бы ихъ маленькими солнцами: лучи ихъ такъ и сѣялись, такъ и сновались. Нѣтъ, никогда прежде, ни въ наши свѣтлыя, звѣздныя зимнія ночи, ни подъ небомъ самой Италіи, не удава-

лось мнѣ видѣть такой великолѣпно-тихой и торжественной картины неба! Воздухъ былъ неподвиженъ и теплый; море не колыхнется; ничто не прерывало ночной тишины; вся природа походила на огромный, пустой храмъ, въ которомъ спокойствіе не возмущается ни однимъ звукомъ, напоминающимъ жизнь и ея мелочную, заботливую дѣятельность.

Я оглянулся: тамъ, за длиннымъ рядомъ неясными очертками въ темнотѣ рисовавшихся кораблей, возвышалась желтоватая стѣна, которая оканчивалась обелискомъ. Справа, слѣва, за нею виднѣлись огромные дворцы, какіе-то странные, великолѣпные, небывалые, точно, какъ рассказывается въ волшебныхъ сказкахъ. Такъ вотъ Ла-Валетта! Что за оригинальный видъ! Какія мысли и воспоминанія тѣснятся въ душу! Такъ здѣсь - то было жилище рыцарей ордена Іоанна Іерусалимскаго! Теперь оно служитъ станціей для англійскихъ кораблей на Средиземномъ морѣ. Долго разсматривалъ я картину, передо мной разстилавшуюся; мнѣ хотѣлось на берегъ; но до разсвѣта никого туда не пускали, и я поневолѣ долженъ былъ отправиться назадъ, въ свою каюту.

Когда я опять вышелъ на палубу, былъ уже день; нашъ пароходъ выгружалъ; на немъ и вокругъ него кипѣло движеніе; лодки сновались по всѣмъ направленіямъ. Подлѣ насъ стояло два военныхъ корабля; ихъ бока унизывали пушки въ два ряда и угрюмо смотрѣли на насъ, сѣверныхъ пришельцевъ.

Весь островъ, — какъ одинъ камень; всѣ укрѣпленія высѣчены изъ скалы, всѣ зданія построены изъ камней такого же цвѣта, и потому сливаются съ своимъ основаніемъ; съ парохода видны были Читта-Нуова, Витторіоза и Ла-Валетта, но они такъ близки одинъ къ другому, что издали казались однимъ городомъ.

Между тѣмъ корабли приходили и уходили, привѣтствуя крѣпость пушечными выстрѣлами; имъ отвѣчали тѣмъ же; карантинные катеры съ флагомъ быстро скользили между кораблями и пароходами; маленькія лодки, точно пловучія лавки, становились кругомъ кораблей, только что пріѣхавшихъ. Занимательно было смотрѣть на ихъ пестроту сверху: нѣкоторыя были нагружены разными плодами, разсортированными съ большимъ стараніемъ, точно въ лавкахъ; въ особенныхъ отдѣленіяхъ лежали апельсины, лимоны, виноградъ, финики, фиги, изюмъ и миндаль; кайму для этого разнообразнаго склада плодовъ составляли толстыя тыквы. На другихъ лодкахъ, тоже въ большомъ порядкѣ, разложены были овощи; на иныхъ бѣлье, платье, соломенные шляпы, шарфы и т. д., однимъ словомъ, это былъ пловучій рынокъ. Въ маленькихъ полусгнившихъ челнокахъ, прося милостыни, пробирались и шныряли полунагіе мальчики. Семь пароходовъ стояло въ гавани; пассажиры поминутно отправлялись съ нихъ на берегъ и возвращались назадъ. Турки, бедуины, монахи и мальтійскія женщины мелькали всюду.

Подлѣ веревочной лѣстницы нашего парохода тѣснилось съ дюжину перевозчиковъ; они кричали и бранились между собой за то, кому первому посадить пріѣзжаго къ себѣ въ лодку. Молодой человѣкъ, иностранецъ, съ которымъ я познакомился во время переѣзда изъ Неаполя, предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ осмотрѣть всѣ достопримѣчательности и общалъ вездѣ расплачиваться за насъ обоихъ; я охотно согласился, и мы вмѣстѣ поплыли къ берегу. У пристани насъ встрѣтило нѣсколько Мавровъ — носильщиковъ, которые предлагали намъ свои услуги. Мы выбрали одного, черноглазаго, смуглаго человѣка; платье его было все въ лохмотьяхъ, но онъ драпировался ими такъ гордо, такъ величаво.

Чтобы войти въ городъ, намъ надобно было перейти черезъ подъемный мостъ; стѣны, валы и рвы высѣчены изъ скалы. Во рвахъ нѣтъ воды: но они превратились въ богатѣйшіе фруктовые сады. Это былъ настоящій лѣсъ широколиственныхъ пальмъ, апельсиновыхъ, перечныхъ и ландышевыхъ деревьевъ.

Отъ самыхъ воротъ тянется длинная улица; по обѣимъ сторонамъ ея фруктовые лавки; всѣ плоды, какими только богаты южныя страны, разставлены тутъ въ самомъ живописномъ порядкѣ, и сверхъ того перемѣшаны съ цвѣтами. Тутъ была толкотня, какъ во всѣхъ столицахъ на главныхъ улицахъ: безпрестанно встрѣчались мальтійскія женщины, всѣ въ черномъ, съ такими же вуалями, которыми они такъ укутываютъ головы, что видны только глаза и кончикъ носа; англійскіе солдаты — важные, степенные, бѣдно-одѣтые носильщики и нарядные матросы въ лакированныхъ шляпахъ. Посреди улицы быстро мчались маленькія кареты на двухъ колесахъ, въ одну лошадь, подлѣ которой бѣжалъ кучеръ — Мавръ.

Вскорѣ пришли мы на широкую улицу; по обѣимъ сторонамъ ея стояли великолѣпные дома, похожіе на дворцы; только странно — на нѣкоторыхъ были пристроены сверху свѣтлицы, выкрашенныя зеленою краскою, что нисколько не гармонировало съ общою обстановкою. Вездѣ мостовыя, сдѣланныя изъ лавы, или просто гладкая дорога, вытесанная по скалѣ — основанію всей Мальты; чистота повсюду необыкновенная, можно сказать, праздничная. Мы пришли въ гостинницу роскошную, великолѣпную, какъ самый богатый домъ. Мой товарищъ сталъ расплачиваться съ нашимъ носильщикомъ, но далъ ему очень мало за работу; Мавръ спокойно замѣтилъ ему это; я тоже принялъ сторону носильщика и говорилъ, что надобно ему прибавить. Но мой товарищъ

отворилъ дверь и указалъ на нее Мавру; тотъ съ негодованіемъ бросилъ деньги на полъ, началъ топтать ихъ ногами и потомъ гордо высказалъ свое негодованіе съ театральными, трагическими жестами. Я подошелъ къ Мавру и хотѣлъ положить ему въ руку еще нѣсколько монетъ; но товарищъ мой далъ знакъ трактирнымъ служителямъ; тѣ въ одно мгновеніе вытолкали недовольнаго. Я тотчасъ вышелъ на улицу, чтобъ отыскать Мавра и добавить ему, что слѣдовало; онъ стоялъ посреди кружка такихъ же ободранныхъ носильщиковъ и съ жаромъ рассказывалъ о своей обидѣ. Деньги лежали на крыльцѣ, куда ихъ положилъ слуга. Я подошелъ къ раздраженному и подалъ ему втрое больше того, что ему было дано: но онъ оттолкнулъ мою руку. Глаза его сверкали отъ негодованія, онъ съ укоромъ указалъ на деньги, лежавшія на порогѣ, потомъ на свои лохмотья и пошелъ прочь, грозя кулакомъ на наши окна; онъ не взялъ ни копѣйки. Эта сцена совершенно меня разстроила; я тутъ же разстался съ своимъ товарищемъ.

Я пошелъ въ соборъ; это зданіе столько же великолѣпно, сколько оригинально: всѣ колонны мраморныя, съ изваянными на нихъ арабесками, цвѣтами, и парящими ангелами. По стѣнамъ идутъ золотыя цвѣты и листья, а между ними большія картины, на стѣнахъ же нарисованныя (аль-фреско). Помость церкви состоитъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ мрамора, искусно и узорно сложенныхъ, и изъ надгробныхъ плитъ, съ пестрыми изображеніями рыцарскихъ гербовъ. Памятники гросмейстеровъ ордена (начальниковъ ордена) — мраморныя, великолѣпныя. Шла обѣдня; органъ звучалъ; кадила дымились, и народъ съ благоговѣніемъ стоялъ на колѣняхъ; все это усиливало впечатлѣніе, произведенное самимъ храмомъ.

Дворецъ губернатора, прежній дворецъ гросмейстеровъ,

стоитъ неподалеку отъ собора; онъ какъ-то угрюмо смотритъ на посѣтителей, хотя внутри его вездѣ пестрота и пышность. Всѣ стѣны увѣшаны картинами, изображающими подвиги рыцарей мальтійскаго ордена. Но занимательнѣе всего арсеналь рыцарей. Это длинная, длинная зала съ колоннами; каждая колонна увѣшена копьями, алебардами, саблями и кинжалами; все это сгруппировано съ такимъ вкусомъ, съ такимъ разнообразіемъ, съ такою соотвѣтственностію, что какъ-то чувствуешь силу когда-то могучихъ ополченій, слышишь стонъ, бряканье желѣза и стали, и гордые, воинственные клики. Эта мечта поддерживается еще тѣмъ, что вдоль стѣнъ стоитъ длинный рядъ полныхъ рыцарскихъ вооруженій; на стѣнахъ, подлѣ нихъ, висятъ щиты, оружіе и портреты рыцарей. Наверху виситъ портретъ гроемейстера Виньякура, написанный знаменитымъ Караваджіо; надъ картиной сдѣлано блестящее солнце, а со всѣхъ сторонъ розетки изъ пистолетовъ и арабески изъ ружей, копій, стрѣлъ и сабель.

Осмотрѣвъ оружейную палату, мы взошли на плоскую крышу дворца по отлогой, необыкновенно спокойной и удобной лѣстницѣ. Передъ нами лежалъ весь городъ, какъ на ладони; дальше можно было разсмотрѣть весь островъ, какъ на подробной картѣ, еще дальше — море, спокойное, синее, а тамъ, на горизонтѣ, сверкала снѣгомъ покрытая Этна. Я повернулся въ ту сторону, гдѣ Африка; тамъ синяя даль моря безраздѣльно сливалась съ небомъ, такъ что никакъ нельзя замѣтить, гдѣ оканчивается вода и начинается воздухъ. Что-то бѣлое, какъ снѣгъ, промелькнуло вдали и ушло въ глубь синевы; парусъ ли это былъ, или облако — не знаю. Я опять взглянулъ на Мальту: она походила на какое-то зданіе, которое возникаетъ прямо изъ глубины моря. Почти ни-

гдѣ не видно зелени: все желтоватый грунтъ, прорѣзанный во всѣхъ направленіяхъ такого же цвѣта каменными оградами и длинною вереницей зданій. Съ перваго взгляда чувствуешь, что находишься въ самомъ населенномъ уголкѣ земли.

Въ прекрасной, легкой двухколесной каретѣ съ пѣшимъ кучеромъ отправился я за городъ, въ Читта - Веккію, прежнюю столицу Мальты. Тотчасъ за укрѣпленіями насъ охватила чисто африканская природа; индѣйскія фиги и поля съ майсомъ представляли единственную зелень; нигдѣ ни дерева, ни клочка травы, все — будто выжжено, или загромождено остатками прежнихъ построекъ, между которыми пробивается кое - гдѣ индѣйская фига. Солнце жгло. Прекрасная, гладкая дорога шла вдоль водопровода. Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ вѣтренныхъ мельницъ; меня поразила необыкновенная постройка ихъ: у каждой — отъ двѣнадцати до двадцати крыльевъ, такъ что малѣйшій вѣтерокъ можетъ привести ее въ движеніе. Самыя строенія — всѣ изъ камня, очень красивы и чисты; каменная витая лѣстница ведетъ внутрь мельницы.

Въ Читта - Веккіи неслышно было ни одного слова по-италіански; простой народъ говоритъ какимъ-то нарѣчіемъ арабскаго языка. Улицы Читта - Веккіи были столь же людны, какъ улицы Ла - Валетты; толпу еще увеличивали матросы, которые весело разѣзжали верхомъ на наемныхъ лошадяхъ въ своихъ черныхъ лакированныхъ шляпахъ, на которыхъ золотыми буквами написаны были имена ихъ кораблей.

На возвратномъ пути, проѣзжали мы мимо богатой виллы, тѣнистые сады которой красовались, какъ роскошный букетъ, посреди окружавшей ее раскаленной каменной голи. На плоской кровлѣ этого совершенно во-

сточнаго дома, ходило множество вооруженныхъ Турокъ. Мнѣ сказали, что тутъ живетъ князь Друзовъ, Эмиръ Бескиръ, и что всѣмъ запрещено беспокоить его въ виллѣ и осматривать его сады. Я только постоялъ нѣсколько времени подлѣ рѣшетки и посмотрѣлъ, какъ множество черныхъ невольниковъ разхаживали по двору, а жирафъ спокойно щипалъ листья съ перечныхъ деревьевъ и съ зонтичныхъ пальмъ. Вся эта картина такъ отзывалась востокомъ, воздухъ былъ такъ зноенъ, что она, можно сказать, воцѣлѣла навсегда въ моемъ воображеніи.

Вечеромъ я поспѣшилъ на свой пароходъ: солнце сѣло; темнота, какъ черный пологъ, быстро пала на море; съ крѣпости раздался выстрѣлъ; всѣ флаги на корабляхъ тихо опустились. Изъ города еще доносился умолкающій шумъ и тихіе звуки отдаленной музыки; вскорѣ раздалась вечерняя зоря на англійскихъ военныхъ корабляхъ, и всѣ матросы громко запѣли свой пароходный гимнъ при громѣ оркестровъ.

На слѣдующее утро меня разбудилъ необыкновенный шумъ на палубѣ: готовились къ отъѣзду: вокругъ парохода опять тѣснились и сновались лодки-лавочки; полунагіе, смуглые мальчики опять просили милостыни; на пароходъ взбирались пассажиры. Мальтійскія женщины уже на палубѣ хлопотали о своихъ пожиткахъ; угрюмый Персіанинъ сидѣлъ на сверткѣ каната; опершись о трубу, стоялъ Арабъ, завернувшись въ свой бѣлый бурнусъ, съ пистолетами и кинжаломъ за поясомъ. Греки въ пестрой одеждѣ, съ красными фесками на головѣ, перевѣшивались черезъ бордъ парохода и смотрѣли на колеса, выжидая ихъ перваго движенія. Матросы съ аллебардами въ рукахъ стояли въ разныхъ мѣстахъ на часахъ, стараясь держать все въ порядкѣ. Но вотъ раздался

свистокъ ботсмана; паръ, какъ долго задержанное ды-
ханье, началъ рваться изъ трубы; колеса завертѣлись;
загремѣли прощальные выстрѣлы съ нашего борта и съ
острова; мы быстро вышли изъ гавани въ открытое
море. И вскорѣ Мальта исчезла, какъ странный, причуд-
ливый призракъ, какъ фантастическая жизнь рыцарей,
и меньше, нежели черезъ часъ, позади уже синѣлъ без-
предѣльный горизонтъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО БЕРЕГАМЪ СИЦИЛІИ.

Изъ записокъ натуралиста Катрфажа *).

Палермо. — Пещера Санъ-Чиро. — Отъѣздъ. — Торре дель Изола. — Море и его прозрачность. — Кастелламаре. — Облака на горѣ. — Развалины Сегесты. — Санъ-Вито. — Трапани. — Острова Фавиньяна.

Саполь съ неугасающимъ Везувіемъ и волшебной прелестью своихъ острововъ не могъ заставить насъ забыть Сицилію, цѣль нашего путешествія; только мимоходомъ взглянули мы на роскошную столицу королевства, тотчасъ сѣли на пароходъ *Палермо* и понеслись въ острову, куда столько же влекло насъ любопытство, сколько гнало порученіе правительства. Вечеромъ, при

*) Катрфажъ путешествовалъ по берегамъ Сициліи вмѣстѣ съ знаменитыми натуралистами — Миль Эдвардсомъ и Бланшаромъ въ 1845 году.

закатъ солнца, зубчатыя вершины береговъ Калабріи сверкали золотистымъ отливомъ и съ наступленіемъ теплой, чудно-прозрачной ночи мало-по-малу тонули въ отдаленіи. Чуть загорѣлась заря, мы были уже на палубѣ; за нами на краю горизонта трепетала послѣдняя точка берега, а передъ нами изъ голубаго моря вставала Сицилія и росла съ каждымъ мгновеніемъ. Къ полудню мы уже видѣли чудную панораму Палермо.

Съ моря картина Неаполя поражаетъ путешественника; но онъ не находитъ въ ней столько стройной прелести, какъ при первомъ взглядѣ на Палермо и его окрестности. Неаполь устилаетъ бѣлыми домами весь скатъ берега и не оставляетъ для глаза свободнаго мѣстечка между водою и небомъ; на послѣднемъ планѣ нѣтъ зелени, нѣтъ горъ; все строенія, стѣны и крѣпости; да и чудный полукругъ берега опять таки лишень естественнаго украшенія; вездѣ видны усилія человѣка, вездѣ чувствуешь, что передъ тобою городъ. Бѣлыя виллы Портичи кажутся будто продолженіемъ предмѣстья до Кастелламаре. Одинъ только Везувій, съ своею дымящейся вершиной, — стоитъ гордо, недоступно для человѣка. Онъ такъ прекрасенъ, такъ величественъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ рѣзко отличается отъ всего окружающаго; ничто его не связываетъ съ городомъ, разстилающимся у его подножія; кажется, было бы лучше, еслибы отъ него тянулись горы до самаго берега. Въ настоящемъ же видѣ онъ походитъ на угрозу, которая мѣшаетъ чувству удовольствія, возбуждаемому прелестями, разсыпанными у его подошвы. Каждую минуту того и жди, что онъ плеснетъ огненной лавой и пожжетъ виноградные и оливковые сады.

Въ Палермо совсѣмъ другое дѣло. Повсюду самыя рѣзкія противоположности: но онѣ какъ-то нисколько

не враждуютъ между собою, а только прибавляютъ выразительности и разнообразія цѣлой картинѣ; можно сказать, что тамъ великій художникъ расположилъ всѣ подробности и самъ наслаждался своимъ произведеніемъ. Нашъ пароходъ быстро, на всѣхъ парахъ, вошелъ въ знаменитый заливъ Конка-д'Оро (Золотая Раковина); и дѣйствительно золотая!

Въ глубинѣ его, между двумя высокими горами, лежитъ Палермо; граціозно округленные куполы его церквей, его стрѣльчатая башни и множество мачтъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными флюгерами, даютъ ему восточный оттѣнокъ. На второмъ планѣ чернѣлась темная зелень лимонныхъ и померанцевыхъ лѣсовъ. Глаза наши съ наслажденіемъ останавливались то на склонахъ горъ, покрытыхъ молодою весеннею зеленью, то на куполѣ древняго норманскаго собора; дальше, поднимаясь все выше и выше, уступами идутъ горы; самый послѣдній возвышается на четыре тысячи футовъ надъ уровнемъ моря. Вершины этихъ горъ еще были покрыты зимнимъ снѣгомъ; ихъ смѣлыя, причудливыя формы удивительно хорошо и ясно рисовались на прозрачной синевѣ неба. Горы полукругомъ охватываютъ городъ, заливъ, и своею несокрушимою оградой оберегаютъ ихъ отъ бури и отъ напора волнъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ заливѣ не шелохнется воздухъ, не шепнетъ море; на душу вѣетъ кроткимъ чувствомъ наслажденія; красота берега, отражающаяся въ свѣтлой, зачарованной глубинѣ, двойнымъ волшебствомъ обнимаетъ и нѣжитъ путешественника. Городъ, казалось, дремлетъ въ прозрачной, благоуханной атмосферѣ.

Но пароходъ нашъ остановился; прощай, очарованіе! Надо имѣть дѣло съ людьми, да еще съ какимъ народомъ! Не успѣли мы выдти на пристань, насъ окружила

шумная, оборванная и буйная толпа сицилійскихъ моряковъ, родныхъ братьевъ неаполитанскимъ ладзаронамъ. Насъ ужасалъ таможенный осмотръ; кромѣ чемодановъ, нагруженныхъ книгами, бумагами и всякими инструментами, нужными для наблюденій, у насъ было еще нѣсколько коробовъ съ разными стеклянными банками и снарядами: съ чувствомъ обиды мы воображали, какъ все это будетъ повытаскано, разметано и разломано неуклюжими руками, неуважающими ни ученаго имени, ни ученаго листа и стекла. Однакожъ опасенія наши оказались напрасными: знаменитый архитекторъ и государственный человѣкъ Герцогъ Серра-ди-Фалко позаботился объ насъ. По его распоряженію, таможенные не дотрогивались до нашихъ вещей; всѣ онѣ бережно были перенесены на лодку и въ совершенной цѣлости доставлены въ нашу квартиру. Такимъ образомъ, первое впечатлѣніе удовольствія, произведенное на насъ видомъ города и окрестностей, не было разрушено приѣмомъ, какой сдѣлали намъ и нашимъ товарищамъ — книгамъ и инструментамъ.

До начала ученыхъ занятій, намъ хотѣлось познакомиться съ рѣдкостями города; нашлись ненаемные путешеводители: каждый труженникъ науки готовъ былъ братски дѣлиться съ нами и своею опытностію, и своимъ знаніемъ. Мы побывали во всѣхъ церквахъ, передѣланныхъ изъ прежнихъ мечетей; какъ преданіе, стихи корана еще до сихъ поръ блестятъ на стѣнахъ и колоннахъ. На каждомъ шагѣ насъ поражала мавританская мозаика; что за причудливые узоры выведены изъ самыхъ дорогихъ мраморовъ, эмали, малахита, лаписа-лазулли! Нигдѣ не видишь давно знакомаго, избитаго рисунка: эти драгоцѣнные матеріалы, то являются въ видѣ колоннъ, остатковъ греческаго, или арабскаго

искусства, то вьются невиданными цвѣтами и фигурами по стѣнамъ и сводамъ, то висятъ сверху, подобно драпировкѣ, богато и изящно вытканной; смотришь на эти тонкіе, почти колыхающіеся *арабески* и не вѣришь, что это камень. Путеводитель нашъ, поклонникъ древнегреческой красоты, называлъ это безвкусицей, бредомъ искусства. Можетъ быть, онъ и правъ; но когда вспомнишь голые и мрачные своды сѣверныхъ соборовъ, то глаза съ особеннымъ удовольствіемъ бродятъ по этимъ игриво разбѣгающимся и сбѣгающимся линіямъ, которыя будто нѣжаты въ лучахъ южнаго солнца и своимъ блескомъ сами походятъ на свѣтлые лучи.

Новизна поражала насъ не только въ произведеніяхъ архитектуры, но и въ природѣ на каждомъ шагу. Растительность близъ Палермо — чисто южная, почти африканская. Производительная сила является здѣсь съ непмовѣрною роскошью. Да какъ же и не расти прекраснымъ деревьямъ, не цвѣсти цвѣтамъ? Конкад'Оро оберегаетъ ихъ отъ холоднаго вѣтра, а человѣкъ позаботился о томъ, чтобы освѣжить и увлажить почву: сотни водопроводовъ идутъ по всѣмъ направленіямъ. Земля благодарна за такую внимательность; она отдыхаетъ только *одинъ мѣсяцъ* въ году, а прочее время все работаетъ; листья на деревьяхъ и плоды достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. На этой привилегированной почвѣ оливковое дерево становится огромнымъ, кипарисъ такъ высокъ, какъ сосна. Апельсинные и лимонные деревья растутъ лѣсами на нѣсколько верстъ въ окружности, и въ долинахъ, всюду; гдѣ удобна земля; поднимаешься на горы выше, — почва становится безплодною, каменистою; но тутъ является сплошными массами колючій алоэ и раскидываются лапами кактусы; здѣсь они соотвѣтствуютъ нашимъ чахлымъ кустарникамъ и вереску.

Прежде всего мы отправились за городъ въ пещеру Санъ-Чиро (San-Ciro); она пользуется большою извѣстностью между учеными; изъ нея добыли много очень замѣчательныхъ допотопныхъ костяковъ. Изъ Палермо вышли мы черезъ ворота Термини; сначала дорога наша шла между очаровательными садами; потомъ начали мы взбираться на горы, образующія восточную ограду Конка-д'Оро. У подошвы горы Гриффоне увидѣли мы большое тяжелое квадратное зданіе, съ маленькими продолговатыми окнами, похожими на бойницы, съ низкими и узкими дверями. Все зданіе походитъ на старую заброшенную ферму; только стѣны такъ толсты, какъ въ наше время никому не придетъ въ мысль строиться. Намъ сказали, что передъ нами — Делиціэ (Delizie), любимый увеселительный замокъ норманскихъ королей. По всему видно, что эти бойцы, неутомимые въ войнѣ, столько же крѣпкіе, какъ желѣзо, которое они носили, были очень неприхотливы; теперь самый бѣдный помѣщикъ не сталъ бы жить въ такомъ домѣ; а по тогдашнему это — дворецъ. Прямо противъ него въ горѣ есть пещера; входъ въ нее поддерживается двойною низкою аркою; въ пещерѣ — большой естественный водоемъ; изъ него быстро вытекаетъ свѣтлый ручей, извивается и журчитъ по сосѣдней долинѣ. Эта пещера встарину соединялась съ дворцомъ и служила купальной залой покорителямъ Сициліи.

Миновавъ *море прѣсной воды* (какъ называется бассейнъ пещеры), намъ пришлось вылѣзть изъ экипажа и подниматься въ гору по узкой тропинкѣ, между двумя стѣнами колючихъ кактусовъ. Вскорѣ передъ нами была пещера Санъ-Чиро; вышиною она отъ двадцати до тридцати футовъ, а глубиною отъ сорока до пятидесяти; по стѣнамъ видны слѣды заступовъ, работавшихъ на пользу

науки. Казалось бы, на нее нечего и глядѣть; но мы разсматривали ее съ особеннымъ любопытствомъ; это образчикъ *пещеры*, или правильнѣе, *ущелья костяковъ*; тутъ съ перваго взгляда можно было видѣть, какъ образовались нѣкоторыя изъ подобныхъ пещеръ, наполненныхъ костями, по которымъ, какъ по книгѣ, новѣйшіе ученые умѣютъ читать исторію земли.

Кювье *) первый показалъ, какъ важно для естественныхъ наукъ разбирать кости допотопныхъ животныхъ, которыя почти вездѣ разсыпаны по земному шару и лежатъ на извѣстной глубинѣ подъ внѣшнею плодородною ея корою въ известковыхъ слояхъ. Такіе остатки міра, давно существовавшаго, находятся иногда не по одиночкѣ, а въ большихъ массахъ; они будто нарочно собраны и припрятаны для любопытныхъ потомковъ. Они есть въ разныхъ земляхъ. Въ Англіи Букландъ первый взломалъ сталагмиты нѣкоторыхъ пещеръ, велѣлъ разрыть находившійся подъ ними песчаный слой и нашелъ богатый запасъ остатковъ животныхъ. Тамъ были кости медвѣдей, гіенъ, собакъ, волковъ и ягуаровъ, которые всѣ были несравненно больше теперешнихъ. Кости разныхъ травоядныхъ, грызуновъ, птицъ и пресмыкающихся перемѣшаны съ остатками хищныхъ животныхъ, и на нихъ еще видны слѣды страшныхъ зубовъ, которые ихъ истребляли. Изъ этого заключали, что пещеры служили логовищемъ звѣрей, которые погибли въ свою очередь и костями своими покрыли кости своихъ жертвъ. Предположеніе это было почти всѣми принято.

Но вскорѣ сдѣлали новое открытіе: въ известковыхъ горахъ, въ которыхъ не было ни малѣйшаго слѣда ископаемыхъ, нашли цѣлыя жилы, совершенно набитыя

*) См. Журналъ для Дѣтей 1856 г., стр. 108, № 9.

костями и снаружи окруженные корою, отличною отъ общей известковой массы. Часто такія жилы не выходили наружу, а оканчивались внутри горы, значитъ, никакъ не могли служить логовищемъ животныхъ. Кости были частію переломаны, частію обточены и выглажены такъ, какъ будто очень долго ихъ терли другъ о друга. Чтобы понять, какъ онѣ попали въ гору, и отчего онѣ поломаны и отполированы, предполагаютъ, что въ незапамятныя времена въ этихъ известковыхъ горахъ проходили потоки воды; вода эта смывала встрѣчавшіяся на землѣ кости, уносила ихъ съ собою подъ землю и запружала ими мало-по-малу свое русло; когда жила была совсѣмъ наполнена костями, вода уже не могла пробираться въ нее, отыскивала себѣ другой путь; а выходъ изъ жилы былъ тоже мало-по-малу засыпанъ и залѣпленъ новыми известковыми слоями.

Предположеніе это особенно сильно подтвердилось лѣтъ дѣсять тому назадъ: въ окрестностяхъ Парижа найдено множество подобныхъ *костяныхъ брекчій*; одни изъ нихъ — древняго, другіе — новѣйшаго времени; древнія — совершенно такія, какихъ множество по берегамъ Средиземнаго моря; въ нихъ найдены остатки ископаемыхъ животныхъ; въ новыхъ же все кости такихъ породъ, которыя и теперь есть во Франціи; эти брекчии еще не наполнились совершенно, и дождевая вода съ каждымъ годомъ приносить въ нихъ новые слои. Эти наблюденія не опровергаютъ наблюденій англійскаго ученаго Букланда, а только пополняютъ ихъ; выходитъ, что есть *пещеры съ костями допотопныхъ животныхъ*, которыя въ нихъ жили, и есть *костяныя брекчии*, нанесенныя водою въ известковые слои.

Пещера Санъ-Чиро принадлежитъ къ брекчіямъ; до тѣхъ поръ, пока ее не разрабатывали, костяной слой

лежалъ футовъ на двадцать надъ поверхностью горы; слой этотъ состоялъ изъ костей, смѣшанныхъ съ кварцемъ и съ отвердѣвшей глиной. Скалистая смѣсь эта закрывала входъ въ пещеру и почти совершенно наполняла ее. Кости, тутъ найденныя, были слоновыя, бегемотовыя, лосиныя, оленьи и собачьи разныхъ породъ, и всѣ смѣшаны съ морскими раковинами. Изъ этого послѣдняго обстоятельства и видно, что она образовалась на днѣ морскомъ и потомъ какимъ-то переверотомъ выдвинулась на поверхность земли.

Когда костяная брекчія Санъ-Чиро была открыта, каждый путешественникъ считалъ обязанностію взглянуть на нее, какъ на древнюю могилу. Англичане — охотники до всего докапываться и все прибирать къ своимъ рукамъ, купили допотопные остатки, выкопали весь слой, перевезли его въ Лондонъ и изъ костей, пролежавшихъ тысячелѣтія въ землѣ, надѣлали черной краски. Они повытаскали все до чиста, до послѣдней косточки. Правда, мы нашли одинъ обломокъ и то впрочемъ на потолкѣ пещеры.

Окрестности Палермо очень хороши; но мы пріѣхали смотрѣть не на поверхность земли: мы рылись вглубь, поднимали камни, смотрѣли на дно моря; вездѣ кипѣла жизнь; мы наблюдали ее или простыми глазами, или въ микроскопъ. Но намъ надо было осмотрѣть если не всѣ берега Сициліи, то хоть часть ихъ. Ъхать мы рѣшились моремъ и принялись отыскивать лодку, которая была бы довольно велика, легка на ходу и не сидѣла глубоко въ водѣ. Нужно было отыскать и гребцовъ такихъ, которые бы говорили хорошо по-италіански: мы ни слова не понимали сицилійскаго нарѣчія, которое есть смѣсь италіанскаго, норманскаго и арабскаго. Удовлетворить такимъ различнымъ требованіямъ — начиная

отъ кила лодки до языка, было не легко; и мы каждый день ходили въ гавань: наконецъ замѣтили одну лодку, футовъ тридцати въ длину и шести въ ширину; на носу и на кормѣ была настилка, бортъ былъ широкій; къ нему были придѣланы скамьи для гребцовъ. Экипажъ ея состоялъ изъ семи молодыхъ, проворныхъ и сильныхъ людей; двое изъ нихъ говорили по-италіански; лодка называлась Розаліей. Она доказала свою быстроту и прочность путешествіями въ Неаполь и далекими поѣздками на рыбную ловлю. Мы обрадовались такой находкѣ; хозяинъ лодки замѣтилъ, что намъ хочется имѣть ее, и запросилъ огромную цѣну за каждый день; мы начали торговаться и наконецъ наняли ее за четыре рубля серебромъ въ сутки — и за лодку и за экипажъ это было недорого.

Мы тотчасъ начали устроить свою пловучую квартиру; подъ послѣдней скамьей гребцовъ уложили свои чемоданы и такимъ образомъ раздѣлили барку на двѣ части; переднюю предоставили экипажу, а вторую, кормовую назначили для себя; впрочемъ граница между этими двумя владѣніями была скорѣе умственная, чѣмъ матеріальная. Мы поставили надъ своею частью четыре жерди и натянули на нихъ что-то въ видѣ палатки, или зонтика, какой бываетъ на шлюпкахъ, въ защиту отъ солнца и дождя. Къ фальшборту придѣлали дощечки и разставили на нихъ свои ящички, микроскопы и всякія стеклянныя трубки. Подъ досчатую настилку на кормѣ уложили три тюфяка, такіе жиденькіе, что они не служивали даже названія подстилокъ, и три матросскихъ драповыхъ плаща съ капишонами, которые должны были служить намъ и одѣялами и шинелями и простынями. Наконецъ на настилкѣ, на носу, привинтили мы двойной водяной нагнетательный насосъ: его торчащія ручки и

странный видъ давали чрезвычайно оригинальную физиономію нашей Розаліи. Народъ на набережной толпился, шумѣлъ, кричалъ, спорилъ, зачѣмъ это такъ снаряжаютъ лодку. Наконецъ мы сѣли въ нее, попрощались съ Палермо, съ мимолетными друзьями, и крикнули: *Voga!* Шестеро матросовъ ударили въ весла и мы полетѣли изъ Конка-д'Оро; на кормовой настилкѣ, на корточкахъ, сидѣлъ хозяинъ и съ необыкновенною важностью правилъ ею, какъ будто линейнымъ кораблемъ. Выйдя изъ залива, повернули мы на западъ и пошѣли вдоль берега.

Небо было чисто и свѣтло, море подернуто легкою рябью; берегъ, будто на показъ, открывалъ передъ нами красивые виды. Надъ нами возвышалась гора Пеллегрино съ дикимъ скалистымъ гребнемъ и отвѣсными скалами, которыя упирались въ море. Вилла Бельмонте ютилась на крутизнѣ и затѣйливо выглядывала изъ-за живописныхъ группъ южныхъ растеній, которыя доходили до самаго обрыва, свѣшивались съ него и какъ бы любовались набѣгомъ волнъ, безостановочно бившихся и шумѣвшихъ у подножія скалъ. Ноздреватый известнякъ былъ уже во многихъ мѣстахъ размытъ, источенъ прибоемъ и представлялъ ряды пещеръ, сводовъ, углубленій; надъ ними висѣли и раскидывались кактусы и земляничныя деревья: описать этихъ разнообразныхъ видовъ, формъ, красокъ, пересѣченій вымоинъ и пещеръ нѣтъ возможности; нѣкоторыя изъ нихъ такъ велики, что барка вдвое больше нашей могла бы помѣститься въ нихъ; инныя состоятъ изъ причудливыхъ переходовъ и колоннъ, обточенныхъ еще причудливѣе; а какая разнообразная окраска, начиная съ молочно-бѣлаго, до ярко-краснаго и совершенно чернаго цвѣта! Кромѣ этихъ надводныхъ гротовъ, есть еще подводные, очень глубокіе и узкіе, которыхъ вершины идутъ почти въ

уровень съ водою; малѣйшая волна, вливаясь въ нихъ, производитъ странные, дикіе звуки; рябь, оставляемая нашей лодкой, пробудила эти подземные голоса, похожіе на завываніе какого-то исполинскаго чудовища. Каковъ же послѣ этого ревъ, когда поднимется буря и волны начнутъ бѣшено метаться!

Между тѣмъ мы подвигались все далѣе и далѣе; вдругъ поднялся свѣжій вѣтеръ и наша лодка закачалась непростительно; я и Г. Эдвардсъ въ первый разъ были на морѣ и потому у насъ сдѣлалась морская болѣзнь; чтобы избавиться отъ нея, мы растянулись рядомъ на днѣ лодки и только изрѣдка бросали взглядъ на берегъ. Къ счастью Г. Бланшаръ, уже не новичекъ на морѣ, остался совсѣмъ здоровъ; ему незачѣмъ было ложиться подлѣ насъ и стѣснять насъ до послѣдней крайности.

Изъ Палермо выѣхали мы очень поздно; вскорѣ стемнѣло; въ виду была небольшая песчаная коса, и мы рѣшились тутъ переночевать. Приходилось спать въ лодкѣ. Тотчасъ завезли якорь, притянули лодку къ берегу и прикрѣпили ее; матросы воткнули съ каждой стороны барки по два весла крестъ на крестъ, скрѣпили ихъ, поперегъ положили длинную рею италіанскаго паруса и набросили на эти козлы толстый намоленный холстъ. Мы зажгли лампу, достали провизію, поѣли колбасы, сыру и хлѣба, закутались въ плащи, разостлали тощіе матрацы и легли — двое рядомъ, а третій поперегъ, у ногъ нашихъ. Не знаю, какъ помѣстились матросы: намъ троимъ было тѣсно, а ихъ было семеро, лодку же мы раздѣлили пополамъ чемоданами. Черезъ нѣсколько минутъ все спало: легкія волны чуть-чуть покачивали насъ, какъ въ колыбели.

Но вскорѣ неудобно-поэтическій ночлегъ нашъ былъ

встревоженъ: намъ стало очень душно въ тѣсной палаткѣ, гдѣ спало десять человѣкъ, а что еще хуже, мы почувствовали ужасный, невыносимый запахъ. Мы наскоро зажгли свѣчку и увидѣли *восточныхъ таракановъ*; они роями бѣгали туда и сюда, подбирали остатки нашего ужина и объѣдали наши сапоги. Отвратительныя насѣкомыя бѣгали у насъ по лицу, по рукамъ, оставляя нестерпимый запахъ. Всѣ скважины лодки были наполнены ими; днемъ они сидѣли смирнехонько, а ночью высыпали роями. Мы употребляли въ послѣдствіи всевозможныя средства, чтобы избавиться отъ нихъ: велѣли вымыть лодку, забивали и задѣлывали скважины, но напрасно: на слѣдующую ночь тараканы являлись миллионами, бѣли и душили насъ. Дѣлать нечего: гадина не понимаетъ науки, не уважаетъ ученыхъ людей; надобно терпѣть до поры, до времени.

Не смотря на непріятное населеніе нашей барки, первая ночь нашей бивуачной жизни прошла очень порядочно; мы закутались съ ногъ до головы и спали прекрѣпко. На другой день еще до восхода солнца, были уже на ногахъ, разбудили своихъ матросовъ, пустились отыскивать мѣсто, удобное для нашихъ разысканій, наконецъ замѣтили крошечный островокъ, окруженный подводными скалами; тутъ можно было предполагать, что море богато и моллюсками, и кольчатыми, наблюдать которыхъ намъ именно и нужно было. Прямо передъ островкомъ *Изола-делле-Фемине* (островъ женщинъ), была деревенька, населенная рыбаками. Мы пристали къ скалистому берегу и пошли осматривать, хорошъ ли онъ для нашихъ изысканій; а матросы, между тѣмъ, разложили огонекъ и сварили намъ яицъ. для завтрака.

Берегъ оказался превосходный; мы рѣшились пробыть въ этомъ мѣстѣ довольно долго и принялись разсуждать,

какъ бы найти въ деревенькѣ какое-нибудь помѣщеніе; вдругъ подходитъ къ намъ чуть не столѣтній старикъ и проситъ насъ идти за нимъ въ деревню, говоря что тамъ каждый домъ для насъ открытъ. Мы подивились такой предупредительности, но въ послѣдствіи узнали, что сицилійское правительство разослало предписаніе давать намъ квартиры, помогать во всѣхъ случаяхъ и не тревожить насъ ни таможенными, ни карантинными требованіями.

Въ деревнѣ насъ встрѣтилъ священникъ и тотчасъ предложилъ свой домъ. Деревенька Торре дель Изола состоитъ изъ сотни очень чистенькихъ снаружи домовъ, построенныхъ по одному образцу; всѣ они принадлежатъ одному владѣльцу, который отдаетъ ихъ въ наймы за самую ничтожную плату. Полей вокругъ деревни и садовъ нѣтъ; всюду колючіе кактусы, песокъ и скалы. О хлѣбопашествѣ, значить, думать нечего; потому всѣ жители занимаются рыбною ловлею. Когда мы пріѣхали, дома были только женщины, дѣти и безпомощные старики; всѣ же здоровые мужчины отправились на ловлю сардинокъ. Въ былыя времена, подлѣ Острова Женщинъ ловилось много тунцевъ, но теперь они больше не показываются въ этихъ мѣстахъ, а рыбакамъ приходится довольствоваться однѣми сардинками, которыя появляются, какъ сельди, въ опредѣленные сроки.

На возвышеніи, надъ деревней стоитъ домъ владѣльца, графа Капачи; отъ прежняго богатства и великолѣпія остались только стѣны, покрытыя трещинами, и окна, до половины перебитыя. Тутъ живетъ теперь бѣдный деревенскій священникъ, старый доминиканецъ, который получаетъ только пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Кромѣ него въ домѣ живутъ еще двѣ собаки, три кошки и около пяти какихъ-то птичекъ въ клеткахъ; это его собесѣдники,

его домашніе, его семейство. Чѣмъ онъ кормить ихъ, не знаю. Одно только вѣрно, что и собаки, и кошки вѣчно голодны и скорѣе походятъ на тѣни, или на скелеты, обтянутые кожей, чѣмъ на живыя существа. Падре Антоніо. нисколько не стѣсняя себя, уступилъ намъ три большія комнаты. Стѣны потрескались; на потолкахъ кое-гдѣ уцѣлѣли слѣды живописи; оконныя рамы до того были ветхи, что разваливались отъ малѣйшаго прикосновенія; стекла были частію выбиты, а на остальныхъ лежалъ такой густой слой пыли и грязи, что ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ черезъ нихъ. Первымъ нашимъ дѣломъ было заняться обмѣблированіемъ и украшеніемъ нашего временнаго жилища. Мы велѣли вымыть стекла, выбитыя заклеили чистыми листами бумаги, особенно позаботились о нижнихъ, чтобы врывающійся въ нихъ вѣтеръ не сносилъ бумагъ со столовъ. Потомъ достали, разумѣется, за деньги, досокъ, сдѣлали козлы и положили на нихъ тоже доски; это составило очень большіе, отличные столы; кровати и скамейки были устроены точно такимъ же способомъ, и къ вечеру квартира наша была совсѣмъ готова; мы были очень довольны: море — въ какихъ нибудь пятидесяти шагахъ.

На другое утро встали до свѣту; намъ худо спалось на доскахъ, покрытыхъ нашими тюфячками, да и хотѣлось поскорѣе ознакомиться съ мѣстностью: Эдвардсъ сѣлъ на лодку и поплылъ къ острову; я же пошелъ осматривать берега; они почти всѣ состояли изъ известняка до того измытаго, изрытаго волнами, что онъ походилъ на огромную изорванную губку, съ очень острыми краями и безчисленнымъ множествомъ углубленій. Мнѣ приходилось или спускаться въ глубокіе уступы и опять взбираться на ихъ края, или шагать

черезъ углубленія по стѣнкамъ ихъ, то острымъ, какъ лезвее ножа, то похожимъ на концы иглъ. Ноги мои скользили, ихъ рѣзало, и я весь усталъ отъ этой утомительной гимнастики. Но поживы для моихъ изысканій было тутъ множество; въ углубленіяхъ стояла морская вода, а въ ней были міріады видимыхъ и невидимыхъ мягкотѣлыхъ. Я набралъ пропасть ихъ и воротился домой. Г. Эдвардсъ привезъ съ собою тоже богатую добычу; одинъ только Г. Бланшаръ возвратился съ пустыми руками, очень недовольный и сердитый; онъ забылъ, что и въ Сициліи есть зима, т. е. пора года, когда насѣкомыя или спятъ въ землѣ, или лежатъ куколками въ своихъ теплыхъ шелковыхъ коконахъ, и рои ихъ зашумятъ и замелькаютъ развѣ-развѣ недѣли черезъ двѣ. Но при нашемъ богатствѣ у него прошло дурное расположеніе духа; онъ бодро принялся помогать намъ, въ ожиданіи, что его крылатое царство насѣкомыхъ вылетитъ и выползетъ въ большой свѣтъ.

Хозяйство свое поручили мы матросамъ, чтобы всякому было дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ должны были, вмѣстѣ съ хозяиномъ лодки, служить намъ гребцами; двое, говорившихъ по-италіански, прислуживали намъ: одинъ какъ камердинеръ, другой какъ поваръ. Ужъ Богъ вѣсть почему, на его долю выпало кухонное ремесло; онъ не имѣлъ ни малѣйшаго къ нему призванія; онъ никакъ не могъ научиться посолить вареные макароны, а изъ курицы съ рисомъ у него выходила горячая вода, въ которой лежали крупинки сыраго рису и не вареная, а только вымытая курица. Впрочемъ, къ концу нашего путешествія онъ выучился дѣлать яичницу и то довольно плохо. Но, дѣлать было нечего, и мы были очень рады, что нашли въ немъ хоть немного честности; всѣмъ покупателямъ ставилъ онъ *только двойную цѣну*,

между тѣмъ, какъ прочіе брали съ насъ въ четверо больше.

Каждое утро одинъ, или двое изъ насъ садились въ лодку и плыли къ *острову женщинъ* за провизіей, какъ мы говорили, т. е. за новыми для наблюденія животными. Тутъ я узналъ совсѣмъ новое для меня свойство моря. На океанахъ я никогда не видывалъ такой совершенной тишины, при которой поверхность гладка и чиста, какъ зеркало, глазъ можетъ проникать до невѣроятной глубины и различать въ водѣ самыя мельчайшія подробности. Сначала я поминутно ошибался: мнѣ казалось, что какая нибудь медуза, или кольчатое животное плаваетъ совсѣмъ на поверхности воды; я протягивалъ руку, чтобы схватить его; но нашъ *надроне* (какъ мы называли хозяина лодки) улыбался, бралъ сѣтку, навязанную на длинный шестъ, опускалъ ее въ море и только футахъ въ четырехъ, или въ шести отъ поверхности ловилъ животное.

Много наслажденія принесла мнѣ эта невѣроятная, стеклянная прозрачность моря. Лежу, бывало, по цѣлымъ часамъ на носу лодки и смотрю внизъ; надо мною разстилался новый, незнакомый мнѣ міръ, который однакожь походилъ на надземный; по мѣрѣ того, какъ лодка скользила впередъ, подо мною проходили долины, холмы, то нагія, обрывистыя скалы, то скаты, покрытые зеленою растительностію; отъ меня не ускользала ни малѣйшая неровность; взоръ мой проникалъ до ста и болѣе футовъ въ глубину, слѣдилъ за волнообразною рябью морскаго песка; за нѣжнымъ зеленымъ пушкомъ на камняхъ, или за бурыми водорослями, которыя, подобно кустарникамъ, поднимаются со дна морскаго, и все являлось мнѣ съ такими подробностями, такъ живо, что, можно сказать, я былъ какъ бы подъ вліяніемъ чарують

щей силы. Мнѣ казалось, что между мной и строною, надъ которою я плыву, нѣтъ воды, нѣтъ ничего, что я на воздухѣ, парю надъ землей, какъ птица, и смотрю съ высоты.

Этотъ подводный ландшафтъ былъ населенъ странными существами: удивительныя рыбы ходили то поодиночкѣ, то толпами, между водорослями и между камнями, отыскивая себѣ пищи; когда мы подплывали къ нимъ, онѣ на насъ глядѣли большими, неподвижными глазами, дѣлали движеніе плесомъ, и въ минуту ихъ ужъ не было. Полипы росли живыми кустарниками посреди водорослей; каждый цвѣтокъ, каждая почка ихъ жили своею жизнію, были отдѣльныя животныя; по ихъ живымъ вѣткамъ вились и цѣплялись разноцвѣтныя водяныя растенія и до того смѣшивались съ ними, что животнаго почти нельзя было отличить отъ растенія. Огромныя голотуріи, точно живыя кубышки, медленно ползли на гору, непрерывно шевеля вѣнцомъ своихъ щупальцевъ; подлѣ нихъ неподвижно лежали красныя морскія звѣздчатки, вытянувъ пять полосатыхъ отростковъ. Моллюски, очень похожіе на нашихъ улитокъ, но отличающіеся отъ нихъ и ростомъ, и цвѣтомъ, медленно ползли, точно ихъ земные братья; между тѣмъ крабы, какъ огромныя пауки, быстро сновались туда и сюда, толкали и опрокидывали моллюсковъ, хватали ихъ своими исполинскими клешнями и дробили ихъ, какъ легкую скорлупку. Другія черепокожныя, сродни нашимъ ракамъ и нашимъ рѣчнымъ боконрыжкамъ, нѣжились и играли въ кустистыхъ водоросляхъ, грѣлись на солнечномъ свѣтѣ и, при малѣйшемъ признакѣ опасности, били хвостомъ въ водѣ и мгновенно исчезали въ темныхъ норахъ. Посреди этихъ, намъ знакомыхъ породъ, мелькали другія, которыя никогда не появляются въ

нашихъ холодныхъ моряхъ. Это были то живые плавающие смарагды, то прозрачные, стекловидные, едва отличаемые отъ воды, въ которой они живутъ и движутся, и наконецъ эти живыя гирлянды, которыя похожи на хрусталь и на прекрасныя цвѣты, эти красивыя полиняки, такъ скоро увядающіе, скорѣе, чѣмъ надземныя братья ихъ по красотѣ и нѣжности. Въ банкѣ, куда вечеромъ напускали этихъ гирляндъ, къ утру не оставалось отъ нихъ даже и мути.

Къ кормѣ лодки придѣлали мы очень мелкую кесею, которая подхватывала самыхъ крошечныхъ животныхъ; сверхъ того, были у насъ мелкія сѣточки, похожія на мѣшки, придѣланныя къ длиннымъ шестамъ, которыми нашъ *надроне* очень ловко хваталъ со дна все, что мы ему указывали. На длинномъ ратовищѣ былъ у насъ большой ножъ, которымъ мы срѣзывали цѣлыя кусты водорослей и вытаскивали вмѣстѣ съ животнымъ народонаселеніемъ. Случалось, что дно бывало черезъ чуръ неровное: одинъ изъ нашихъ матросовъ снималъ платье, нырялъ, приносилъ то, чего намъ хотѣлось, и былъ совершенно доволенъ, когда мы съ улыбкой говорили ему: *bene* (хорошо).

Не всегда мы ловили свою добычу въ водѣ; часто искали ее и близъ береговъ; тутъ одно обстоятельство намъ очень помогало: въ морѣ, вдоль береговъ, на полфута подъ водою идутъ разныя тропинки, гладкія, ровныя, точно построенныя человѣческими руками; ничуть не бывало; это постройки миллионовъ маленькихъ моллюсковъ — животныхъ, трубочки которыхъ переплестены между собою, склеились и составили эти тропинки. Въ неровностяхъ этихъ построекъ живетъ множество разнообразнѣйшихъ животныхъ; насъ особенно сильно занимало одно изъ нихъ; оно очень быстро и отрывисто

шевелило своими щупальцами, и при каждом движеніи отъ него сыпались искры.

Къ обѣду мы обыкновенно собирались въ свой замокъ, наскоро ѣли кое-чего и принимались за работу. Каждый изъ насъ замѣчаніе свое передавалъ товарищамъ, и такимъ образомъ мы утroyали наслажденіе, находя сочувствіе другъ въ другѣ. Трудно выразить, сколько удовольствія намъ приносила эта возможность передавать другъ другу мысли; я вполне цѣнилъ это счастье, потому что до тѣхъ поръ и путешествовалъ, и работалъ всегда одинъ. Да, не разъ сжималось у меня сердце, когда природа открывала передо мною свои сокровища, а мнѣ не съ кѣмъ бывало подѣлиться своими наблюденіями, и выразившійся восторгъ мой замиралъ въ безотвѣтномъ одиночествѣ!

Вечеръ мы проводили обыкновенно въ прогулкахъ, отдыхая отъ дневныхъ занятій посреди самыхъ дружескихъ, душевныхъ разговоровъ, всходили между высокими кактусами на холмъ, садились и смотрѣли на далекій горизонтъ, сливавшійся съ моремъ. Мало-по-малу солнце клонилось къ краю неба, окупалось въ море, зажигало его и стлалось своими фіолетовыми отблесками и по морю, и по скаламъ, и по нашей бѣдной деревенькѣ, давая всему что-то тусклое, воздушно-неопредѣленное. Иногда бывало мы запоздаемъ, и на дворѣ совсѣмъ стемнѣетъ; тогда наши матросы ужасно встревожатся, вооружатся съ головы до ногъ и идутъ насъ отыскивать. Наши моряки очень дурнаго мнѣнія обо всѣхъ жителяхъ твердой земли; въ каждомъ они видятъ разбойника. Не малаго труда стоило намъ вначалѣ отдѣлаться отъ ихъ вѣчной заботливости: они боялись пускать насъ однихъ на берегъ моря и въ горы. Впрочемъ и падре Антоніо поддерживалъ въ нихъ такую

боязнь; у него всегда были наготовѣ заряженное ружье и пистолеты.

Двадцать дней продолжалась совершеннѣйшая тишина; все это время мы работали: наши тетради наполнялись замѣтками и рисунками. Но вдругъ начался вѣтеръ; онъ могъ продлиться нѣсколько дней сряду; когда намъ пришлось бы сидѣть, сложа руки; оставалось одно — пуститься въ дальнѣйшій путь. Въ одинъ часъ мы собрались, свернули свои тюфяки, установили банки, фляжки и инструменты на прежнія мѣста, и были готовы. Падре Антоніо выразили мы свою благодарность небольшою платою за квартиру, выдали ему, за общеою подписью, великолѣпное свидѣтельство въ его услужливости и гостепріимствѣ, пожали ему въ послѣдній разъ руку и, распустивъ большой италіанскій парусъ, быстро понеслись вдоль берега къ Каstellамаре.

Шли мы все на западъ мимо песчаныхъ береговъ и богатыхъ долинъ; но вотъ миновали мысъ *Omo Morto*, быстро повернули на югъ, потеряли вѣтеръ и на веслахъ пошли въ Каstellамаре. Это — самый большой изъ сицилійскихъ заливовъ. Благодаря необыкновенно прозрачному воздуху, пятимильный заливъ лежалъ передъ нами, какъ на ладони. Какъ граціозно округлялась линія, которою онъ оканчивался! Восточный берегъ его поднимался изъ моря постепенно, террасами, украшенными богатою жатвою и тѣнистыми оливковыми и апельсиновыми рощами; только вдаль, на послѣднемъ планѣ, оканчивался онъ красиво очерченными горами. Западный же берегъ полукруга круто поднимался почти отъ самой воды и мрачною, обрывистою, обнаженною грядою скалистыхъ горъ тянулся до самаго мыса Санто - Вито. Средину береговъ залива занимала гора Иниче, у подношья которой лѣнился городъ Каstellамаре.

Мы медленно подвигались къ городу, и намъ представлялась довольно замѣчательная картина. Все небо, куда ни глянешь, блестѣло чистою, темною синевою; нигдѣ не было видно ни облачка, ни полосы облачной, какъ это часто бываетъ; а прямо передъ нами на двухъ третяхъ высоты горы Иниче безпрестанно поднимались и ползли облака, окружая вершину ея поясомъ, разнообразно волнующимся и появляющимся то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Иногда облачная полоса эта совершенно отдѣлялась отъ скалъ, изъ которыхъ, казалось, выходила, вытягивалась въ нитку и вскорѣ исчезала; но минуточку спустя, облака опять волновались подлѣ горной вершины.

Явленіе это съ перваго раза поражаетъ своею странностію; но объяснить его очень не трудно; стоитъ только вспомнить, какъ образуются облака. Вода необходима для всего, живущаго на землѣ, почти столько же, сколько самый воздухъ, и природа всюду помѣстила ее. И въ воздухѣ есть постоянно водяныя частицы; онѣ бываютъ или совершенно невидимыя, совсѣмъ растворенныя, и тогда только особенными инструментами, которые показываютъ степень влажности воздуха, можно узнать, что есть вода въ воздухѣ и сколько ея въ немъ. Иногда же водяныя частицы становятся видимыми и носятся по воздуху крошечными, микроскопическими шариками; они внутри пусты. Собраніе безчисленнаго множества такихъ шариковъ мы называемъ туманомъ, или облакомъ. Когда воздухъ сильно нагрѣтъ и въ немъ много влажности, водяныя частицы невидимками наполняютъ его; но стоитъ воздуху отъ чего нибудь вдругъ остынуть, т. е. когда въ немъ теплота перестанетъ расширять водяныя частицы, онѣ соединятся въ болѣе крупные шарики, и мы можемъ ихъ увидѣть простыми глазами.

Посмотримъ же, отчего облако, при совершенно ясномъ небѣ, появляется на горѣ Иниче; южное, жгучее солнце всею палящей силой своей бьетъ въ скалистые бока горы и раскаляетъ ихъ очень скоро; а воздухъ и испаренія вмѣстѣ быстро поднимаются отъ земли, смѣшиваются съ накалившимся подлѣ горы воздухомъ и остаются невидимыми. Тепло сдѣлало воздухъ и легче и влажнѣе; онъ быстро поднимается по наклону горы, образуя теченіе снизу вверхъ. Дойдя до извѣстной высоты, теплый, влажный воздухъ вдругъ охлаждается; невидимыя, влажныя частицы становятся видимыми и составляютъ облако. Новые притоки теплаго воздуха безпрерывно приходятъ снизу, соединяются съ холодными, болѣе рѣдкими слоями и по временамъ то оттѣсняютъ уже существующее облако, то сами уступаютъ ему мѣсто и такимъ образомъ дѣлаютъ борьбу тепла съ холодомъ очевидною для наблюдателя.

Около трехъ часовъ по полудни подошли мы къ городу; всѣ его жители спали, только таможенные лѣниво бродили по берегу; они не хотѣли пустить насъ на землю; но магическое предписаніе Серра - ди - Фолко подѣйствовало, и насъ не только выпустили, но осыпали вѣжливостями. Необразованные люди вѣжливы тогда, когда боятся кулака, палки, или предписанія. Мы были на берегу; но куда дѣваться, гдѣ искать квартиры? Въ цѣломъ городѣ, между двѣнадцатю тысячами жителей, не было ни одного содержателя гостинницы, нельзя было отыскать уголка, гдѣ бы переночевать. Одинъ изъ нашихъ матросовъ, у котораго въ каждомъ городѣ были пріятели, взялся вывести насъ изъ затрудненія: онъ побѣждалъ хлопотать, нашелъ низкую, заваленную полугнилымъ лукомъ комнату, нанялъ ее, обѣщалъ подарокъ отъ насъ, и великолѣпное помѣщеніе было намъ уступ-

лено. Коробами и лопатами очистили комнату, поставили козлы, настлали на нихъ досокъ, устроили кривати, и мы могли перебираться. Но воздухъ въ избѣ былъ до того удушливъ, что мы готовы были воротиться къ своимъ пенатамъ — тараканамъ.

Заливъ Кастелламаре великъ, но въ немъ всего только одно мѣсто, безопасное для кораблей; первые строители города хорошо понимали это и потому употребляли всевозможныя средства, чтобы укрѣпить его; цитадель и замокъ построены на узкой скалистой полосѣ, вдающейся въ море; широкій каналъ отдѣляетъ ее отъ твердой земли; высокія стѣны, частію высѣченныя изъ скалы, окружаютъ цитадель; основаніе башенъ тонетъ въ морѣ. По низкой часовнѣ, на стѣнахъ которой высѣченъ крестъ рыцарей храма, можно догадаться, что именно они строили укрѣпленія. Прежде они были значительны, но съ тѣхъ поръ, какъ выдуманы пушки, они потеряли свое значеніе и совсѣмъ заброшены. Замокъ развалился и въ немъ кишатъ нищіе; ихъ лохмотья развѣшаны по разбитымъ окнамъ и на щитахъ надъ дверьми, на которыхъ еще и теперь красуются гербы. Вмѣсто подъемнаго моста построенъ каменный въ двѣ арки. Городъ, оставивъ свое древнее пепелище, расползся по берегу залива, полѣзъ на гору и съ каждымъ годомъ длинными улицами уходитъ все дальше и дальше въ зелень, на поля.

Мы надѣялись найти въ Кастелламаре новую поживу для работъ и наблюдений, но жестоко ошиблись; не нашли почти ничего ни въ водѣ, ни въ скалахъ, ни на землѣ; пришлось осматривать окрестности и пускаться въ дальнѣйшій путь. Прежде всего надо было увидѣть храмъ Сегесты.

На слѣдующій день мы наняли муловъ съ проводниками и поѣхали; до древняго храма было не болѣе

двухъ миль. Онъ стоялъ въ совершенной пустынѣ, извѣстной подъ названіемъ *Барбара*. Сначала мы ѣхали по мѣстамъ, на которыхъ еще видны слѣды искусственной дороги, но вскорѣ своротили съ нея и поѣхали по истинно сицилійской тропинкѣ. Тутъ намъ пришлось вполнѣ ввѣриться уму, зоркости и твердой поступи нашихъ муловъ. Они стоили нашей довѣренности: пробирались съ неимовѣрною ловкостью между крутыми обрывами, глубокими оврагами, посреди большихъ, нетвердыхъ камней, готовыхъ каждую минуту выскользнуть изъ-подъ копыта и полетѣть съ обрыва вмѣстѣ съ споткнувшимся животнымъ. Успокоившись на счетъ нашихъ муловъ, мы начали посматривать по сторонамъ. Тропинка поднималась все выше и выше, обходя гору винтомъ; сначала, насъ окружали сады и густыя рощи оливковыхъ, померанцевыхъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Но окрестности съ каждымъ шагомъ становились суровѣе, растительность исчезала, голыя скалы выступали и разнообразили окружающую насъ мѣстность. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ пустыньѣ становился путь, и ничего свѣжаго и цвѣтушаго не попадалось на глаза. Вотъ наша тропинка круто повернула за уступъ скалы, и мы остановились, какъ вкопанные. Въ четверти мили передъ нами, въ совершенной пустынѣ, на холмѣ, точно на пьедесталѣ, стоялъ храмъ Сегесты, самый удивительный памятникъ древняго искусства. Какъ онъ чудесно сохранился! Тридцать шесть колоннъ всѣ стоятъ прямо и твердо, ни одна не пошатнулась, точно вчера ихъ только поставили; а между тѣмъ каждая изъ нихъ въ тридцать футовъ вышиною; ни одинъ цоколь не надломился; карнизъ не потерялъ ни одной частицы; всѣ камни крѣпки и широкимъ вѣнцомъ своимъ еще теперь охватываютъ все зданіе; только тамъ

и сямъ изъ трещинъ выбились широколиственные купы растений и, граціозно покачиваясь отъ вѣтра, даютъ новую жизнь, новую прелесть восхитительнымъ остаткамъ давно замолкшей и умершей дѣятельности. Все зданіе отъ времени получило красно-бурый цвѣтъ. Но какъ больно сжалось у меня сердце, когда я зашелъ со стороны фронтона и увидѣлъ на немъ, точно грязную заплату, длинную сѣроватую мраморную доску съ полинявшимъ золотомъ надписи; по-латынѣ было написано, что Фердинандъ I возстановилъ храмъ въ 1781 году. Полъ и основаніе храма были занесены землею. Король Фердинандъ велѣлъ ихъ очистить и возвѣстилъ объ этомъ подвигѣ великодушія неумѣстною надписью. Ну, можно-ли было такъ безобразить и обижать величавую древность?

Изъ храма пошли мы въ театръ; его сцена вполнѣ сохранилась; нижніе ряды ступеней тоже; ихъ недавно очистили отъ сору и земли; мы сѣли тамъ, гдѣ сидѣли прежніе зрители, и передъ нами была таже картина природы, которая открывалась имъ: у подножія Иниче разстилался заливъ и вдали виднѣлся мысъ *Omo Morto*, подернутый синевой; вправо шла причудливая гряда горъ, вершины которыхъ тѣснились другъ къ другу; контуры ихъ или перепутывались до того, что образовали лабиринтъ, или, какъ застывшія волны, грядами шли и терялись въ отдаленіи. Мы стояли, какъ очарованные; насъ окружало вѣковое молчаніе, неподвижность и могилы прошедшаго; нигдѣ не замѣтно было ни тѣни жизни; человѣкъ съ своею хлопотнею не выглядывалъ ни изъ-за одного камня. Храмъ и театръ только одни остались отъ древней, цвѣтущей Сегесты — память религіи и искусства пережила тревоги корыстолюбивой торговли; измѣнническое золото разбѣжалось, рассыпа-

лось прахомъ по свѣту. Отъ богатыхъ мѣшковъ не сохранилось остатка даже между костями въ брѣкчіяхъ. Это — поучительно и отраднo!

Вдали Калафатими прячется за горой и только видны остатки мавританской крѣпости; развалины ея дополняютъ впечатлѣніе унылости. Лишь замокъ маркиза Кардилло напоминаетъ о существованіи людей; но зданіе это стоитъ на такой высокой, крутой и пустынной горѣ, что походить скорѣе на орлиное гнѣздо, чѣмъ на богатое жилье, и поэтому нисколько не нарушаетъ дикой гармоніи цѣлаго вида.

Насмотрѣвшись кругомъ снаружи, мы вздумали покопаться въ землѣ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ поживы для нашихъ флаконовъ, коробочекъ и рисунковъ; мы подымали камень за камнемъ; гонялись за бабочками, поймали пару еще незнакомыхъ намъ; встревожили нѣсколько ящерицъ и поймали одну изъ нихъ — *сцинку*. Она вся точно сдѣлана изъ одного куска; не отличишь, гдѣ кончается голова, начинается тѣло и хвостъ; покрыта гладкою, блестящею, точно лакированою чешуею. Въ древности, сцинка играла не послѣднюю роль въ медицинѣ. Плиній (римскій писатель) утверждаетъ, что ея мясо — вѣрное средство отъ всевозможныхъ ядовитыхъ ранъ, а при внутреннемъ употребленіи — и отъ всякихъ другихъ болѣзней. Впрочемъ на востокѣ и теперь еще вѣруютъ въ цѣлительныя свойства сцинеи и приписываютъ ей самыя разнообразныя достоинства; поэтому немудрено, что за нею гоняются съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ. Въ нижнемъ Египтѣ, на примѣръ, ловятъ сцинковъ тысячами, засушиваютъ на солнцѣ, складываютъ въ мѣшки и продаютъ на каирскихъ и александрійскихъ рынкахъ; да и на западѣ слѣдуетъ только сказать про какую нибудь гадину: «вотъ диво,

вотъ спасительная вещь», и всѣ станутъ гоняться за нею.

Ничто насъ не привязывало къ Каstellамаре, и мы на другой же день отчалили Розалію отъ берега и пустились въ дальнѣйшій путь. Берегъ вездѣ скалистый; известковые камни то выступами шли въ море, то поднимались отвѣсными скалами; по временамъ море образовывало маленькій заливчикъ съ ровнымъ песчанымъ дномъ. Заливчики эти на первый взглядъ совсѣмъ незамѣтны издали: они теряются между выступами прибрежныхъ скалъ и потому составляютъ очень удобныя пристанища для небольшихъ судовъ; хотя они и не защищаютъ достаточно отъ бури, однакожъ ими пользовались алжирскіе и тунисскіе морскіе разбойники, прятались тутъ, нападали на сицилійскіе берега, грабили ихъ и уводили жителей въ неволю. Такихъ заливчиковъ множество, и надъ каждымъ изъ нихъ построено по одной, или по нѣскольку укрѣпленныхъ башенъ; въ нихъ постоянно бывалъ гарнизонъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы при появленіи пиратскаго, или другаго подозрительнаго корабля, дѣлать тревогу и быть готовымъ къ защитѣ; тревога тотчасъ передавалась по всему берегу залива Каstellамаре; изъ городской гавани выходили военные корабли и гарнизоны двухъ сотъ башенъ были готовы биться. Во всѣхъ нихъ было десять тысячъ человѣкъ войска. Съ тѣхъ поръ, какъ Французы покорили Алжиръ, нападенія разбойничьихъ шаекъ прекратились, башни оставлены, войско распущено, и рыбаки мирно причаливаютъ свою лодку тамъ, гдѣ еще не изгладились слѣды кровожадныхъ Алжирцевъ. Просвѣщеніе вездѣ останавливаетъ воровство и грабежи всякаго рода; по этому-то о просвѣщеніи больше всего и надо заботиться.

Мы подходили къ мысу Санго-Вито; матросы говорили съ предварительнымъ наслажденіемъ, что мы тамъ у священника найдемъ отличное помѣщеніе и столько съѣстныхъ припасовъ. что и дѣвать некуда будетъ, къ тому же такихъ хорошихъ, хоть бы на королевскій столъ. Правда, мы привыкли смотрѣть на обѣщанія нашихъ сицилійцевъ въ микроскопъ, но все же ждали чего нибудь порядочнаго. Къ тому же поднялся довольно сильный вѣтеръ и мелкій холодный дождь леденилъ насъ; намъ смерть хотѣлось добраться до обѣтованнаго очага и кушанья. Вотъ мы уже у Санто-Вито: монастырь и церковь снаружи скорѣе походятъ на средне-вѣковой рыцарскій замокъ; архитекторы были честные люди, строили не для виду, заботились болѣе о прочности, нежели о красотѣ. Колокольня — высокая, четырехугольная башня съ необыкновенно толстыми стѣнами и узкими бойницами, вмѣсто оконъ; она могла бы выдержать правильную осаду; такъ она прочна. Тутъ въ церкви лежатъ мощи Св. Вито; богомольцы ежегодно приходятъ сюда тысячами и приношеніями ихъ содержится монастырь.

Каноникъ живетъ въ квартирѣ, устроенной въ одномъ изъ этажей колокольни. Мы прямо пошли просить у него гостепріимства; но онъ не пустилъ насъ дальше передней и объявилъ, что всѣ комнаты заняты и есть только одинъ свободный — сырой, холодный чуланчикъ. «Ступайте лучше, прибавилъ онъ, въ деревню; тамъ и дома больше, и комнаты чище, и воздухъ лучше.» На разговоръ нашъ вышла молоденькая Италіанка — его ключница; по глазамъ ея видно было, что помѣщенія у каноника довольно, и если бы отъ нея зависѣло, она пріютила бы насъ очень охотно; но ея никто не спрашивалъ, и намъ пришлось искать удачи въ другомъ

мѣстѣ. Ужъ искали мы, искали и наконецъ нашли себѣ ископаемое помѣщеніе; туда надо было спускаться черезъ подъемную дверь, по крутой лѣстницѣ: квартира наша состояла изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ съ выбитыми стеклами и одного темнаго чуланчика, похожаго на собачью конуру. Въ цѣлой деревнѣ насилу нашли мы два чуть живыхъ стола и три полуразломанныхъ стула; но не оказалось даже ни одной доски, чтобы сдѣлать кровать; пришлось ложиться на грязномъ полу. Послѣ этой неудачи, мы стали хлопотать о сѣбѣстныхъ припасахъ — новое разочарованіе: не только на первый разъ ничего не попало, но и во все пребываніе на Санто-Вито мы добыли только одну курицу, и та была такъ стара, что послѣ трехъчасовой варки зубъ не бралъ ея; оставалось довольствоваться яйцами и сыромъ. Конечно, это — не ученые, животные недостатки, но все же недостатки.

Мнѣ и Бланшару было это ни по чемъ; мы были еще очень молоды; но Г. Эдвардсу, въ его лѣта, трудно было промѣнять удобный и спокойный кабинетъ на грязь, духоту и холодъ подвала. Всѣ неудобства можно бы легко сносить, еслибы отыскивались хоть предметы для наблюденій; но и природа была скупа, какъ каноникъ. Вѣтеръ съ каждымъ днемъ нагонялъ новыя тучи; холодный дождь, не находя препятствія въ нашихъ оконныхъ рамахъ, поливалъ наши столы, рисунки и бумаги. Волны набѣгали на прибрежныя скалы, разбивались объ нихъ и обдавали ихъ пѣной: гдѣ тутъ найти маленькихъ животныхъ въ морѣ? Они или попрятались въ свои естественные домики, или залегли на дно морское. Часто возвращались мы домой съ пустыми руками; оставалось ловить только тѣхъ, которые живутъ или на землѣ, или если и въ морѣ, то въ костистыхъ домикахъ.

Много часовъ провели мы, наблюдая муравьевъ; нашли множество породъ, свойственныхъ и умѣреннымъ, и жаркимъ странамъ. Мы любовались проявленіемъ не одного инстинкта, но и ума у этихъ крошечныхъ животныхъ и готовы были повторить всѣ опыты, уже не разъ дѣланные надъ ихъ сметливостію; но на это у насъ не стало времени. Мы только вырыли цѣликомъ одинъ изъ подземныхъ муравейниковъ и взяли его съ собою, чтобы доставить въ музеумъ.

Главнымъ занятіемъ Г. Эдвардса въ нашихъ стоянкахъ и въ путешествіи по Сициліи было наблюдать медузъ и ихъ родственниковъ — бериодовыя породы. Не смотря на безчисленныя видоизмѣненія этихъ двухъ разрядовъ, въ нихъ есть много общаго въ питательныхъ каналахъ и въ нервной системѣ; теперь доказано, что и на этой низкой степени животнаго царства организація не такъ проста, какъ это долго думали; животныхъ этихъ разрядовъ нельзя называть, какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, только *живымъ слизистымъ веществомъ*, у котораго *будто нѣтъ ни рта, ни внутренностей, ни нервной системы*. По новѣйшимъ наблюденіямъ такія понятія совершенно отвергнуты.

Дурная погода мѣшала особенно мнѣ: я ничего почти не находилъ для наблюденій, однакожъ не унывалъ; помогалъ своимъ товарищамъ и оканчивалъ работы, прежде начатыя; такъ мнѣ удалось наблюдать очень странныхъ животныхъ изъ породы *неридъ*; много любопытнаго нашли мы въ нихъ и дивились чудесамъ, скрытымъ въ ихъ устройствѣ. Не столько громадныя горы и громадныя животныя, сколько пылинки и живыя существа — меньше пылинокъ показываютъ изумительную мудрость и гармонію творенія. Эти атомистическія капельки художественно развивающейся жизни наполняютъ душу благоговѣніемъ.

Дождь, вѣтеръ и холодъ продолжались; жизнь въ комнатахъ безъ оконъ становилась невыносима; ходить по берегу, о который съ каждымъ днемъ волны разбивались съ большимъ бѣшенствомъ, оказалось совершенно бесполезнымъ и становилось опаснымъ; слѣдовательно, пора было подумать о новомъ перекочеваньи. Но ѣхать на лодкѣ при такомъ холодѣ и по такому бурному морю была вещь совсѣмъ непривлекательная; мы отпустили лодку съ моряками, приказавъ имъ ѣхать до Трапани, а сами отправились туда же сухимъ путемъ на мулахъ. До Трапани всего было нѣсколько часовъ ѣзды, но мулы намъ попались такіе тряскіе, а сѣдла точно выдуманные для того, чтобы мучить родъ людской, что время тянулось для насъ безконечно долго, и мы все глядѣли впередъ, какъ бы желая притянуть къ себѣ Трапани. Послѣ мученическаго путешествія на гвоздикахъ и деревяшкахъ вмѣсто сѣделъ, мы съ удивительнымъ наслажденіемъ залегли на постеляхъ *Albergo di Napoli* (гостинница Неаполь) и разомъ выспались за цѣлый мѣсяцъ, проведенный почти на голыхъ доскахъ.

Трапани лежитъ на сѣверо-западной оконечности Сициліи; у него очень порядочная гавань, а въ немъ до тридцати тысячъ жителей. На каждомъ шагу одинаково видно, что его прошедшее — лучше настоящаго; прежнее богатство и великолѣпіе смѣнились крайнею бѣдностью; въ развалинахъ прежнихъ дворцовъ гнѣздятся полунагіе нищіе; въ залахъ развѣшаны лохмотья; по широкимъ и длиннымъ улицамъ растетъ трава и вьются тропинки, точно по полямъ. Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ смотрѣли мы на великолѣпный дворецъ Вильгельма Порселе, единственнаго изъ всѣхъ Французовъ, котораго Сицилійцы не убили во время страш-

Тутъ намъ пришлось вполнѣ ввѣриться уму, зоркости и твердой
поступи нашихъ муловъ.

(О стран. и нар. Т 3).

наго истребленія его соотечественниковъ въ *Сицилійскія вечера*. Стѣны еще теперь покрыты скульптурными изображеніями, довольно хорошо сохранившимися; повсюду гербы этого гордаго семейства: на каждомъ шагу видишь кабана въ красномъ полѣ и сверху орла, готоваго летѣть на своихъ недруговъ; всюду трофеи, богато высѣченные изъ мрамора, всюду стоятъ еще статуи; но все поломано, испорчено. Остался только нижній этажъ; въ немъ живутъ теперь не люди, а лошади. Такія неожиданныя встрѣчи попадаются въ Сициліи на каждомъ шагу.

Трапани выстроился на пепелищѣ Дрепанума; странно, что отъ древняго города не осталось и слѣда; даже отъ храма Венеры ничего не сохранилось; сначала на мѣстѣ его Сарацины устроили крѣпость; впослѣдствіи ее замѣнилъ монастырь Сантъ-Джуліано. Время стерло, или замело остатки древняго міра, слѣды ненависти и борьбы человѣческой; но природа — все таже; при входѣ въ гавань все еще стоитъ скала, описанная латинскимъ поэтомъ *Виргиліемъ*; ее зовутъ Колумбара (голубиная); она была посвящена Венерѣ. Память о богинѣ осталась только въ книгахъ, а въ преданіяхъ простаго народа — ея нѣтъ; но птицы ея еще до сихъ поръ любятъ привычныя скалы. Перелетные голуби каждой весною останавливаются на островѣ Колумбара, вьютъ гнѣзда и выводятъ дѣтей. Ихъ воркованье и эти невнятные звуки, столько похожіе на задушевный, младенческій говоръ, нѣжатъ душу какою-то сладостію упоенія и меланхоліи. Было время, когда ихъ, этихъ прелестныхъ голубковъ, считали остатками язычества и хотѣли отогнать и отъучить отъ скалы; но напрасно: голуби жили до язычества и будутъ жить послѣ него. И вотъ, что любопытно: богиня красоты до сихъ поръ будто разсы-

пають свои дары жителямъ Трапани: здѣсь самыя красивыя женщины. Ужъ не оттого ли, что въ жрицы Венерѣ не изъ одной Италіи, но и изъ Греціи, и со всего тогда извѣстнаго міра выбирали самыхъ прекрасныхъ женщинъ? Почему красотѣ не перейти по наслѣдству къ дальнимъ потомкамъ? Безобразіе жъ переходитъ.

Бросивъ взглядъ на скалистые берега залива съ сѣверной его стороны и на безконечные солончаки, которые тянутся съ южной, мы увѣрились въ совершенной невозможности найти, что бы то ни было, на землѣ, или въ водѣ, и поэтому, не теряя времени, рѣшились искать удачи въ иномъ мѣстѣ. Миляхъ въ трехъ отъ Трапани выглядываютъ изъ моря острова Фавиньяна; благодаря чистотѣ воздуха, мы, какъ на картѣ, различали очерки заливами изрѣзанныхъ береговъ и оригинальную фізіономію горъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали нашей лодки, и лишь только она бросила якорь, перебрались на нее и поплыли къ желаннымъ островкамъ. Острова эти лежатъ всторонѣ отъ обыкновеннаго пути торговыхъ кораблей и потому туда рѣдко кто заѣзжаетъ; раза два въ годъ пріѣзжаютъ Англичане за виномъ; но никто не запомнить, чтобы туда завернулъ путешественникъ и еще съ ученой цѣлью. Послѣ этого можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело предписаніе гр. Серра-ди-Фолко, которое извѣщало о нашемъ прибытіи и повторяло приказаніе во всемъ оказывать намъ помощь. Сначала отправился я туда одинъ, чтобы все поразвѣдать и, если можно, найти для насъ помѣщеніе; меня встрѣтили съ самымъ радушнымъ приемомъ: одинъ позвалъ меня обѣдать, другой прислалъ мороженаго, наконецъ комендантъ форта Екатерины предложилъ намъ свою виллу на все время пребыванія на Фавиньянѣ; а мѣстоположеніе ея было очень удобно

— на самомъ берегу моря, въ одной верстѣ отъ деревни.

Мы бросили якорь въ небольшомъ углубленьицѣ, нарочно вырытомъ прямо противъ нашего будущаго жилища, и застали врасплохъ цѣлый десятокъ работниковъ и работницъ, все приготовлявшихъ для насъ. Одинъ штукатурилъ стѣну, другой бѣлилъ всѣ три комнаты, составлявшія нашъ домъ. Жена коменданта съ помощію трехъ служанокъ сама помогала; она лила воду изъ ведра на каменный полъ, а служанки терли изо всѣхъ силъ. Нечаянное появленіе наше произвело суматоху; со всѣхъ сторонъ послышались крики, посыпались извиненія въ томъ, что ничто не готово. Синьора вскочила на осѣдланнаго осла и уѣхала рысью; черезъ два часа оселъ воротился, навьюченный до самыхъ ушей тюфяками, подушками, простынями и одѣялами; сверхъ того на немъ было множество столовыхъ и кухонныхъ принадлежностей и совершенно готовый обѣдъ. Легко вообразить, съ какою благодарностью приняли мы все это; мы были такъ довольны, что готовы были разцѣловать осла, привезшаго все это. Между тѣмъ принялись выбирать свои пожитки; при перетаскиваніи чемодановъ и инструментовъ намъ каждый разъ приходилось дѣлать большой кругъ; заборъ, сложенный изъ полевыхъ камней, мѣшалъ намъ ходить прямо; хозяинъ это замѣтилъ и тотчасъ приказалъ разобрать одно мѣсто. Тутъ такъ и оставался проломъ для нашего удобства, и каждый вечеръ мы его закладывали камнями.

Много ли найдется въ Европѣ людей, столько предупредительныхъ? Такую черту можно найти только между людьми, гдѣ рѣдко появляются иностранцы, или посреди такого патріархально-гостепріимнаго народа, каковы Русскіе.

Къ сожалѣнію надо сказать, гостепріимство и предупредительность Сицилійцевъ не совсѣмъ безкорыстны; это я замѣтилъ при отъѣздѣ изъ Фавиньяна. Отправляясь въ путешествіе по Сициліи, мы никакъ не предполагали, чтобы тамъ не было гостинницъ и что за гостепріимство надо отплачиваться подарками, а потому не набрали вещицъ, годныхъ для подарковъ. Во всѣхъ случаяхъ мы старались отдѣлываться деньгами — что намъ всегда и удавалось; но когда пришлось уѣзжать съ Фавиньяна, мы не знали, что подарить коменданту и потому разсыпались передъ нимъ въ благодарностяхъ; видя, что отъ насъ, кромѣ словъ, ничего не дождемся, онъ безъ церемоніи выразилъ свое неудовольствіе. Но въ послѣдствіи, добравшись домой, мы не забыли его гостепріимства и послали ему подарокъ, который, вѣроятно, истребилъ въ немъ мысль о нашей неблагодарности.

На Фавиньянѣ намъ все благопріятствовало, и мы принялись за работу; до насъ еще ни одинъ натуралистъ не побывалъ здѣсь. Группа острововъ Эгадскихъ состоитъ изъ трехъ большихъ острововъ — Фавиньяна, Леванцо и Маретино, и нѣсколькихъ скалъ, отдѣльно торчащихъ изъ моря. Мы ограничились преимущественно Фавиньяной; до другихъ было далеко; къ тому же по нѣкоторымъ примѣтамъ можно было заключить, что тамъ для насъ не много поживы; Леванцо, напримѣръ, обрывисто поднимался надъ поверхностью моря, и породы полиповъ, живущихъ и растущихъ подлѣ него, по многимъ опытамъ, доказывали, что кромѣ нихъ мы ничего не найдемъ; жителей тамъ тоже нѣтъ; на самой вершинѣ горы стоитъ замокъ, а въ немъ только крошечный гарнизонъ и необходимые для телеграфа инженеры.

Впрочемъ, для всѣхъ нашихъ разысканій намъ довольно было и одного Фавиньяна; онъ въ окружности болѣе семи миль (21 версты), и геологическое строеніе его нѣсколько разнообразнѣе прочихъ острововъ. Въ центрѣ острова, на тысячу двѣсти футовъ надъ поверхностью моря, возвышается гора; на вершинѣ ея построена крѣпость Св. Екатерины, гдѣ содержатся политическіе преступники королевства обѣихъ Сицилій. Восточный и западные склоны и побережья острова покрыты слоемъ очень нѣжнаго, ломкаго известняка, известнаго подѣ названіемъ Палермскаго; одна изъ самыхъ главныхъ составныхъ частей его — окаменѣлыя, допотопныя животныя. Даже простымъ глазомъ, безъ увеличительнаго стекла, въ немъ можно различить множество разнообразнѣйшихъ животно-растеній, губокъ и полиповъ. Если бы вздумать составлять коллекцію этихъ допотопныхъ остатковъ, стоило бы только отломить кусокъ въ квадратный футъ величиною. Намъ некогда было заниматься мертвыми животными, море кишѣло живыми: умѣй ловить только въ сѣтку, подѣ микроскопъ, подѣ карандашъ и подѣ перо. Смотри и давай смотрѣть другимъ — вотъ что необходимо для просвѣщенія ума!

Между крошечными, почти микроскопическими окаменѣlostями, попадаютъ довольно крупныя раковинки; но ихъ очень немного. Вообще замѣчено, что микроскопическія животныя больше содѣйствовали къ образованію земной коры, чѣмъ большія. Чѣмъ животное больше и организація его совершеннѣе, тѣмъ рѣже попадаютъ остатки его, какъ ископаемыя. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ найдено не болѣе четырехъ скелетовъ обезьянъ; мамонты, мастодонты, исполинскія пресмыкающія и т. д. оставили очень немного на па-

мать своего существованія, и человѣкъ радъ радехонееъ, когда ему удастся тамъ и сямъ найти кости ихъ. Напротивъ того, низшаго устройства животныя повсюду помогали образованію земной коры. Нѣкоторыя раковинки составляютъ иногда цѣлыя горы, а инныя состоятъ только изъ инфузорій и такихъ маленькихъ, что на кончикѣ булавки можно бы помѣстить сотню ихъ.

Но воротимся къ Фавиньяну: мягкій, хрупкій известнякъ составляетъ слой подъ всею удобною для обработки землею; онъ, какъ губка, всасываетъ въ себя дождевую воду, не даетъ ей стекать въ море и сохраняетъ влажность. По всему острову вырыто много колодцовъ: есть тоже и ключи живой, холодной воды, столько драгоценной въ лѣтніе жары.

Главная деревня, столица Фавиньяна, стоитъ близъ залива, глубоко вдающагося въ землю, въ самой срединѣ острова, она состоитъ изъ трехъ, или четырехъ сотъ домиковъ, очень чисто построенныхъ; въ ней около трехъ тысячъ жителей. Кажется, народъ тутъ богаче, чѣмъ въ другихъ деревняхъ, гдѣ мы были. Но въ умственномъ образованіи, Фавиньянцы отстали отъ своихъ соотечественниковъ; на нихъ видна печать уединенія; человѣкъ учится и развивается столько же, или еще больше, отъ окружающаго его общества, сколько изъ книгъ; вотъ одинъ примѣръ, доказывающій еще первобытное образованіе Фавиньянцевъ: они до сихъ поръ еще не собрались завести у себя на колокольнѣ часы, а время знать всякому нужно; такъ они придумали замѣнить часы человѣкомъ. На одной изъ крѣпостныхъ башенъ виситъ большой колоколь; къ нему приставленъ сторожъ, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы соображаясь съ песочными часами, молоткомъ бить въ колоколь. Легко понять, что часы бьютъ

несовѣмъ вѣрно; мы это часто замѣчали и на опытѣ увѣрились, что Брегетовскій хронометръ, въ этомъ отношеніи, несравненно лучше человѣка - часовъ.

Если сосчитать гарнизонъ, арестантовъ и чиновниковъ, такъ ихъ выйдетъ гораздо больше коренныхъ жителей. Заключенные содержатся въ тюрьмахъ, высѣченныхъ въ скалѣ, подъ фортомъ Санъ-Джіованни; бѣжать оттуда нѣтъ ни малѣйшей возможности. Тутъ содержатся все воры и разбойники.

Произведеній Фавиньяна недостаточно для прокормленія его жителей: большая часть земли — подъ садами, огородами, виноградниками и нѣсколько подъ хлѣбомъ. Овощи на Фавиньянѣ рождаются особенно крупныя и хорошія, а плодовые деревья такъ и ломаются подъ сочными, сладкими персиками, абрикосами, лимонами и апельсинами; виноградъ превосходный, и вина изъ него добывается очень значительное количество. Англичане ежегодно пріѣзжаютъ покупать его. Кактусы, какъ и вездѣ, означаютъ мѣста, на которыхъ прекращается всякая производительность земли. Препятствіями стада рогатаго и безрогаго скота — три, четыре коровы; жителямъ почти все приходится покупать въ Сициліи, начиная съ мяса и муки для хлѣба до коровьяго и оливковаго масла; за все они расплачиваются виномъ и плодами. Промышленности и фабрикъ — нѣтъ и слѣда; все, нужное для ежедневныхъ потребностей и для роскоши, привозится или изъ Англіи, или изъ Франціи. Судя по тому, что мы видѣли, мнѣ кажется, всѣ вещи, необходимыя для дома, начиная отъ ножа и вилки до заступа и лома, отъ блюдечка и солонки до блюда и миски, привезены изъ Лондона; а все, что касается до прихоти — изъ Парижа. Въ нѣсколькихъ домахъ на каминныхъ полкахъ стоятъ вазы извѣстныхъ французскихъ

заводовъ, стѣны покрыты французскими обоями и увѣшаны французскими гравюрами.

Даже земля не принадлежит Фавиньянцамъ; они только нанимаютъ ее; весь архипелагъ составляетъ собственность семейства Палавичини. Хозяева очень рѣдко пріѣзжаютъ въ свое морское владѣніе и управляютъ имъ за глаза; да и доходъ съ земли очень незначительный; зато море посылаетъ изъ своей глубины такое богатство, что другого и желать нечего. Право ловить, что попадется въ водахъ архипелага и въ части Средиземнаго моря, принадлежит исключительно семейству Палавичини; особенно ловля тунцовъ приносить имъ большія выгоды.

Разысканія наши были очень успѣшны; мы наблюдали пищевареніе и кровообращеніе въ существахъ нашего мелкаго міра и открыли ихъ тамъ, гдѣ этого и не подозрѣвали. Насмотрѣвшись въ микроскопъ на морскихъ животныхъ Фавиньяна, перерисовавъ тѣхъ, которыя объясняли что нибудь или въ пищевареніи, или въ кровообращеніи, мы начали думать о томъ, какъ бы продолжать путешествіе.

Первоначальный планъ нашъ состоялъ въ томъ, чтобы объѣхать всѣ берега Сициліи; но по наблюденіямъ, по геологическимъ картамъ и, частію, по словамъ нашихъ матросовъ, мы измѣнили планъ. Намъ попались такіе сметливые рыбаки, что въ короткое время совершенно поняли, чего мы ищемъ. Они не только помогали намъ вытаскивать животныхъ, но часто и указывали мѣста, гдѣ ихъ больше. Узнавъ о нашемъ намѣреніи отправиться изъ Фавиньяна дальше, по южному берегу, они говорили намъ, что не найдемъ тамъ ничего, кромѣ песку, валуновъ и злокачественныхъ болотъ; разсмотрѣвъ

подробно геогностическія карты, мы должны были повѣрить словамъ ихъ.

Сицилія, какъ видно, произошла вслѣдствіе насильственнаго переворота въ земной корѣ и выдвинута изъ моря; но сила, выдвигавшая ее, не вездѣ одинаково дѣйствовала: въ западной и юго-западной части горы мало-по-малу понижаются къ морю, образуютъ большія долины и низменности, покрытыя солончаками и болотами. Есть, правда, нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ вулканическаго происхожденія, но и онѣ не выше двухъ тысячъ футовъ. Одна только Monte - Caramata выше четырехъ тысячъ футовъ. Посреди острова горы значительнѣе, но самая гористая сторона Сициліи — сѣверная и восточная; тутъ горы уже гранитныя и гнейсовыя — ясное доказательство, что нужна была большая сила, чтобы выдвинуть ихъ сквозь наносные слои известняковъ и глинистыхъ сланцевъ. Многія изъ сѣверныхъ горныхъ вершинъ поднимаются на четыре тысячи футовъ и болѣе, а Пизцо ди Палермо (Pizzo di Palermo) достигаетъ до шести тысячъ футовъ. Отъ этихъ горныхъ цѣпей тамъ и сямъ идутъ отроги, которые оканчиваются мысами и отдѣляются небольшими иззубренными полуостровами.

Смотря на нихъ, я мысленно переносился на очаровательные берега озера ди Гарди и памятью украшалъ дѣйствительность.

Конечно, все великое дѣлается умомъ, наукой; безъ ума нѣтъ красоты и не поймешь красоты; а умъ напрягается продолжительнымъ ученіемъ, медленнымъ, копотливымъ, многолѣтнимъ трудомъ. Но отъ непрерывнаго труда человѣкъ бы скоро обезсилѣлъ и зачахъ тѣломъ и душой. Природа будто знала это и разсыпала наслажденія, которыя достаются даромъ всякому, отъ

которыхъ даже душа, убитая тоской, свѣжѣетъ на минуту, какъ сухой листъ, опрысканный теплою водою.

Утомившись изслѣдованіями *важныхъ мелочей*, притупивши глаза и мысли продолжительнымъ вниманіемъ, мы давали себѣ волю ходить, куда вздумается, думать, о чемъ придется; бродишь, бывало, по горамъ, забираешься на такую высоту, что даже птицы не пугаются, должно быть, принимая за своего брата, сядешь въ выбоѣ скалы и смотришь на глубокую, со всѣхъ сторонъ каменными громадами замкнутую долину. Съ вышины не видишь подробно, что тамъ за цвѣты и деревья. Но поднимающійся оттуда, какъ изъ огромной курильницы, ароматъ, даетъ чувствовать, что тамъ рай. Или пойдешь на берегъ, сядешь на мысу, который, какъ гранитная стрѣла, далеко выбѣгаетъ въ море, и, кажется, самъ срастаешься съ нимъ и за одно чувствуешь, какъ море на него плещетъ голубыми, теплыми волнами и ласковымъ журчаньемъ хочетъ размягчить его угрюмость. Вонъ бѣдный сицилійскій рыбакъ, морской лаццароне, вѣрно, наловилъ себѣ на ужинъ — штукъ пять рыбокъ, вынулъ якорь, сложилъ весла и что-то играетъ на мандолинѣ; но вотъ онъ оставилъ и мандолину; вѣрно, нѣга лѣни розняла до костей: онъ ложится на лодкѣ, облокотясь на корму. Море тихою зыбью влечетъ его куда-то; ему все равно: онъ выйдетъ на берегъ, гдѣ его застигнетъ ночь, разведетъ огонь прутьями, которые ему попадутся.... но ночь еще не пришла. Солнце съ послѣдней черты горизонта сливается небо и море въ одинъ очаровательный *свѣтъ*. Глаза, слухъ, мысли, все погружается въ какую-то волшебную дрему....

Какъ тутъ не отдохнуть? Какъ снова не приняться за работу?

ВИДЫ И ВСТРѢЧИ ВЪ ГРЕЦІИ.

(Изъ путешествія въ 1840 году).

ано утромъ услышалъ я, что съ нашего корабля бросили въ воду якорь. Выхожу на палубу и вижу, что мы остановились въ *Пирейскомъ* заливѣ. Онъ походитъ на маленькое озерко. Егинскіе острова съ своими горами, изъ - за которыхъ поднимались, громясь однѣ надъ другими, горы Мореи, казалось, запылали входъ въ него. Онъ, дѣйствительно, узокъ.

Изъ - за домовъ Пирея и изъ - за темно - зеленыхъ оливковыхъ деревьевъ виднѣлся Ликабетъ и Акрополисъ. Картину замыкали горы Гиметъ и Пентеликонъ. Она производитъ какое - то жесткое впечатлѣніе: все камень да камень; не даромъ и древніе называли эту страну «*Каменной Аттикой*». Налѣво лежитъ маленькій полуостровъ, кое - гдѣ покрытый кустарниками; направо тянется голая каменистая долина.

Въ этой пристани, гдѣ еще *Θεμιστοκλῆς* спускалъ въ воду по шестидесяти галеръ въ годъ, теперь находилось весьма незначительное число греческихъ кораблей; а между тѣмъ было множество англійскихъ, французскихъ и австрійскихъ.

День прошелъ скоро. Въ вечеру представилось такое зрѣлище, какого я не видывалъ во всю жизнь свою, котораго нѣтъ возможности изобразить ни красками, ни словами. Горы Гиметъ и Пентеликонъ, днемъ представляющіяся темно-сѣрыми, при закатѣ солнца вдругъ сдѣлались красными, какъ будто были составлены изъ всѣхъ греческихъ розъ. Долина подернулась тонкимъ румянымъ сіяніемъ. Всѣ предметы казались чрезвычайно ясными и близкими, а между тѣмъ глазъ чувствовалъ, что они находятся на разстояніи нѣсколькихъ миль. Ряды морейскихъ горъ лежали въ разнообразнѣйшемъ освѣщеніи — съ тончайшими переходами отъ свѣтло-розоваго до темно-голубаго цвѣта.

Но вотъ солнце закатилось. Раздался заревой пушечный выстрѣлъ; флаги съ кораблей упали. Не стало видно ни кустарника, ни дерева. Въ горахъ и долинахъ — пустынное безмолвіе. Небо чудно — прозрачно. Звѣзды кипятъ золотыми роями и, кажется, каждую минуту сыплются больше и больше изъ бездонной синевы его. И море блещетъ трепетнымъ ихъ блескомъ, съ тонкимъ голубоватымъ отливомъ.

Отъ гавани долетаютъ пѣсни матросовъ. На берегу засвѣтился маякъ. У домовъ ходятъ люди съ огнями въ рукахъ. Кругомъ все смолкло, даже чайка не крикнетъ. Только развѣ всколышетъ легкую зыбъ скользящій челнокъ, да плеснетъ весло! Благоговѣйное молчаніе, молитва природы надъ вѣковыми могилами, на кладбищѣ племенъ и поколѣній, среди величественныхъ памятниковъ и очаровательныхъ развалинъ!

Съ увлеченіемъ смотрѣлъ я на берега и нетерпѣливо ждалъ времени, когда намъ будетъ позволено на нихъ выдти. Наконецъ насталъ желанный часъ. На третій день нашего карантиннаго заключенія я чѣмъ свѣтъ

вышелъ на палубу. Около двѣнадцати греческихъ лодокъ тѣснились и колыхались вокругъ нашего корабля. Я бросился въ первую; бодрые гребцы живо довели насъ до берега и я ступилъ на греческую землю. Тамъ стояло множество дрожекъ, старыхъ колясокъ и каретъ. Всѣ онѣ казалось, ужъ отслужили свою службу гдѣ-то въ другой сторонѣ, можетъ быть, въ Италиі, и явились здѣсь, чтобы служить съ-изнова.

За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ между Аѣинами и Пиреемъ было болото. Въ обходъ его тянулись верблюды съ товарами. Теперь по этому мѣсту идетъ превосходная дорога, и на ней стоитъ гостинница, гдѣ есть все, чтобы освѣжиться отъ усталости и жару. Эта дорога тянется на разстояніи доброй нѣмецкой мили отъ Пирея до Аѣинъ; за переѣздъ по ней берутъ бездѣлицу. Всѣ наши пожитки уклали въ старую карету, и изъ обоихъ оконъ ея выглядывали сундуки и чемоданы, какъ будто имъ тоже любопытно было видѣть этотъ поэтический край. Назадъ того экипажа, въ которомъ ѣхалъ я, сидѣлъ Грекъ, одѣтый по праздничному такъ пышно, что гдѣ нибудь на Сѣверѣ онъ могъ бы явиться въ маскарадѣ, и его, конечно, приняли бы за греческаго князя. Это былъ прислужникъ изъ гостинницы «Мюнхенъ». Весело катились мы изъ Пирея. Матросы въ блестящихъ шляпахъ сидѣли передъ гостинницами, какъ будто наскоро сколоченными изъ досокъ, пили вино и привѣтствовали насъ радостнымъ крикомъ. По обѣимъ сторонамъ лежали развалины древнихъ стѣнъ. Пыль была страшная, но это была *классическая* пыль.

Вскорѣ мы доѣхали до оливковой рощи, священной рощи Минервы. Тутъ находились двѣ деревянные лавки съ лимонами и апельсинами, вокругъ которыхъ въ видѣ украшенія стояли бутылки съ разными напитками. Между

тѣмъ какъ поили нашихъ лошадей, къ намъ подошло нѣсколько нищихъ съ большими оловянными чашками. Каждый изъ путешественниковъ далъ имъ что-нибудь; и нельзя было не дать: вѣдь это были бѣдные Греки.

Я самъ себѣ не вѣрилъ, что нахожусь въ Греціи. Улица Гермеса есть первая, по которой отъ Пирея въѣзжаешь въ городъ. Сначала идутъ домики низенькіе, бѣдные, сравнительно съ строеніями другихъ европейскихъ городовъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше; есть дома даже въ два этажа. Акрополисъ возвышался надъ ними, какъ исполинскій тронъ. Посрединѣ улицы красовалась прелестная пальма. Такой высокой мнѣ не удавалось нигдѣ видѣть. Она была обгорожена досками. Не знаю, почему, но она больше всего привлекала мое вниманіе. Когда прокладывали улицу, эту пальму хотѣли срубить: но профессоръ Россъ упросилъ, чтобы ее оставили. Пусть же она напоминаетъ Грекамъ, что земля ихъ можетъ давать жизнь прекраснѣйшимъ произведеніямъ роскошнаго востока. Аѣины показались мнѣ европейскимъ провинціальнымъ городомъ средней величины. Можно было подумать, что въ нихъ происходила въ полномъ развалѣ ярмарка, для которой все было устроено наскоро. Тамошній базаръ — ряды деревянныхъ лавокъ, которыя тянутся по кривымъ улицамъ. Въ этихъ лавкахъ, совершенно какъ на ярмаркѣ, продаются шарфы, пестрые чулки, всякаго рода платье, говядина, овощи, фески, старыя и новыя книги. Одну изъ книгъ купилъ себѣ извозчикъ. Я взглянулъ, что это за книга: это была Иліада Гомера, напечатанная въ Аѣинахъ въ 1839 году. Какія разнообразныя впечатлѣнія: Иліада, дрожки, Гомеръ, извозчикъ, сочиненіе, явившееся въ мірѣ почти за три тысячи лѣтъ, напечатанное въ томъ городѣ, гдѣ при стеченіи многочисленнаго народа пѣли его вдохно-

венные слѣпцы, не знавшіе даже, что такое буква! Просто — какъ странное сновидѣніе! А отрадно становится, когда подумаешь, что мудрое слово, благородная мысль, чувство, сродное всякой человѣческой душѣ, не умрутъ никогда, даже если вымрутъ народы, которымъ они были первоначально переданы!

Въ людяхъ таже пестрота, какъ и въ предметахъ, хотя не всегда производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ Аѣинахъ есть нѣсколько греческихъ, или правильнѣе — турецкихъ кофеенъ, и одна италіянская. Онѣ такъ просторны и красивы, что хотъ бы въ Гамбургѣ, или Берлинѣ. Тамъ я видѣлъ молодыхъ Грековъ въ народныхъ костюмахъ, но ужъ съ лорнетами и въ лайковыхъ перчаткахъ. Они играли на бильярдѣ и курили сигары. По угламъ улицъ стояли на солнцѣ цѣлыми рядами мальтійскіе мужики въ ожиданіи переноски тяжестей и поденной работы.

Городъ быстро строится. Зданія растутъ не по днямъ, а по часамъ. А кто строить? Почти все Греки. Многіе разбойники и бродяги бросили свое низкое ремесло и вмѣстѣ съ крестьянами и солдатами принялись за честный трудъ. Никому не весело быть негодяемъ: остепени дурнаго человѣка, ободри, поддержи его нравственность, дай ему средства работать, да въ то же время дай ему и хорошую плату за работу, и онъ полюбитъ трудъ и будетъ съ отвращеніемъ смотрѣть на бродяжничество и грабежъ. Многіе изъ Грековъ мало-мальски присмотрѣлись къ мастерству иностранному, и вотъ изъ нихъ явились и каменщики, и кузнецы, и плотники. Народъ переимчивый и на все способный.

Въ вечеру на первый день по пріѣздѣ въ Аѣины я былъ въ театрѣ. Это — тоже новое зданіе, наскоро построенное. Греки торопятся во всемъ: имъ надобно спѣ-

шить, чтобы догнать Европейцевъ въ просвѣщеніи. Въ театрѣ четыре яруса ложъ. Онъ вообще красивъ; но лучшимъ украшеніемъ его были зрители въ своихъ національныхъ (народныхъ) костюмахъ. Было много Гречанокъ, но, говорятъ, что это все островитянки; а въ Аѳинахъ женщинъ живетъ мало. Въ театрѣ давали италіанскую оперу. Между тѣмъ изъ партера попадаешь прямо въ гостинницу, при театрѣ находящуюся. Это почти балаганъ: кое-какъ сколоченъ изъ досокъ, стѣны голыя, убранства никакого, даже столъ совсѣмъ нетесанный. Тамъ пьютъ пуншъ, оршадъ и кофе.

Театръ находится за городомъ. Вышедши изъ него ночью, полный гармоническихъ звуковъ, я былъ пораженъ прелестію и величіемъ звѣзднаго южнаго неба. Послѣ многолюдства, пѣсней, говора и грома рукоплесканій, вдругъ я очутился среди безмолвной пустыни. Уединеніе и тишина вдругъ таинственно овладѣли всей моею душою. При мерцаніи звѣздъ я видѣлъ равнину на всемъ ея протяженіи и изъ мрака въ свѣтлую высоту поднимающіяся горы. И жалкія мнѣ показались человѣческія игрища, — и продажныя пѣсни, и поддѣльныя слезы, и декорачіи, и мишурныя украшенія. Я позабылъ ихъ мгновенно и смотрѣлъ кругомъ: среди развалинъ, щебня и дикой травы стояла мраморная колонна, уцѣлѣвшая отъ какого-то древняго разрушившагося зданія. Уединенно, какъ я, стояла она въ тишинѣ и сумракѣ звѣздной ночи, и было въ ней какое-то грустное величіе, больше грустное, нежели въ памятникѣ надъ гробомъ человѣка.

Акрополисъ — скала съ мраморными развалинами на ней. На концѣ широкой улицы Эола (бога вѣтровъ) находится площадь. Поверхность ея очень неровна, она загромождена обломками стѣнъ и зданій. Изъ травы по-

называется храмъ вѣтровъ, откопанный до половины. Въ немъ, когда еще Турки владѣли Греціей, жили дервиши, музультманскіе отшельники. Тутъ растутъ два большіе кипариса. Турецкая баня со множествомъ куполовъ, одинокая пальма и плещущій ручей, вытекающій изъ - подъ древней стѣны, вотъ все, что видишь по близости. Я пошелъ по площади. У ручья стояла маленькая, прекрасная собой Гречаночка, съ глинянымъ кувшиномъ на плечѣ. Вдали передо мной, на известковой скалѣ, въ безпорядкѣ лѣпились дома. За ними возвышался зеленый холмъ. Тамъ паслось стадо овецъ и съ ними пять, или шесть верблюдовъ. По зеленѣющей травѣ идутъ кривою линіей обрушившіяся стѣны; вдоль нихъ вьется тропинка по камнямъ и голышамъ мимо ничѣмъ необгороженныхъ колодезей, находящихся очень близко другъ къ другу. Пробѣгая по этой тропинкѣ, глазъ наконецъ останавливается на городѣ.

Здѣсь каждый клочекъ земли напоминаетъ что нибудь священное, трогающее душу, или пробуждающее въ умѣ размышленія. Вотъ могучая скала, кажется, оторванная отъ Акрополиса, во время какого нибудь большаго переворота въ природѣ. Съ нея Апостолъ Павелъ проповѣдывалъ Аѳинянамъ ученіе Іисуса Христа. Скользнувъ съ высоты ея черезъ пропасть, глаза мои остановились на вырубленныхъ въ камнѣ ступеняхъ. Это — мѣсто, гдѣ еще во время язычества говорили передъ народомъ законодатель Солонъ и величайшій изъ мудрецовъ древности — Платонъ. Когда я смотрѣлъ, на скалѣ сидѣлъ пастиухъ съ двумя собаками, окидывая взглядомъ равнину съ оливковыми лѣсами. Я прошелъ черезъ обитыя желѣзомъ ворота крѣпости. Они висятъ на одной петлѣ. У нихъ валяются мраморные обломки съ надписями. Пройдя чрезъ маленькій дворъ, обстроенный остатками отъ

развалившася укрѣпленія, я остановился у ветхой двери и дернулъ за продѣтую сквозь нее веревочку. Деревянная щеколда отскочила, и я вошелъ во дворъ, нѣсколько обширнѣе прежняго. На немъ находилась маленькая гауптвахта, построенная изъ обломанныхъ мраморныхъ колоннъ, обезображенныхъ статуй и камней старинной стѣны. Греческіе солдаты, шые полуодѣтые, другіе только въ шинеляхъ, наброшенныхъ на плеча, лежали группами, какъ попало, и курили папирсы. Одинъ игралъ на мандолинѣ (инструментъ, похожемъ на гитару) и пѣлъ греческую пѣсню. Шагъ далѣе — опять груды мраморныхъ развалинъ, и древніе Пропилеи, и ветхая средневѣковая башня.

До сихъ поръ только этимъ путемъ и можно было всходить въ Акрополисъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ — неприступныя скалы; на вершинѣ его стояли крѣпкія стѣны, чтобы доступъ къ нему сдѣлать еще затруднительнѣй.

Во время владычества Турокъ надъ Греціей, ходъ черезъ мраморную галерею Пропилей былъ задѣланъ. Колонны составляли часть батарей! Теперь мраморные столбы очищены отъ варварской пристройки, и мраморныя статуи, выкопанныя изъ-подъ булыжника, поставлены рядами на бѣлой, какъ снѣгъ, землѣ. Но какъ же онѣ обезображены! Солнце лило свой свѣтъ, казалось, съ любовью на эти благородные останки неподражаемаго древняго искусства, и вѣтеръ какъ будто шепталъ имъ сладостное слово.

Прошедши чрезъ Пропилеи, я очутился на площади. Она представляла видъ невообразимаго опустошенія, безпорядка и самой унылой одичалости. Все взбуровлено, какъ отъ землетрясенія, перековеркано, загромождено обломками исполинскихъ колоннъ, карнизовъ, статуй,

вазъ, барельефовъ, цитернъ (бассейновъ для дождевой воды). Тамъ валяются человѣческія кости, тамъ заржавѣвшія бомбы, тамъ скелетъ осла, тамъ — тоже скелетъ — высовывается изъ-подъ земли, какъ изъ могилы, храмъ Эрихтея. Все заросло, заглохло травой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *художественный* аканѣевый листъ ласково лънуль къ спротивляющейся колоннѣ.

Съ правой стороны я видѣлъ велколѣпнѣйшія развалины Партефона. Это — храмъ всѣхъ храмовъ, совершеннѣйшее изъ зданій. Его величіе, его красота, изящество его рельефовъ до сихъ поръ поражаютъ изумительно. Все это варварски разстрѣлено, разбито, обрушено, но и въ томъ видѣ, какъ оно есть, еще прекрасно.

Венеціане взорвали часть Партефона вмѣстѣ съ пороховымъ магазиномъ. Турки били его ядрами и бомбами. Въ самомъ храмѣ лежитъ обвалившаяся мечеть. Чудныя громады уцѣлѣвшихъ столбовъ, кажется, попираютъ съ негодованіемъ этотъ мусоръ строенія враговъ образованности. Колонны, со стороны моря, получили красновато-желтый цвѣтъ, но другія большею частію сохранили такую свѣжую и блестящую бѣлизну, какъ будто сдѣланы изъ мрамора, только что взятаго въ каменоломнѣ паросскихъ горъ.

Когда я стоялъ среди Партефона, наслаждаясь, дивясь и тоскуя, солнце обливало его самымъ яркимъ свѣтомъ. Какъ волшебное воздушное видѣніе блистала онъ въ потокахъ солнца. По ту сторону вдали на горизонтѣ возвышался Гиметт. На его темножелтыя нагія громады бросало тѣнь пробѣгавшее облако.

Боже мой! Каждому человѣку желалъ бы я хоть разъ увидѣть это на вѣку своемъ. Великіе предметы наполняютъ и душу величіемъ. Во мнѣ замерло каждое мелочное чувство. Я былъ упоенъ какимъ-то невозмутимо-

свѣтлымъ и тихимъ наслажденіемъ душевнаго торжества, и готовъ былъ молиться.

За нѣсколько шаговъ передо мной въ крапивѣ валялись человѣческія кости; на бѣломъ мраморномъ камнѣ лежалъ черепъ. Странное и грустное впечатлѣніе произвели они на меня, особенно послѣ величественнаго зрѣлища, которымъ я наслаждался за минуту передъ этимъ.

Поднялся сильный вѣтеръ и дико завывалъ въ развалинахъ. Надъ Гиметомъ стали летать хищныя птицы. У подножія скалъ лежали Аѳины съ своими бѣлыми домами, у которыхъ у всѣхъ красныя крышки. На горахъ Пентеліеонъ и Парнассъ бѣлѣлъ снѣгъ. Куда ни глянь кругомъ, вездѣ видъ прелестный. Но лучше всего было море: необозримая даль его сверкала и синѣла. На немъ въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись паруса кораблей. Воздухъ былъ такъ чистъ, такъ прозраченъ, что я могъ окинуть взглядомъ почти весь Пелопонезъ. Горы, окружающія Спарту, и коринѣскій хребетъ, казались мнѣ чрезвычайно близкими, хотя до нихъ сухимъ путемъ надобно ѣхать цѣлый день. Я простыми глазами ясно видѣлъ бѣлыя укрѣпленія Коринѳа (Акрокоринѳъ), видѣлъ каждый ихъ уголъ, каждый поворотъ, даже тѣни, которыя отъ нихъ падали.

Сошедши съ Акрополиса, я встрѣтился съ Персіаниномъ, съ которымъ ѣхалъ вмѣстѣ изъ Малой Азіи. Онъ дружески кивнулъ мнѣ головой, подалъ руку и указалъ на море. Это былъ нашъ прощальный разговоръ.

Кто-то сказалъ, что въ Греціи — художественный воздухъ. Если это не совсѣмъ правда, то несомнѣнно, что Греки — народъ художественный: поэтическій духъ — живая наблюдательность, пламенное чувство и воображеніе свойственны греческой природѣ. Это было въ древнія

времена, это есть и теперь. До сихъ поръ, какъ еще до временъ Гомера, въ Греціи вездѣ встрѣчаются *рапсоды* — пѣвцы и музыканты. Большею частію это слѣпые старики, однакожь между ними бываютъ и здоровые молодые люди. Они знаютъ наизусть невѣроятное множество пѣсенъ и поютъ ихъ то въ горахъ у огней, раскладываемыхъ пастухами, или путешественниками, то въ домахъ богатыхъ Грековъ, то на народныхъ праздникахъ и пирушкахъ. Инструментъ ихъ почти всегда — мандолина.

Къ сожалѣнію, я слышалъ ихъ пѣсни въ комнатѣ, а не на свѣжемъ воздухѣ, гдѣ глазъ свободно, какъ мысль, окидываетъ даль, и звуки пѣсенъ несутся въ горы, гдѣ они раздавались въ первый разъ, когда вмѣстѣ съ чувствомъ вырвались изъ вдохновенной груди. На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ и шелъ сильный дождь. Я съ нѣсколькими соотечественниками сидѣлъ въ гостяхъ у профессора Росса. Вошли двое рапсодовъ и сѣли, положивъ лѣвую ногу на правую. У одного была мандолина, у другаго скрипка — инструментъ, который недавно вошелъ въ употребленіе у странствующихъ пѣвцовъ. Оба были съ синей греческой одеждѣ съ красными фесками на головахъ. Оба были прекрасны собой; стройныя и выразительныя черты лица, черные глаза, какъ искусною кистью проведенныя брови — настоящіе Греки.

Случайно это произошло, или съ намѣреніемъ они это сдѣлали, но только въ пѣсняхъ ихъ нѣкоторымъ образомъ повторилась вся исторія нынѣшней Греціи. Въ первой пѣснѣ выражался плачъ народа, страдавшаго подъ игомъ Турокъ. Они пѣли объ угнанныхъ стадахъ, о похищенныхъ дѣтяхъ и т. д., пѣли оба вдругъ, но не одно и тоже: каждый выражалъ особенную потерю, особенную печаль — только въ голосахъ ихъ было слышно

общее горе, какъ будто изъ разныхъ мѣстъ долетали голоса различныхъ людей, угнетенныхъ однимъ несчастіемъ. Напѣвъ былъ тихій и жалобный. Казалось, они боялись пѣть громко. Но иногда печаль прорывалась глубокимъ крикомъ, какъ будто рыдалъ цѣлый народъ. Было что-то глубоко потрясающее въ этихъ звукахъ. Они пламенемъ охватывали сердце. Потомъ слѣдовала пѣсня поэта Рипгасъ. Рапсоды пѣли съ особеннымъ одушевленіемъ слѣдующія слова:

«И ты еще дремлешь, Спарта,
Спарта!

Проснись отъ глубокаго сна!»

Потомъ раздались боевыя пѣсни. Въ нихъ рассказывалось о страшныхъ побойщахъ. Одну я какъ теперь слышу и, кажется, вижу, какъ удалой капитанъ Иванъ Стааа, родственникъ героя Букковала, налетаетъ на своемъ кораблѣ на корабль турецкій и сшибается съ нимъ:

«Черный корабль у Кассандры береговъ развѣзжалъ,
Черные парусы, флагъ голубой развѣвалъ.

Въ встрѣчу корветта подъ флагомъ багровымъ летитъ.

«Сдайся! Спусти паруса!» налетая, кричитъ.

«Я не сдаюсь. не спускаю моихъ парусовъ!

Къ вамъ не жена, не невѣста пришла на поклонъ:

Зять Букковала предъ вами — Иванъ я Стааа!

Бросить канаты, товарищи! Носъ напередъ!

Бейте невѣрныхъ! Пролейте турецкую кровь!»

Турки навстрѣчу — и сшибся съ корветтой корабль.

Первый Стааа устремляется съ саблей въ рукахъ:

Кровь черезъ палубу хлещетъ, багровѣтъ зыбь.

Алла!!! Невѣрные взвыли и храбрымъ сдались».

Глаза пѣвцовъ сверкали такимъ пламенемъ, что на нихъ пельзи было прямо смотрѣть. Съ бойкими, порывистыми пріемами пѣли они слова «Турки навстрѣчу, и сшибся съ корветтой корабль». Увлечшись воображеніемъ, мы слушали, едва переводя дыханіе. Вдругъ у одного изъ пѣвцовъ струна на мандолинѣ лопнула. Мы всѣ вздрогнули, но опомнившись и взглянувъ другъ на друга, невольно улыбнулись.

Въ насмѣшку-ли намъ за нашу улыбку, или почитая насъ весельчаками и желая намъ подслужиться, младшій изъ рапсодовъ вдругъ заигралъ на скрипкѣ по-пури изъ оперы. Это было такъ отвратительно, что и сказать нельзя. Грустно подумать, что народныя пѣсни, въ которыхъ для Грека каждое слово трепещетъ, какъ сердце, замолкнуть и будутъ замѣнены чужеземными, какими нибудь уродливыми передѣлками изъ оперъ, или жалкими французскими романсами. Но только что начинающій образовываться народъ — какъ ребенокъ: ему чрезвычайно нравятся пестрые лоскутья.

Въ заключеніе мы послушали турецкую пѣсню. Я сначала думалъ, что рапсодъ просто издѣвался надъ турецкой музыкой. Онъ началъ пѣть чрезвычайно тихо и едва внятно такъ, что знающіе турецкій языкъ не могли разобрать словъ его. Это было что-то похожее на неопредѣленный, *нѣмой* говоръ полусоннаго человѣка. Казалось, онъ дышетъ тяжело и съ трудомъ можетъ издавать звуки, какъ будто что-то давитъ грудь его. Никакого порыва, никакого сердечнаго движенія. Это — вялое выраженіе душевной сонливости и лѣни. Акомпаниментъ еще увеличивалъ подобное впечатлѣніе: рапсодъ монотонно брелъ на одной струнѣ. Все вмѣстѣ наводило тоску и отвращеніе, какъ жизнь, проводимая въ безмысленной роскоши и праздности. Я радъ былъ,

когда кончилось это странное пѣнье и, чтобы освободиться отъ тяжелаго чувства, началъ припоминать звуки греческихъ пѣсенъ. Такъ томясь среди невѣжественнаго общества, освѣжаешься, припоминая разговоры образованныхъ людей, сверкающіе то остроуміемъ, то чувствомъ.

Прощаясь съ нами, рапсоды брали насъ за руки, и цѣловали ихъ, и подносили къ своему лбу. Таковъ, конечно, обычай, но не хорошій обычай. Такія манеры нейдутъ поэту и, безъ сомнѣнія, заимствованы отъ Турокъ.

Вечеру я видѣлъ народный греческій танецъ. Тутъ также было два рапсода. Они оба играли на мандолинахъ и отъ времени до времени одинъ изъ нихъ, переставая играть, пѣлъ нѣсколько отрывочныхъ словъ: «Нуте - жъ, веселитесь!» «Жизнь коротка!» «Въ жизни есть горе, въ жизни есть радость!» «Разыграйся, юность!» Подъ звуки инструментовъ и такихъ поэтическихъ воззваній, хороводъ двигался стройно и граціозно. Одинъ изъ танцующихъ, находившійся впереди его, былъ его предводителемъ. Всѣ другіе замѣчали его поступъ и положенія и дѣлали тоже, что онъ. Вниманіе мое привлекала особенно маленькая дѣвочка. Она была въ богатомъ и живописномъ греческомъ нарядѣ. Большую красоту ей придавалъ тюрбанъ (родъ женской чалмы). Движенія ея были исполнены той прелести, какую даетъ красотѣ невинность и скромность. Правильное, свѣтленькое личико ея по временамъ одушевлялось какимъ - то мужественнымъ чувствомъ и принимало выраженіе рѣшительности и величавости. Она танцевала съ двумя мальчиками и держалась не за руки ихъ, а за пояса. По видимому, они только ходили взадъ и впередъ, и ходили медленно, а между тѣмъ безъ наслажденія нельзя было смотрѣть на

нихъ. Такъ много было свободы, естественности и простоты въ ихъ поступѣхъ, поворотахъ, наклоненіи головы и взглядахъ.

Въ Греціи есть общій торжественный праздникъ. Это — тотъ день, въ который они начали биться съ Турками, въ который на мѣсто магометанскаго полумѣсяца началъ вездѣ появляться святой крестъ, день, въ который положено основаніе спокойствію и счастію Греціи. Теперь въ долинахъ, гдѣ кипѣла война, лилась кровь, все мирно; въ деревняхъ безопасно работаютъ и безпечно веселятся. Пастухъ идетъ къ развалинамъ церкви въ горахъ, зажигаетъ лампаду передъ закоптѣлыми образами на пробитыхъ стѣнахъ и творитъ благодарственную молитву. Въ этотъ праздничный день я былъ въ Аѣинахъ. Стоялъ чудесный солнечный день. На небѣ ни облачка. Съ горъ вѣялъ прохладный вѣтеръ. Рано по улицамъ загремѣла военная музыка. Я видѣлъ, какъ проходили ряды смуглыхъ, черноглазыхъ Грековъ. На копѣ у каждаго изъ нихъ вѣяло маленькое знамя. Они представляли прекрасный видъ, но жаль, что были въ европейскихъ, а не въ своихъ народныхъ костюмахъ. Мальчики бѣгали въ бѣлыхъ шароварахъ и красныхъ курткахъ. На балконахъ стояли богатые люди въ платьѣ, шитомъ золотомъ и серебромъ, съ саблями и кинжалами. Женщины были въ маленькихъ красныхъ фескахъ, вокругъ которыхъ обвивались ихъ смолистыя косы; коротенькое платье было бархатное. У большей части мужчинъ и женщинъ на головахъ были миртовыя вѣтки, у иныхъ букеты левкое въ рукахъ. Горные жители въ овчинныхъ тулупахъ и высокихъ шляпахъ, прислонясь къ низенькимъ церковнымъ колоннамъ, гордо стояли и смотрѣли на проѣзжающихъ красивыхъ всадниковъ. Въ церкви горѣло множество лампадъ; въ отворенную дверь не-

слось благоуханіе. Какой-то старикъ съ бѣлою бородою игралъ подлѣ нея на венеціанскоѣ мандолинѣ и пѣлъ пѣсню, относящуюся къ народному торжеству.

Церковь стоитъ на улицѣ Эола. Зданіе, которое въ нее превращено, назначалось первоначально не для Богослуженія. Но когда пріѣхалъ въ Аѣнны король Оттонъ, то нельзя было найти такой просторной церкви, въ которой-бы, въ случаѣ надобности, могли помѣщаться придворные, знатные вельможи, иностранные посланники и другія важныя особы. Для этого освятили домъ, въ которомъ теперь и совершаютъ Божественную службу. Во время описываемаго праздника въ ней были только министры и важнѣйшіе государственные люди, и то было тѣсно. Но офицеръ, содержавшій караулъ у церкви, узнавъ, что я иностранецъ, пропустилъ меня. Архіерей былъ въ великолѣпной одеждѣ, священники были всѣ напудрены. Король и королева, въ греческомъ костюмѣ, сидѣли подъ бархатнымъ балдахиномъ, который былъ украшенъ скипетромъ и короной.

Между тѣмъ какъ шла служба и духовенство пѣло въ церкви, внѣ ея гремѣла музыка и стрѣльба пзъ пушекъ. Сначала это мнѣ показалось страннымъ. Но потомъ воображеніе мое перенеслось невольно на поле битвы и мнѣ представилось, что я слышу молитву, которую служитель алтаря возноситъ къ Богу за братій, бросающихся на смерть за спасеніе отечества и святой вѣры.

Когда король уѣзжалъ по окончаніи службы, со всѣхъ сторонъ раздавались заздравные клики. Экипажей было не больше четырехъ. Всѣ знатные люди шли пѣшкомъ. Государство только зарождается. Улицы, балконы, окна кипѣли народомъ; яркость, пестрота, живопись, разнообразіе костюмовъ представляли чудесный видъ. Толпы народа, какъ цвѣты, красовались.

Намъ захотѣлось посмотрѣть, какъ празднуютъ этотъ день крестьяне въ деревняхъ, и мы отправились за городъ. Мы стали взбираться на гору мимо Ликабета и прѣхали въ деревню Маруцце. Мазанки ея были всѣ выбѣлены, кругомъ нихъ — садикъ съ роскошными деревьями и зеленью. Это давало имъ привлекательный видъ. Всѣ жители сидѣли у воротъ своихъ избышекъ на улицѣ. Дорога была такъ узка, что когда мы проѣзжали, жители должны были вставать и уходить въ избы. Передъ церковью, въ воспоминаніе торжества надъ Турками, стояло бѣлое знамя съ голубымъ крестомъ. Недалеко отъ него на вязанкѣ кипарисныхъ вѣтвей сидѣло премиленькое дитя. Оно казалось мнѣ юною, разцвѣтающей надеждой Греціи.

Мы направились къ маленькому городку Кефассіи. Путь къ нему считается у Грековъ проѣзжимъ: но мы, привыкшіе къ европейскимъ удобнымъ дорогамъ, каждую минуту боялись попадать съ лошадей. Къ счастью, греческія лошади ходятъ твердо и вѣрно по узкимъ и неровнымъ горнымъ тропинкамъ, и мы проѣхали благополучно. Ручьи текли то подлѣ дороги, то черезъ дорогу. По обѣимъ сторонамъ росли прелестныя лавры и олеандры, покрытыя цвѣтами. На поляхъ росли дикія груши и миндальныя деревья. То тамъ, то здѣсь намъ встрѣчался пастухъ, гнавшій стадо превосходныхъ быковъ. Мы здоровались съ пастухами по греческому обыкновению, говоря: «въ добрый часъ твоя встрѣча!» И они отвѣчали: «на многія лѣта тебѣ!» Во время турецкаго владычества Кефисса была въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь были загородные дома аѳинскихъ Турокъ. И теперь тутъ начинаютъ строить виллы (загородные дома), которыхъ число увеличивается съ каждымъ годомъ. Посрединѣ города лежатъ развалины мечети (магометан-

скаго храма). Она превращена въ конюшню. Очевидно, это сдѣлано съ намѣреніемъ и произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Издѣваться не слѣдуетъ ни надъ чьей религіей. Надобно отклонять человѣка отъ заблужденій духомъ кротости и любви. Отъ минарета осталось только основаніе. Подлѣ него растетъ величественный платанъ во всей могучей красотѣ южнаго дерева. Нависшіе крѣпкіе сучья его покрываютъ тѣнью почти всю площадь. Мы сѣли на траву подъ деревомъ, отдохнули и позавтракали. Дальше ѣхали мы по прекрасной лѣсной дорогѣ. Кругомъ журчали ручьи; все цвѣло и зеленѣло; природа была такъ разнообразна и богата, какъ въ самыхъ плодородныхъ краяхъ Италіи, на примѣръ, между Неаполемъ и Позиллипомъ; плодовые деревья и кустарники вездѣ красовались и вѣяли ароматической прохладой. Наконецъ мы доѣхали до большой оливковой рощи. Подлѣ нея были обработанныя поля и виноградники. Земля много даетъ и еще больше обѣщаетъ этому народу. Ему остается только пользоваться ея богатствомъ — трудиться и образовываться. Безъ образованія и дѣятельности человѣкъ вездѣ — нищъ и жалокъ.

Въ одномъ мѣстѣ, среди кустарниковъ, горный потокъ, падая, выбилъ въ скалѣ бассейнъ и оттуда льется и прыгаетъ по камнямъ разными рукавами. Мы остановились въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, исполненномъ прохлады и нѣги, и сошли съ коней. Надъ нами наклонялись зеленныя вѣтви съ самыми свѣжими листьями и цвѣтами. Прозрачная вода плескалась и играла; сквозь зелень прокрадывались солнечные лучи; птицы щебетали и пѣли кругомъ. Въ это время проскакала мимо насъ кавалькада мужчинъ и дамъ, въ европейскихъ костюмахъ. Мы поздоровались съ ними, и вскорѣ эта живописная ватага исчезла между деревьями. Черезъ

нѣсколько минутъ по той же дорогѣ вслѣдъ за ними слышался топотъ бойко скачущей лошади. Мы выглянули изъ кустовъ. На прекрасномъ конѣ мчалась одна одиноконька молодая женщина въ греческомъ костюмѣ, съ красивой феской на головѣ. Черные, какъ смоль, волосы, черные, какъ уголь, глаза, свободная и смѣлая посадка, величавая фізіономія, открытый и благородный взглядъ, во всемъ какая-то отвага, соединенная съ приличіемъ и скромностію, показывали, что это должна быть Гречанка. Она пронеслась передъ нами, какъ фантастическое видѣніе, какъ волшебный призракъ красоты. Это была дочь героя Марка Ботсарпса *).

Когда солнце начало уже спускаться къ горамъ, мы сѣли на лошадей и отправились назадъ, но въ Аѣны пріѣхали, когда ужъ было совсѣмъ темно. Акрополисъ былъ иллюминированъ множествомъ факеловъ, дома тоже освѣщены ярко лампадами и свѣчами, на балконахъ передъ лавками, на веревкахъ, протянутыхъ черезъ улицы, все было въ огнѣ и въ цвѣтахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ цвѣтовъ были сдѣланы канделябры. Разноцвѣтные шкалики, въ нихъ вставленные, въ живописной пгрѣ свѣта, мрака и зеленн, представлялись горящими цвѣтами. Фруктовый базаръ былъ залптъ огнемъ. Апельсины, финики, большіе волошскіе орѣхи блестѣли, какъ на солнцѣ. Во многихъ окнахъ были выставлены и внутри освѣщены портреты поэта Ригаса, героя Ботсарпса и короля Оттона. На Эоловой улицѣ были выставлены освѣщенные пзображенія, имѣвшія связь съ торжествомъ дня. На одномъ была представлена открытая могила; въ нее сходитъ молодой Грекъ, держа въ рукѣ пародное знамя, на другомъ — греческій корабль во время бурн.

*) Смотр. Ж. д. Д. 1852 г., стр. 776 — 790.

Болѣе же всѣхъ привлекало къ себѣ вниманіе слѣдующее изображеніе: стоитъ козелъ и ѣстъ прямо съ лозы кисти винограда. Подъ нимъ подписаны стихи: «ѣшь меня, козелъ, хотъ до самага корня; у меня все еще много останется гроздовъ, и вдоволь будетъ вина, чтобы окропить тебя, когда тебя, козелъ, зарѣжутъ и станутъ приносить на жертву». Это, конечно, былъ намекъ на Турокъ. На Эловой улицѣ, которая по прямой линіи идетъ къ Акрополису, кипѣлъ радостный народъ. По улицамъ ходила военная музыка. Ряды зданій, постепенно поднимавшихся къ Акрополису, составляли свѣтящіяся террасы. Верхняя часть стѣны, освѣщенная факелами, обходила крѣпость огненнымъ кольцомъ. Красноватый свѣтъ ихъ падалъ на древніе храмы, которые, казалось, трепетали, какъ оживленные волшебною силой. Изъ открытыхъ лавокъ неслись звуки пѣсенъ и мандолины. Въ европейскомъ кофейномъ домѣ читали газеты изъ разныхъ странъ. Въ городѣ и въ горахъ долго за полночь раздавались ружейные выстрѣлы и радостные клики.

Еще однажды мы ѣздили по окрестностямъ Аѳинъ между Пентелпкономъ и Гиметомъ. По равнинѣ, лежащей между ними, взглядъ свободно доходилъ до моря и терялся въ его блестящей дали. Мы ясно видѣли острова Зею и Негропонтъ. На нашей дорогѣ попалась намъ уединенная хижина. Тростниковая кровля ея спускалась почти до земли. Изъ хижины вышла женщина съ дѣтьми, чтобы посмотрѣть на проѣзжающихъ чужестранцевъ. Мы заказали ей приготовить намъ кофе къ тому времени, когда будемъ ѣхать назадъ, и поскакали по высокой травѣ между кустарниками и олеандровыми деревьями. Все кругомъ было дико и пустынно. Тамъ стояли развалины какъ-то церкви, тамъ — великолѣпное

оливковое дерево; въ одномъ мѣстѣ мраморный левъ надъ чьею - то могилой. Его облегали ползучія вьющіяся растенія и, казалось, хотѣли привязать къ могилѣ. Страннымъ образомъ дѣйствуетъ на душу это художественное произведеніе въ дикой глуши. Кажется, и оно само будто нѣсколько одичало. Когда мы смотрѣли въ задумчивости на этотъ памятникъ, изъ развалинъ церкви вдругъ вышелъ пастухъ, пѣвшій пѣсню. Увидя насъ, онъ остановился и умолкъ. Пѣсня была грустная. Мои спутники знали ее. Я попросилъ пастуха пропѣть ее снова, и онъ запѣлъ.

«Летите вы, черныя птички, летите, и дай Богъ вамъ счастливый путь. Снесите отъ меня поклонъ моему другу. Когда вы прилетите въ Аѳины, къ моему родимому дому — тамъ у насъ на дворѣ стоитъ яблонь; вы сядьте на ея зеленыхъ сучьяхъ и пропойте пѣсню моему другу: чтобъ онъ не ждалъ меня, чтобъ онъ не смотрѣлъ, нейдетъ-ли я. Зашелъ я въ эту сторону и сдѣлался бѣднымъ невольникомъ, женился я на дочери вдовы, на дочери колдуньи. Колдунья заколдуетъ рѣки, и онѣ остановятся. Колдунья заколдуетъ широкое море, и корабли на немъ остановятся. Заколдуетъ она ключи, и ключи не текутъ. Она и меня заколдовала, и я не могу отсюда уйти. Задумаю я уйти — пойдетъ дождь и снѣгъ; ворочусь я назадъ — выглянетъ ясно солнышко.»

Меланхолическое чувство, дышавшее въ пѣсни, усиливалось уединеніемъ и величественными видами окружавшей насъ природы. Оно не совсѣмъ прошло даже въ то время, когда мы ужъ воротились къ знакомой хижинѣ.

Хижинка эта освѣщалась черезъ дверь; оконъ въ ней не было. Когда мы вошли въ нее, женщина съ усиленіемъ старалась вынимать пзъ горячей золы на полу большіе черные хлѣбы. Это было передъ пасхой. Въ

каждомъ хлѣбѣ сверху было посажено по яйцу, пестро раскрашенному. Мужъ спокойно стоялъ и нисколько не помогая, смотрѣлъ на жену. У двери игралъ маленькій мальчикъ. Я далъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ. Онъ весело улыбнулся и сказалъ мнѣ свое имя: Деметр. Онъ съ нетерпѣливымъ наслажденіемъ ждалъ, когда мать вынетъ черный хлѣбъ съ пестрымъ яйцомъ. Это было для него началомъ праздника пасхи.

Свѣтлое воскресенье празднуется здѣсь иначе, нежели въ Римѣ. Въ Римѣ все пышно, торжественно, исполнено необыкновеннаго блеска и величія. Благоговѣніе овладѣваетъ душою, когда видишь, какъ, при появленіи папы, многочисленная масса народа, покрывающаго всю площадь передъ храмомъ Св. Петра, вдругъ повергнется ницъ. Въ Аѳинахъ при этомъ святомъ торжествѣ христіанства тоже есть своего рода великолѣпіе; но, кажется, оно есть дѣло второстепенное и получаетъ блескъ отъ сердечной радости ликующаго народа. Въ цѣломъ народѣ ему предшествуетъ скорбь. Въ Великую Пятницу аѳинская газета появилась съ черной каймой; виньетку составляло изображеніе саркофага, окропленнаго слезами. Поэтъ Суццосъ написалъ стихотвореніе, предметомъ котораго было страданіе Спасителя. Праздникъ начался въ Субботу съ вечера. Я пошелъ въ соборную церковь. Она была вся освѣщена и полна народу. Передъ алтаремъ стоялъ гробъ, сдѣланный изъ хрусталу, спаяннаго серебромъ. Священники и епископы вышли изъ алтаря. Въ девять часовъ раздалась на органѣ печальная музыка и отъ соборной церкви къ дворцу пошелъ церковный ходъ. Былъ тихій вечеръ; что-то кроткое и сладостное было въ воздухѣ. Небо блистало. На балконахъ и у оконъ стояло множество народу. Каждый держалъ свѣчку. Улица, какъ живая, двигалась пестрымъ потокомъ.

Даже у каждаго ребенка было по длинной горячей свѣчѣ. Ладанъ дымился. Погребальныя звуки далеко разносились. Несли гробъ, наполненный свѣжими розами. Его окружали священники. Надъ нимъ держали покрывало важнѣйшіе сановники. Ходъ остановился передъ дворцомъ. Тамъ стояли король и королева. Епископъ произнесъ краткую рѣчь; по окончаніи ея король поцѣловалъ библию. Во все время процессіи раздавался однообразный колокольный звонъ: послѣ двухъ ударовъ въ колоколъ былъ довольно большой промежутокъ. Все это вмѣстѣ и благоговѣніе многочисленнаго народа глубоко потрясало мою душу. Въ полночь передъ свѣтлымъ воскресеньемъ король, королева и весь дворъ стояли въ церкви. Народъ тихо молился. Когда ударило двѣнадцать часовъ, послѣ послѣдняго удара, епископъ вышелъ изъ церкви и произнесъ: «Христосъ воскрес!» Это сладостное привѣтствіе повторилось тысячами голосовъ. «Христосъ воскрес!» раздавалось повсюду. Всѣ начали обнимать и цѣловать другъ друга. Загремѣла торжественная музыка, на воздухъ полетѣли ракеты, выстрѣлы слѣдовали за выстрѣлами. Вездѣ запылали факелы. Женщины разводили на улицахъ огни, рѣзали ягнять и тутъ же жарили ихъ. Маленькія дѣти, каждое въ новой фескѣ и новыхъ сапожкахъ, подаренныхъ на праздникъ, въ однихъ рубашечкахъ, кружились около огней и радостно лепетали своимъ родителямъ: *χριστός ἀνέστη* (Христосъ воскрес!). Это было трогательно. Народъ ликовалъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ, съ такимъ религіознымъ увлеченіемъ, какъ будто въ эту ночь въ первый разъ и только сію минуту принеслась эта святая вѣсть о воскресеніи Спасителя. О! какъ въ это время хотѣлось мнѣ поласкать какое нибудь радующееся дитя и сказать ему и отъ него услышать «Христосъ воскрес!»

У храма Тезея и между мраморными колоннами Зевса раздавались радостные голоса. Мандолины звучали то тамъ, то здѣсь, старики что-то пѣли; здороваясь и прощаясь, всѣ повторяли «Христосъ воскрес!» И это было въ цѣлой Греціи, и въ городахъ, и въ нагорныхъ пастушьихъ хижинахъ, и у развалинъ языческихъ храмовъ, мраморные куміры которыхъ, казалось, дивились этому таинственному слову.

ГРЕКО-СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ, ИХЪ ПРОИЗВЕ- ДЕНІЯ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ЖИТЕЛЕЙ.

если протянуть линію отъ Триэста на востокъ до устьевъ Дуная и потомъ спуститься къ югу до оконечности Греціи, до мыса Матапана: это составитъ огромный полуостровъ, удивительный по своему счастливому положенію. Съ запада — море Адриатическое и Ионическое, съ юга — Средиземное, съ юго-востока — Архипелагъ и Мраморное море, съ востока — Черное. Берега этихъ морей, отражающихъ въ себѣ ясное небо, изрѣзаны безчисленнымъ множествомъ заливовъ и бухтъ, составляющихъ превосходныя естественныя гавани, для помѣщенія кораблей, для привоза и сбыта товаровъ.

Большую часть жителей на этомъ треугольникѣ земли составляютъ разныя славянскія племена и Греки; въ многолюдствѣ ихъ едва замѣтны Турки, Армяне, Евреи и Цыганы. Они тамъ, какъ грабители, или дармоѣды. Турокъ — магометанинъ, и отъ того невѣжда, ненавидитъ христіанство и просвѣщеніе. Армянинъ и Жидъ любятъ только деньги и всѣми силами, всѣми неправдами наживаютъ ихъ, неутомонно занимаются и крупной, и мелочной торговлей, перекупаютъ, перепродаютъ, обтачиваютъ, обрѣзываютъ золотыя монеты, арендуютъ землю, истощаютъ ее и работниковъ непомѣрными работами, даютъ деньги взаймы за ужасные проценты, пользуются оплошностію, или несчастіемъ, чтобы до-тла разорить должника и, скопляя груды золота, прячутъ его въ кувшинахъ или желѣзныхъ ящикахъ. Цыгану ни до чего нѣтъ дѣла: его отечество — мѣсто табора; очагъ — костеръ, разложенный гдѣ попало; хозяйство — вода и рыба въ рѣкѣ, или въ озерѣ, хворостъ въ лѣсу, пшено, или кукуруза на первомъ попавшемся полѣ; а домъ, извѣстно, корабль степей — телега, которую волочить лошадь, или нѣсколько лошадиныхъ силъ — буйволъ.

Выходитъ, что для этого края есть и можетъ быть прокъ только отъ однихъ Славянъ и Грековъ.

Между ними очень много общаго: они исповѣдуютъ одну и ту же вѣру христіанскую, то есть, вѣрятъ, что святое ученіе Іисуса Христа необходимо для счастья человѣка на землѣ и для блаженства его въ будущей жизни, за гробомъ; они сблизились между собою въ незапамятныя времена, можетъ быть, еще тогда, когда Славяне изъ Индіи, черезъ Малую Азію, переходили въ Европу; и въ языкахъ ихъ есть большое сходство и въ привычкахъ; они теперь перемѣшались между собою такъ, что въ Греціи вездѣ есть Славяне, а въ славян-

скихъ земляхъ Греки. Они даже нужны другъ другу: что Славянинъ сработаетъ, добудетъ изъ земли, заготовить, то Грекъ купить у него, отвезетъ сухимъ, или морскимъ путемъ, распродастъ и навезетъ другихъ товаровъ.

Произведенія этого греко-славянскаго края почти вездѣ одни и тѣже. Главное богатство жителей составляетъ скоть. Есть даже мѣста, гдѣ преимущественно занимаются скотоводствомъ и зиму, и лѣто. Сербь и Молдаво-Валахи особенно любятъ пастушескую жизнь. Въ дубовыхъ борахъ въ Сербіи водятся безчисленныя стада свиней. Это составляетъ важнѣйшій доходъ для цѣлаго края: за свиней выручаютъ столько денегъ, что въ случаѣ войны, это можетъ покрывать всѣ издержки. Поэтому справедливо говорятъ, что Туркамъ лучше бы сражаться съ свиньями, нежели съ Сербами. Молдаво-Валахи содержатъ больше крупный рогатый скоть и табуны лошадей. Въ Босніи и Герцеговинѣ, какъ у насъ въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, на обширныхъ пастбищахъ, какъ движущіеся кустарники, вездѣ торчатъ огромныя рога тучныхъ, широколобыхъ воловъ. Пастушескія племена этихъ земель, подвигаясь мало-по-малу, иногда доходятъ до внутреннихъ областей Греціи и кочуютъ тамъ съ молчаливыми товарищами своего уединенія. Эти пастухи вездѣ сохраняютъ свои привычки и свой характеръ; одежда у нихъ всегда — бараній тулупъ; они не боятся никакихъ опасностей, ни нужды, ни зноя, ни дождя, ни холоду, всегда веселы, большіе охотники до музыки, пѣсень и пляски.

На зиму загоняютъ они свои стада въ какую-нибудь котловину между горъ и ютятся съ ними то тамъ, то тутъ, подъ нависшими скалами въ затишѣ отъ вѣтру. Весной, на Егорьевъ день, пастухъ снимаетъ и сверты-

ваетъ свою палатку и, поигрывая на 'свирѣли, ведетъ свое стадо изъ долины въ горы. Взошедши на первую горную равнину, онъ посрединѣ ея выбираетъ мѣсто для своего становища и даетъ волю кругомъ пастись воламъ и коровамъ. Тутъ онъ живетъ до тѣхъ поръ, когда все будетъ до гола поѣдено и выбито, солнце станетъ ужъ черезчуръ допекать, ручьи повисохнутъ, водопоя не станетъ; тогда онъ взберется на другую равнину, повыше, и такимъ образомъ къ концу лѣта, играя, доходитъ наконецъ до самой вершины, гдѣ еще зеленѣетъ мохъ и верескъ со всею свѣжестью весенней молодости, тогда какъ внизу все пожжено.

Около половины Октября тамъ начинаются спѣга и вьюги; пастухъ спускается мало-по-малу, останавливается, сколько позволяетъ погода, то на той, то на другой горной равнинѣ, наконецъ, въ послѣдніе дни Ноября, онъ уже снова прячется въ ущельяхъ; мало-мальски погода сдѣлается мягче, пригрѣетъ солнце, онъ выгоняетъ на просторъ свое стадо; оно подбираетъ обвалившіеся листья, щиплетъ молодыя вѣтки деревъ, остатки посохшей травы; а пастухъ сидитъ на солнышкѣ, починаетъ свой тулупъ, или наигрываетъ какую-нибудь пѣсню.

Наружность у него угрюмая; онъ весь обвѣшанъ оружіемъ: у него есть и ножъ, и ружье, и пистолетъ. Онъ даже нарочно старается придать себѣ грозный видъ, особенно, когда встрѣчается съ людьми, которые возбуждаютъ въ немъ недовѣрчивость. Но попроси у него бѣднякъ помощи, или гостепріимства — никогда не откажетъ, и даже радъ, что можетъ оказать услугу.

На всемъ означенномъ нами полуостровѣ водится множество волковъ, кабановъ, огромныхъ орловъ, дикихъ козъ и шакаловъ, особенно на югѣ. Въ сѣверной

части бродятъ по равнинамъ табуны дикихъ лошадей. Собственно въ Греціи есть ослы и мулы прекрасной породы. Въ Румеліи есть бѣлые быки, весьма красивые. Они составляютъ рѣзкую противоположность съ буйволами, которыхъ тоже бездна. Но эти безобразныя животныя очень полезны; они и ростомъ вдвое больше быковъ, и гораздо крѣпче ихъ. Буйволъ тутъ тоже самое, что въ другихъ мѣстахъ верблюдъ: перевозить ужасныя тяжести, терпѣливъ, спокоенъ и послушенъ; ребенка можно послать съ нимъ, куда угодно. Одно ему необходимо для отдыха и наслажденія—лужа, или болото, хоть самое грязное. Во время сильныхъ жаровъ, въ Румеліи пересыхаютъ всѣ ручьи. Жители выкапываютъ для буйвола ямы, въ которыя натекаетъ вода. Отыскавъ такую яму, огромное черное чудовище вваливается туда, прячется въ грязь по самую морду, и для прохлады всегда поворачивается ноздрями въ ту сторону, откуда хоть чуть-чуть тянетъ вѣтеръ.

Въ Булгаріи, по лѣсамъ, живутъ маленькія черепахи. Хотя онѣ очень робки, но подходятъ ночью къ спящему въ полѣ путешественнику и подбираютъ остатки его ужина. Тамъ почему-то считаютъ ихъ нечистыми, какъ у насъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, раковъ и зайцевъ. Никто до нихъ не хочетъ и дотронуться. А между тѣмъ, ихъ можно бѣ было продавать въ большомъ количествѣ въ Австрію и во Францію: тамъ изъ нихъ варятъ очень вкусный супъ; да и черепа ихъ, то есть, черепокожную оболочку, которая ихъ покрываетъ, слѣдовало бы употреблять въ дѣло — на гребешки, на обкладку черенковъ и т. д.

Въ тепломъ краю, гдѣ съ горъ течетъ множество рѣчекъ и ручьевъ, гдѣ море съ трехъ сторонъ приносить свѣжесть, земля должна быть богата южными ра-

стеніями. Мирты, лавры, груши, дули разныхъ сортовъ, оливковыя деревья, виноградъ, дыни, ячмень, кукуруза — всего тамъ вдоволь. Но больше всего пользуются кукурузой: изъ cadaго зерна ея иногда родится до трехъ сотъ зеренъ. Зато ее тамъ и любятъ; Булгары, Сербы, Молдаво-Валахи большею частію ее только и ѣдятъ, разваривая въ молокоѢ. Она составляетъ для нихъ тоже, что въ Швеціи картофель, — главную пищу. И работать много не надо: кое-какъ вскопалъ землю, посѣялъ и урожай будетъ. Больше всего надобно бояться засухи, да саранчи. Для избѣжанія засухи крестьяне по полямъ своимъ проводятъ отъ ручьевъ и рѣчекъ борозды, по которымъ вода растекается на большомъ пространствѣ, разноситъ влажность и прохладу, а сверхъ того всегда у крестьянина подъ рукою для поливанья. Саранча налетаетъ иногда такими густыми тучами, что, какъ облако, застилаетъ солнце. Если она опустится на поле, то поѣстъ всѣ растенія до самаго корня, какъ будто ходилъ по нимъ скоть. Жители знаютъ, что она боится шума, и завидя ее, выбѣгаютъ всѣ отъ мала до велика, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, бьютъ въ сковороды, въ чугуны, звонятъ въ колокола, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей, и часто удается имъ прогнать этого страшнаго непріятеля.

Правы племенъ, занимающихъ эти страны, весьма любопытны; но чтобы наблюдать ихъ, не надобно ѣздить по большимъ городамъ и дорогамъ: тутъ ужъ все перемѣшалось и, большею частью, отуречилось. Порвоначальныхъ, коренныхъ свойствъ надобно искать между жителями уединенныхъ долинъ, горныхъ хребтовъ и ущелій. Тамъ увидишь ихъ во всей ясности, со всѣми наружными чертами, хорошими и дурными. Вотъ Булгаръ — крѣпкій, трудолюбивый, добродушный, но не

богатый умственными способностями; вотъ Сербъ — съ душой неустрашимо-мужественной и поэтической, но безпечной; вотъ простой, грубый Боснякъ, упрямый до крайности; вотъ Черногорецъ — свободный въ своихъ рѣчахъ, хитрый въ битвѣ, иногда жестокий, иногда великодушный въ отношеніи къ побѣжденному непріятелю; вотъ Албанецъ — лукавый, коварный, неукротимый; вотъ кроткій и устроумный Валахъ; вотъ Грекъ — гибкій и воспріимчивый — то бережливый, то расточительный, то пламенный до энтузіазма, то осторожный, то предпріимчивый до дерзости и безразсудства. Есть на кого посмотрѣть, кого послушать.

Но отправляясь въ это путешествіе, не думайте нѣжничать; бросьте всякую мысль объ удобствахъ, приготовьтесь спать на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, ѣсть иногда только плоды, не бойтесь встрѣтиться съ дикимъ звѣремъ, не скучайте въ глухомъ, пустынномъ уединеніи. Если вы ко всему этому способны и даже можете въ этомъ находить удовольствіе, запаситесь съѣстными припасами, наймите проводника, возьмите, про всякій случай, компасъ и — съ Богомъ — въ дорогу. Богатаго оружія не берете и вообще не выказывайте своего богатства, если оно у васъ есть. Простое ружье, кинжалъ и пара обыкновенныхъ пистолетовъ — вотъ все, что будетъ очень кстати въ вашемъ положеніи. Вы неминуемо встрѣтитесь съ разбойниками; окинувъ васъ хищными взглядами, они, можетъ быть, сочтутъ васъ своимъ братомъ, дадутъ вамъ дорогу, пожелаютъ счастья, а иногда, пожалуй, и пригласятъ къ своему обѣду, или ужину, у костра, подъ навѣсъ скалы. Не отказывайтесь отъ приглашенія и кушайте на здоровье. Въ турецкое платьѣ ни за что не одѣвайтесь; большая часть разбойниковъ со слезами бросили свои

семейства, свою честную жизнь отъ разоренья и поклялись до смерти мстить Туркамъ. Одѣвайтесь по-гречески, или по-европейски: васъ будутъ больше уважать. Съ проводникомъ и съ компасомъ вы все-таки можете сбиться съ дороги; чтобы не плутать по-пусту, имѣйте при себѣ карты Троммелена и Лали.

Въ лошадяхъ вы не будете имѣть недостатка: лошаденки тамъ, правда, маленькія, тощія, кажется, едва дышутъ, а несутся, какъ вѣтеръ. Всакивайте проворнѣй на сѣдло, ногу въ стремя и мчитесь по дорогѣ и безъ дороги—все равно. Лошадка разгарається на скаку, жарко дышетъ, и летитъ все быстрѣй, быстрѣй, такъ, что духъ занимается. Ей вездѣ ходъ: по самой узкой и крутой тропинкѣ, черезъ быстрый горный ручей, черезъ глубокую рѣчку, пускайте смѣло, держитесь только ловчѣе, не затягивайте ее — непременно вынесетъ, прочнется и съ радостнымъ ржаньемъ помчитъ дальше.

Если человѣкъ не одряхъ, или преждевременно не разслабъ отъ лѣни и роскоши, такое путешествіе получить для него неодолимую привлекательность. Дня черезъ два, черезъ три совершенно освоюешься съ кочевой жизнью и понимаешь это очарованіе, которое влечетъ жителя востока странствовать изъ края въ край по степямъ и пустынямъ, заставляя презирать заботливость о вкусномъ кушаньи, объ удобномъ помѣщеніи, о мягкой постелѣ.

Впрочемъ тутъ есть такія удобства, съ которыми ничего на свѣтѣ сравнить нельзя: вы на ночлегъ выбираете живописное мѣстоположеніе, съ котораго открывается широкій горизонтъ, останавливаетесь на холмѣ у ручья, или подъ густымъ платаномъ, втыкаете въ землю копье, распускаете свернутое вокругъ него полотно, чтобы защититься отъ вѣтра, и спокойно засы-

паете на родной груди матери-земли, которая питала наших праотцевъ и будетъ питать нашихъ потомковъ до скончанія міра.

Если вы избалованы, или изнурены трудомъ въ душевной городской жизни, постелите коверъ для защиты отъ сырости. Цѣлительный запахъ травы, деревьевъ и цвѣтовъ дастъ вамъ бодрость и сладость чувства. Вамъ радостно, что вы пьете свѣжій воздухъ, что кругомъ васъ все растетъ и красуется, какъ Богъ велѣлъ, что потокъ бьетъ и играетъ свѣтлой струей, солнце величаво и задумчиво стоитъ передъ вами, глядя, на прощаньи, на засыпающихъ своихъ земныхъ дѣтей и наступаетъ благоговѣйная, молитвенная тишина, которая воскрешаетъ въ вашемъ сердцѣ всѣ милыя привязанности, всѣ святые чувства. Проводникъ развелъ скромненькій огенекъ, вскипятилъ молока съ мансомъ, разложилъ передъ вами ломти вяленой говядины, зажегъ кальянъ, налилъ въ кружку вина, а вамъ ни до чего не хочется дотронуться; вы забыли и голодъ, и усталость; тайныя силы жизни овладѣли вами; все тяжелое и низкое смыто съ вашей души, какъ пыль дождемъ съ зеленаго листа, и вы готовы каждому протянуть дружескую руку.

Иногда это высоко-нравственное чувство поддерживается неожиданною встрѣчей. Прохожій называетъ васъ *братомъ* — этой душевной лаской Славянина, останавливается, чтобы съ участіемъ взглянуть на васъ, или, проходя, здоровается съ вами, прикладывая руку сперва къ сердцу, потомъ ко лбу. Славное привѣтствіе! Въ немъ есть *душа* и *мысль*. Случается, что путникъ съ самою обязательною довѣрчивостію садится къ вашему ужину и ужъ, конечно, ни кому не придется на умъ ни оскорбляться этимъ, ни удивиться этому; вѣдь,

онъ въ васъ видитъ брата. Иногда васъ самихъ приглашаетъ къ своему огню купецъ, земледѣлецъ, пастухъ. Онъ не извиняется передъ вами, не стыдится своей бѣдности; онъ знаетъ, что съ добрымъ намѣреніемъ и сердечнымъ чувствомъ предлагаетъ вамъ то, что у него есть.

Часто съ наступленіемъ ночи, у кочеваго костра собирается нѣсколько людей, совсѣмъ незнакомыхъ различныхъ странъ и племенъ: Европейцы, Греки, Славяне. Разговоръ идетъ на четырехъ, или пяти языкахъ. То тотъ, то другой служитъ переводчикомъ. Кушанье, трубки, ковры, молоко, вино, плоды, хлѣбъ, заботы объ устройствѣ и безопасности ночлега — все общее. Всѣ занимаются внимательно походнымъ хозяйствомъ, какъ-будто принадлежали къ одному семейству, а между тѣмъ едва знаютъ имя одинъ другаго. Такого рода общественность, или общительность можетъ быть только или при первобытномъ, патріархальномъ простодушіи, или при большой образованности. Между полуобразованными людьми всегда бываетъ чванство и какая-то натянутая чинность и чопорность. Этихъ неудобствъ я не встрѣчалъ въ своемъ путешествіи.

Если приходится остановиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много шакаловъ и дикихъ свиней, то палатокъ обыкновенно не разбиваютъ, а вѣшаютъ между сучьями деревь полотняную койку; сверху растянешь надъ ней коверъ, или кусокъ другой какой матеріи, или снятую одежду, и спишь покачиваясь, какъ въ колыбели, подъ гармоническій шепотъ листовъ и жужжанье насѣкомыхъ, не опасаясь промокнуть отъ холодной росы. Впрочемъ, въ равнинахъ между Константинополемъ и Балканами нѣтъ надобности хлопотать о такой предосторожности: воздухъ тамъ необыкновенно теплый; ди-

кіе звѣри очень рѣдко осмѣливаются выходить изъ лѣсовъ въ открытыя степи.

Просыпаешься обыкновенно рано при свистѣ и говорѣ птицъ. Солнце вдругъ быстро выкатывается и обливаетъ васъ своимъ блескомъ и жаромъ. Лошади, наѣвши травы, стоятъ и бодро смотрятъ на встрѣчу солнцу. Путешественники собираются въ дорогу, торопясь воспользоваться утреннею свѣжестію. Проводникъ легкимъ крикомъ прикликаетъ свою и вашу лошадь. Коротко попрощавшись съ своими встрѣчными братьями, вы отправляетесь дальше, и лошадь ваша скачетъ, какъ вчера, не спотыкаясь, не останавливаясь даже, чтобы напиться, хоть цѣлый день, до самого вечера. Кругомъ — пустыня. Изрѣдка попадаетъ турецкая могила. На ней бѣлѣютъ два бѣлыхъ мраморныхъ столба. Они всегда нѣсколько наклонены. Ночью кажется, будто это два человѣка, которые о чемъ-то тайно говорятъ между собою. У дороги, въ сторонѣ попадаются обдѣланные ключи, колодези, фонтаны — благотворительныя заведенія въ знойныхъ краяхъ. Они почти всегда бываютъ закрыты или деревомъ, или камнемъ. Каменные покрывки нерѣдко имѣютъ самыя изящныя формы, какъ будто сдѣлалъ ихъ художникъ, насладившійся въ жаркій день нѣгою чистой и холодной воды. Греки и Булгары у этакихъ ключей держатъ обыкновенно коромыселъ и ведро, чтобы удобнѣй доставать и носить воду, когда придетъ караванъ.

Унылы эти равнины; но зато невольно радуешься, смотря на деревни. Тутъ жители употребляютъ все, чтобы вознаградить себя за одиозное и часто безплодное окружающую ихъ природы. Въѣзжаешь — все тихо, на улицахъ — никого: думаешь, что это — продолженіе пустыни, изъ которой бѣжалъ съ такою быстротою: но

каждый домикъ, каждая, иногда очень бѣдная лачуга — въ зелени, въ кустахъ, закрыты деревьями; передъ окнами переплетаются вѣтви деревь, покрыты плодами изъ огорода, или съ ближняго луга; между густою травой, какъ уградкой, бѣжитъ къ хижинѣ вода, нарочно проведенная и для работъ, и для умыванья, и для того, чтобы спастись ея прохладой отъ тяжести и томленья знойныхъ дней. Въ этой зелени шевелятся, ходятъ люди, слышны голоса. Впрочемъ такой видъ имѣютъ большею частію мусульманскія деревни. Въ деревняхъ, гдѣ живутъ христіане, какъ на примѣръ, въ Булгаріи, такой зелени, такого естественнаго украшенія жилья человѣческаго не найдешь. Булгарь занятъ работами на полѣ, на пашнѣ: тамъ все его богатство, вся роскошь; ему некогда думать о своей хижинѣ; онъ приходитъ въ нее, какъ въ землянку, чтобы переночевать; и она, дѣйствительно, у него часто настоящая землянка, куда онъ какъ-будто прячется отъ Турокъ, отъ своихъ притѣснителей. Ему и опасно было бы выказать свое богатство: тотчасъ или прямо ограбятъ, или взведутъ какую-нибудь клевету и разорятъ судебнымъ порядкомъ, или ни съ того, ни съ сего, какой-нибудь паша увеличитъ налогъ. Въ этихъ же землянкахъ днемъ большею частію никого нѣтъ. Но съ наступленіемъ вечера все оживаетъ; со всѣхъ сторонъ, съ сосѣднихъ горъ, тянутся многочисленныя стада. Ихъ гонятъ женщины и дѣти. Съ радостными ихъ пѣснями смѣшивается ревъ буйголовъ, блеянье овецъ и козъ, бряканье колокольчиковъ на шеяхъ дойныхъ коровъ. Хозяйка стоитъ на порогѣ, считаетъ проходящее передъ нею стадо, потомъ отправляется доить молоко.

Даже на востокѣ, гдѣ гость почитается священнѣйшимъ лицомъ, гостепріимство Булгарь вошло въ посло-

вицу. Это очаровательное свойство народа доброго и кроткаго для проѣзжаго, которому иногда ничего не нужно, кромѣ угла и ласковаго слова, дѣлаетъ путешествіе по Бѣлгаріи особенно привлекательнымъ. Въ Сербіи — тоже самое. Сначала, правда, смотрять на чужаго подозрительно, говорятъ съ нимъ недовѣрчиво и осторожно: но когда увѣрятъ, что у васъ нѣтъ никакого дурнаго намѣренія, что вы съ участіемъ смотрите на ихъ бытъ, съ сожалѣніемъ на ихъ горе: тогда для васъ все открыто, все готово. Сербъ сажаетъ васъ на почетное мѣсто, разговариваетъ съ вами, какъ съ другомъ о дѣлахъ семейныхъ, о благоустройствѣ и надеждахъ своего отечества, совѣтуется съ вами, внимательно разбираетъ ваши слова, взвѣшиваетъ ваши мнѣнія и не стыдится, и не дичится грустно задуматься передъ вами. Дѣти самыхъ бѣдныхъ крестьянъ съ улыбкой бѣгутъ на встрѣчу путешественнику. Въ домѣ богатаго человѣка, его встрѣчаетъ хозяйка и съ почтеніемъ цѣлуетъ у него руку. Это у Сербовъ не выраженіе подострастія, или боязни, а знакъ того, что чужестранецъ можетъ распоряжаться въ домѣ, какъ отецъ. Но такая вѣжливость не въ нашихъ нравахъ; она какъ-то оскорбляетъ нравственное чувство. Европейецъ, для избѣжанія ея, обыкновенно торопится приложить руку къ сердцу и къ головѣ. Входя въ комнаты, тутъ не нужно скидать обуви, хотя бы пришлось пыльными и загрязненными ногами идти по дорогимъ коврамъ. Сербъ дорожить вниманіемъ къ человѣку больше нежели вещью.

Городскіе жители гостепріимны не меньше поселянъ, пастуховъ и горныхъ племенъ. Останавливаешься обыкновенно на постояломъ дворѣ, на которомъ ничего не найдешь, кромѣ стойла для лошади и какой-нибудь пустой комнаты, похожей на стойло. Кушанья искать

отправляйся въ гостинницу, да, пожалуй, еще ничего и не найдешь; ночуй, хоть бы это было зимою, безъ стеколъ, безъ печей; изволь нагрѣваться, какъ знаешь, непрерывно принося горячіе уголья на желѣзномъ листѣ. Но Русскому, или *западному Булару*, рѣдко придется терпѣть такія неудобства. Лишь только узнаетъ кто-нибудь, что вы тамъ остановились, тотчасъ придетъ и попроситъ къ себѣ. Все семейство ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ; въ цѣломъ домѣ поднимается самая веселая хлопотня, которая радуетъ васъ выраженіемъ свѣтлаго добродушія. Къ обѣду или ужину приглашаются сосѣди. Хозяинъ, который всегда бываетъ за столомъ одинъ, въ это время садится вмѣстѣ съ другими. Сначала подаютъ вино, или водку изъ грушъ, или изъ дикихъ вишенъ, — у бѣднаго Булгара въ грубомъ деревянномъ стаканѣ, у Грека, у мекедонскаго Славянина въ прекрасной древней чашѣ, изъ которой пили его предки. Хозяинъ первый выпиваетъ ее, потомъ передаетъ вамъ, вы передаете сосѣду и такъ далѣе. Ъдятъ всѣ изъ одного блюда, но съ такою ловкостію и опрятностію, съ такимъ приличіемъ, что это не оскорбитъ самой раздражительной брюзгливости. Тосты начинаются послѣ стола, потому что на востокѣ пьютъ вино только передъ кушаньемъ и послѣ кушанья. Наше обыкновеніе пить между кушаньями, или во время ѣды, тамъ кажется смѣшнымъ. Сидятъ за столомъ вообще долго и осушаютъ большое количество чашъ: но это оттого, что очень крѣпки здоровьемъ и любятъ дружески поговорить. Безобразно не питье, а опьяненіе и пьянство. По окончаніи пира, отецъ семейства встаетъ и говорить: «честно мы сидѣли и честно встаемъ». Послѣ всѣ идутъ *на чердакъ*, въ верхнюю свѣтлицу, откуда обыкновенно открывается красивый или, по крайней мѣрѣ,

Клеортъ возвращается на мѣсто побойща, становится у трупа своего друга и бьется до-тѣхъ-поръ, пока или положитъ своихъ не-пріятелей, или самъ падетъ.

просторный видъ. Тутъ являются трубки и кофе. Въ знакъ дружбы и взаимнаго уваженія, курятъ сперва изъ одной трубки, которая обходитъ всѣхъ гостей кругомъ. Разговоръ кипитъ. Распрашиваютъ васъ почти всегда о предметахъ, чрезвычайно занимательныхъ, такъ - что надобно или быть человѣкомъ очень опытнымъ, или начитаннымъ, чтобы отвѣчать на вопросы людей необразованныхъ; на ваши вопросы отвѣчаютъ не торопясь, какъ - будто желая, какъ можно, по точнѣе объяснить вамъ дѣло. Лишь только сядетъ солнце, васъ отводятъ въ особенную комнату, и цѣлую ночь дѣти попеременно не отходятъ отъ вашего порога, чтобы поддерживать огонь въ вашей комнатѣ и охранять вашъ ночной покой. Жаль мнѣ бывало видѣть этихъ маленькихъ хранителей; но я никакъ не могъ уговорить ни отца, ни матери отказаться отъ этого обыкновенія, и часто долго не засыпалъ, любуясь кроткимъ, ангельскимъ личикомъ дитяти, которое молчаливо, какъ духъ, подходило къ огню, поправляло его и съ заботливостію и любопытствомъ взглядывало на лицо гостя.

Но не воображайте, что такія поэтическія встрѣчи бывають каждый день и на каждомъ ночлегѣ. Вы счастливы, если это случится хоть одинъ разъ во время всего путешествія: этого вы не забудете въ цѣлую жизнь. Иногда проголодавши, или протаскивши весь день по пустынѣ и безплодной глуши, на ночь не находишь пріюта нигдѣ, кромѣ ветхаго, развалившагося постоялаго двора. Часто и хозяина нѣтъ: или на время ушелъ куда - нибудь, или совсѣмъ бросилъ бесполезное жильё. Ложись на полу, или на какой попало кровати; ужинай то, чѣмъ запасся; а понадѣялся на удачу, ничего съ собой не взявъ, такъ голодай. Это чаще всего случается въ Босніи, Румеліи и на нижнемъ Дунаѣ.

Опустѣлые постоянные дворы бываютъ иногда притономъ паликаровъ, клефтовъ, гайдуковъ, словомъ, разбойниковъ подъ тѣмъ, или другимъ названіемъ. Они васъ грабятъ не станутъ: для этого у нихъ довольно Турокъ. Вы же, разумѣется, постараетесь имъ понравиться, или, по крайней-мѣрѣ, не раздражить ихъ. Это — веселый народъ: они поютъ, и пляшутъ, и играютъ. Содержаніе пѣсенъ ихъ обыкновенно составляетъ послѣдняя схватка съ Турками, или разбойниками другой, враждебной пмъ шайки. Шутки ихъ часто блестятъ остроуміемъ. Когда угомонится буйная веселость и завяжется общій разговоръ, нѣкоторые изъ разбойниковъ показываютъ соображенія и планы, удивляющіе Европейца. Впрочемъ, какъ бы дружелюбно они ни обходились съ вами, въ кругу ихъ, вами безотчетно овладѣваетъ тяжелое чувство: такъ и кажется, что слышишь запахъ человѣческой крови, еще не остывшей на ихъ кинжалахъ. Вонъ поскорѣй изъ этого вертепа! Проводникъ отгадалъ ваше чувство: еще до разсвѣта лошадь уже осѣдлана. Но — и разбойники, какъ хищныя птицы, понеслись въ горы; на луговой росѣ остались только слѣды множества конскихъ копытъ. Вся эта встрѣча представляется вамъ дикимъ сновидѣніемъ. Но вотъ засверкали по листьямъ деревьевъ, по головкамъ цвѣтовъ, по стеблямъ травъ, миллионы огней отъ утренняго солнца; зазвѣнѣли, защелкали птицы; вѣтеръ ароматомъ вѣетъ вамъ въ лицо на быстромъ скаку. Кругомъ опять уединеніе и природа. И душа снова свѣтла, и безобразнаго сновидѣнія какъ не бывало.

На Греко-Славянскомъ полуостровѣ — мало образованія. Отъ этого въ народѣ вездѣ сохранилось много преданій и суевѣрныхъ понятій, въ которыхъ съ самаго начала, въ древности, разумѣется, было указаніе въ

какое-нибудь дѣйствительное происшествіе, или произведеніе природы. Тамъ, напримѣръ, до сихъ поръ есть нимфы скалъ, горъ, ручьевъ, городовъ, домашнихъ очаговъ; эти воображаемыя существа пзвѣстны подъ именемъ геніевъ, или *стихій*. Геній различнымъ образомъ обнаруживаетъ свое присутствіе въ тѣхъ мѣстахъ, которымъ покровительствуетъ: то явится въ видѣ змѣи, то провѣетъ, какъ вѣтеръ, то ночью блеснетъ. ~~какъ~~ огонь.

О ѳессалійскихъ волшебницахъ рассказываютъ, что онѣ сводятъ луну на землю, превращаютъ ее въ молодую корову, доятъ ее и лунное молоко употребляютъ для волхвованья.

Талисманамъ вѣрятъ всѣ безъ исключенія. Христіанинъ ли, мусульманинъ ли заболѣетъ, запахарь, конечно обманщикъ, тотчасъ приноситъ ему наколдованныя бумажки, и легковѣрные принимаютъ ихъ, какъ мы — порошки, или пилюли; если выздоровѣетъ, значитъ, бумажка подѣйствовала; если не выздоровѣетъ, значитъ, самъ виноватъ: какъ нибудь не такъ глоталъ бумажку. У нѣкоторыхъ колдуновъ бываютъ волшебныя камушки, обыкновенно, парами, по два: одинъ изъ нихъ служить знакомъ, или символомъ мужескаго, другой — женскаго генія. Эти камушки они опускаютъ въ воду и говорятъ, что такая вода также полезна, какъ и наколдованныя бумажки.

Славяне часто носятъ въ карманахъ красный перецъ, или рогъ дикой козы. Это, по ихъ мнѣнію, [предохраняетъ отъ дурнаго глаза. Турки ужасно боятся дурныхъ глазъ, и оттого запрещаютъ христіанамъ смотрѣть на ихъ знамена; оно и въ самомъ дѣлѣ не хорошо, особенно на войнѣ посмотреть на знамя, да и отнять его.

Эти странныя понятія больше и больше исчезаютъ отъ вліянія христіанства и образованности. Ихъ скоро не останется и слѣда, потому что духъ благочестія въ народѣ очень силенъ.

Всѣ церковные праздники очень уважаются. Рождество и Воскресеніе Христово у Грековъ и Славянъ составляютъ предметъ особеннаго торжества. Наканунѣ Рождества каждое семейство приготовляетъ себѣ прѣсный хлѣбъ и жаритъ цѣликомъ козу, барана, или другое какое животное. Всю ночь проводятъ въ церкви, въ благоговѣйной молитвѣ. Когда священникъ во время Богослуженія, за завѣсой алтаря воскликнетъ: «Христосъ родился», это слово, какъ огонь, пробѣжитъ по всѣмъ присутствующимъ, и они радостнымъ кликомъ отвѣчаютъ: «воистинну родился». Потомъ начинаютъ обнимать другъ друга, и забывая непріязнь, вражду, говорятъ: «миръ Божій, миръ Божій!» Приходя домой, родные также цѣлуются и обнимаются, повторяя тѣже слова; потомъ каждый, держа зажженную свѣчу, садится за столъ. Тутъ начинается семейный пиръ, который у бѣдныхъ состоитъ часто только въ кушаньѣ. Овцу или козу жарятъ иногда на одномъ, или двухъ дубовыхъ бревнахъ, разложенныхъ на открытомъ воздухѣ. Кто первый придетъ по утру въ гости, того просятъ ударить палкой по тлѣющей головнѣ, и онъ дѣлаетъ это, приговаривая: «дай Богъ столько лошадей, овецъ и коровъ, сколько тутъ искръ!» Чѣмъ ласковѣе и искреннѣе произносить онъ эти слова, тѣмъ больше хорошимъ предзнаменованіемъ это считается. Послѣ этого тушатъ несорѣвшія головни и привѣшиваютъ къ сучьямъ деревьевъ, считая это полезнымъ для ихъ роста, цвѣта и плодовъ.]

Праздникъ Пасхи начинается въ полночь. На радост-

ное привѣтствіе священника: «Христось Воскресе!» всѣ отвѣчаютъ: «во истинну воскресе!» И также, какъ у насъ, христосуются. Тутъ же, въ знакъ общей, братской трапезы, всѣмъ раздается освященный хлѣбъ. Каждое семейство, даже самое бѣдное, къ этому дню приготовляетъ ягненка, котораго также зажариваютъ цѣликомъ. Въ деревняхъ, на поляхъ и по горамъ слышны клики: «Христось воскресе!» Тамъ и сямъ раздаются выстрѣлы изъ ружей и пистолетовъ. Встрѣчающіеся подаютъ другъ другу освященные яйца и чокаются ими: разбитое яйцо достается тому, кто его разбилъ, и крѣпкость своего яйца онъ считаетъ для себя признакомъ долголѣтія.

Въ Сербіи и Булгаріи, гдѣ въ это время бываетъ довольно холодно, праздники торжествуютъ по домамъ; но на югѣ — въ палаткахъ, или на открытомъ воздухѣ. Это увеличиваетъ удовольствіе; чувство возрожденія природы сливается съ святымъ воспоминаніемъ о возрожденіи человѣческаго рода; первая зелень и молодые цвѣты служатъ живымъ и прекраснымъ выраженіемъ обновленія мыслей и желаній.

Въ Албаніи и Черногоріи, на время Святой недѣли, прекращаются всѣ несогласія, вражды и преслѣдованія, которыя иногда переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, вмѣстѣ съ оружіемъ, какъ кровавое наслѣдство, какъ завѣщаніе мести, неумолкающей въ самомъ гробѣ. Къ сожалѣнію и стыду, по прошествіи свѣтлой недѣли, враги опять надъ могилами своихъ предковъ клянутся мстить за нихъ.

Въ понедѣльникъ, или во вторникъ на Ооминой, всѣ семьями отправляются на кладбище и берутъ съ собою родословныя таблички, на которыхъ написаны имена ихъ умершихъ родственниковъ, зажигаютъ надъ моги-

лами свѣчки, или лампы и цѣлый день молятся за упокой усопшихъ; потомъ припоминаютъ ихъ дѣла, хвалятъ ихъ добродѣтели, тутъ же дѣлаютъ сговоры о свадьбѣ, *братаются и сестрятся*. Это обыкновеніе существуетъ у Грековъ и Славянъ. Мужчина выбираетъ себѣ въ братья, а женщина въ сестры, того, кого считаетъ лучше всѣхъ. Вступающіе въ такое духовное родство черезъ могилу подають другъ другу руки, и надѣваютъ другъ другу вѣнки изъ молодыхъ цвѣтовъ; священникъ благословляетъ союзъ ихъ, какъ бракъ, и они цѣлуются въ знакъ искренней готовности всѣми средствами и во всѣхъ дѣлахъ оказывать взаимную помощь.

Но это обязательство имѣетъ силу только на одинъ годъ. По прошествіи его опять возобновляются эти клятвы, или выбираютъ новыя братья и новыя сестры. Правда, теперь, эти связи не такъ уважаются, какъ было въ старину, и переходятъ иногда въ простой обрядъ, безъ участія души и чувства; но для Булгаръ и Сербовъ клятва именемъ, или головою *побратима* до сихъ поръ почитается самою священной и мужествен-

ной. У Клефтовъ *), по ихъ роду жизни и воинственному характеру, это братство отзывается чѣмъ-то рыцарскимъ: они братаются на жизнь и смерть. Окруженный Турками, Клефтъ или прорубается сквозь ряды ихъ вмѣстѣ съ своимъ побратимомъ, или погибаетъ заодно. Они неразлучны, какъ душа и тѣло. Часто случалось, что, имѣя полную возможность спастись, Клефтъ возвращается на мѣсто побоища, становится у трупа своего друга и бьется до тѣхъ поръ, пока или положитъ своихъ непріятелей, или самъ падетъ на землю, облитую родною кровью.

*) См. Ж. д. Д. 1852 г., стр. 776.

Одинъ Клефть какъ-то въ бѣшенномъ жару сраженія спасся безъ своего побратима. Турки усакали. Онъ пошелъ на поле, которое еще дымилось кровью, и увидѣлъ трупъ своего двойника, котораго голову Турки унесли съ собою. Онъ зарылъ его въ землю, поставилъ надъ могилой крестъ, помолился, хотѣлъ идти прочь и не могъ, какъ будто половина его самага была похоронена тамъ. Просидѣлъ онъ двое сутокъ, ничего не питши и не ѣвши. Тоска, стыдъ, угрызеніе совѣсти жгли его неугасимымъ пламенемъ.

Наконецъ, мучимый голодомъ и жаждой, онъ пошелъ было въ горы: но каждый камень, изъ-за котораго они подстерегали непріятелей, каждое дерево, подъ которымъ отдыхали отъ усталости, каждый ручей, въ которомъ обмывали пыль и раны, напоминали ему его одиночество. Особенно тѣнь производила на него сильное впечатлѣніе. Въ тяжкомъ недугѣ тоски ему казалось, что это призракъ убитаго друга неотступно бродитъ за нимъ и проситъ отмщенія. И онъ поклялся отмстить; заткнулъ за поясъ четыре пистолета, привѣсилъ два кинжала, взялъ ружье и пошелъ къ лагерю Турокъ. Выбралъ темную, бурную ночь, вползъ въ палатку паши, убилъ его и двухъ его невольниковъ, и, когда на стонъ ихъ сбѣжались Турки, дрался, какъ левъ, повторяя имя побратима, и падая подъ ударами, обломкомъ кинжала перебилъ ногу одному изъ своихъ непріятелей. Но это было еще во времена знаменитаго Ботсариса.

Мудрено сказать, суровые ли нравы развиваются изъ грубыхъ понятій, или грубыя понятія — изъ суровыхъ нравовъ: только то и другое идетъ объ руку, и встрѣчается у горныхъ пастуховъ сѣверныхъ жителей Греко-Славянскаго полуострова.

Между Дунайскими Славянами и Молдаво-Валахами бродить множество кровавыхъ повѣрій и преданій. Жители Сербіи и Герцеговины съ ужасомъ, показывающимъ крайнее дѣтство понятій, рассказываютъ о душахъ дурныхъ людей, будто бы осужденныхъ за свои преступленія блуждать по свѣту до тѣхъ поръ, пока удастся имъ чѣмъ нибудь загладить свою вину.

Но вездѣ есть весна, есть радостныя впечатлѣнія и свѣтлыя празднества. У Славянъ нѣкоторыя празднества приходятся въ тѣже дни съ церковными праздниками; такъ, напримѣръ, возвращеніе теплой погоды и возрожденіе зелени празднуется въ день воскресенія Лазаря. Природа, вызываемая лучами солнца къ жизни отъ могильнаго оцѣпѣненія, переноситъ мысль ихъ къ священнымъ воспоминаніямъ, когда Спаситель Творческимъ словомъ Своимъ возвращалъ людямъ силы, здоровье и существованіе.

На другой день Вербнаго воскресенья, молодыя дѣвушки, при восходѣ солнца, съ кувшинами собираются вокругъ ручья и поютъ пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ онѣ выражаютъ свою радость о томъ, что ледъ взломался и мутный потокъ просвѣтлѣлъ отъ жаркаго взгляда оленя. Подъ именемъ оленя онѣ разумѣютъ солнце. Въ вечеру онѣ садятся, каждая у своихъ воротъ, и просятъ Св. Георгія, чтобы онъ послалъ имъ жениховъ. Наступаетъ Егорьевъ день. Наканунѣ его замужнія женщины идутъ въ поле, рвутъ весеннія травы и цвѣты, особенно такія, въ которыхъ, по ихъ суевѣрнымъ понятіямъ, есть таинственная плодотворная сила, изъ-подъ колеса мельницы черпаютъ воду, бросаютъ въ нее цвѣты и травы и оставляютъ на ночь. На другой день встаютъ съ восходомъ солнца и умываются этою водою, надѣясь обновиться и помолодѣть, подобно природѣ; потомъ

набираютъ новыхъ цвѣтовъ, привязываютъ пучки ихъ къ ушамъ, или на поясъ и отправляются въ церковь.

Во всѣхъ суевѣріяхъ, какъ въ аллегоріи (иносказательномъ изображеніи) есть мысль; иногда она, какъ корень въ землѣ, скрывается въ далекомъ, темномъ преданіи; мы, потомки, видимъ только ея наружность — листья, цвѣты; но здѣсь она очевидна: вода — жизнь, утекающая непрерывно и безвозвратно; колесо мельницы, постоянно обращающееся вверхъ и внизъ — колесо судьбы, колесо счастья, которое то поднимаетъ человека, то бросаетъ въ омутъ. Весенняя трава — свѣжесть молодого здоровья; цвѣты — красота и таинственная прелесть жизни. Утреннее умыванье, прогоняющее ночную сонливость — пробужденье и бодрость силъ, которыя непостижимымъ образомъ крѣпнутъ по мѣрѣ того, какъ человекъ и образомъ жизни, и умомъ сближается съ природой. Отправленіе въ церковь показываетъ безотчетное чувство, что, при всѣхъ удачахъ счастья, при всѣхъ пособіяхъ естественныхъ средствъ, при здоровьи и красотѣ, вѣнецъ всего составляетъ благословеніе неба.

Можетъ быть, это объясненіе *не точь-въ-точь* согласно съ первоначальнымъ значеніемъ обряда, но, конечно, близко къ нему: вѣдь, не мы только начали чувствовать и размышлять; и до насъ много передумано, и что въ продолженіи многихъ вѣковъ сохранилось въ цѣломъ народѣ, не можетъ быть безсмысленно.

Къ этому празднику опять въ каждой семьѣ рѣжутъ ягненка и обыкновенно передъ воротами дома; его жарятъ тоже по восточнымъ привычкамъ совсѣмъ отъ головы до ногъ. Св. Георгій почитается покровителемъ славянскихъ племенъ и вообще земледѣльцевъ. Этимъ днемъ для жителей всего греко-славянскаго полуострова

начинается теплое время, пора открытой полевой жизни и деревенскихъ занятій внѣ избы. Крестьянинъ выходитъ изъ своего затворничества и ночуетъ на чистомъ воздухѣ, или въ сараѣ, подѣ навѣсомъ, открытымъ со всѣхъ сторонъ, или въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ вѣтвей и сучьевъ; пастухи берутъ свои палатки и отправляются со стадами въ степи; гайдуки, или клефты — въ горы.

Съ этого времени въ разныхъ мѣстахъ у Славянъ начинаютъ собираться общенародныя сходки, то изъ нѣсколькихъ деревень, то изъ цѣлаго округа, смотря по тому, какъ требуютъ ихъ выгоды, или сношенія. Тутъ земляки съобща рѣшаютъ, почему что продавать, какую съ чего собирать подать, какой хлѣбъ и въ какихъ мѣстахъ складывать въ запасъ, въ землянки, и т. д. Сходки эти бывають въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, которымъ однимъ предоставлено такое преимущество. Это доставляетъ монашествующимъ нѣкоторыя выгоды уже и потому, что собравшемуся народу отъ монастыря продаются сѣбственные припасы; а сверхъ того, кто нибудь изъ приходящихъ сдѣлаетъ пожертвованіе.

На сходкахъ бывають и крестьяне, и купцы; нѣкоторые пріѣзжаютъ верстъ за полтораста и за двѣсти: вѣдь, отъ условій, которыя тамъ положатъ, зависятъ распоряженія на цѣлый годъ; а это не бездѣлица: отъ успѣха, или не успѣха въ продолженіи года можно иногда разбогатѣть, поправиться, или разориться на всю жизнь.

Первый день посвящается молитвѣ. Начало и окончаніе службы возвѣщается пальбою изъ ружей. Ночуютъ всѣ вокругъ монастыря на полѣ. Послѣ молитвы начинаются совѣщанія; послѣ совѣщаній веселости; пируютъ, забавляются, поютъ пѣсни. Въ пѣсняхъ выражаются нераздѣльно два чувства — любовь къ Богу и родной сторонѣ. Вино льется въ дружескія чаши, которыя перехо-

дять изъ рукъ въ руки. Жаренныя козы и бараны разрѣзываются для угощенія; скатертью служить зеленая трава. Кладбища, подлѣ которыхъ происходятъ эти собранія, нестрѣютъ разноцвѣтными знаменами. Между тѣмъ, какъ молодежь пляшетъ и веселится, старики зрѣло разсуждаютъ о дѣлахъ, о связяхъ между семействами и деревнями. Говорятъ всѣ по очереди; каждый подаетъ свое мнѣніе, предлагаетъ свой планъ, выслушиваетъ противорѣчія, опровергаетъ ихъ и т. д. Тутъ иногда случается слышать столько же умныя, сколько и пламенные слова, хотя часто говорятъ люди, совсѣмъ незнакомые съ науками.

При этихъ совѣщаніяхъ и празднествахъ непременно присутствуетъ хотя одно духовное лицо — игумень, архимандритъ, или простой монахъ. Они, конечно, не принимаютъ участія въ забавахъ, но не стѣсняютъ ихъ, останавливаютъ слишкомъ горячій разговоръ, разбираютъ несогласія, даютъ совѣты. Греко-славянскія племена, подавляемые турецкимъ гнетомъ, выбираютъ духовныя лица начальниками себѣ для защиты отъ притѣсненій. Турки знаютъ, что славяно-греческое духовенство пользуется большимъ уваженіемъ между своими соотечественниками, и оставляютъ ему свѣтскую власть. Отъ этого духовенство знаетъ всѣ нужды народа, входитъ въ частныя и общественныя дѣла его, видитъ его страданія и удовольствія, знаетъ образъ его мыслей и намѣренія. Народъ не таится отъ него и имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность.

Можетъ быть, преимущественно его вліянію надобно приписать, что въ играхъ и забавахъ Греко-Славянъ нѣтъ ничего, что бы изнѣживало и портило нравы. Посмотрите на ихъ танцы. Вотъ на долину становятся въ два ряда молодые люди. Всякій беретъ своего сосѣда

за поясъ и подаетъ ему бѣлый платокъ. Тогда они составляютъ кругъ, или *коло*, начинаютъ вертѣться вихремъ, раздвигаются шире и шире, захватываютъ десятки, сотни присутствующихъ, схватываются съ ними въ одну неразрывную цѣпь и окидываютъ этимъ живымъ вѣнкомъ огромное пространство, кипя и волнуясь. Есть что-то торжественное и необъяснимо - привлекательное въ этомъ простомъ танцѣ. Онъ такъ согласенъ съ характеромъ пылкой молодости, которой хочется развернуться, какъ можно шире и просторнѣй. Смотри на него, съ наслажденіемъ чувствуешь, что кровь сильнѣе разгорается въ общемъ движеніи и свѣжія силы, соединяясь вмѣстѣ, становятся неудержимыми при дружномъ порывѣ. Туркамъ не нравится этотъ танецъ. Они любятъ неподвижность и лѣнь; они чуютъ здѣсь что-то враждебное себѣ.

Но имъ еще больше не по вкусу танецъ *пиррихійскій* или *албанскій*. Вотъ на холмѣ нѣсколько рядовъ танцующихъ; впереди ихъ идетъ предводитель. Онъ, смѣло и гордо выступая, бьетъ мѣрно землю. Въ мѣру съ нимъ бьютъ и всѣ другіе. Окрестность стонетъ. Вдругъ они, смѣшиваясь, то поднимаютъ къ верху руки, то взмахиваютъ обнаженные сабли. Это ужъ просто видѣ ополченія: оно, кажется, или произноситъ клятву, или грозитъ отдаленному врагу, или готово броситься въ бой. На это нельзя смотрѣть безъ воинственнаго одушевленія.

Но есть танцы, болѣе мирныя, въ которыхъ представляется что-то деревенски-граціозное, напоминающее полевые впечатлѣнія. Таковъ, напримѣръ, танецъ, называемый *цусемъ*. Мужчина и женщина начинаютъ танцевать вдвоемъ, довольно далеко другъ отъ друга; потомъ описываютъ круги другъ около друга все тѣснѣй и тѣснѣй, пока наконецъ совсѣмъ встрѣчаются.

Это два ручья, которые, выбѣгая изъ одного родника, растекаются по лугу и послѣ разныхъ извилинъ и поворотовъ, сливаются вмѣстѣ. Это — ласточки, которыя, дѣлая тысячи круговъ, съ радостнымъ кликомъ слетаются подъ одну кровлю.

Танецъ этотъ, равно какъ и многіе другіе, выполняется подъ звуки *гуслей*. Но этотъ инструментъ не походить ни на наши русскіе гусли, ни на цимбалы, употребляемые Евреями въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Это деревянная гитара, обложенная мѣдью. Она имѣетъ форму груши, разрѣзанной вдоль по поламъ. Ручка ея вырабатывается въ видѣ шеи барана, или лебедя. Струны, числомъ отъ шести до семи, дѣлаются изъ конскаго волоса. Играютъ пальцами. Инструментъ, какъ видите, бѣдный и сдѣланъ бываетъ иногда очень грубо; но когда играетъ на немъ Грекъ, или Славянинъ, то изъ глазъ его и, кажется, изъ-подъ рукъ брызжутъ искры. Особенно выразительно отдаются заунывные ноты, да и въ самыхъ веселыхъ мотивахъ какъ-то слышится затаенная, гульбой и удалью заглушаемая печаль.

Припомнимъ теперь все объ этомъ краѣ, — глядя на географическую карту: земля прекрасная и по положенію, и по свойству почвы; въ ней кроются богатые руды; на ней, подъ южнымъ солнцемъ, созрѣваютъ нѣжныя растенія — отъ дынь и кукурузы до винограда; для всякаго рода скота — вездѣ приволье, и на горахъ, и въ долинахъ; племена — способны къ дѣятельности, и нуждаются одно въ трудѣ другаго; въ нихъ есть сильное религіозное чувство и патріархальныя семейныя привычки; характеры ихъ мужественные; въ языкѣ, пѣсняхъ, народныхъ преданіяхъ, играхъ и даже костюмахъ видѣнъ поэтическій вкусъ. Кажется, какъ бы имъ не

быть счастливыми? А между тѣмъ участь ихъ жалка. Собственно греческое королевство, не смотря на усилія правительства, еще не оправилось отъ много-вѣковаго турецкаго порабощенія и теперь находится подъ тиранскою властью Англичанъ и Французовъ, которые, въ книгахъ толкуя о свободѣ, на дѣлѣ разоряютъ беззащитныхъ. Племена, принадлежащія Турціи, бѣдствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ; о шоссе и говорить нечего; большихъ дорогъ нѣтъ, или онѣ такъ дурны, что въ дождливое время по нимъ едва можно пробираться; рѣки, которыя, при малѣйшей заботливости, могли-бы быть удобны для судоходства, остаются безъ дѣла. Торговли, сколько-нибудь похожей на европейскую, и предполагать нельзя; даже опасно разбогатѣть: тотчасъ ограбить какой-нибудь паша, да еще и самаго съ семействомъ, дѣтьми, родомъ и племенемъ подведетъ подъ истязанія и казнь. И бѣдняку надобно каждый годъ выкупать свою голову особенною ежегодною податью. Христіанство и просвѣщеніе преслѣдуется, какъ зло. Часто, во время службы, Турки врываются въ церковь и предають поруганію и жителей, и храмъ молитвы. Для безопасности, Христіане иногда тайкомъ собираются гдѣ-нибудь въ развалинахъ церкви въ подземельѣ, или въ одиночку то тамъ, то здѣсь, благоговѣйный богомолецъ въ праздникъ засвѣчиваетъ лампаду надъ тѣмъ мѣстомъ, среди грудъ камней, гдѣ когда-то былъ алтарь, а теперь все заглохло, заросло и христіанинъ прячется, какъ шакалъ.

БОСНІЯ.

ь трудомъ можно представить себѣ, чтобы въ Европѣ, вблизи къ образованнымъ государствамъ, могла быть такая дикая страна, какова Боснія. Если туда переѣхать изъ Италіи, черезъ Адриатическое море, то, дѣйствительно, покажется, будто вдругъ очутился въ Новомъ свѣтѣ, среди народа, который только начинаетъ выходить изъ первобытнаго состоянія. То, что географы называютъ въ Босніи городами, — не больше, какъ крѣпости, возвышающіяся на неприступныхъ горахъ, или большія деревни, въ которыхъ, кромѣ двухъ — трехъ порядочныхъ строеній, все лачуги. Это очень хорошо — въ отдаленіи для минутнаго взгляда бродя-

чаго путешественника, на картинѣ, въ поэтическомъ описаніи; но очень неудобно для житья.

Пути сообщенія въ Босніи вообще необыкновенно затруднительны: часто, только что выйдешь изъ таеъ называемаго города, уже начинается дорога, заросшая травой; а тамъ, глядишь, пойдуть кустарники; дальше — лѣса, и она ужъ вьется, какъ тропинка. Рѣчекъ и ручьевъ — безчисленное множество; съ крутыхъ горъ они бѣгутъ по ущельямъ и долинамъ, оживляютъ мѣста, даютъ прекрасную воду: но переѣзжать черезъ нихъ надо или вбродъ и вплавь, или почти вездѣ по плохимъ мостамъ; а ужъ, конечно, лучше прямо лѣзть въ воду, нежели печально свалиться въ нее.

Тѣмъ, для кого, по выраженію англійскаго поэта Мильтона, уединеніе есть общество, въ Босніи — широкое раздолье: лѣсовъ бездна; можно забраться въ такую глушь, что и не выдешь; надумаешься вдоволь, никто не помѣшаетъ. Развѣ медвѣдь, ломая сухіе сучья и прыгая съ колоды на колоду, трескомъ, или кабанъ своимъ хрюканьемъ выведетъ васъ изъ задумчивости. Эти лѣса, можно сказать, манятъ человека къ дикости, въ свои дремучія глубины: въ нихъ множество дикихъ плодовыхъ деревъ.

Неменьше оригинальную картину представляютъ и жители, Босняки. Они родомъ Славяне, почти тоже, что Сербы, и говорятъ по-сербски. Но одни изъ нихъ перешли въ магометанство; другіе остались христіанами. Изъ христіанъ нѣкоторые православнаго, нѣкоторые католическаго вѣроисповѣданія. Христіане вопреки Святому ученію Спасителя — безусловно любятъ другъ друга; другъ друга ненавидятъ. Турки, чтобы, пользуясь беспорядками въ Босніи, удобнѣй удержать ее въ своей власти, для виду поддерживаютъ Христіанъ и ссорятъ

ихъ съ единоплеменниками и единоземцами — магометанской вѣры. Боснійскіе Магометане, терпя притѣсненія отъ турецкаго правительства, испоконъ вѣку только и думаютъ о томъ, какъ бы отъ него освободиться, хоть на нѣкоторое время, или истребить пашей и другихъ турецкихъ чиновниковъ, воспользоваться ихъ добромъ и попить на ихъ счетъ. Безладица ужасная!

Да и Магометане они плохіе. Въ нихъ, какъ дорогія воспоминанія отдаленнаго дѣтства, сохранились нѣкоторые слѣды христіанства. Каждое семейство признаетъ за своего покровителя какого - нибудь изъ святыхъ; всѣ магометанскіе Босняки празднуютъ Петровъ, Ильинъ, Егорьевъ день. Если заболѣетъ дитя, отецъ отправляется въ сосѣдній монастырь и проситъ молиться за него; молодой бекъ проситъ священниковъ тайно молиться на могилѣ отца.

И нравы у нихъ несовсѣмъ магометанскіе: они не допускаютъ многоженства; они позволяютъ женщинамъ выходить безъ покрывала, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько открывши лицо; даже обращаются съ ними почтительнѣй, нежели въ другихъ странахъ Христіане.

Но это внѣшнее сближеніе Магометанъ съ Христіанами въ сущности, на самомъ дѣлѣ, нисколько не миритъ ихъ. Магометане — большею частію — владѣльцы крѣпостей и земель, какъ въ среднія, рыцарскія времена бароны *); Христіане большею частію — простолюдины. Тѣсня владѣльцевъ, турецкое правительство всегда давало имъ власть тѣснить крестьянъ. У крестьянина не было собственности, кромѣ своего тѣла и своей души. Каждого провѣзжаго владѣльца (спаги) надобно было содержать на счетъ крестьянъ; крестьяне поставляли ему лошадей и исполняли всѣ его прихоти; если

*) Смотр. Ж. д. Д. 1854 г., стр. 742.

спаги (владѣлецъ) бьетъ крестьянина, этотъ не можетъ защищаться: за это бы казнили его смертію.

Боснія и теперь находится почти въ такомъ - же положеніи; участь крестьянина не много сдѣлалась лучше. Спаги (владѣльцы), злобствуя противъ правительства, вымѣщаютъ свою злобу на простолюдинахъ, которые поневолѣ для защиты своей должны обращаться къ султану, дѣйствительно, иногда находятъ у него покровительство, и называютъ его своимъ благодѣтелемъ. Это поддерживаетъ раздраженіе между обоими сословіями. Между спагами отличаются жестокостію особенно отступники отъ христіанской вѣры. Они, пользуясь варварскими правилами Магометанъ, не пропускаютъ случая стѣснить христіанина, въ чемъ бы то ни было: онъ не можетъ имѣть хорошаго дома, богатаго платья и даже носить усовъ, которыми Сербъ очень дорожить, какъ выраженіемъ воинственности. Встрѣчаясь съ мусульманиномъ, Христіанинъ долженъ сходить съ лошади и давать ему дорогу, хоть - бы для этого приходилось ему лѣзть по горло въ болото. Ужъ это милость, когда спаги великодушно крикнетъ ему: «сиди, дуракъ!» Но чаще всего случается слышать: «долой, дурачина, съ лошади!» Заставить Босняка разстаться съ оружіемъ было невозможно; поэтому, позволяя крестьянамъ носить кинжалъ, пистолеты и даже карабины, спаги требуютъ, чтобы они прятали его при встрѣчѣ съ мусульманиномъ, въ знакъ почтенія. Если крестьянину придется имѣть дѣло съ чиновниками, онъ долженъ говорить съ ними, стоя на колѣняхъ; если придется встрѣтиться на улицѣ, то долженъ пли бѣжать въ сторону, или кланяться въ землю и цѣловать имъ ноги.

Не смотря на такое униженіе, у Босняковъ въ массѣ народа сохраняются многія благородныя черты. Они

мужественны до самоотверженія и даже до крайняго упрямства. Смѣлость въ битвахъ и удалъ въ отчаянныхъ похожденіяхъ, вызываемыхъ войною, или мстительностію за обиды, составляютъ для нихъ единственную отраду, въ которой хочетъ развернуться душа требующая дѣятельности и простора.

Босняки корыстолюбивѣ другихъ Славянъ; можетъ быть, потому, что имъ рѣдко случается видать у себя въ рукахъ деньги. Впрочемъ они чаще всего употребляютъ ихъ на платье, или богатое оружіе, которымъ, какъ всѣ народы, находящіеся еще въ полу-дикомъ состояніи, дорожатъ чрезвычайно. Роскошь, удобства жизни и нѣгу презираютъ. Для нихъ одна роскошь — ружье съ дорогой насѣчкой, или сабля въ богатой оправѣ; одно наслажденіе — слышать свое имя въ народныхъ пѣсняхъ. Они находятся еще въ той суровой, варварской порѣ жизни, когда народъ любитъ только кровопролитіе, уважаетъ только ширину плечъ и крѣпость руки; для нихъ, какъ сказалъ кто-то,

«Міръ цѣлый есть лишь бой кулачный,
Гдѣ всѣ дерутся наповаль,
Гдѣ тотъ и счастливъ, кто удачно
Другому ребра отломалъ.»

Наука еще не открыла имъ глазъ; христіанство еще не смягчило ихъ нравовъ.

Пищу Босняки, разумѣется, простолюдины, употребляютъ самую простую и даже грубую: обѣдъ богатъ тотъ, гдѣ много ѣды. Смѣшаютъ маисовую и ржаную муку, кое-какъ смолотую на ручной мельницѣ, сварятъ въ молокѣ — вотъ и супъ, *кулеши*; еще горшокъ овсяной каши и — довольно. Хлѣбъ тонкими лепешечками пекутъ въ золѣ, на глиняной, или жестяной посудинѣ, передъ самымъ обѣдомъ. Печей у нихъ нѣтъ; булоч-

ныхъ, или какихъ нибудь пекаренъ, не завелось еще и въ городахъ; всякій заботься самъ о *насушномъ* хлѣбѣ. Мясо жарятъ на открытомъ воздухѣ, на деревянныхъ вертелахъ. Посуда вездѣ — тоже деревянная. Зимой довольствуются солониной. Мусульмане презираютъ картофель какъ низкое кушанье *франковъ* (Европейцевъ). Лѣтомъ ѣдятъ почти все только арбузы, тыкву, рѣдьку, огурцы, въ сыромъ видѣ. Зубъ беретъ, желудокъ варить — зачѣмъ же еще лишнія хлопоты? Христіане и Мусульмане единодушно вмѣсто всякаго питья употребляютъ водку, которая дѣлается изъ грушъ. Поэтому, въ деревняхъ и около деревень вездѣ — множество грушевыхъ деревьевъ. Однимъ дѣтямъ предоставляется пить воду. Виноградныхъ винъ нѣтъ; свой виноградъ не родится, а покупать не начто, да, по мнѣнію Босняка, и не стоитъ труда.

Болѣзней вообще мало. Большею частію подвергаются разнаго рода воспаленіямъ, отъ простудъ. Лечатся сами и по своему: или пускаютъ кровь, или пьютъ вскипяченную водку то съ перцомъ, то съ порошкомъ, потомъ завертываются въ бараній тулупъ, чтобъ пропотѣть. Въ Босніи, у пашей бываютъ европейскіе доктора; но народъ всегда охотнѣе слушается невѣждъ, нежели ученыхъ, и обращается въ случаѣ болѣзни къ своимъ знахарямъ, или лечильщикамъ. Они, какъ обыкновенно, употребляютъ ерунды средства. Чтобы, на примѣръ, прогнать начинающуюся глухоту, вставляютъ больному въ ухо выдолбленную во всю длину свѣчку изъ желтаго воска, зажигаютъ ее со внѣшняго конца и даютъ ей совсѣмъ сгорѣть. Между тѣмъ, въ это время закутываютъ голову *страждущаго* какъ можно теплѣй. Случается, что отъ подобнаго леченія выздоравливаютъ; только эта операція повторяется иногда нѣсколько разъ.

Бываетъ, что съ леченіемъ употребляютъ и колдовство: пишутъ славянскими буквами имя больного, его отца, имена его рода и племени, и какъ всякая славянская буква, подобно цифрѣ, означаетъ какое-нибудь число: то складываютъ эти буквы, умножаютъ, дѣлятъ по своимъ какимъ-то, будто тайнымъ соображеніямъ, потомъ составляютъ *гороскопъ*, то есть, выводятъ какія звѣзды для больного благопріятны, какія нѣтъ, и основываясь на этомъ высокомъ указаніи, составляютъ лекарство. Если лекарство не удастся, не знахарь виноватъ; такъ звѣзды сказали.

Между Босняками водятся и свои хирурги. Хирургія у нихъ идетъ успѣшнѣе: онѣ привыкли видать много ранъ и въ леченіи ихъ приобрѣли большую опытность. Впрочемъ въ вырѣзываніи и леченіи внѣшнихъ ранъ они много берутъ смѣлостью. Европейскій докторъ поступаетъ осторожно и сострадательно, а Боснякъ полосуетъ, не обращая вниманія на жестокую боль того, кто отдался ему въ руки.

Внутреннихъ болѣзней, какъ требующихъ большаго знанія, они лечить не умѣютъ. Оказалось, что тутъ ужъ и звѣзды не помогаютъ. Поэтому, когда съ Боснякомъ приключится такая мудреная болѣзнь, его сажаютъ на лошадь, везутъ въ монастырь и умоляютъ монаховъ читать надъ нимъ Евангеліе. Больше всего въ такихъ случаяхъ они обращаются къ черногорскому владыкѣ *); а если нельзя везти туда больного, то отправляютъ его платъе, чтобы владыка надъ нимъ помолился; но, образованные владыки, конечно, отвергаютъ такіа просьбы.

Живутъ Босняки обыкновенно въ большихъ избахъ. Онѣ строятся изъ глины и дерева; крыши или — соло-

*) См. Ж. д. Д. 1854 г., стр. 331, статья: Черногорія.

менные, или — изъ липовой коры. Всякая изба состоитъ изъ множества маленькихъ комнатокъ, которыя всѣ выходятъ дверьми въ одну большую. Посрединѣ ея находится очагъ. У бѣдныхъ людей это — яма, выкопанная въ землѣ. Тамъ готовится кушанье; тамъ отецъ, мать, братья, сестры, въ зимніе вечера садятся вокругъ огня на лавкахъ работать и разговаривать. У богатыхъ тутъ обыкновенно стоитъ диванъ; со всѣхъ сторонъ — окна, которыя выходятъ на улицу. Только одна принадлежность этой комнаты напоминаетъ Европу: это голландская печка, почти всегда, какъ у насъ, во всю вышиину ея, до самаго потолка.

Въ избахъ и домахъ живутъ только въ холодное время; но съ наступленіемъ лѣта, Боснякъ немедленно ставитъ шалашъ въ саду, у дороги или на полѣ; тамъ ѣсть, тамъ ночуетъ. Онъ считаетъ за стыдъ имѣть постель, или одѣяло; зимой онъ ложится на мансовой соломѣ, а лѣтомъ на травѣ луга, или долины.

Съ такими привычками Боснякамъ не много нужно во время войны; обозъ не будетъ затруднять ихъ походовъ. Поэтому, армія въ двадцать, или тридцать тысячъ съ быстротою птицы переносится съ одного края страны на другой. Да и въ мирное время Босняки гордятся своею быстротою и удалствомъ.

Не смотря на то, что теперь и въ Босніи все мало-по-малу приводится въ порядокъ, подчиняется нѣсколько больше прежняго строгимъ правиламъ общественной жизни и военной дисциплины, *гайдуку* тамъ лицо народное и любимое — предметъ уваженія и сочувствія, предметъ разсказовъ и пѣсенъ. А гайдуку — герой, искатель приключеній, проходецъ, или разбойникъ, иногда все это вмѣстѣ. Вотъ что, между прочимъ, въ народѣ разсказывается и поется о гайдукахъ.

Это даетъ понятіе о бытѣ и нравахъ Босняковъ.

РАБОТА.

«Скупой Копчичъ, старшина Мурать-Бега, гонить на работу сто косцовъ, двѣсти жнецовъ и приговариваетъ: «тому, кто придетъ завтра позже солнечнаго восхода, я дамъ сто палокъ, да посажу его въ тюрьму и выпущу только тогда, когда воротится Мурать-Бегъ. А Мурать-Бегъ воротится изъ похода не раньше семи лѣтъ.»

Собрались всѣ до восхода солнца на работу, всѣ дрожать — боятся Копчича. Не было одного Томитія Міята; онъ пришелъ послѣ восхожденія солнца; на плечѣ у него — длинный карабинъ; въ рукахъ — коса и оселокъ. Смѣло идетъ Томитій Міять.

Увидѣлъ его Копчичъ и кричитъ ему: «я сдѣлаю, что сказалъ вчера: дамъ тебѣ триста палокъ, запру тебя въ тюрьму и не выпущу до тѣхъ поръ, пока не воротится Мурать-Бегъ; а воротится онъ только черезъ семь лѣтъ.»

Слушаетъ молодой Міять, бросаетъ косою въ Копчича и бѣжитъ на широкую гору.

Бродитъ онъ тамъ, подбираетъ себѣ товарищей, и только набралъ ихъ, отправляется къ Копчичу. Встрѣчаетъ онъ Али, пастуха его, и спрашиваетъ: «скажи мнѣ, въ которомъ мѣстѣ въ домѣ Мурать-Бега живетъ и ночуетъ жена его?»

— Она живетъ, отвѣчаетъ пастухъ, въ высокой башнѣ, на мощеномъ дворѣ: тамъ она ѣстъ, тамъ она ночи ночуетъ; а стоитъ у нея у желѣзныхъ воротъ двѣнадцать человѣкъ; стерегутъ они ее и день, и ночь. Ружья у сторожей, какъ жаръ, горятъ.

— Ладно! говоритъ гайдукъ; знай же, что я — гайдукъ Міять. Собери своихъ овецъ, убей барана, дай

сторожамъ лучшаго вина; когда они напьются, я войду въ башню, повыберу оттуда все добро, унесу его въ горы, и мы съ тобою тамъ подѣлимся.

Пастухъ его послушался, понесъ двѣнадцати сторожамъ ужинъ, поставилъ имъ дорогаго вина; они всѣ напились и повалились, какъ мертвые на мѣстѣ сраженія.

Въ полночь Томитій Міять приходитъ съ двѣнадцатью товарищами, подходитъ къ желѣзнымъ воротамъ и, поддѣлываясь подъ голосъ молодой дѣвушки, начинаетъ кричать и плакать, какъ бѣдная невольница безъ хозяевъ: «не здѣсь ли дворецъ Мурать-Бега? Нельзя ли мнѣ тутъ укрыть свою голову?»

Услышавъ это молодой сынъ старшины и говоритъ ей: «бѣдная дѣвочка! Тебѣ сейчасъ отопрутъ; только не плачь, не кричи такъ; разбудишь нашу добрую госпожу. Дѣвушкѣ надобно пряхъ безъ шуму, вышивать узоры, скоро и тонко ткать и ловко развязывать поясъ своей госпожѣ.»

А жена Мурать-Бега на башнѣ услышала, что кричитъ и плачетъ бѣдная дѣвушка. «Поди, говоритъ госпожа своей невольницѣ Кумріѣ, поди, отвори ей ворота»; а глупая раба отвѣчаетъ: княгиня! Я боюсь идти; можетъ, тамъ, у воротъ подъ столбами, спитъ — ночуетъ какойнибудь Бегъ.

Какъ закричить на нее госпожа: «ахъ ты, поганая дѣвка, собака ты этакая! Какой Бегъ придетъ ночевать подъ столбами, у воротъ моей бѣлой башни? И бьетъ княгиня рабу свою по щекѣ такъ, что у ней вываливается семь зубовъ; и бѣжитъ злая княгиня, торопится сама отворить ворота. Взглянула она на свой мраморный дворъ, и видитъ, на дворѣ латы блестятъ, ружья торчатъ. Опрометью кинулась она въ свою высокую

башню; а Міять догналъ ее, схватилъ ее за руку и говоритъ: «нѣтъ, не рвись, не уйдешь; а скажи ты мнѣ лучше, гдѣ прячетъ свою казну старшина; ужъ гдѣ-бъ не была она, а я возьму ее.»

— Казна его въ комнатѣ Беговъ; а въ этой комнатѣ трое дверей; а у каждой двери по три большіе замка. Въ этой же комнатѣ и кафтанъ, который Бегъ надѣваетъ, когда отправляется въ диванъ (совѣтъ), или къ Султану. На этомъ кафтанѣ тридцать пуговицъ; каждая пуговица сдѣлана изъ тридцати червонцевъ.

Томитій тотчасъ идетъ туда, гдѣ лежитъ казна, выламываетъ двери, уноситъ все добро, уноситъ и кафтанъ, который Бегъ сшилъ, ограбивши земледѣльцевъ. Разбоемъ досталось, разбоемъ и взято.

А у самой княгини Міять отнялъ жемчужное ожерелье, золотые браслеты, брилліантовые перстни и даже ея амбровую трубку, пошелъ на зеленую гору и сталъ дѣлить добычу съ своими товарищами.

Дорогія матеріи мѣрили они не локтями, а сколько хватить отъ сосны до сосны. Золотые червонцы мѣрилъ Міять своимъ колпакомъ.

Вотъ княгиня написала письмо и посылаетъ его Міяту на зеленую гору: «братъ мой по Богу! Пришли мнѣ назадъ мое ожерелье, перстни, браслеты и трубку. Когда Муратъ-Бегъ воротится съ войны и узнаетъ, что ты былъ въ моей бѣлой башнѣ, — прогонитъ онъ меня отъ себя.»

Міять отвѣчаетъ ей ласково: «я бы охотно отдалъ тебѣ твое украшеніе, но оно ужъ не въ моихъ рукахъ, а досталось моему племяннику Марьянко. Онъ хочетъ подарить его своей невѣстѣ и не отдастъ мнѣ его безъ боя.»

ОСЕННІЙ ПИРЬ.

«Была ужъ поздняя осень. Гайдукъ Міять съ тридцатью товарищами отправился въ Сараево, на зимовье къ побратиму своему Эффенди-Кадѣ. Эффенди-Кадѣ сдѣлалъ для него богатый пирь.

Наѣлись они досыта мяса, напились вина, пошли по городу и стали пѣть веселыя пѣсни. И узнали Турки, гдѣ живутъ гайдуки, посовѣтывались и послали сказать визирю. Визирь не знаетъ, что дѣлать; наконецъ делибашъ (наѣздникъ) его, Кусо, говоритъ: дай мнѣ шестьдесятъ удалцовъ, и живымъ, или мертвымъ, но страшный Міять будетъ въ твоихъ рукахъ.

Отправляется делибашъ Кусо съ шестидесятью удалцами въ Сараево, приходитъ къ Эффенди-Кадѣ. Эффенди-Кадѣ нѣтъ дома. Делибашъ начинаетъ бить двухъ бѣлолицыхъ его женщинъ и приказываетъ имъ говорить, гдѣ прячутся гайдуки.

Женщины стали кричать. Услышалъ Міять и прибѣжалъ къ нимъ. Турки притворяются, будто у нихъ нѣтъ ничего на умѣ, садятся и начинаютъ пировать съ гайдуками; а женщины подаютъ имъ пить и ѣсть. Вотъ Турки напились и начинаютъ смѣло поговаривать. Делибашъ Кусо пьетъ и приговариваетъ: «не за твое здоровье, Томитій Міять, не за свое пью я, а пью за здоровье нашего султанскаго визиря Босніи, котораго волю я хочу исполнить!» Переходитъ чаша изъ рукъ въ руки и доходитъ до племянника Міята, Марьянко.» «Не за твое здоровье, делибашъ, пью я, и не за твое, визирь, говоритъ онъ, а пью за здоровье своихъ двухъ пистолетовъ, которые выкупятъ изъ бѣды наши головы.» Бросилъ онъ чашу, выстрѣлилъ въ Кусо и убилъ его. Тутъ гайдуки бросились на пьяныхъ Турокъ, связали

имъ руки, заперли въ погребъ Кади, переодѣлись въ ихъ платье, сѣли на лошадей и поѣхали по городу. Турки смотрятъ и спрашиваютъ, кто они; а Міятъ говоритъ, что его послалъ визирь переловить гайдуковъ. Часовые отворяютъ ему ворота; онъ выѣзжаетъ спокойно и зоветъ съ собою тридцать агъ къ боснійскому визирю, говоря, что везетъ къ нему тридцать головъ товарищей гайдука Міята. Тридцать агъ ловко повскакали на своихъ огромныхъ коней и поѣхали въ лагерь къ визирю; но только пріѣхали они въ долину, гайдуки бросились на нихъ и перерубили всѣхъ до послѣдняго».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ГАЙДУКОВЪ.

«На горахъ, подъ зелеными соснами, тридцать гайдуковъ съ атаманами своими Міятомъ и Еравицей дѣлать добычу. Они выбираютъ Міята въ старѣйшины и бросаютъ ему золотое перо, чтобъ онъ былъ ихъ судьей и наибольшимъ. Еравица не соглашается; «мнѣ», говоритъ онъ, «давайте перо; я буду старѣйшиной».

— Ахъ, ты, разбойникъ! закричалъ Міятъ: меня выбрали, я и буду начальникомъ.

Еравица вызываетъ Міята на поединокъ. Вотъ они бьются: Міятъ рубнулъ первый и разсѣкъ Еравицѣ поясъ, а до тѣла не коснулся. Вмѣстѣ съ поясомъ у Еравицы упали на землю пистолеты, но онъ въ свою очередь ударилъ непріятеля въ бокъ; у Міята вывалились черныя внутренности, и онъ упалъ на траву.

Повскакали гайдуки съ земли и заголосили; а громче всѣхъ ихъ заголосилъ Еравица: «горе мнѣ!» сказалъ онъ; «я ранилъ своего названнаго брата. Не умирай, любезный побратимъ: я побѣгу, съищу тебѣ лекаря».

Міятъ не сказалъ ему ни слова, а только повернулся къ своимъ племянникамъ — Маленицѣ и Марьянко. Они

взяли его на руки и унесли въ деревню Бобово, къ князю Ильѣ. Жена этого князя была кума Міята. Она умѣла лечить всякія болѣзни, перевязала больному раны, ходила за нимъ два мѣсяца и вылечила его. Міять говоритъ Ильѣ: князь! Поѣзжай на базаръ въ Сараево, купи мнѣ вина, пороху и свинцу. Я хочу отыскать своихъ товарищей и помириться съ Еравицей. Илья поѣхалъ въ городъ.

А въ это время пришелъ въ Боснію фирманъ (указъ) турецкаго султана. Султанъ давалъ три мѣшка золота и три богатые пашалыка (области) тому, кто возьметъ Міята живаго, или мертваго. Туркамъ страшно было брать Міята, и когда читали фирманъ, они точно будто не слыхали его и говорили о другихъ вещахъ. Но одинъ Арабъ, прежній другъ Міята, взялся поймать его и выдать живаго. Взялъ онъ дамасскую саблю, взялъ длинный карабинъ, сѣлъ на быструю лошадь и поѣхалъ по ущельямъ искать Міята. На дорогѣ встрѣчаетъ онъ князя Илью: князь Илья ужъ ѣдетъ изъ города и везетъ два боченка вина. «Что, у тебя похороны, спросилъ Арабъ, или веселый пиръ, что ты накупилъ всего?»

— Нѣтъ, у меня не похороны, а веселье въ домѣ. Гайдуку Міять съ товарищами будетъ у меня ужинать нынче.

«Заклинаю тебя именемъ Бога», вскрикнулъ Арабъ; «выдай мнѣ живаго этого страшнаго гайдука; я ему отрублю голову, а тебѣ дамъ за это три мѣшка золота.»

Князь соблазнился и велѣлъ черному Арабу приѣхать, когда начнется пиръ. Они разстались. Князь Илья вернулся въ деревню.

Когда онъ въѣхалъ на дворъ, Міять выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу и ищетъ пороху. Князь говоритъ, что привезъ только мѣхи съ виномъ, а порохъ не хорошъ

на базарѣ, негодится для гайдуковъ. Міятъ ничего не подозрѣваетъ: ну нѣтъ, такъ и нѣтъ. Насталъ вечеръ; друзья садятся за столъ. Міятъ пьетъ, веселится; вдругъ онъ чувствуетъ, что на лицо ему капаютъ слезы. Онъ оглянулся и видитъ, княгиня Марина, наливая ему вино, плачетъ.

— О чемъ ты плачешь, добрая Марина? Развѣ ты думаешь, что я тебѣ не заплачу за твою хлѣбъ-соль, за твои лекарства и заботы обо мнѣ?

«О, нѣтъ, ничего мнѣ не надо ни за то, что ты ѣлъ, ни за то, что ты пилъ, ни за лекарства, ни за бессонныя ночи; а плачу я о томъ, что намъ надо разстаться, что Илья хочетъ тебя выдать Арабу, и тебя замучать въ страшныхъ мученьяхъ.»

При этихъ словахъ Міятъ обернулся къ двери. Въ нее входитъ Черный капитанъ; изъ-за него раздались выстрѣлы, полетѣли пули, и Міятъ повалился.

Племянникъ Міята Марьянко выскочилъ въ окно, прибѣжалъ въ горы и выстрѣлилъ изъ карабина. Выстрѣлъ отозвался вдали и на зеленыхъ вершинахъ разбудилъ Вука Еравицу. Вукъ Еравица скликаетъ своихъ товарищей. «Радуйтесь братцы», говоритъ онъ имъ; «Міятъ выздоровѣлъ! Умоляю васъ Богомъ, подите къ нему и помирите насъ съ нимъ!»

Сходятъ они съ горъ и видятъ — Марьянко весь израненъ. Онъ рассказалъ имъ, что Бобовскій князь выдалъ Міята, что Арабъ съ своими солдатами пьетъ у Ильи въ домѣ свѣжее вино.

Еравица плачетъ горячими слезами о смерти Міята; гайдуки вытѣмъ воютъ. Они всѣ кипятъ мщеньемъ за смерть несчастнаго товарища и становятся въ ущельѣ, черезъ которое должны проходить Турки. Вотъ Турки показываются; впереди ѣдетъ черный Арабъ и везетъ

голову Міята. Горькая печаль схватила Еравицу; онъ выстрѣлилъ въ Араба и попалъ ему прямо въ сердце. Тридцать гайдуковъ выстрѣлили тоже, и тридцать Турокъ свалились съ лошадей на траву. Приѣзжаютъ гайдуки въ Бобово. Ничего они не сдѣлали вѣрной и доброй Маринѣ, но схватили вѣроломнаго князя, отрубили ему руки и ноги, вырвали зубы, выкололи глаза и сожгли живаго въ его домѣ. «Вотъ что тебѣ за измѣну!»

Въ другихъ пѣсняхъ разсказывается о битвахъ гайдуковъ съ боснійскими визирями. Въ одной изъ нихъ сохранилась еще память о Еравицѣ. Послѣ Міята онъ былъ страшнѣе всѣхъ гайдуковъ и обиралъ караваны, которые ходили изъ Новаго Базара въ Стамбулъ (Константинополь). Однажды стоитъ онъ на высокой скалѣ, щекой приложился къ дулу ружья, какъ будто слушаетъ, что оно желѣзнымъ жерломъ своимъ ему скажетъ. Надъ нимъ стоятъ молча зеленые дубы. Въ воздухѣ тишь: листъ не шелохнется. Солнце ливня льетъ свѣтъ свой. Видитъ Еравица — по дорогѣ облакомъ пыль и безъ вѣтру идетъ — движется, какъ живая, сама собою. А въ облакѣ пыли что-то снуется, что-то волнуется, и то брякнетъ подкова, то звякнетъ сабля, то лошадь заржетъ. И видитъ онъ — изъ тѣсной тѣснины, изъ узкаго ущелья выѣзжаетъ отрядъ Турокъ на Косовское Поле *). Еравица бросился на нихъ съ своими гайдуками. Но Турокъ было множество. Они раздались, какъ вода отъ камня, и потомъ, какъ вода, нахлынули, сомкнулись вокругъ гайдуковъ, перебили ихъ всѣхъ, а Еравицу захватили въ плѣнъ и привезли къ визирю. Еравица обѣщалъ ему за себя большой выкупъ. Визирь хотѣлъ-было его отпустить: но Турчанки съ воемъ приближали на

*) См. Ж. д. Д. 1851 г., стр. 594.

дворъ паши и начали кричать, что онѣ сами пойдутъ въ Стамбуль и будутъ жаловаться Султану, если не казнятъ Еравицу, который побилъ ихъ мужей; а Султанъ ужъ, вѣрно, отрубить визирю голову. Визирь испугался, вывелъ Еравицу изъ тюрьмы и повелъ его казнить на площадь. Народу собралось пропасть: всякому хотѣлось посмотрѣть, каковъ Еравица и что съ нимъ будетъ, когда станутъ рубить ему голову. Толкутся, глядятъ, лѣзутъ другъ изъ-за друга. Еравица толкнулъ визиря, сбилъ его съ лошади, самъ вскочилъ на нее и сквозь толпу помчался изъ города въ горы. Народъ, смотря на него, хохоталъ и хлопалъ въ ладоши.

Такимъ образомъ, Босняки мѣшаютъ распоряженіямъ турецкаго правительства, покровительствуютъ всѣмъ бунтовщикамъ, даже разбойникамъ, потому что видятъ въ нихъ людей, которые одни обуздываютъ притѣснителей и спасаютъ Боснію отъ совершеннаго порабощенія, хотя отъ этихъ защитниковъ иногда приходится лихо не однимъ Туркамъ. Визирь непрерывно преслѣдуетъ гайдуковъ и употребляютъ на это *пандуровъ*, или жандармовъ. Но крестьяне всегда укрываютъ у себя гайдуковъ, кормятъ ихъ, указываютъ имъ дорогу. Когда гайдука схватятъ, то непременно казнятъ жестокою казнью. Отъ этого гайдукъ бѣется до послѣдней крайности. Умирать же все равно: но есть своего рода дикое наслажденіе — умирать въ отчаянной битвѣ, въ жару бѣшенствомъ пылающей крови. Вотъ пѣсня, въ которой видѣнъ упрямый и смѣлый Боснякъ.

....«Три цѣлыхъ дня Христитій Младенъ съ двумя сыновьями своими и матерью ихъ сидитъ въ пещерѣ, ничего не ѣвши. Всякій разъ, когда хотятъ они выдти, въ нихъ уставляются сто карабиновъ. Для питья имъ осталось немножко гнилой воды, собравшейся во впа-

динѣ скалы. Жажда мучить ихъ. Языки у нихъ распухли и почернѣли. Подъ конецъ третьяго дня бѣдная мать гайдуковъ шепотомъ сказала: «Дѣти! да будетъ на васъ милосердіе Божіе! Да отмститъ за васъ Богъ врагамъ вашимъ.» Сказавъ это, она вздохнула и умерла. Отецъ смотрѣлъ на трупъ сухими глазами; но дѣти роняли слезы, когда отецъ не видалъ ихъ. Насталъ четвертый день. Послѣдняя капля воды высохла отъ солнца. Старшій сынъ обезумѣлъ. Онъ схватился за ятаганъ (кинжалъ) и, какъ голодный волкъ, уставилъ на трупъ матери горящіе глаза. Младшій братъ увидѣлъ это, въ ужасѣ вынулъ свой кинжалъ, разрѣзалъ себѣ руку и сказалъ безумному брату: «братъ! напейся лучше моей крови, а не дѣлай грѣха. Когда мы всѣ померемъ отъ жажды, тѣни наши выдутъ изъ могилы и будутъ ѣсть сердца нашихъ непріятелей.» Тогда отецъ всталъ и крикнулъ: «поднимайтесь, дѣти! Лучше умереть отъ пуль, нежели отъ жажды!» И они, какъ львы, бросились изъ пещеры. Каждому въ грудь попало по десяти пуль, но каждый же изъ нихъ убилъ по десяти враговъ. Турки поотрубили гайдукамъ головы и повезли ихъ, но во всю дорогу не смѣли взглянуть на нихъ. Такъ страшень былъ Младенъ съ сыновьями».

Вражда Турокъ противъ Босняковъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, вражда Босняковъ-мусульманъ противъ Босняковъ-Христіанъ и наоборотъ, произвела то, что они на небольшомъ пространствѣ земли составляютъ почти два отдѣльные маленькіе народа. Напримѣръ, въ ново-базарскомъ и зворникскомъ пашалыкахъ живутъ почти все христіане; между-тѣмъ какъ Сараево, или Босни - Сарай и долины, отдѣляющія Сербію отъ Черногоріи, заселены магометанами. Съ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ-то угрюмымъ безпокойствомъ проѣзжаешь

Однажды стоит онъ на высокой скалѣ, щекой приложился къ дулу ружья, какъ-будто слушаетъ, что оно желѣзнымъ жерломъ ему скажетъ.

го мусульманскимъ землямъ; тамъ все дышетъ враждою и недоброжелательствомъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ переходишь въ *христіанскія пустыни*: тамъ всякаго путешественника, который одѣтъ по-европейски, принимаютъ радушно и съ совершенною довѣрчивостію, даже разбойники. Но надо непременно имѣть съ собою съѣстные припасы, потому что деревни почти вездѣ находятся вдали отъ дорогъ, между лѣсовъ, и пробираться къ нимъ можно только по самымъ маленькимъ тропинкамъ, едва замѣтнымъ для непривычнаго глаза. По огромнымъ, дремучимъ лѣсамъ, гдѣ богатство и величина растений напоминаетъ американскія пустыни, иногда по цѣлымъ днямъ не видишь ничего, кромѣ толстыхъ дубовыхъ стволовъ. Надъ головою вашею въ изумительной вышинѣ стоятъ пирамидальныя верхушки лиственницъ и сосенъ, надъ которыми то тамъ, то здѣсь чернѣется остроконечный гранитъ. Подъ сводами вѣчной зелени, каждый стукъ копыта, каждый шорохъ тронутаго куста, каждый крикъ горной птицы, среди совершеннаго безмолвія повторяется множествомъ то звонкихъ, то невнятныхъ отголосковъ. Провожающій васъ Боснякъ запѣваетъ свою *пѣсню* (пѣсню). Однообразный тонъ ея страннымъ чувствомъ волнуетъ ваше воображеніе и горячитъ коня, который непрерывно ускоряя шагъ, наконецъ пускается вскачь. Тутъ вы встрѣчаете мостикъ, смѣло перекинутый черезъ пропасть, но такой узкій и усыпанный такими острыми камнями, что только привычная боснійская лошадь на немъ не спотыкнется. Тамъ, среди мертваго молчанія между вѣтвями деревъ, въ просѣкахъ влетаетъ красноватое пламя, какъ какое-то странное колыхающееся растеніе, и съ любопытствомъ смотрятъ на проѣзжаго закопченныя фигуры угольщиковъ, которые жгутъ лѣсъ, гонятъ деготь или

дѣлають поташъ, составляющій одну изъ важныхъ статей боснійской торговли.

Въ двухъ словахъ «лѣсистая гора и долина, орошаемая ручьями» заключается все живописное изображеніе этого края. Тутъ природа развертывается во всей поэтической непринужденности, и отъ того на каждомъ шагу встрѣчаешь очаровательные виды. Художника и поэта, что впрочемъ одно и тоже — здѣсь не утомить уединеніе. Путешественникъ — какъ у себя дома, въ родной сторонѣ: запасшись кое-какимъ кушаньемъ, останавливаешься, гдѣ вздумается, разбиваешь походную палатку на самомъ привлекательномъ мѣстѣ; никто тебя не спроситъ, зачѣмъ ты здѣсь, что тебѣ надобно, кто ты такой и какъ смѣлъ безъ позволенія распоряжаться. Земли, зелени, лѣсу, воды много; людей мало; отъ этого они и не тѣснятся и не тѣснятъ другъ друга. Лошадь вы пускаете бродить также не привязывая, не спутывая ее. Пусть мнетъ и ѣстъ траву, сколько угодно. Если она и уйдетъ далеко отъ вашего кочевья, свистните, и она, какъ послушная собака, прибѣжитъ на свистъ вашъ и станетъ у входа въ палатку, ожидая сѣдла всадника. Если не скоро станешь ее сѣдлать, она начнетъ скрестъ и бить землю копытомъ, или просунетъ голову между половинками полога палатки и будто говорить: «чтожъ ты? Или поѣзжай, или пусти на волю».

Боснія вся изрѣзана горами, которыя проходятъ по ней изъ одного конца въ другой. На нѣкоторыхъ изъ нихъ — равнины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ. Это — неистощимые запасы ручьевъ и рѣчекъ.

Названія многихъ горъ показываютъ, что въ нихъ находятся металлы; таковы, напримѣръ, Сребреница, Златоборъ, Рудникъ, Желѣзникъ. Но руды вообще раз-

работываются плохо. Вѣдь для этого надо учиться и знать много наукъ.

Множество лѣсовъ имѣетъ дурное вліяніе на климатъ: въ Босніи значительно холоднѣе, нежели въ другихъ странахъ, которыя къ ней близки. Весна обыкновенно бываетъ дождлива; хорошей погоды едвали наберется четыре мѣсяца въ году. Только въ одной части Босніи — Герцеговинѣ, почва сухая и земля безлѣсная. Тамъ бываютъ большіе жары, на открытомъ воздухѣ созрѣваютъ оливы и виноградъ; но за то мало хлѣба.

Изъ хлѣбныхъ растений Босняки любятъ особенно просо и на долго запасаются имъ. Говорятъ, что въ одномъ мѣстѣ оно пролежало сорокъ два года и нисколько не испортилось. Это очень возможно, если его держали въ совершенной сухости. Майскъ бываетъ иногда такъ высокъ, что человекъ на лошади спрячется въ немъ. Рисъ, табакъ, дыни и арбузы родятся превосходно, почти безъ всякаго присмотра. Другіе хлѣба и огородныя растенія также можно-бы разводить съ большимъ успѣхомъ; но жители вообще не любятъ жизни земледѣльской и осѣдлой; у нихъ страсть къ кочевой пастушеской жизни. Къ суровости погоды, къ сырости и стужѣ они привыкаютъ съ дѣтства, а ходить за скотомъ легче, нежели за сохой и бороной, да это требуетъ и умѣнья меньше, нежели поле и огородъ. Зворникъ, Новый-Базаръ, Травникъ, Мостаръ и другіе города остались, кажется, въ такомъ же состояніи, въ какомъ были во времена Крестовыхъ походовъ. Между безпорядочно-нахлѣпленными грудами избъ и лачугъ, какъ на походномъ становищѣ дикаго племени, выются узенькія, кривыя дорожки. Это — городскія улицы. Въ нихъ собьется съ пути и совсѣмъ затеряется всякій, кромѣ старожила, потому что изъ улицы въ улицу надобно перехо-

дить часто черезъ дворъ, черезъ садъ, черезъ пустырь, отыскивая едва замѣтную калитку, или пролѣзая въ плетень. Есть ходы и подземные; они подѣланы съ незапамятныхъ временъ, чтобы спастись отъ преслѣдованій. Ими пользуются тѣ, которые или бѣгутъ въ гайдуки, или, по неволѣ сдѣлавшись гайдуками, украдкой приходятъ взглянуть на покинутое семейство, погрѣться у роднаго очага и отогрѣть душу ласковыми взглядами и словами жены и дѣтей.

Жителей въ большихъ городахъ Босніи много, есть тысячъ по десяти, по пятнадцати. Только въ одномъ Сараевѣ, или Боснѣ-Сараѣ, тысячъ сорокъ; а это равняется нашимъ губернскимъ городамъ средней величины. Но Босняки думаютъ, что больше и лучше ихъ города нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ. Станьте имъ говорить о Петербургѣ, они непременно васъ спросятъ: «А что, будетъ онъ такъ великъ и такъ хорошъ, какъ Босни-Сарай?» Но видъ представляетъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, удивительно живописный, такъ что есть на что посмотреть и засмотрѣться: крѣпость прислонена къ горѣ и отвѣсно возвышается изъ долины; на ней по бокамъ стоятъ двѣнадцать огромныхъ башенъ и нѣсколько закрываютъ ея четырехугольную фигуру. Кругомъ нея амфитеатромъ группируются минареты, кіоски, базары; разноцвѣтныя крыши, большею частію, изъ муравленой черепицы, блестятъ и пестрѣютъ издали точно какъ лугъ, гдѣ зелень мѣшается съ цвѣтами.

И при нынѣшнемъ упадкѣ всѣхъ городовъ въ Босніи, Сарай еще не чуждъ дѣятельности: въ немъ готовится прекрасное оружіе — и есть мастерскія серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ. Онъ ведетъ торговлю съ Константинополемъ. Между этими городами непрерывно тянутся караваны. Если-бы Босни-Сарай стоялъ

на судоходной рѣкѣ, онъ могъ-бы сдѣлаться однимъ изъ многочисленныхъ и богатыхъ городовъ въ Европѣ.

Исторія Босніи, если не коротка, то очень однообразна; все битвы да злодѣйства, да казни; Босняки бьются то съ Турками, то между собой, то съ Сербами. Одно изъ побойщъ происходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія и сопровождалось такими жестокостями, какъ-будто въ самыя отдаленныя варварскія времена.

Боснійскіе магометане, видя, что Турки покровительствуютъ христіанамъ, такъ остервенились противъ этихъ послѣднихъ, что задумали истребить ихъ, начиная съ князя до простаго народа. Злодѣевъ особенно воспламеняли единовѣрцы и единоплеменники ихъ, янычары (солдаты), бѣжавшіе изъ Константинополя, когда султанъ Махмудъ II хотѣлъ перебить ихъ всѣхъ и дѣйствительно въ нѣсколько дней истребилъ ихъ нѣсколько тысячъ. Янычары приписывали жестокость Султана наущеніямъ христіанъ. Магометанскіе Босняки охотно этому повѣрили и немедленно принялись за кровавое дѣло: они составили огромныя шайки, разсыпались по деревнямъ, жгли, грабили, убивали, или захватывали въ неволю; врывались въ церкви, уносили оттуда дорогіе сосуды; изъ ризъ и стихарей дѣлали попоны и чепраки; собирали молодыхъ дѣвушекъ, заставляли ихъ одѣваться, какъ на праздникъ, плясать и потомъ гнуснѣйшимъ образомъ наругались надъ ними.

Христіанскіе боснійскіе князья наконецъ собрались вокругъ одного монастыря, написали просьбу и послали ее Султану, который или ничего этого не зналъ, или знать не хотѣлъ. «Янычары», писали князья, «такъ насъ ограбили, что намъ скоро придется одѣваться древесною корою. Мы не имѣемъ возможности защищать свои семейства и церкви отъ крайняго поруганія. Государь-ли

ты нашъ? Если такъ, то защищай насъ отъ этихъ изверговъ; если не можешь, такъ скажи это, и мы побросаемся въ воду».

Султанъ объявилъ свирѣпствовавшимъ Боснякамъ, что если они не уймутся, то онъ пошлетъ противъ нихъ *не магометанское* войско, отъ котораго имъ не будетъ никакой пощады. — Какое же это войско? думали боснійскіе паши. А! Это, вѣрно, онъ хочетъ собрать Босняковъ - Христіанъ и поручить ихъ князьямъ. Перебьемъ же прежде всего князей. — Предводители магометанъ сдѣлали распоряженіе, чтобы напасть на князей въ разныхъ мѣстахъ. Пошли убійства и муки. Многіе изъ князей были злодѣйски умерщвлены. Отъ князей душегубство дошло и до другихъ сословій: священники, игумены, купцы и *кметы* (крестьяне) гибли по домамъ, въ поляхъ, въ церквахъ. Одинъ предводитель ожесточенной шайки велѣлъ перевязать и держать въ тюрьмахъ, или подъ карауломъ, всѣхъ крестьянъ собственнаго своего округа. Сила у него была чудовищная. Всякую пятницу, возвратясь изъ мечети, послѣ молитвы, онъ приказывалъ приводить къ себѣ по нѣскольку чело-вѣкъ и самъ разрубалъ ихъ по - поламъ, хвастаясь своею саблей. Его убили Христіане.

Боснійскій визирь Хозревъ - Мехметъ смотрѣлъ на эти ужасы и не употреблялъ никакихъ мѣръ, чтобы остановить ихъ. Въ какой землѣ и какой правитель области, ввѣренной его попеченію, поступить такимъ образомъ?

По жестокости, превосходящія всякое вѣроятіе, наконецъ заставили Христіанъ вступить съ убійцами въ отчаянную борьбу. Выручили ихъ большою частію гайдуки. На крикъ и плачь своихъ единовѣрцевъ они высыпали изъ пещеръ и лѣсовъ, напали на Зворникъ, сожгли

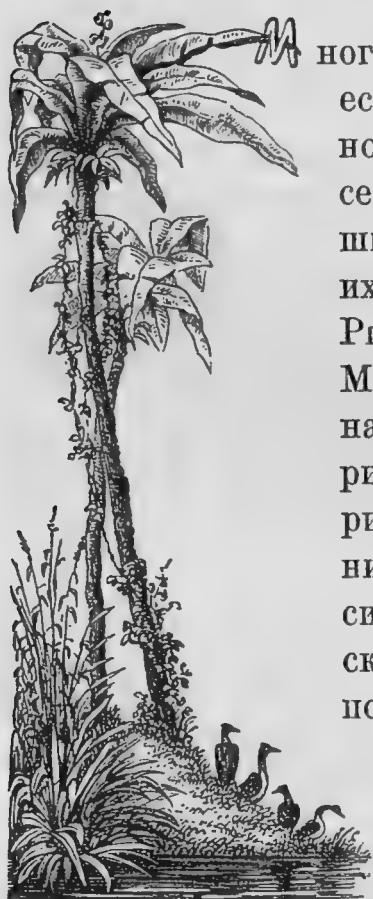
крѣпость и подняли всѣхъ окрестныхъ христіанъ. Утѣшенныя начали биться со всѣмъ мужествомъ, какое порождаетъ неожиданная надежда послѣ совершеннаго отчаянія. Мусульмане были разбиты при всѣхъ встрѣчахъ; визирь заключилъ миръ. Христіане вытребовали у него условіе, чтобы мусульманское войско не являлось въ ихъ области, и сборщики податей приходили туда только разъ въ годъ и то поодиначкѣ. Вѣсть объ этомъ освобожденіи мгновенно распространилась по цѣлой Босніи, и зазвучала между христіанами радостная пѣсня, въ которой они, не боясь мусульманъ, громко славили день своего освобожденія. Вотъ начало этой пѣсни:

«Какое диво сдѣлалось на глазахъ нашихъ! Значить, небо судило, чтобы воскреснулъ сербскій народъ. Князья объ этомъ ни думали, ни гадали. Но бѣдный народъ, не будучи въ силахъ нести тяжелое ярмо, наконецъ поднялся. Онъ поднялся какъ избранное племя въ день, назначенный для святой битвы. Страшныя небесныя знаменія, проходя надъ Сербскою землею, призвали его къ оружію. Со дня Св. Трифона до дня Св. Георгія луна затмѣвалась каждую ночь и говорила христіанамъ: вставайте, беритесь за оружіе! Но они не трогались. Со дня Георгія до дня Св. Димитрія кровавыя облака взадъ и впередъ ходили по небу и говорили христіанамъ: вставайте, беритесь за оружіе. Но они не смѣли поднять голову. Явилось третье знаменіе: среди зимы, въ день блаженнаго Саввы ужасный громъ потрясъ весь востокъ, чтобы сказать христіанамъ: пора, пора за оружіе! Но христіане все боялись. Наконецъ явилось послѣднее знаменіе: среди яснаго дня затмилось солнце, задрожало три раза и исчезло на востокѣ. Бѣлградскіе мусульманскіе начальники, увидя это, вышли изъ крѣпости въ пурпурныхъ одеждахъ. Они долго смотрять на небо,

и у нихъ навертываются слезы. «Аллахъ!» восклицають они. «Братья! Какія предзнаменованія для насъ!» Въ тоскѣ и заботѣ они идутъ къ Дунаю и черпають чашами воду. Въ золотыхъ чашахъ отражаются звѣзды Сербскаго неба. Турки смотрятся въ воду и видятъ себя всѣхъ безъ головъ. Въ ужасѣ они разбили чаши и обломки ихъ побросали въ Дунай. Предзнаменованія сбылись: вскорѣ Дунай вмѣстѣ съ обломками чашъ катилъ въ Черное море тысячи турецкихъ головъ.

Такова-же и дальнѣйшая исторія Босніи; подобныя битвы и подобныя пѣсни повторялись и повторяются у нихъ до нашего времени. Магометанскіе Босняки чувствуютъ, что имъ одно спасеніе — возвратиться къ христіанству и соединиться вѣрой съ своими единоплеменниками. Они съ любовію смотрятъ на Швабо (Германца) и Москова (Русскаго). Во время моего путешествія одинъ Боснякъ, тронутый моимъ участіемъ, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «да, хорошо въ твоей землѣ. Тамъ всякій спокойно исповѣдуетъ свою вѣру, сохраняетъ родные обычаи. Тамъ господинъ не отрубитъ головы за прямодушное слово!» Иные, прощаясь со мною, со слезами жали мнѣ руки, съ выраженіемъ глубокой тоски о судьбѣ своей отчизны.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ВЪ МОЛДАВИИ.

ногіе бы непременно засмѣялись, если-бъ, разговаривая съ Молдаваномъ, услышали, что онъ называетъ себя Римляниномъ. Мы привыкли смѣшивать Молдаванъ съ покровителями ихъ — Турками. Но они — потомки Римлянъ. Во времена Траяна, въ Молдавіи и Валахіи, которыя тогда назывались Дакією, были поставлены римскія войска и основаны военныя римскія поселенія для защиты границъ римскихъ владѣній. И такъ сильно вліяніе могучаго народа, что сколько ни бродило дикихъ племенъ по Дакіи, слѣды Римлянъ остались въ молдавскомъ языкѣ и въ молдавскихъ нравахъ. Это можно видѣть, между прочимъ, въ свадебныхъ молдавскихъ обрядахъ: въ нихъ есть что-то торжественное и воинственное.

Узнавъ о согласіи дѣвушки выдти за него замужъ, крестьянинъ отправляетъ къ ней въ домъ пословъ; пе-

редъ ними идетъ человѣкъ съ волынкой. Увидя родителей невѣсты, онъ начинаетъ имъ говорить: «наши прадѣды, прадѣды нашихъ прадѣдовъ, ходя на охотѣ, бродя по лѣсамъ, пришли въ ту землю, въ которой мы теперь живемъ и которая намъ теперь даетъ медъ и молоко.

По примѣру ихъ, славный парень Владимиреско также пошелъ на охоту; шелъ онъ по полямъ, по лѣсамъ, по горамъ и попалъ на серну. Она, робкая и пугливая, убѣжала отъ него и скрылась; а мы, идучи по ея слѣдамъ, пришли въ этотъ домъ. «Такъ выдайте же вы намъ ее, или укажите, куда она спряталась, эта серна, за которою мы такъ долго гонялись».

Тутъ кобзарь расточаетъ все свое краснорѣчіе, сравниваетъ серну со всѣми драгоцѣнными каменьями въ мірѣ.

Родители отвѣчаютъ, что серны, которой ищутъ ловцы, у нихъ нѣтъ, что она не пряталась въ ихъ домѣ. Послы настоятельно ея требуютъ, говоря, что она тутъ. Тогда выходитъ, если есть, прабабка невѣсты и родители спрашиваютъ: вотъ она—вѣдь, вы ея ищите? — Нѣтъ, не ея! — Является бабка невѣсты.

— Ну, такъ, вѣрно, вотъ это — она.

«Нѣтъ, не она».

Является мать. — Ну, вотъ теперь она?

«Нѣтъ, опять не она».

Выходитъ работница, старая, дурная собой, вся въ лохмотьяхъ. — Такъ, видно, ее-то вы ищите, молодой, быстрой серны?

«О, нѣтъ! У нашей серны волосы — какъ золото, глаза какъ у ястреба, зубы — какъ жемчугъ, губы — какъ вишня, поступь львиная, шея лебединая, пальцы — какъ бѣлый воскъ, лице краснѣе мѣсяца, свѣтлѣе солнца».

Родители все-таки еще не показывают невесты. Тогда посланные грозятъ, что отнять у нихъ серну силою, и въ самомъ дѣлѣ, готовы сдѣлать это, махаютъ саблями, или топорами. Родители выводятъ дочь въ полномъ нарядѣ. Тутъ начинаются пирушки, а дѣвушку уводятъ въ отдѣльную комнату, то есть, въ какой-нибудь отдѣльный уголъ, или чуланъ мазанки. Тамъ она остается до самаго дня замужества.

Съ наступленіемъ его, женихъ посылаетъ впередъ увѣдомить, что онъ ѣдетъ къ невестѣ. Посланные отправляются верхомъ на лошадахъ. Родители и родственники дѣвушки ждутъ ихъ на дорогѣ. Увидѣвъ посланныхъ, они бросаются на нихъ, схватываютъ ихъ и ведутъ, какъ будто плѣнниковъ, къ себѣ въ домъ и начинаютъ спрашивать, кто они и зачѣмъ пріѣхали? «Мы — бирючи» (герольды), отвѣчаютъ плѣнники; «ѣхали, чтобъ объявить вамъ войну. За нами идетъ цѣлая армія; она возьметъ приступомъ вашу крѣпость». Тогда родственники отправляются навстрѣчу жениху, который обыкновенно ѣдетъ съ толпою молодыхъ мужиковъ, своихъ товарищей и друзей. Съѣхавшись вмѣстѣ, *непріатели* останавливаются передъ домомъ невесты. Тутъ начинается скачка въ перегонку. Кто скорѣе всѣхъ доскачетъ до назначенной цѣли, тому невеста даетъ изъ своихъ рукъ покрывало, шитое золотомъ, шелкомъ, или чѣмъ-нибудь попроще.

По окончаніи этихъ игрищъ, всѣ ѣдутъ въ церковь. Невѣсту и жениха ставятъ на коверъ, или на какую-нибудь другую подстилку, на которую бросаютъ нѣсколько денегъ въ знакъ того, что молодые будто ни во что не ставятъ богатство, топчутъ его ногами и только ищутъ семейнаго счастья. Когда священникъ надѣваетъ на жениха и невесту вѣнцы, одинъ изъ присутствующихъ

бросаетъ на право и на лѣво отъ молодыхъ орѣхи. Это значитъ, что они съ этой минуты должны бросить всѣ дѣтскія забавы и думать о важнѣйшихъ дѣлахъ и занятіяхъ.

По возвращеніи изъ церкви въ домъ, всѣ садятся за накрытый столъ. Молодые сидятъ на первомъ концѣ. Одинъ изъ братьевъ, или одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха встаетъ и говоритъ ему слѣдующую рѣчь: «Братъ! вотъ ты ужъ выросъ, ты ужъ большой! Нашъ отецъ даетъ тебѣ мѣсто за своимъ столомъ, женить тебя и вводитъ въ родство съ другою семьей. Не забывай-же своихъ родителей, не забывай и своихъ братьевъ. Будь по прежнему покоренъ волѣ отца и матери, чтобы заслужить ихъ родительское благословеніе. Почитай отца и помни о заботахъ матери. Благословеніе ихъ и благословеніе Божіе да сохранитъ васъ на вѣки въ счастья и радости! Аминь.»

Во время стола, за невѣстой стоитъ мужчина, въ родѣ нашего дружки, или свата, съ палкой, украшенной цвѣтами и лентами. Когда женихъ и невѣста собираются уходить отъ стола, онъ отъ имени невѣсты проситъ *прощенія* у ея родителей, почти въ такихъ выраженіяхъ: «ты, почтенный отецъ, и ты, почтенная мать, должны нынче радоваться, глядя на счастье своей милой дочери. Съ вашей воли и съ вашего благословенія, ваша милая дочь съ нынѣшняго дня дѣлается на всю жизнь подругою брата нашего Н. Входя въ новую семью, которую Богъ для нея выбралъ, она вмѣстѣ съ своимъ мужемъ должна благодарить васъ и просить вашего родительскаго благословенія: потому что родительское благословеніе есть крѣпкая стѣна вокругъ дома. Дочь ваша проситъ у васъ теперь прощенія, если она въ чемъ не исполнила вашей воли и воли ея брать-

евъ. Съ чистою душой, съ искреннимъ сердцемъ она благодаритъ васъ за вашъ разумъ, съ которымъ вы ее воспитывали въ своемъ домѣ. У нея не достанетъ ни вздоховъ, ни слезъ, чтобы вымолить ваше прощенье, если она въ чемъ проступилась противъ вашей воли; у нея не достаетъ ласковыхъ словъ, чтобы отблагодарить васъ за родительское попеченье. Вотъ поэтому она и молитъ Господа Бога, чтобы онъ благословилъ радостью васъ, дѣтей и внучатъ вашихъ и все ваше племя до четвертаго поколѣнія. И умоляетъ васъ она вмѣстѣ съ своимъ мужемъ: любите и жалѣйте ихъ, никогда не переставая.»

По окончаніи этой рѣчи, новобрачные прощаются съ родителями невесты и цѣлуютъ у нихъ руку. Тогда отецъ въ свою очередь начинаетъ говорить слѣдующимъ образомъ: «молодецъ! отдавая тебѣ свою милую дочь, мы исполняемъ Божию волю. Да благословитъ же васъ Господь, какъ насъ благословляли наши родители, какъ и мы благословляемъ васъ. Да ниспошлетъ онъ вамъ любовь и счастье! Ты, молодой человѣкъ, помни волю Господню, люби свою жену, не огорчай ея и живи съ ней мирно. Тебя, милая дочь наша, мы любили, ласкали, лелѣяли, воспитывали. Теперь мы отдаемъ тебя тому, кого ты сама выбрала. Намъ и радостно это и печально: мы расстаемся съ тобой. Живи - жъ счастливо! А мы не перестанемъ благословлять тебя и молитъ Бога, чтобы онъ далъ счастье тебѣ и твоимъ дѣтямъ, чтобы онъ внушилъ тебѣ любовь къ мужу, кротость и послушаніе.»

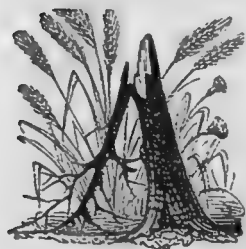
Такія рѣчи сдѣлались почти общими во всѣхъ деревняхъ. Разумѣется, кто поумнѣй, тотъ скажетъ это же по - своему, или прибавитъ что - нибудь отъ себя. Тѣ изъ крестьянъ, которые читаютъ библію, или духовныя

книги — что впрочемъ большая рѣдкость — любятъ вставлять тексты.

Когда отецъ скажетъ рѣчь, дочь начинаетъ прощаться съ нимъ и съ матерью. Эта минута, какъ и вездѣ, трогательная: рѣдко, кто можетъ удержаться отъ слезъ. По окончаніи прощанья мужъ ведетъ жену изъ дому; но на порогѣ встрѣчаютъ его братья молодой съ топорами и не пускаютъ его; онъ даритъ имъ что-нибудь, и они даютъ ему дорогу. Молодая садится съ матерью, или сестройс своего мужа на повозку, на которой наложено и ея приданое, и ѣдетъ къ нему въ домъ; за нею верхомъ съ своими товарищами ѣдетъ мужъ. Въ продолженіи всей дороги, они поютъ, кричатъ и стрѣляютъ изъ пистолетовъ. Когда невѣста является въ домъ, родственники ее схватываютъ и запираютъ въ комнату. Друзья мужа требуютъ выдачи ея съ крикомъ; имъ не отвѣчаютъ, ихъ не слушаются; они выламываютъ дверь. Тутъ опять начинается борьба; мужъ долженъ вырывать ее изъ рукъ родственниковъ. Такъ какъ ни одной свадьбы въ цѣломъ мірѣ не бываетъ безъ вина, а у простаго народа безъ пьянства, то иногда подобные обряды чуть не доходятъ до рѣшительнаго побоища и много старикамъ надобно употреблять благоразумія, чтобы во время и у мѣста остановить горячую молодежь.

АЛБАНЦЫ,

ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІЕ, НАРУЖНОСТЬ, КОСТЮМЫ МУЖЧИНЪ И ЖЕНЩИНЪ, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ, ПРАВЫ И ПРИВЫЧКИ.

Албанія значитъ страна *бѣлая*, то есть, свободная, независимая: слово «бѣлый» на востокѣ принимается въ этомъ смыслѣ, какъ и у насъ въ старинномъ народномъ языкѣ; въ этомъ значеніи принималось выраженіе «бѣлый Царь», то есть, никому неподчиненный, вольный, надъ которымъ не тяготѣетъ чужеземная власть.

Это названіе страны, находящейся въ зависимости отъ самовластнаго турецкаго правительства, которое распоряжается съ своими подданными по необузданному, часто дикому произволу, кажется, противорѣчитъ ея положенію. Но оно частію оправдывается на самомъ дѣлѣ: Албанцы, въ сравненіи съ другими турецкими подданными, точно — свободные люди: но за то такова у нихъ и свобода. Свобода въ образованномъ, христіанскомъ государствѣ состоитъ въ строгомъ соблюденіи справедливости, въ любви къ людямъ, въ родственномъ ихъ сочувствіи и содѣйствіи другъ другу, во взаимной помощи — при полевыхъ работахъ, при торговлѣ, при образо-

ваніи, при распространеніи всего добраго, то есть, общепользнаго. А у Албанцевъ свобода — кровь за кровь, насиліе за насиліе, разбой и зажигательство — за обиду. Избави Богъ отъ такой свободы!

Говорятъ, что Албанцы происходятъ отъ древнѣйшаго народа — Пеласговъ, который потомъ смѣшался съ Греками, а подлѣ еще съ Славянами. О Пеласагахъ сохранилась въ исторіи темная молва. Что перешло отъ нихъ къ Албанцамъ, не извѣстно. Но умъ, живость, подвижность характера, тревожная жажда дѣятельности, свойственныя Славянамъ и Грекамъ, подъ турецкимъ гнетомъ, въ темнотѣ невѣжества, превратились у Албанцевъ въ кровожадную воинственность, въ какую-то общую страсть къ рыцарскому бродяжничеству и разбойничанью, въ дикую игру вѣроломства, лукавства и дерзкаго наѣздничества. Имъ, какъ пустыннымъ Арабамъ, тяжело на одномъ мѣстѣ, земля пуста и глуха, когда не слышно выстрѣловъ, не валяется труповъ, не несетъ запахомъ крови. Если нѣтъ враговъ между чужими, они начинаютъ рѣзню между собою.

Страшный народъ! А все отъ невѣжества, отъ недостатка христіанской любви и отъ угнетенія:

Порабощеніе,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточеніе.

Албанцы сами себя называютъ теперь двумя именами — *мирдитами* (храбрыми) и *скинетарами* (жителями горъ).

Одинъ изъ древнихъ, латинскихъ медиковъ, Гиппократъ, жившій за 400 лѣтъ до Р. Х., сказалъ: «жители гористыхъ странъ, богатыхъ водою, подверженныхъ ча-

стымъ перемѣнамъ погоды, обыкновенно бываютъ высокаго роста, любятъ физическіе труды, отличаются храбростію и характеромъ дикимъ и жестокимъ.» Этого замѣчанія ко всѣмъ народамъ, конечно, примѣнить нельзя: но оно очень идетъ къ Албанцамъ. Чтобы дополнить портретъ Албанца, прибавьте слѣдующія черты: маленькіе глаза, взглядъ открытый, смѣлый и сильный, брови тонкія, носъ острый, продолговатую голову, лобъ маленький, очень длинную шею, грудь необыкновенно высокую, сухое и мускулистое тѣло. Въ поступи и во всѣхъ движеніяхъ его есть что-то театральное. Онъ имѣетъ отъ природы хорошія способности; но не любитъ умственныхъ трудовъ. Алкая чужой крови, онъ не дорожитъ и своею; какъ прежде Швейцарцы, онъ постыдно продаетъ свою голову всякому, и, какъ звѣрь, готовъ кинуться, на кого его натравятъ. Такимъ образомъ, Албанцы есть и въ папской гвардіи, и у неаполитанскаго короля, и въ Багдадѣ, и въ Каирѣ, и въ Марокко, и у молдавскихъ и валахскихъ бояръ.

Каждый богатый Албанецъ, когда вздумается ему, дѣлается капитаномъ, или предводителемъ, нанимаетъ ватагу отчаянныхъ головорѣзовъ, отправляется съ ними въ какой-нибудь отдаленный край на грабежъ, или вступаетъ въ службу къ какому-нибудь иностранному государю, чаще всего, къ какому-нибудь восточному пашѣ. Эти наемники отдаются своему предводителю тѣломъ и душой, повинуются ему безпрекословно, какъ дѣти, и называютъ его отцомъ. Хорошо семейство!

Капитаны живутъ за одно, по-пріятельски, съ своими подчиненными, дѣлятъ съ ними всѣ труды, опасности, неудобства и удовольствія, отличаются отъ нихъ развѣ больше богатымъ оружіемъ и костюмомъ. Платятъ своимъ *храбрецамъ* отъ семи до девяти франковъ, то

есть отъ 1 рубля 75 коп. до 2 р. 25 коп. серебромъ въ мѣсяцъ; пищу всякій достаетъ себѣ самъ. До вступленія въ службу, во время переходовъ изъ одной страны въ другую, они обыкновенно грабятъ всякаго встрѣчнаго, или нападаютъ на беззащитныхъ крестьянъ. Въ Албаніи же, въ Европейской и Азіатской Турціи это легко: правительство невѣжественное и безпечное; полиціи или нѣтъ, или если она есть, такъ бережетъ только себя; да сверхъ того, на востокѣ не то, что въ образованныхъ государствахъ, полицейскіе чиновники сами настоящіе разбойники. Привыкнувъ къ побоищамъ всякаго рода, Албанцы ведутъ свое дѣло съ удивительнымъ искусствомъ: чрезвычайно ловко пользуются мѣстностью, на которой придется встрѣтить непріятеля, запутываютъ его быстрыми переходами и движеніями, неожиданно показываются то тутъ, то тамъ, будучи въ небольшомъ числѣ, раскидываются на огромномъ пространствѣ, какъ будто ихъ была цѣлая армія; ручей, рѣка, оврагъ, рывина, камень, кустъ, трава — все для нихъ защита, убѣжище и удобный путь. Они чутки, какъ шакалы, подползаютъ и уползаютъ незамѣтно, какъ змѣи. Непріятель иногда смотритъ кругомъ — ни души, по пустынной степи только колышется ковыль; а между тѣмъ на близкій выстрѣлъ въ него направлены дула ружей и бьютъ безъ промаха, наповаль. Сдѣлалась тревога. «Гдѣ жъ это? Откуда засвистали пули? А! Вонъ краснѣются фески разбойниковъ, притаившихся между кустами. Залпъ туда!» Фески точно падаютъ, но только однѣ фески. Албанцы нарочно развѣшали ихъ на виду; а сами — ихъ и слѣдъ простылъ! Они — того и смотри — ужъ подползаютъ съ тыла. Захвативъ непріятелей въ плѣнъ, они продаютъ ихъ въ неволю; убитымъ отрубаютъ головы, солятъ ихъ и на копьяхъ, или тычинахъ,

ставятъ у своихъ палатокъ, или близъ своихъ домовъ, когда рѣжутся съ своими соотечественниками и близъ своихъ деревень.

Тѣ, которые не вступаютъ въ эти разбойничьи шайки, все-таки бродятъ съ одного мѣста на другое, занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, шьютъ сапоги, платье, дѣлаютъ деревенскую посуду и мебель, куютъ ножи, топоры, подковы, или поступаютъ въ работники для полевыхъ работъ, особенно, для косьбы сѣна. Такъ проходитъ лѣто; на зиму они возвращаются домой съ деньгами и проживаютъ ихъ; а потомъ опять куда-нибудь на заработки; не посчастливилось тутъ, или наскучило — такъ въ разбойники къ какому-нибудь отчаянному батюшкѣ, который прославился тѣмъ, что много разъ ужъ былъ обрызганъ кровью.

При такой бродячей жизни, вдали отъ семействъ, отъ кроткихъ взглядовъ, ласкъ и сладкаго лепета, они грубѣютъ больше и больше и часто ведутъ весьма безнравственную жизнь.

Но и тѣ, которые живутъ въ семействахъ, обращаются съ своими женами очень сурово; достоинство женщины, какъ подруги жизни, какъ нѣжной воспитательницы дѣтей, какъ неразлучной участницы во всѣхъ нашихъ тайнахъ, въ самыхъ задушевныхъ радостяхъ и самыхъ глубокихъ страданіяхъ, какъ художницы, разливающей неизъяснимое очарованіе даже на всѣ мелочи нашего существованія, это достоинство чувствуется только добрымъ и образованнымъ человѣкомъ. Правда, Албанецъ не держитъ своей жены взаперти; не зарѣжетъ ея, какъ Турокъ, или Персіянинъ, если она улыбнется, или скажетъ привѣтливое слово постороннему мужчинѣ; но онъ не показываетъ къ ней никакого уваженія и участія. Албанки съ утра до вечера подавлены и поле-

выми, и домашними работами всякаго рода. Онѣ — совершенныя невольницы своихъ мужей, безотрадные, безутѣшныя; а очень стоять лучшей участи: собою большею частію удивительныя красавицы, такъ что даже въ старости сохраняютъ весьма привлекательныя черты; а сверхъ того, скромны и кротки, хотя въ случаѣ надобности не хуже мужей своихъ стрѣляютъ изъ ружей и бросаются съ кинжалами въ рукопашную схватку.

Въ Албаніи, въ этомъ странномъ краю, на который вѣетъ съ запада поэтическимъ воздухомъ Италіи, нѣтъ ничего, похожаго на европейскія государства нынѣшняго времени; но многое напоминаетъ привлекательныя въ романахъ и отвратительныя на самомъ дѣлѣ рыцарскія времена.

Каждый домъ составляетъ маленькую крѣпость съ бойницами, которыя служатъ ей въ тоже время окнами. Албанецъ смотритъ изъ этого окна не для того, чтобы взглянуть на свое поле, или стадо, на свой садъ, или огородъ, а для того, чтобы подстеречь прохожаго, или проѣзжаго и опирается подбородкомъ на высунутое дуло. Это — хищная птица, выглядывающая изъ гнѣзда. Жилѣ Албанца слѣплено кое-какъ изъ глины, стоитъ въ непріязненномъ одиночествѣ, безъ дружественнаго сосѣдства съ другими строеніями, всегда на возвышеніи, какъ сторожевой пикетъ; подниматься къ нему надо по вырубленнымъ въ камнѣ, или выкопаннымъ въ землѣ ступенямъ, а тамъ — веревочная лѣстница, по которой взбирайся въ этотъ разбойничій притонъ. Внутри — почти никакой мебели; дверей нѣтъ: одна только для входа. Дымъ выходитъ въ отверстіе, оставленное въ потолокъ; окна безъ стеколъ, и только на зиму затягиваются бумагой. Серали (дворы, дома) самыхъ знатныхъ и богатыхъ беевъ (князей, начальниковъ) нѣсколько удобнѣе

и красивѣе: снаружи они расписаны яркими красками и поражаютъ глаза странною пестротою; издали походятъ на палатки, обтянутыя полосатою матеріей. Внутри стѣны ихъ покрыты арабесками, то есть, странными, фантастическими узорами, ни на что не похожими, видами восточной архитектуры — домовъ съ террасами на кровляхъ, мечетей, садовъ съ фонтанами, видами охоты и картинъ природы. Случается, что эти изображенія бываютъ очень граціозны. Они принадлежатъ греческимъ художникамъ. Искусство, какъ солнечный лучъ, такимъ образомъ проникаетъ въ разбойничій вертепъ. И недаромъ оно освѣщаетъ его. Оно проложитъ путь кроткимъ чувствамъ къ душѣ этихъ суровыхъ людей.

Албанскій костюмъ живописенъ и изященъ въ своемъ рисункѣ. Онъ очень походитъ на греческій, но только еще красивѣй и, если можно такъ сказать, воинственнѣй: все въ немъ свободно, но въ тоже время — въ обтяжку, въ обхватъ и перехватъ; родъ казакина, плотно прилегающаго къ тѣлу, отъ шеи спускается до пояса; онъ очень часто бываетъ вышитъ разноцвѣтнымъ шелкомъ, и унизанъ золотыми блестящими пуговицами. Онъ прелестно обрисовываетъ талію, плеча и руки, которыя выкладываются на платьѣ со всею пластическою энергіей атлетическаго сложенія. Разрѣзные рукава, откидывающіеся за плечьями, свободно лежатъ и движутся, какъ крылья и какъ-то даютъ видъ легкости и костюму, и человѣку.

Но самый оригинальный видъ костюму Албанцевъ даетъ ихъ *фистанъ*, родъ широкой туники. Она сшивается изъ безчисленнаго множества кусковъ, изрѣзанныхъ наискось, и образующихъ тысячи складокъ и угловъ. Подолъ ея часто обшивается шелковыми узорами, которые висятъ живописными кистями.

Изъ - подъ этой туники идутъ широкіе восточные шаровары. Движенія Албанца въ этомъ костюмѣ развязны и вольны. Но Албанцы забываютъ, что первое изъ достоинствъ одежды составляетъ опрятность: на рѣдкомъ изъ нихъ увидишь чистое платье; большею частію, оно затаскано, запачкано; Албанецъ носить его до тѣхъ поръ, пока оно не свалится съ плечъ, да еще и гордится этимъ лохмотьемъ, будто потому, что презираетъ роскошь; а это происходитъ просто отъ нечистоты, неразлучнаго съ безсемейною и бродяжническою жизнью.

Албанцы, подобно Туркамъ, брѣютъ головы; только назади оставляютъ большой пучъ волосъ, который виситъ и развѣвается у нихъ, какъ конскій хвостъ и иногда предохраняетъ шею отъ сабельныхъ ударовъ. На головѣ у нихъ обыкновенно красная *феска* (шапочка). Улемы (мусульманскіе духовные) одни носятъ чалмы и бороды. Всѣ другіе довольствуются только усами.

У женщинъ на головѣ также фески, только униженные серебряными, или золотыми монетами; изъ - подъ фески со всѣхъ сторонъ обыкновенно выбиваются волосы, которые въ видѣ живой каймы вьются по лбу, по шеѣ и по щекамъ, даютъ особенную живость и безъ того уже блестящему взгляду и отгнѣняютъ загорѣлый, смугловатый цвѣтъ кожи, сквозь которую пробивается густой румянецъ, какъ - будто задернутый дымчатою тѣнью.

Обувь у нихъ — родъ суконныхъ штиблетъ съ застежками и шелковыми галунами; идетъ, начиная отъ колѣнъ, до щиколки; а на ступнѣ, или красные сафьянные сапоги, или сандалии изъ сырой кожи, которыя привязываются къ ногамъ веревками, какъ у нашихъ крестьянъ лапти съ оборками.

Постелей у нихъ нѣтъ; циновка изъ пальмовыхъ

листьевъ, или взятый на грабежѣ коверъ — этого для нихъ достаточно; разстелять на землѣ, положить подъ головы плащъ изъ козьей шерсти, или бараній тулупъ и, не раздѣваясь, спать.

Обыкновенное ихъ кушанье — рисъ, или маисовая мука, сваренная въ молокѣ; только въ праздники — говядина съ сухимъ горохомъ, да пилавъ, то есть, рисовая каша съ саломъ и съ кусками баранины; иногда зажарятъ цѣлую овцу, или козу, поставятъ на деревянную доску, усядутся кругомъ и ну полосовать ее кинжалами. Это у нихъ ужъ пиръ. Ни тарелокъ, ни ножей столовыхъ, ни вилокъ нѣтъ. Десертъ составляютъ куски меду, смѣшаннаго со сливками. Между тѣмъ за каждымъ изъ гостей стоитъ слуга, скрестивъ на груди руки; на колѣняхъ у пирующихъ, отъ одного къ другому, тянутся длинныя салфетки, шитыя золотомъ; посуда — хрустальная, украшенная дорогими камнями. Смѣсь грубости, неопрятности и роскоши! Послѣ обѣда молодые женщины подаютъ гостямъ, также въ дорогихъ чашахъ, теплую воду и льютъ ее имъ на голову. Оно и нужно: руки, запачканныя пилавомъ, саломъ и говядиной, они часто обтираютъ объ волосы.

Но и этимъ полу-дикарямъ нужно что-нибудь больше ѣды: у нихъ бываютъ послѣ стола мимическія представленія, напоминающія какое-нибудь происшествіе изъ ихъ суровой жизни; бардъ, всегда старикъ, поетъ пѣсни про дѣла отцовъ и когда вспомнить про какое-нибудь ужасное побоище и беспощадное истребленіе враговъ, собесѣдники приходятъ въ свирѣпый восторгъ и отвѣчаютъ пѣвцу неистовыми криками, какъ будто сами участвуютъ въ рѣзнѣ и кровопролитіи. Это — ихъ поэзія.

Суевѣріямъ у Албанцевъ нѣтъ числа; они дѣлаютъ

заклинанія на полевыхъ червей, саранчу, на градъ и бурю; въ расчепинахъ деревь, около дороги, безпрестанно виднѣшъ вложенные камни: это жертвоприношеніе лѣшимъ, чтобы они снимали съ путешественника усталость. У ручьевъ, или колодезей стоятъ маленькіе навѣсцы: всякій, кто напьется воды, кладетъ туда цвѣтокъ, камень, зеленую вѣтку, или нѣсколько волосъ изъ своей бороды, или головы — приношеніе доброму генію пустыни. Это немножко напоминаетъ наши, такъ называемые, священные колодези. Только русскій человѣкъ не любитъ по пустякамъ рвать своей бороды.

Албанцы особенно боятся дурнаго глаза. Если кто-нибудь думаетъ, что на него взглянули нехорошо, то немедленно дотронется до желѣза, или выстрѣлитъ изъ пистолета: средство, говорятъ, вѣрное, особенно, если пуля попадетъ въ лобъ тому, кто дурно смотрѣлъ: иначе Албанецъ или сбился - бы съ дороги, или, споткнувшись, упалъ - бы въ пропасть, или забрелъ - бы въ трясины, гдѣ гнѣзятся вампиры, *вроколаки*. Вроколакъ, по мнѣнію Албанцевъ, есть духъ; убить, или какъ - нибудь истребить его нельзя. Онъ иногда выходитъ изъ земли въ видѣ чернаго змѣя и кусаетъ людей, когда они въ полдневный зной ложатся спать въ травѣ. Вѣроятно, это повѣрье произошло оттого, что въ самомъ дѣлѣ настоящія змѣи кусаютъ людей; а въ жаркое лѣто, особенно на югѣ, змѣиный ядъ бываетъ смертеленъ. Невѣжественнымъ людямъ показалось мало змѣй дѣйствительныхъ; они напускали вроколаковъ, сами боятся своихъ выдумокъ и другихъ пугаютъ.

Когда Албанецъ отправляется въ дорогу, жена зашиваетъ ему въ одежду обрѣзки, или обрывки своего собственнаго платья, и окружаетъ себя вещами, которыя очень любятъ мужъ. Этимъ она думаетъ спасти его отъ

бѣды и возвратить въ семейство. Если безъ всякой видимой причины станутъ выть собаки, она приходитъ въ большое безпокойство. «Вѣрно, онъ раненъ!» думаетъ бѣдная женщина: «собаки чуютъ его стонъ и предсмертные вздохи. Вѣрно, онъ убитъ, и вѣтеръ доноситъ до нихъ запахъ хозяйской крови.» Часто онъ въ самомъ дѣлѣ погибаетъ; но стона его и запаха крови не донесетъ никакой вѣтеръ: трупъ его тлѣетъ далеко — гдѣ-нибудь въ пескахъ Пальмиры, или Туниса. Голько горячая любовь осиротѣлой женщины шепнетъ ей унылую вѣсть. За эту - то, ничѣмъ невознаграждаемую нѣжность, даже грубые и свирѣпые Албанцы иногда оказываютъ исключительное уваженіе къ женщинамъ: раздѣляясь на множество маленькихъ общинъ, состоящихъ большею частью изъ родственниковъ, хотя очень дальнихъ, они безпрестанно ссорятся и на смерть бьются между собою, угоняютъ другъ у друга стада коровъ и лошадей, жгутъ дома, вырубаютъ сады, не трогаютъ только церквей и женщинъ. Среди бѣшеннаго кровопролитія женщины свободно ходятъ изъ деревни въ деревню, носятъ мужьямъ кушанье, перевязываютъ раны, и никто даже не вздумаетъ оскорбить которую-нибудь изъ нихъ. Это для нихъ — при такихъ обстоятельствахъ — неприкосновенная святыня.

Албанцы, принадлежащіе къ различнымъ общинамъ, встрѣчаясь между собою, берутся за ручки пистолетовъ и, вмѣсто привѣтствія, спрашиваютъ другъ друга: «ты какого огня?» (т. е. племени). Этотъ вопросъ клонится къ тому заключенію, что, можетъ-быть, одинъ изъ нихъ *обязанъ* убить другаго за убійство какого-нибудь прапрадѣда. Наслѣдственное мщеніе считается у нихъ дѣломъ справедливости и чести. «Кто не отмститъ за себя, тотъ не освятится», говорятъ они, то есть, будетъ

на томъ свѣтѣ осужденъ на вѣчную муку, потому будто, что примѣромъ своимъ породить трусость и ободрить дерзость враговъ. Мстить за убитаго обязанъ ближайшій родственникъ. Это ведетъ преступленіе за преступленіемъ: если одинъ изъ братьевъ убьетъ своего отца, другой долженъ убить его самага; когда ему не удастся это, то очередь остается за сыномъ, и такъ далѣе — до позднѣйшаго потомка. Иногда случается, что умираетъ старикъ; вокругъ него соберутся толпы родственниковъ, чтобы услышать завѣтное слово. Замирающимъ, прерывающимся голосомъ, иногда уже шепотомъ, онъ исчисляетъ, сколько человекъ убито изъ его племени и кѣмъ. Присутствующие въ глубокомъ молчаніи съ жадностію ловятъ кровавыя рѣчи и принимаютъ мечь, какъ дорогое наслѣдство. Онъ уже умеръ; языкъ его ужъ окостенѣлъ, а они все стоятъ и слушаютъ, не скажетъ - ли онъ еще слова, не обречетъ - ли на смерть еще чьего-нибудь имени.

Враждующія общины, или племена, преслѣдуютъ другъ друга не только на сушѣ, но и на морѣ. Прибрежные Албанцы на своихъ легкихъ судахъ носятся съ такою - же отчаянною быстротою, какъ въ степяхъ, или пустыняхъ на бѣшеныхъ лошадяхъ. Они не боятся бурь и вихрей: напротивъ, пользуются ими, чтобы птицами налетать на непріятелей, или улетать отъ нихъ.

При страшной кровожадности, у нихъ, какъ въ средніе вѣка у рыцарей, есть своего рода правила, когда считается безчестнымъ нападать другъ на друга, именно — во время собиранія винограда, во время посѣва и другихъ сельскихъ работъ, на полѣ никто не выстрѣлитъ въ другаго; но, чтобы хоть немножко отвести душу, въ самой деревнѣ это позволяется. Однакожъ, если кто подъ ножомъ, или подъ дуломъ пистолета попроситъ

пощады, крикнувъ: «не бей!» самый заклятый врагъ его помилуетъ, то есть, отложить до другаго случая. Когда во время схватки придется проѣзжать путешественнику, перестрѣлка тотчасъ прекращается, его принимаютъ ласково, успокоиваютъ и даютъ ему провожатыхъ для безопасности.

Случается, что, утомившись кровопролитіемъ, или даже не желая начинать его, враждующія племена захотятъ помириться и забыть обиды, требующія мщенія. Тогда собираются съ обѣихъ сторонъ старики, всегда двѣнадцать, или двадцать четыре, всходятъ на холмъ и садятся въ кружокъ.

Это называется у нихъ *кругомъ крови*. Главнымъ лицомъ тутъ, у христіанъ, бываетъ священникъ той общины, которая считаетъ себя обязанною мстить; помость церкви устилаютъ знаменами и звонятъ во всѣ колокола. Собираются женщины въ самыхъ богатыхъ, праздничныхъ платьяхъ и торжественно передъ церковью читаютъ молитвы. Двѣнадцать женщинъ изъ той общины, которая возбудила мщеніе, съ грудными дѣтьми на рукахъ, падаютъ на колѣни передъ оскорбленнымъ и просятъ прощенія. Въ это время судьи кроваваго круга разсуждаютъ о томъ, какой выкупъ надобно положить за оскорбленіе, съ величайшею точностію считаютъ и оцѣниваютъ всѣхъ убитыхъ, всѣ раны, всѣ поврежденія — руки, ноги, глаза, зуба и такъ далѣе. Потомъ является виновный съ тѣмъ оружіемъ на шеѣ, которымъ онъ произвелъ убійство, и на колѣняхъ подползаетъ къ священнику. Священникъ снимаетъ оружіе съ шеи и бросаетъ его далеко отъ круга крови; родственники убитаго схватываютъ оружіе и ломаютъ его.

Послѣ этого виновный обращается къ старшинѣ оскорбленнаго семейства и умоляетъ его. Старшина кри-

читать, топаютъ ногами, плачутъ, смотритъ на небо и отвѣчаетъ на мольбы обидчика: «нѣтъ, душа моя еще не готова!» Иногда это бываетъ только формой, театральнымъ представленіемъ негодованія и печали; но случается, что, при видѣ убійцы, въ душѣ старика, лишившагося въ погибшемъ сынѣ, можетъ-быть, послѣдней радости, послѣдняго теплаго луча своей жизни, поднимаются всѣ горькія воспоминанія и вскипаетъ усиленная месть, и онъ съ непритворными слезами молить небо, чтобы оно послало миръ и слово прощенія его взволнованному сердцу. Наконецъ, когда «душа его будетъ готова», онъ поднимаетъ обидчика, жметъ его къ своей груди и вмѣстѣ съ нимъ бросается въ объятія священника. Тогда обѣ общины клянутся сохранять между собою вѣчное согласіе, тѣмъ болѣе необходимое, что, какъ говорятъ они, «кровь ихъ ужъ смѣшалась»; прощенного обидчика приглашаютъ въ крестные отцы новорожденного дитяти обиженного; а онъ въ знакъ примиренія даетъ *великолѣпный* пиръ — жаритъ по нѣскольку цѣлыхъ барановъ, иногда даже быка; по окончаніи же ѣды выплачиваетъ часть, или всю сумму назначенной пени.

При такомъ духѣ Албанцевъ, и не турецкому правительству трудно-бъ было съ ними управляться. Зато же Турки и ненавидятъ ихъ. Больше всего боятся они албанскихъ общинъ, тѣсно между собою соединенныхъ, имѣющихъ нѣкоторое, довольно правильное устройство, и наслѣдственныхъ беговъ, и беевъ, то есть, князей, начальниковъ. Пользуясь ихъ безпорядками, Турки или открыто, или хитростію захватываютъ и казнятъ ихъ. Многіе беи, потерявъ свое имущество, выгнанные изъ своихъ домовъ, спасаясь отъ петли, или кинжала, съ своими товарищами и слугами, убѣгаютъ

въ горы, угоняють стада овецъ и сами стерегутъ ихъ; однакожь и тутъ сохраняють свою важность, считаютъ и называютъ себя правителями, князьями. Этихъ бнязей—видимо-не-видимо: у иныхъ во владѣніи не больше двухъ барановъ. Нѣкоторымъ, удалымъ, удастся снова набрать порядочную шайку «храбрыхъ»; тогда они объявляютъ себя независимыми и ставятъ стражу на межѣ пастбищъ, или въ ущельяхъ горъ, чтобы никто не мѣшалъ спокойно пастись ихъ подданнымъ. Тогда мѣста, занятые ими, становятся притономъ для бѣглецовъ всякаго рода. Убійцы, опасующіеся мщенія, слуги, убѣжавшіе отъ своихъ господъ, дерзкіе грабители, раздражившіе правительство, всѣ стекаются туда. Каждого изъ нихъ принимаютъ, каждому даютъ хижину и сколько-нибудь скота. Зато этотъ пришлецъ обязанъ стеречь границы земли своего независимаго владѣтеля. Этихъ молодцовъ называютъ *ускоками*. Головорѣзы отчаянные! Мирныя пастушескія занятія вскорѣ имъ надоѣдаютъ, и они пускаются на иные промыслы. Если турецкому правительству удастся разогнать ихъ, они переходятъ къ *чернымъ свободнымъ людямъ*, то есть, къ Черногорцамъ. Заклятые враги Турокъ, Черногорцы принимаютъ равно дружески и христіанъ, и магометанъ.

Образованіе сближаетъ и уравниваетъ людей: у нихъ становится, какъ въ одномъ семействѣ, все общее — понятія, чувства, привычки, образъ жизни, даже самый костюмъ. У Албанцевъ совсѣмъ не то: одна община отъ другой, одно племя отъ другаго у нихъ разнится очень. Изъ нихъ по своей рѣзкой противоположности замѣчательны особенно *Мирдиты* и *Липи*, или *Япиды*. Мирдиты отличаются храбростію и честностію. Они впрочемъ еще близки къ состоянію дикости: даже не носятъ бѣлья подъ верхней одеждой. Притворство имъ

не знакомо: говорятъ прямо, кого любятъ, или ненавидятъ. Хотя они угрюмы и молчаливы, а вообще — очень кротки; только помилуй Богъ, чѣмъ-нибудь обидѣть Мирдита: во мщеніи онъ неумолимъ. Случалось, что, поссорившись съ кѣмъ-нибудь еще почти въ дѣтствѣ и потомъ пробродивши въ Азіи, въ Африкѣ, въ Европѣ лѣтъ тридцать, Мирдитъ возвращается на родину, «къ своему огню», — но ни долговременность, ни кровопролитныя битвы, ни пиры, ни тысячи происшествій, ничто не истребило въ немъ чувства мести. Онъ отыщетъ своего врага, узнаетъ, точно-ли этотъ сѣдой старикъ былъ тотъ мальчикъ, который его оскорбилъ и убьетъ его. И ни разстояніе, ни предосторожности, ни крутизна горы, на которой стоитъ жилье, ни крѣпкія двери, ни безсонная стража, ничто не защититъ отъ кинжала безошаднаго Мирдита. А между-тѣмъ, къ бѣдному, ищущему помощи — онъ сострадателенъ и добръ. Нищихъ между Мирдитами нѣтъ: сосѣди непременно помогутъ въ нуждѣ и дадутъ средства поправиться.

Женщины ихъ не меньше замѣчательны: прекрасныя собой, стройныя и живыя; онѣ отличаются строгостию нравовъ и неустрашимостью. Должно-быть, это зависитъ отъ образа ихъ жизни: въ шестнадцать лѣтъ каждая изъ нихъ ужъ носить за поясомъ пистолеты, ходитъ одна, куда ей вздумается, иногда бродитъ по лѣсамъ, или для удовольствія, или для охоты. Съ нею бываетъ по нѣскольку огромныхъ и свирѣпыхъ собакъ. Въ случаѣ нападенія непріятеля на ихъ край, Мирдитки становятся въ ряды съ своими братьями и мужьями, стрѣляютъ и бьютъ кинжалами не хуже мужчинъ. Конечно, дѣло женщины отвращать кровопролитіе и смягчать нравы кротостию: но ужъ если судьба броситъ

ее среди опасностей, то лучше умѣть защищаться, нежели отъ взмаха сабли, или выстрѣла, падать въ обморокъ.

Лати, или *Япиды*, хотя вообще считаются Албанцами, но — какіе-то выродеки изъ нихъ — малорослые, приземистые, какъ деревья въ болотномъ сѣверномъ климатѣ, неуклюжіе, дурные собой. Невѣжество у нихъ — глубочайшее. Они всѣ магометане, и нѣтъ между ними ни одного улема, ни одного дервиша (духовнаго), который-бы умѣлъ читать и писать. Хороши — учителя религіи и нравственности! Отъ того многіе Япиды не знаютъ никакой молитвы изъ Алкорана. Дурныя свойства Албанцовъ соединены и развиты въ Япидахъ въ высшей степени: они ставятъ ночью фальшивыя маяки на морѣ среди отмелей и подводныхъ камней. Корабли, направляясь туда, или садятся на мель, или разбиваются. Япиды тотчасъ нападаютъ на нихъ, грабятъ грузъ, а людей убиваютъ, или продаютъ въ неволю.

И на твердой землѣ они живутъ однимъ грабежемъ: ночью подкрадываются къ стадамъ, бросаютъ сторожевымъ собакамъ хлѣбъ, смѣшанный съ опиумомъ, и чрезъ то усыпляютъ ихъ, схватываютъ овецъ, перекусываютъ имъ горло, чтобъ онѣ не блеяли и, закинувъ за плечи, съ волчьимъ проворствомъ уносятъ ихъ въ свои вертепы. Питаются они также и желудями; впрочемъ тамошніе желуди вкусны, какъ каштаны. Япиды варятъ ихъ въ молоко и готовятъ изъ нихъ хлѣбъ.

Приморскіе Япиды занимаются рыбной ловлей и сами плаваютъ проворно и неумоимо, какъ рыба.

Женщины ихъ также проводятъ большую часть жизни въ водѣ. Безобразная тучность и несоразмѣрность частей тѣла показываютъ, что онѣ живутъ преимущественно животною жизнью,

И мужчины и женщины вообще тупоумны, грязны, грубы и въ семейныхъ отношеніяхъ чужды скромности и тѣхъ сладкихъ нравственныхъ чувствъ, которыя проистекаютъ изъ взаимнаго уваженія людей другъ къ другу. Это скорѣе — стада животныхъ, нежели человѣческія общества. Между ними есть магометане и христіане, но только по имени: они не держатся ни христіанской, ни магомстанской религіи. Полагаютъ, что они произошли отъ разныхъ невольниковъ, которые, убѣгая отъ своихъ господъ, должны были укрываться отъ преслѣдованія и образовали скопища всякаго рода бродягъ и одичали.

Путешествовать по Албаніи — бѣда; гораздо хуже, нежели въ другихъ турецкихъ владѣніяхъ: того и гляди, что захватятъ въ неволю, ограбятъ, или подстрѣлятъ. Правда, весь край усыпанъ *караулами* — сторожевыми башнями; но надо бояться самаго караульщика. Люди они звѣрскіе: иногда сидитъ караульщикъ на каланчѣ, поджавши ноги, играетъ на тамбуринѣ и поетъ пѣсни про клефтовъ *), которыхъ называетъ своими *славными* предками; а тутъ же въ подземельѣ стонутъ захваченные имъ плѣнники, конечно, такіе же разбойники, какъ и самъ онъ, но все же люди; а для албанскаго караульщика ихъ мольба и крикъ, какъ скрипъ дерева: жалости никакой. Границы Албанцевъ независимыхъ охраняются цѣпью гайдуковъ, которые готовы броситься на каждаго Турка. Если вы не говорите по-гречески, или на какомъ-нибудь восточномъ языкѣ христіанскаго народа, то они и васъ сочтутъ за Турка, или за турецкаго шпіона, не пустятъ на ночлегъ, не продадутъ вамъ ничего съѣстнаго — хоть умирай съ голоду. Если вы

*) См. Ж. д. Д. 1853 г., стр. 776. Клефты и ихъ пѣсни

пріѣзжаете съ нѣсколькими, хорошо вооруженными проводниками, то на васъ будутъ смотрѣть еще съ большимъ подозрѣніемъ. Случись это въ вечеру, когда мужичинъ нѣтъ въ деревнѣ, всѣ женщины переполошатся, побросаютъ свои дома и убѣгутъ на ночь на поле. Боятся, что ихъ захватятъ и уведутъ въ неволю; отъ Турокъ это бывало.

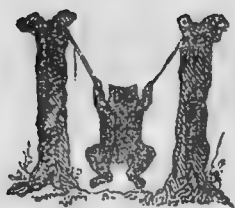
На цѣломъ востокѣ нѣтъ такихъ дурныхъ постоянныхъ дворовъ, какъ въ Албаніи: большею частію это мазанки — грязныя, тѣсныя, темныя, сырыя. Чаше всего приходится ночевать въ конюшнѣ, вмѣстѣ съ лошадьми. Путешественники тутъ же раскладываютъ огонь, чтобъ обогрѣться, или сварить что-нибудь. Но случается, что лошадь начинаетъ биться отъ комаровъ и мухъ, брыкнетъ и опрокинетъ котелъ, и ложись спать, не ѣвши. Я чаще всего ложился на открытомъ воздухѣ подъ деревомъ, или разбивалъ палатку; только тутъ опять ставъ сторожа — отгонять шакаловъ.

Поѣдешь по лѣсу, то тамъ, то здѣсь выставляется дуло длиннаго карабина и хотъ не всегда въ васъ выстрѣлять, но все же непріятно — слѣдятъ, какъ дикаго звѣря.

То-ли дѣло, бывало, въ Болгаріи! Вы безопасны вездѣ, какъ дома. Завидя васъ, пастухи тотчасъ спускаются съ горъ, ласково здороваются съ вами, желаютъ вамъ счастливаго пути; вы остановились, разостлали коверъ, чтобы отдохнуть, они садятся кругомъ васъ, говорятъ братски обо всемъ, что дорого ихъ сердцу, или поютъ сладко-звучныя славянскія пѣсни, въ которыхъ столько дѣвственной нѣжности и поэтической грусти. Сколько разъ со всею безпечностію, какъ на родномъ полѣ, я разбивалъ палатку, гдѣ меня застигала ночь. Просыпаешься рано утромъ; птицы порхаютъ и щебе-

чуть, дикий козленокъ, преслѣдуемый волкомъ, бѣжитъ и прячется у ногъ моей лошади; стрѣльнешь въ звѣря, поласкаешь кроткое, миленькое животное ипустишь его снова прыгать по роднымъ кустарникамъ. Иногда дѣвочка лѣтъ двѣнадцати одна-одинехонька бродитъ далеко отъ всякаго жилья, завидя васъ, приноситъ землянику, даритъ ее вамъ и ни за что не возьметъ денегъ. Даже Цыганы много разъ приносили мнѣ хворосту, чтобы развести огонь и никогда не требовали платы. Сладко вспомнить объ этомъ, чтобы отдохнуть отъ тяжелыхъ впечатлѣній, оставляемыхъ въ душѣ Албанцами!

МОРЛАКИ.

Морлаками называютъ обыкновенно далматскихъ горныхъ жителей округовъ Цары и Спалатро; племя ихъ очень немногочисленно; ихъ не наберется болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Въ Рагузѣ и Каттаро Морлаковъ совсѣмъ нѣтъ; тамъ самое названіе ихъ служитъ браннымъ словомъ: Морлакомъ называютъ самаго грубаго, необразованнаго человѣка; послѣдній водовозъ крайне обидился-бы, если-бы его назвали Морлакомъ, не смотря на то, что самъ онъ, по образованію и нравственности, стоитъ гораздо еще ниже.

Морлаки — славянскаго происхожденія; въ XV столѣтіи бѣжали они отъ турецкаго гнета и поселились въ гористой Далмаціи. Сначала кроатскіе баны (князья, владѣтели), потомъ венеціанское и наконецъ австрійское правительство были очень довольны ихъ воинственно-пастушескимъ характеромъ, потому что они по-

могали защищать границы отъ нападеній Турковъ. Но теперь они живутъ мирно: Турки не беспокоятъ ихъ больше; казалось-бы, имъ можно образоваться и стать на ряду съ другими европейскими народами: но Морлаки почти нисколько не измѣнились въ теченіе многихъ столѣтій и такіе же полудикари, какими были въ то время, когда въ первый разъ поселились въ далматскихъ горахъ. Земледѣліе и садоводство имъ не по вкусу и они ведутъ пастушескую жизнь.

Характеръ у Морлаковъ такой же, какой у большей части горныхъ жителей: они страстно любятъ свои горы, гостепріимны, довѣрчивы, расточительны, лѣнны, суевѣрны, мстительны и легкомысленны. Большую часть этихъ недостатковъ и пороковъ надо приписать ихъ уединенной жизни, необразованности и вліянію южнаго климата. Морлакъ нисколько не заботится о завтрашнемъ днѣ; онъ часто поѣдаетъ съ пріятелями за одинъ разъ то, чего стало-бы ему на цѣлый мѣсяцъ; потому-то время жатвы для него — нескончаемый пиръ; тогда изба его для каждаго открыта, а столъ накрытъ. Привозя въ городъ свои произведенія, онъ обыкновенно половину вырученныхъ денегъ пропиваетъ въ первой попавшейся харчевнѣ. За то весною и подъ конецъ зимы не остается ни припасовъ, ни денегъ, бѣдняки терпятъ страшную нужду и чуть не умираютъ отъ голоду; съ женою и съ дѣтьми на рукахъ, отправляется Морлакъ въ турецкія владѣнія и тамъ отыскиваетъ себѣ хлѣба и работы. Такія переселенія дѣлаются иногда съ паспортами, по большей же части безъ нихъ. Въ чужой сторонѣ остается онъ только до-тѣхъ-поръ, пока, по своимъ расчетамъ, можетъ опять прокормиться у себя дома.

Лѣность и невѣжество губить много добрыхъ свойствъ

въ Морлакахъ; лѣтомъ они еще дѣлають кое-что, работаютъ, но зимою проводятъ цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ совершенномъ бездѣйствіи, передъ очагомъ, съ трубкою во рту, и только голодъ можетъ вывести ихъ изъ этой физической и нравственной спячки. Если вино, или что-нибудь другое взволнуеть кровь Морлака, онъ нисколько не удерживаетъ своей вспыльчивости; ему кажется, что острый ножъ для того только и торчитъ у него за поясомъ, чтобы тотчасъ же отомстить своему противнику; рѣдкая ссора оканчивается безъ кровопролитія; за недостаткомъ оружія хватается онъ за дубину, или за камень.

Въ прежнія времена кровомщеніе было очень въ ходу, но теперь оно уже поистребилось, хотя не совсѣмъ; въ 1830 году, напр., былъ вотъ какой случай въ округѣ Цара, въ одной изъ морлакскихъ деревень: семилѣтній сынъ Сима — Мате вышелъ однажды утромъ на поле своего отца и видитъ — по отцовской нивѣ бродятъ коровы и овцы сосѣда Лазаря; мальчишка схватилъ пруть и погнался за чужою скотиной. Вдругъ онъ наткнулся на сына Лазаря, пастуха Джіово, который спалъ подъ кустомъ, какъ мертвый; раздосадованный Мате, не будучи въ состояніи догнать коровъ, хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, выместить досаду на пастухѣ и со всего размаха ударилъ спящаго разъ десять. Воротившись домой, Джіово пожаловался отцу, и совсѣмъ не отъ побоевъ, а отъ другой какой-то причины захворалъ на другой день и черезъ недѣлю умеръ. Смерть его приписали Мате, и родители Джіово жаловались на него; нарядили слѣдствіе, наѣхали судьи и доктора, освидѣтельствовали покойника и нашли, что онъ умеръ совсѣмъ не отъ побоевъ, а отъ давнишней, наслѣдственной болѣзни. Ни родственники, ни родители не повѣ-

рили и стояли на своемъ, что причиной его смерти былъ семилѣтній Мате; выбрали пятерыхъ родственниковъ и послали ихъ къ Симе съ требованіемъ выкупить вину крови, пролитую будто-бы маленькимъ Мате; за кровь Джіово слѣдовало, по ихъ мнѣнію, выдать одиннадцать овецъ, быка, кулъ муки, боченокъ водки, ведро деревяннаго масла, девять фунтовъ соли, множество восковыхъ свѣчей для похоронъ, холста для савана и для покрывки покойника. Трудно было Симе согласиться на такія большія требованія, но мечь Лазаря была страшнѣе денежной потери, и къ вечеру все было пригнано и доставлено въ сосѣдній домъ. Въ избу Лазаря на похороны собрались всѣ родственники и знакомые; пированье длилось дня два-три, пока все было съѣдено и выпито; но Лазарь не довольствовался пенею, взятою съ Симе. Юня 8-го передъ избою Симе собралось человѣкъ пять вооруженныхъ родственниковъ Лазаря, которые называли себя *кровомстителами*; они вызвали Симе, прибавляя, что пришли по дѣлу. Ничего дурнаго не подозрѣвая, Симе вышелъ на крыльце, чтобы посмотреть, что тамъ такое; но лишь только показался, раздались два выстрѣла, и несчастный упалъ, тяжело раненый въ голову и ногу, а злодѣи тутъ же бросились бѣжать.

Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и позже случилось еще нѣсколько подобныхъ приключеній; ссоры же изъ-за пустяковъ оканчиваются сплошь и рядомъ убійствомъ. Такъ, въ церковный праздникъ, въ одной морлакской деревнѣ, близъ Скардоны, между разными другими увеселеніями, начали стрѣлять въ цѣль; наградой и цѣлью была четверть баранины, привѣшанная къ шесту. Двое стрѣляли въ одно время и одна пуля попала въ баранину; каждый утверждалъ, что это

его пуля; отъ словъ и брани дѣло дошло до ножей; виновнаго хотѣли схватить, но онъ сталъ защищаться и ружьемъ, и кинжаломъ, положилъ троихъ на мѣстѣ, да переранилъ множество народа прежде, чѣмъ удалось схватить, связать его и отвести въ тюрьму. При допросѣ онъ ото всего отпирался, и не было средствъ довести его до признанія.

Морлакъ до-сихъ-поръ смотритъ на полицейское и судебное вмѣшательство въ его личныя расправы, какъ на величайшую несправедливость и никакъ не можетъ понять, что не имѣетъ права самъ мстить за обиду и расплачиваться кровью за кровь, или брать выкупъ съ своего врага и тѣмъ поканчивать дѣло.

Но въ Морлакахъ много добрыхъ качествъ, и если до ихъ грубой, заросшей природы коснется всеоживляющій и всеогрѣвающій лучъ просвѣщенія, тогда и они будутъ лучше, благороднѣе и добрѣе своихъ предковъ. Теперь же образцомъ для нихъ служатъ кровавыя преданія старины, которыя въ разсказахъ и пѣсняхъ, какъ святыня, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и, никѣмъ не написанныя и не напечатанныя, неизсякаемымъ источникомъ бѣгутъ изъ рода въ родъ. Австрія не слишкомъ заботится объ ихъ просвѣщеніи и хотя завела въ нѣкоторыхъ деревняхъ школы, но не дала средствъ ни учителю, ни священнику заниматься образованіемъ простолюдина. Священники католическіе, равно какъ православные, тамъ одинаково терпятъ нужду; они живутъ въ избахъ, такихъ же бѣдныхъ, какъ избы прихожанъ, сами такіе же необразованные, какъ они, и многіе изъ нихъ съ трудомъ умѣютъ подписать свое имя, особенно изъ стариковъ; въ новѣйшее время, правда, назначаютъ къ этимъ должностямъ людей грамотныхъ, учившихся; но такихъ мало: безграмотные старики

еще не вывелись. Да и можно - ли имъ думать о нравственныхъ потребностяхъ, когда нужда безпрерывно гнететъ и грызетъ? Жить морлакскимъ священникамъ приходится почти мірскимъ подаяніемъ. Австрійское правительство даетъ имъ на содержаніе такую бездѣлицу, которой не достанетъ даже на прокормленіе семьи не только на годъ, но и на три мѣсяца. Всякій прихожанинъ приноситъ, по временамъ, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы священникъ не умеръ съ голоду; сверхъ того за всѣ требы церковныя платятъ тоже натурой. Такимъ образомъ, священникъ совершенно слился съ своими прихожанами, совершенно зависитъ отъ нихъ, не отличается отъ нихъ ни жилищемъ, ни богатствомъ и очень мало образованностію и потому не можетъ служить имъ строгимъ и взыскательнымъ учителемъ. Церкви стоятъ вдаль отъ деревень, въ полѣ, въ горахъ, въ совершенномъ уединеніи, и по своей бѣдности похожи на сараи. Во время богослуженія мужчины стоятъ, или сидятъ, по одну сторону, а женщины по другую; ружья остаются на дворѣ и стоятъ рядышкомъ, у церковныхъ стѣнъ.

Морлаки — народъ очень красивый и сильный; почти всѣ широкоплечи, съ выдвинутою грудью; они не толсты, но очень мускулисты; лѣтомъ грудь и шея у нихъ всегда открыты, лице ничѣмъ не защищено отъ солнца, носятъ на головѣ что - то въ родѣ фески; цвѣтъ кожи у нихъ темный, волосы черные, глаза темные, блестящіе, очень зоркіе; слухъ превосходный; зубы бѣлые, крѣпкіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ лезутъ Морлаки по скаламъ и такимъ обрывамъ, гдѣ отъ малѣйшей неосторожности — неминуема смерть; но рѣдко случается несчастіе съ ловкимъ, отважнымъ горцемъ. Сила — необыкновенная не только у мужчинъ, но и у женщинъ; это

оттого, что ее развиваютъ съ самаго малолѣтства трудными работами.

Часто случается встрѣчать женщину съ огромною вязанкою дровъ; она за нѣсколько верстъ несетъ ихъ въ городъ и продаетъ за пята́лтынный, или за гриве́нникъ. Воду для людей и для скота тоже приносятъ женщины изъ дальнихъ горныхъ источниковъ; вообще женщинамъ приходится таскать большія тяжести. Надо замѣтить, что мужчины между Морлаками гораздо красивѣе женщинъ; это, вѣроятно, зависитъ частію оттого, что они меньше работаютъ, частію оттого, что носятъ костюмъ очень ловкій и удобный, который нисколько не стѣсняетъ ихъ движеній. Морлакъ носитъ рубашку съ очень широкими рукавами, открытую на груди и шеѣ; сверхъ нея жилетъ изъ яркаго сукна, по большей части краснаго, спереди усаженный многими рядами металлическихъ пуговицъ; сидятъ они такъ близко другъ къ другу, что издали блестятъ, какъ панцырь; у бѣдныхъ они мѣдныя, у богатыхъ же серебряныя; сверхъ жилета, надѣваютъ зимою куртку съ широкими рукавами; нижнее платье узкое, похожее на венгерское, только безъ шитья, идетъ до самой щиколки, гдѣ и завязывается; ниже колѣнъ, въ родѣ подвязки, носятъ они черный ремень съ свѣтлою пряжкой и съ мѣднымъ, или серебрянымъ наборомъ, шерстяные чулки до икръ, съ шитыми красными стрѣлками, или полосками; сверхъ нихъ, въ родѣ туфель, еще толстые, вязанные носки и наконецъ *опанки*, т. е. лапти, изъ невыдѣланной бычачьей кожи, привязанные къ ногамъ узкими длинными ремнями, по большей части чернаго, но иногда краснаго цвѣта. Вокругъ бедръ обматываютъ они, не менѣе пяти разъ, довольно широкую повязку или изъ шерстяныхъ шнурковъ, или особеннаго рода неплотную

ткань; выше нея — черный поясъ въ нѣсколько этажей, между которыми, какъ за складку, можно положить бумажникъ, огниво, камень, труть и подобныя бездѣлушки; еще у нихъ другой узкій ременный поясъ; на немъ виситъ маленькій патронташъ, пороховница, кисеть съ табакомъ и т. д. Изъ-за поясовъ торчитъ ножъ, или кинжалъ съ очень длинною рукояткою; дѣлается она длинною для того, чтобы, въ случаѣ нужды, ножъ могъ служить сошкой; его прямо втыкають въ землю и въ выемъ ручки кладется стволъ ружья; пара пистолетовъ — тоже за поясомъ; смотря по достатку, ложе ихъ или очень простое, или разукрашено серебромъ, а иногда и литое изъ серебра. Въ рукахъ, или на ремнѣ за плечами длинное ружье; красная феска на волосахъ, заплетенныхъ назади въ косу, а спереди достриженныхъ, и чубукъ трубки, торчащій на полъаршина надъ головою изъ-за спины, куда ее Морлакъ прячетъ за куртку, довершаютъ его костюмъ. Зимой, особенно при верховой ѣздѣ, носятъ они очень толстый и тяжелый плащъ изъ грубаго сукна. Бороду еще нѣкоторые брѣютъ, усовъ же — никогда.

Женскій костюмъ состоитъ изъ двухъ рубашекъ, изъ которыхъ нижняя узкая, безъ рукавовъ, верхняя же съ очень широкими рукавами и съ вышивкою на груди, на плечахъ и вдоль рукавовъ; носятъ они юбку шерстяную съ красною опушкою по подолу, передникъ, вышитый разноцвѣтными шерстями; красный поясъ, къ которому привѣшенъ съ одной стороны кривой ножъ на цѣпочкѣ, а съ другой — мѣшечекъ; за плечами у нихъ суконный мѣшокъ — большой, когда идутъ въ городъ, или на полевую работу, а въ рукахъ маленькій, въ родѣ ридикюля, гдѣ прячется всякая всячина, непрерывно необходимая мелочь. Дѣвушки на головѣ носятъ

такія же фески, какъ мужчины, только привѣшиваютъ къ нимъ всякія побрякушки, равно какъ и къ косѣ, которая спускается вдоль спины. У замужнихъ женщинъ что-то въ родѣ чепчика, сверху повязаннаго платкомъ. Ожерелья изъ монетъ и стекляруса, кольца со вставленными цвѣтными стеклышками и гладкія — очень въ ходу между морлакскими женщинами и дѣвушками. Ходятъ онѣ почти всегда босикомъ и только самыя богатые носятъ чулки и опанки, точно такія, какъ мужчины, иногда же турецкіе башмаки изъ желтаго и зеленаго сафьяна. Если домъ можетъ обойтись безъ дѣвушки, родители посылаютъ ее въ ближайшій городъ, въ служанки къ какому-нибудь нѣмецкому семейству. Морлакскихъ женщинъ принимаютъ очень охотно, потому что онѣ отличаются честностью и сметливостью.

Однажды натуралистъ нанялъ себѣ проводника въ горы, чтобы собирать цвѣты и травы; послѣ двухъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ, Морлакъ вполне понялъ, что было нужно ученому, сказалъ ему, чтобы онъ больше не ходилъ, и обѣщался самъ приносить ему нужныя растенія. И въ самомъ дѣлѣ, съ-тѣхъ-поръ каждый день приносилъ ему или невиданный имъ цвѣтокъ, или новую травку. Это можетъ служить доказательствомъ большой наблюдательности Морлака, которая сдѣлала-бы честь любому и болѣе образованному народу.

Морлаки живутъ въ очень бѣдныхъ, курныхъ избахъ, похожихъ на тѣ изъ нашихъ крестьянскихъ избъ, которыя стоятъ далеко отъ большихъ дорогъ. Стѣны морлакской избы сложены изъ полевыхъ камней, ничѣмъ не скрѣпленныхъ; камни держатся только своею собственною тяжестью; они неплотно прилегаютъ другъ къ другу, и вѣтеръ, врываясь во всѣ отверстія, ходитъ тамъ на просторѣ. Зимой, когда завоетъ *бора* (вѣтеръ

и вьюга) Морлаки ютятся подлѣ очага, закутываются во что могутъ, и тѣмъ только спасаются отъ холода. Изба кроется соломой, или тростникомъ; въ крышѣ дѣлается отверстіе для дыма, но прежде, нежели попадетъ туда, онъ ходитъ, ходитъ по избѣ и часть его улетаетъ въ продушину, оставленную вмѣсто окна, и въ постоянно отворенную дверь. Въ одной части избы ютится домашній скотъ, въ другой, на полу, сложенномъ изъ камней, довольно высоко, горитъ огонь; тутъ сидятъ мужчины, женщины и дѣти, работаютъ, обѣдаютъ и спятъ. Надъ огнемъ виситъ, или стоитъ на таганѣ котелъ. Въ избѣ всегда дымно и душно; потому лѣтомъ, весною и до поздней осени всѣ сидятъ на дворѣ, и даже кухня тамъ устроивается: вобьютъ въ стѣну желѣзный крюкъ, подъ нимъ выровняютъ, утопчатъ землю, выложатъ камнями, зальютъ ихъ глиной, и печь готова. Мужчины всегда, кромѣ зимней стужи, спятъ на дворѣ; иногда подстилаютъ какой-нибудь плащъ, но по большой части ложатся прямо на землю и ничѣмъ не покрываются: въ избѣ же, въ повалку, спятъ старики, женщины и дѣти: въ нѣкоторыхъ стоятъ нары, а на нихъ пукъ соломы и постель. Мебели и домашней утвари у нихъ очень мало и та вся самодѣльная; посреди отдѣленія, назначеннаго для людей, стоитъ грубо сколоченный столъ; подлѣ него — двѣ, три скамейки и нѣсколько табуретовъ о трехъ ногахъ: кушанье готовятъ въ котлѣ, или въ немуравленныхъ горшкахъ; вмѣсто тарелокъ — одна общая деревянная миска, ложки деревянные. говядину и хлѣбъ рѣжетъ каждый самъ; мужчины — длинными кинжалами, а женщины — кривыми ножами, которые висятъ у нихъ на боку. Кромѣ этого скарба, въ избѣ стоитъ нѣсколько сундуковъ, закрома для муки, ушатъ съ водою, съ деревяннымъ

же черпаломъ. У богатыхъ Морлаковъ кромѣ одной общей избы есть еще другая — поменьше; тамъ живетъ глава семейства — *домачинъ* и его жена — *домачица*, хранятся всѣ лучшія вещи и всегда готово помѣщеніе для почетнаго гостя; для этого и самая изба раздѣлена цыновкою на двѣ половины: одна — для хозяевъ, другая — для гостя. Домачинъ и домачица живутъ немного лучше и опрятнѣе остальнаго семейства; у нихъ есть праздничное платье и перемѣнное бѣлье; у остальныхъ же одно и тоже носится часто до-тѣхъ-поръ, пока не развалится. Въ избѣ — крайняя нечистота и душливый запахъ отъ скота, луку, чесноку и деревяннаго масла, которымъ женщины намамливаютъ себѣ волосы.

Домашняя жизнь у Морлаковъ устроивается совершенно патріархально: если семейство богато, т. е. если у него есть средства прокормиться, такъ всѣ близкіе и дальнѣйшіе родственники живутъ вмѣстѣ; нерѣдко случается, что семья состоитъ изъ 30, или 40 человекъ. По общему согласію выбираютъ они себѣ главу, который и называется *домачиномъ*, а помощница его — *домачица*, которая очень часто не бываетъ даже его женою. *Домачинъ* и *домачица* должны заботиться о всемъ хозяйствѣ, смотрѣть за нравственностію своихъ домашнихъ, разбирать ссоры, которыхъ, сказать мимоходомъ, между родственниками тамъ бываетъ очень мало. *Домачинъ* каждый день съ утра распредѣляетъ между мужчинами необходимыя полевая и домашнія работы, а *домачица* точно также для женщинъ и дѣвушекъ назначаетъ занятія. Когда приходитъ гость, хозяйка приказываетъ, кому занимать, кому угощать его. Все не обходимое для избы и для одежды дѣлается дома; если есть лишнее платье и бѣлье, его развѣшиваютъ на грядкѣ; замужнія женщины, особенно достаточныя, имѣютъ

особенные сундуки, куда и укладываютъ свой скарбъ. Домачинъ и домачица, если семья слишкомъ велика, выбираютъ себѣ помощника и помощницу, и они тоже переселяются въ ихъ отдѣльный домъ. Случается иногда тоже, что домачинъ и домачица беретъ къ себѣ одного, или двухъ изъ своихъ дѣтей. Безъ позволенія этихъ патриарховъ никто не смѣетъ отлучаться изъ дому, никто не смѣетъ самъ взять лопотъ хлѣба.

Старшихъ очень уважаютъ и потому безъ ихъ совѣта и согласія ничего не предпринимается; ихъ рѣшеніе считается непреложнымъ.

Кушанье ихъ также не прихотливо и просто; они даже хлѣбъ пекутъ не такъ, какъ другіе люди: семья большая, на нѣсколько дней заготовлять нельзя — такъ каждый день пекутъ лепешки изъ неквашеннаго, прѣснаго тѣста, кладутъ ихъ на горячій очагъ, покрываютъ желѣзнымъ листомъ и сверху наваливаютъ головнями и угольями. Тѣсто дѣлаютъ изъ ржаной, овсяной, ячной, просяной и гречневой муки; обыкновенно для этого смѣшиваютъ два сорта. Изъ муки же варятъ похлебку, которая похожа на жидкій крахмалъ; и хлѣбъ, и похлебка совершенно безвкусны, особенно у бѣдныхъ; даже — безъ соли. Лѣтомъ ѣда получше: вдоволь луку, чесноку и другихъ овощей, кромѣ того бываетъ козье и овечье молоко, которое ѣдятъ сырое, съ водою, или вареное; иногда дѣлаютъ изъ него сыръ. Осенью каждое достаточное семейство заготовляетъ солонины, свинины, или баранины; по праздникамъ бросаютъ кусочекъ этого соленнаго запаса въ похлебку, что служить и какъ мясо, и какъ соль. Свѣжее мясо ѣдятъ только при большихъ торжествахъ — свадьбахъ, крестинахъ и похоронахъ; его готовятъ двумя способами — или варятъ, или жарятъ. Посты соблюдаютъ очень строго. Но для такихъ

людей цѣлый вѣкъ — постъ. Морлаки встаютъ, какъ и всѣ крестьяне, съ зорею, завтракаютъ и отправляются на полевныя работы, или къ стадамъ; дѣти приносятъ имъ обѣдъ на поле, а если оно слишкомъ далеко отъ дому, такъ всякій готовитъ похлебку самъ. Дѣти на пятомъ году приучаются уже къ работѣ: ихъ заставляютъ пасти стада гусей, куропатокъ, или куръ. Костюмъ дѣтей самый незатѣйливый — рубашка, подпоясанная веревкой — вотъ и все; мальчикъ семи лѣтъ уже получаетъ нѣкоторое значеніе; его одѣваютъ получше, ему даютъ ружье, пистолетъ и кинжалъ; если нѣтъ запаснаго оружія дома, то его нарочно покупаютъ для этого важнаго случая: вооружается семилѣтній герой на битву съ бѣдностью и нуждой!

Морлакскія женщины очень работающи; ни одной не увидишь дома, или въ полѣ со сложенными руками. Какъ часто зимою съ Спалатро встрѣчаешь Морлачку, у которой за спиной цѣлый возъ яицъ, дичи и куръ! Она идетъ съ усиліемъ, согнувшись, а между тѣмъ въ рукахъ у нея чулокъ, или веретено, а за поясомъ кудель: работай руками и ногами, да еще волокни на себѣ тяжесть! У себя дома онѣ прядутъ, ткутъ, прислуживаютъ мужьямъ, которые съ особенною важностью принимаютъ эти услуги, какъ необходимую дань и, въ случаѣ неловкости и медленности, готовы хватить палкой, или жесткимъ беспощаднымъ словомъ. Терпѣнія у Морлачки — бездна; она съ дѣтства привыкла смотрѣть на себя, какъ на невольницу, лишенную всѣхъ человѣческихъ правъ, и безропотно несетъ свою горькую долю. За такое золотое свойство нѣмецкія семейства, преимущественно въ Далмаціи, отыскиваютъ себѣ служанокъ между Морлаками; это — вещь нетрудная, но за такое золото Нѣмцы платятъ мѣдными грошами. Достоинства цѣнятся только на видныхъ мѣстахъ и въ

видныхъ людяхъ; а бѣдная Морлачка — слава Богу — если не умираетъ съ голоду.

Морлакскія деревни, по расположенію, похожи на чухонскія: дома въ нихъ тоже идутъ не вереницами, какъ города, или русскія деревни, а лежатъ кучками между полями и перелѣсками такъ, что никогда нельзя съ перваго взгляда сказать, гдѣ начинается деревня. Часто спрашиваешь проводника: «гдѣ такая-то деревня?» Онъ укажетъ рукою на какой-нибудь домъ, или на одиноко стоящую церковь, и отвѣчаетъ: «да вотъ она!» Въ каждой деревнѣ есть приходскій праздникъ, на который стекаются всѣ сосѣднія деревни; въ этотъ день пляшутъ, поютъ и стрѣляютъ въ цѣль; мѣстомъ общественнаго веселья служитъ площадь, или лугъ передъ церковью, и ни лѣтній жаръ, ни зимній холодъ не въ состояніи помѣшать собранію. Надо-жъ повеселиться отъ бѣдности и горя! Національный танецъ Морлаковъ — *коло*; но въ немъ нѣтъ ни граціи, ни живости; это какое-то однообразное колебанье тѣла и притопыванье; нельзя различить, кто пляшетъ хуже, кто лучше; музыкальные инструменты столько же бѣдны, какъ и пляска: это — *гусли*, *волынка* и *свирѣль*. Гуслями называютъ они что-то въ видѣ гитары съ барабанной кожей, надъ которою натянута веревка изъ конскихъ волосъ; играютъ на гусляхъ, сидя на низкой скамеечкѣ, или обрубкѣ бревна, держатъ ихъ между колѣнями и по нимъ водятъ смычкомъ, очень короткимъ, тоже изъ конскихъ волосъ. Звукъ гуслей почти не слышно, особенно потому, что толпы народа, окружающія музыканта, не даютъ звукамъ расходиться и потому вдали отдается только какое-то жужжанье. На волынкѣ играютъ стоя; она лучше для пляски. Свирѣль состоитъ изъ двухъ трубокъ, которыя сходятся вмѣстѣ; у каждой по нѣ-

сколько звуковъ. Но всѣ инструменты показываютъ, что вѣчно озабоченная, трудная жизнь не дала Морлакамъ силы развить и выразить своего чувства. Въ пѣсняхъ ихъ слышится что-то наше, родное, славянское, заунывное; морлакская пѣсня походитъ на однозвучный плачь человѣка, всѣми покинутаго въ пустынѣ; пѣніе вообще — протяжное и чѣмъ болѣе кто протянетъ ноту, тѣмъ, по ихъ понятію, лучше онъ поетъ. Морлаки большіе охотники до пѣсенъ и поютъ при всякомъ случаѣ: служанки, напримѣръ, въ Рагузѣ, все Морлачки, поютъ съ утра до вечера, если имъ приходится стирать, или ихъ заставляютъ дѣлать какую-нибудь другую тяжелую работу. Обыкновеніе пѣть надъ корытомъ происходитъ, вѣроятно, оттого, что подъ владычествомъ Венеціанцевъ, Морлачкамъ позволялось пѣть только во время стирки. Мнѣ случилось самому слышать, какъ однажды двѣ служанки стирали рядомъ; онѣ пѣли какой-то тутъ же импровизированный дуэтъ, и лишь одна замолкла, другая подхватывала въ отвѣтъ ей. Не всѣ пѣсни, однакожъ, импровизаціи; есть еще — историческаго содержанія; ихъ не поютъ, а по большей части говорятъ на распѣвъ, останавливаясь на мгновеніе на каждомъ стихѣ и дѣлая довольно долгую остановку послѣ каждого куплета; при такомъ чтеніи на распѣвъ, при речитативѣ, обыкновенно подыгрываютъ на гусяхъ. Содержаніе историческихъ пѣсенъ почерпнуто изъ воспоминаній о битвахъ между Турками, Сербами и Морлаками; въ нихъ еще теперь выражается вся вражда Славянъ къ ненавистнымъ покорителямъ; есть безчисленное множество пѣсенъ о Коссовской битвѣ *) и о другихъ подобныхъ случаяхъ изъ борьбы съ Турками. Какъ и у всѣхъ про-

*) См. Ж. д. Д. за 1851 г., стр. 603.

чихъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, въ нѣкоторыхъ отразился домашній бытъ и характеръ Морлаковъ; есть свадебныя пѣсни и такія, въ которыхъ говорится о чувствахъ, общихъ всѣмъ племенамъ и народамъ; не послѣднее мѣсто между ними занимаютъ разныя описанія прославленныхъ въ народѣ кривоше- ній. Между Морлаками много не только любителей пѣ- нія, но и записныхъ пѣвцовъ: слѣпыхъ стариковъ во- дятъ изъ избы въ избу, изъ деревни въ деревню, за пѣсни даютъ имъ подаваніе и съ наслажденіемъ, по цѣ- лымъ часамъ, слушаютъ ихъ пѣсни и рѣчи, часто испол- ненныя истиннаго одушевленія. Трогательно видѣть проявленіе чувства и поэтическаго движенія души въ народѣ, подавленномъ нуждою и вѣчнымъ трудомъ.

Морлаки, какъ и всѣ необразованные народы, испол- нены предразсудковъ и повѣрій. Они увѣрены, что зем- ля и воздухъ населены добрыми и злыми духами, кото- рые могутъ вредить и помогать человѣку; между этими пугалами страшнѣе всего *вѣдьма*. Это — злой духъ, не то мужчина, не то женщина; вѣдьмы ходятъ и летаютъ толпою, подѣ начальствомъ большого стараго козла; ког- да онѣ сердятся, то бросаютъ молнію и громъ въ тѣхъ, кто заслужилъ ихъ наказаніе. Днемъ онѣ являются въ видѣ обыкновенныхъ людей, ночью же летаютъ. Мор- лакскія вѣдьмы ненавидятъ всякихъ другихъ; иногда въ ихъ толпу залетаютъ вѣдьмы изъ Апуліи и изъ Греціи и тогда всѣ морлакскія бросаются на нихъ и истребля- ютъ ихъ. Когда шумятъ зимнія бури, Морлаки говорятъ: «вотъ, видно, чужія вѣдьмы нападаютъ на нашихъ; кто- то изъ нихъ побѣдитъ?» Звонъ колоколовъ, крестъ и образъ прогоняютъ ихъ; если взять изъ церкви воско- вую свѣчу и надѣлать изъ нея пулю, да освятить ихъ въ церкви, тогда стоитъ только выстрѣлить такою пу-

лей на воздухъ и—вѣдьма убита. Вѣдьмами могутъ быть старыя, дурныя, злыя женщины; говорятъ, будто ихъ всегда можно узнать по грязному, оборванному платью и растрепаннымъ волосамъ. Вѣдьмы, какъ наши домовые, мучатъ людей и скоть; они отнимаютъ здоровье и ростъ у дѣтей. Если старуха, признавая за вѣдьму, полюбуется на ребенка, и онъ, по несчастію, захвораетъ, мать спѣшитъ къ вѣдьмѣ, бросается передъ нею на колѣни и умоляетъ ее со слезами о помилованіи, приносить ей подарки; но то и другое, естественно, ни къ чему не ведетъ. Если дитя само собою выздоровѣетъ, вѣдьмѣ несутъ новые подарки; еслижъ оно умираетъ, всѣ родственники умершаго съ яростію осыпаютъ ругательствами мнимую вѣдьму, и еслибъ не боялись наказанія, убили-бы ее. Когда кому кажется, что вѣдьма преслѣдуетъ его, онъ идетъ къ священнику и проситъ его принести ему *записъ*; это — листокъ бумаги, на которомъ написана, или напечатана молитва; въ домѣ служатъ молебствіе, священникъ раздаетъ освященные листки всѣмъ членамъ семейства и одинъ изъ нихъ зарываетъ подъ порогомъ. Отъ дурнаго вліянія вѣдьмъ употребляютъ два способа: или показываютъ имъ большое уваженіе, или осыпаютъ бранью; но во всякомъ случаѣ ихъ презираютъ и ненавидятъ.

Кромѣ вѣдьмъ, есть множество другихъ злыхъ, вредныхъ существъ; есть духи, похожіе на нашихъ домашнихъ, которые дѣлаютъ вреда больше скоту, чѣмъ людямъ. Есть духи полевые, болотные; послѣдніе съ огненными глазами; они стращаютъ одинокихъ путешественниковъ, становясь по опушкѣ лѣса съ поднятыми руками и съ огромной дубиной. Иногда такое *духовное существо* превращается въ змѣй, или въ дикаго звѣря. Встрѣча съ нимъ не предвѣщаетъ добра. Дряннаго дѣла

имъ пропасть: зимою, въ бурю, они свистятъ на горахъ и въ ущельяхъ, шатаютъ деревья, выламываютъ ихъ съ корнями, и т. п. Въ развалинахъ тоже водится ихъ довольно: они стерегутъ зарытые въ землю клады. Между Морлаками очень сильная вѣра въ *вукодлаковъ*. Это такіе покойники, которые при жизни отличались нехорошею нравственностію. *Вукодлакъ* разноситъ по деревнямъ разныя заразы и сосетъ кровь изъ живыхъ людей. Если какого покойника подозрѣваютъ въ томъ, что онъ сталъ *вукодлакомъ*, его еще и теперь втихомолку вырываютъ изъ земли, разрѣзываютъ ему поджилки и въ грудь вбиваютъ заостренный кусокъ осиноваго дерева. Понятія — совершенно наши, простонародныя, русскія. Не все только злые духи у Морлаковъ, есть и добрые, что-то въ родѣ духовъ-покровителей: это — *вилы*. Они всегда носятъ бѣлую одежду, вѣчно прекрасны и вѣчно молоды; дыханіе ихъ походить на нѣжный ароматъ розоваго куста, пѣніе очаровательное. Живутъ они, какъ соловьи, подлѣ свѣтлыхъ ручьевъ, на зеленыхъ холмахъ и въ тѣни благоуханныхъ рощъ. Вили особенно любятъ прекрасныхъ дѣтей и молодыхъ честныхъ дѣвушекъ и мужчинъ; покровительствуютъ героямъ, предостерегаютъ ихъ отъ опасностей, помогаютъ имъ въ бѣдахъ. Иногда онѣ уносятъ прекрасныхъ дѣтей къ себѣ и воспитываютъ ихъ; когда дѣти воротятся къ людямъ, то рассказываютъ, что жизнь ихъ у вили была счастливая, кормили ихъ самымъ отборнымъ кушаньемъ, поили медовымъ сокомъ, и было съ ними много чудесъ, но объ нихъ говорить они не смѣютъ: *вилы* не позволили; въ противномъ же случаѣ они отступятся отъ своего любимца и предоставятъ его злой судьбѣ.

Болота Морлаки ни за что осушать не станутъ; съ существованіемъ cadaго соединенъ какой-нибудь раз-

сказъ, въ которомъ дѣйствуютъ сверхъестественныя силы и потому никто не осмѣлится наложить руку на ихъ жилище и тѣмъ навлечь на себя гнѣвъ ихъ. Неурожай, болѣзни, гроза, градъ все — дѣло вѣдьмъ. Въ 1823 году очень плохо родился виноградъ; вся деревня приписывала такое несчастье четыремъ старухамъ, которыхъ считали вѣдьмами; не разсуждая долго, ихъ схватили, поволокли съ шумомъ, крикомъ и проклятіями въ виноградники, разложили костры и бросили въ огонь; ни слезы, ни просьбы, ни увѣренія не помогали, а помогла полиція; она во-время подоспѣла, вытащила старухъ изъ огня, хотя съ большими обжогами, но живыхъ. Въ 1852 году крестьянинъ Берринъ, съ двумя сыновьями, пережигалъ извѣсть; но дѣло у нихъ не ладилось; на бѣду, проходитъ старуха, жена рыбака; подозрѣніе пало на нее; раздраженные мужики схватили несчастную, сдѣлали ей три надрѣза на лбу и три на затылкѣ и хотѣли бросить въ раскаленную печь. Младшій сынъ Беррина и дочь его подоспѣли на отчаянный вопль и спасли ее.

На Ивановъ день передъ избами зажигаютъ огни, веселятся и прыгаютъ черезъ нихъ; даже въ городахъ, въ Спалатро, на примѣръ, раскладываютъ костры; недавно случилось несчастье на моихъ глазахъ: наканунѣ Иванова дня разложили костеръ передъ моимъ домомъ и цѣлый день прыгали черезъ него; наступила ночь; два молодыхъ человека, не видя другъ друга, разбѣжались съ двухъ противоположныхъ сторонъ, прыгнули черезъ костеръ, встрѣтились на лету и стукнулись лбами такъ крѣпко, что одинъ упалъ мертвымъ. Теперь не позволяютъ больше раскладывать огней въ городѣ; но Морлакамъ нейдетъ и они не могутъ отказаться отъ своихъ любимыхъ обыновеній. Наканунѣ Ивана-

Купалы отыскиваютъ разрывъ-траву и *Иваново зелье*, родъ шалфея (*Salvia Scalvea*), цвѣтамъ котораго, сорваннымъ въ этотъ день, приписываютъ чудесныя свойства. Въ существованіи разрывъ-травы никто не сомнѣвается; вѣрятъ, что черный дроздъ гдѣ-то находитъ ее, приносить и кладетъ на мѣсто, ему одному извѣстное. Однажды приходитъ ко мнѣ священникъ, уже сѣдой, очень почтенной наружности, и послѣ долгаго вступленія говорить: «въ нашей сторонѣ говорятъ, что вамъ, господине, знакомы всѣ тайныя силы травъ: такъ будьте милостивы, укажите мнѣ траву, съ которою можно найти таинственные клады; я навѣрное знаю, что не подалеку отъ моего жилья въ землѣ лежитъ большой кладъ». Въ продолженіи всего разговора онъ боязливо оглядывался во всѣ стороны, не подслушиваетъ-ли его кто-нибудь. Меня очень смутила эта просьба и я отвѣчалъ ему: «Почтеннѣйшій отецъ, повѣрьте мнѣ, такой травы совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ; если-жъ-бы я зналъ ее, я бы давнымъ-давно бросилъ свою горькую учительскую долю, выбралъ всѣ клады, жилъ припѣваючи и никому бы не заикнулся о разрывъ-травѣ и о кладѣ». Но слова мои не убѣдили старика; онъ покачалъ головою и тихонько сказалъ: «а такая трава все-жъ-таки есть!» Впослѣдствіи приходили ко мнѣ еще съ тѣмъ же вопросомъ и предлагали половину найденныхъ кладовъ за разрывъ-траву.

Если у Морлака родится сынъ, или дочь, онъ тотчасъ извѣщаетъ о томъ всѣхъ своихъ родственниковъ, начиная съ домачина и домачицы до послѣдняго члена семейства; каждый приносить новорожденному подарокъ, по большей части что-нибудь изъ сѣдобнаго. На восьмой день, по новому положенію, крестный отецъ и крестная мать несутъ его въ церковь и крестятъ,

послѣ чего священнику дарятъ четверть баранины и восковую свѣчку для церкви, а родственники пируютъ до другаго утра. Лѣтъ двадцать тому назадъ крестили дѣтей довольно большихъ; нерѣдко случалось видѣть, какъ дитя само бѣжитъ въ церковь, а крестный отецъ и мать идутъ сзади; но теперь это строго запрещено.

Обычай мѣняться крестами, становиться крестовыми братьями и сестрами, еще существуетъ у Морлаковъ; обыкновенно тѣ, которые хотѣли сдѣлаться *побратимами*, отправлялись, бывало, къ обѣднѣ, становились съ зажженными свѣчами въ рукахъ передъ алтаремъ на колѣни, слушали обѣдню, мѣнялись крестами, священникъ читалъ надъ ними молитву, и союзъ ихъ дѣлался священнымъ, нерушимымъ. Теперь *побратимами* и *посестринами* дѣлаются безъ такой церемоніи, но тѣмъ не менѣе обязанность стоять другъ за друга душой и тѣломъ остается въ прежней силѣ. Это — потребность благородной славянской природы — искать себѣ сочувствующей, созвучной души и жить съ нею въ неразрывномъ единствѣ въ радости и горѣ.

Когда Морлакъ умираетъ, къ его кровати собираются сыновья его, или ближайшіе родственники, снимаютъ съ него все платье и надѣваютъ ему саванъ, похожій на монашеское одѣяніе съ капишономъ; каждый цѣлуетъ ему лице, руки и ноги. Послѣ этого приготавливаютъ носилки, укладываютъ на нихъ покойника и зажигаютъ восковыя, церковныя свѣчи, если только есть на то деньги. Потомъ собираются родственники и приносятъ съ собою по нѣскольکو восковыхъ свѣчей каждый, въ подарокъ покойнику; плакальщицы, по большей части, наемныя; ближнія родственницы получаютъ всѣ ключи отъ *домашницы* и распоряжаются похороннымъ пиромъ, *седьминою*. Всѣ достаточные родственники

приносятъ что нибудь по-этому случаю: или курицу, или хлѣбъ, или яицъ и т. п. Плакальщицы, между-тѣмъ, все громче и громче воютъ, по-мѣрѣ того, какъ приближается миѣута выноса; приходитъ священникъ и начинаются приготовленія къ похоронамъ: близкіе родственники кладутъ покойника въ гробъ и несутъ въ церковь: плакальщицы, какъ наемные стихотворцы, ревутъ; родственники, разумѣется, не шутя плачутъ. Въ церкви, послѣ обѣдни *за упокой*, снимаютъ крышу, опять цѣлуютъ покойника, повторяютъ послѣднія слова его — послѣдніе звуки жизни, и говорятъ съ нимъ, какъ съ живымъ, просятъ его благословенія. Мнѣ однажды удалось слышать подобное, очень поэтическое обращеніе простой женщины къ умершему дитяти, кормилицей котораго она была: «ангелъ мой небесный, мой свѣтикъ, солнце мое, вспомни обо мнѣ тамъ, въ райскомъ саду, куда ты такъ тихо перешелъ; какъ я тебя носила, баюкала, лелѣяла, такъ и ты перенеси мою душу на своихъ ангельскихъ ручкахъ отсюда — туда, въ жилище блаженныхъ!» — Въ 1815 году распространилась зараза оттого, что цѣловали умершаго отъ чумы, теперь запрещенъ этотъ обрядъ; однакожь запрещенія не слушаются.

Изъ церкви несутъ покойника на кладбище, и если онъ былъ человѣкъ достаточный, его ставятъ въ гробу въ склепъ; а если гробъ взяли только на прокатъ, его вынимаютъ и кладутъ безъ гроба. Надо замѣтить, что могилъ почти никогда не вырываютъ въ землѣ; ея и для живыхъ слишкомъ мало; отжившему бѣдняку довольно и камня; каждое семейство вырубаетъ склепы въ скалѣ; они переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому — холодное и мрачное наслѣдство, за которое никто не спорить, котораго никто не добивается!

Послѣ похоронъ съ рыданіями и слезами, всѣ идутъ

домой и начинается пиръ; сначала всѣ плачутъ; но вино осушаетъ слезы, могильное горе забывается. Траурное платье носить цѣлый годъ; оно состоитъ у мужчинъ изъ черныхъ фесокъ, вмѣсто красныхъ, у женщинъ изъ черныхъ шейныхъ платковъ, вмѣсто цвѣтныхъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ МОРЛАКОВЪ.

Морлаковъ свадебные обряды — чисто славянскіе и потому возбуждаютъ въ насъ особенное сочувствіе, какъ все родное, все свое. Молодой Морлакъ, выбравъ себѣ дѣвушку по сердцу, отправляется къ домачицѣ и объявляетъ ей о своемъ намѣреніи жениться.

Домачица говоритъ объ этомъ домашину, и между ними начинаются совѣщанія; строго разбираютъ всѣ добрыя и дурныя качества невѣсты и взвѣшиваютъ, которыхъ больше; у Морлаковъ есть повѣрье, что всѣ добродѣтели и пороки наслѣдственно переходятъ въ позднѣйшее потомство. Если выборъ молодаго, челоуѣка не нравится

домачину и домачицѣ, его призываютъ въ избу и отказываютъ ему, стараясь смягчить отказъ утѣшеніями, ласковыми словами и подарками; молодой человѣкъ потоскуетъ, но покорится своей неизбѣжной судьбѣ. Если же, напротивъ, на желаніе его соглашаются, тогда домачица идетъ къ нему и общается хлопотать о его дѣлѣ. Тутъ начинаются новыя совѣщанія, въ которыхъ участвуютъ всѣ старшіе члены обоихъ семействъ; потомъ назначаютъ день торжественнаго сватовства. Женихъ съ невестой выдаются, между-тѣмъ, только на пастбищѣ, или на полевыхъ работахъ и дарятъ другъ другу разныя бездѣлицы — то холста аршина четыре, то мотокъ крашеной шерсти, поясъ, платокъ и т. п. со стороны жениха; со стороны же невесты — чулки, мѣшокъ, какой носятъ за плечами, кисетъ для табаку. Принять подарокъ — значитъ принять свадебное предложеніе. Въ день, назначенный для сватовства, отецъ, или ближній родственникъ жениха, съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ ѣдетъ, или идетъ къ невестѣ и останавливается у порога избы; выходитъ домачинъ и вводитъ его въ избу; а домачица, или невеста угощаетъ ихъ финиками, винными ягодами, орѣхами и виномъ; послѣ этого, ихъ сажаютъ за накрытый столъ, и начинается обѣдъ. Во время обѣда гости выхваляютъ жениха, но говорятъ только намеками; вставъ изъ-за стола, они говорятъ ужъ прямо, зачѣмъ пришли. Домачинъ встаетъ, начинаетъ превозносить добродѣтели молодой дѣвушки и говоритъ, что онъ и домачица сами нуждаются въ ней и никакъ не могутъ обойтись безъ такой работающей, доброй дѣвушки. Но сваты нисколько не пугаются отказа; знаютъ, что это — только свадебный узоръ рѣчи, поэтическое уклоненіе — для скорѣйшаго поворота къ дѣлу, и настаиваютъ на своемъ: наконецъ, послѣ до-

вольно долгихъ переговоровъ, домашинъ соглашается, домачица же говоритъ, что ей очень непріятно лишиться такой хорошей помощницы, но если дѣвушка сама хочетъ оставить ее, то дѣлать нечего. Призываютъ невѣсту; старшій свать беретъ ее за руку; она цѣлуетъ ему руку; онъ подаетъ ей стаканъ вина; она передаетъ его домачицѣ; домачица хлебнетъ и передаетъ стаканъ другой женщинѣ, эта третьей и такъ далѣе, пока стаканъ не обойдетъ всѣхъ женщинъ семьи; всѣ пьютъ изъ него, кромѣ невѣсты. Тутъ свать спрашиваетъ, согласна-ли она идти подъ вѣнецъ съ такимъ-то; дѣвушка киваетъ головой, а сама отвѣчаетъ: «не моя воля; какъ прикажетъ домачица». Тогда свать подаетъ ей подарки: кольцо золотое, серебряное или мѣдное съ настоящимъ или поддѣльнымъ камнемъ, нѣсколько монетъ для ношенія на шеѣ, платье и т. п. Съ этихъ поръ обрученные уже соединены неразрывнымъ союзомъ, слово дано. Приданое состоитъ изъ платьевъ, бѣлья, козъ, овецъ, коровъ, одного или нѣсколькихъ колецъ, шпилекъ, платковъ и т. п.; денегъ же никогда не даютъ, даже если онѣ и водятся въ домѣ.

Когда сваты, послѣ сытнаго и веселаго ужина, отправляются домой, ихъ провожаютъ ружейными и пистолетными выстрѣлами, конечно, холостыми. Съ этого дня жениху позволяется приходить въ гости къ невѣстѣ, но не надолго. Начинаются свадебныя хлопоты: выбираютъ распорядителей и участниковъ церемоніи. Смотря по достатку, ихъ бываетъ больше, или меньше, но нельзя обойтись безъ *внчаннаго кума*, *младаго деверя*, которымъ бываетъ непременно или братъ, или ближній родственникъ невѣсты; онъ исполняетъ должность дружки; необходимъ также *старый свать* и наконецъ *другой дружка* — это тоже родственникъ, или

пріятель. Безъ этихъ свидѣтелей не можетъ быть даже самой бѣдной свадьбы; у людей же достаточныхъ никто не исполняетъ нѣсколькихъ должностей: есть *старый свать* — самый сѣдой старикъ изъ жениховой или невѣстиной семьи, *байрактаръ* — знаменосецъ, *чаусъ* — свадебный поэтъ и множество дружекъ и гостей верхомъ или пѣшкомъ, смотря по тому, далеко или близко до церкви. Часть гостей собирается въ домъ жениха, пируютъ и ѣдятъ часа два; потомъ байрактаръ распускаетъ знамя; за нимъ всѣ толпою отправляются въ домъ невѣсты съ пѣснями и съ непрерывными выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей; у избы невѣсты ихъ встрѣчаютъ остальные гости, тоже при выстрѣлахъ и необузданныхъ крикахъ радости. Невѣста въ самомъ богатомъ нарядѣ стоитъ посреди избы; лице ея до половины завѣшано бѣлымъ платкомъ; подлѣ нея стоятъ двѣ ея подруги, съ каждой стороны по одной; на привѣтствія входящихъ, киваетъ она только слегка головою. Старый свать входитъ и подаетъ невѣстѣ яблоко, въ которое воткнуто нѣсколько монетъ. Невѣста цѣлуетъ сперва стараго свата, потомъ всѣхъ гостей по порядку, безъ всякаго исключенія. Между тѣмъ на столѣ приготовлено кушанье; старый свать каждому назначаетъ мѣсто по лѣтамъ; невѣстѣ и жениху — первыя мѣста, на верхнемъ концѣ стола. Кажется, послѣ сытнаго завтрака у жениха, никому кушанье не должно-бы итти на умъ: но не тутъ-то было; всякій знаетъ, что онъ на праздникъ и что, слѣдовательно, надо ѣсть за все то время, когда нуждался и голодалъ вмѣстѣ съ своей голодной семьей. Начинаютъ пить за здоровье всѣхъ присутствующихъ; свадебный поэтъ лезетъ изъ кожи, чтобы заставить гостей смѣяться, или сказать приличное словцо ко всякому тосту. Пиръ продолжался-бы до ночи, но *ста-*

рый сватъ еще во время воспоминаетъ о томъ, что пора въ церковь; онъ поднимается съ своего мѣста, приказываетъ *байрактару* взять знамя; *чаусъ* (поэтъ) объявляетъ, что пора въ путь. Но тутъ является какой-нибудь родственникъ, который не соглашается на свадьбу; начинаются споры, но все оканчивается дружелюбно, потому что — это шутка, все дѣло — изъ-за пустаго подарка. Вся толпа идетъ въ церковь и обрядъ совершается; послѣ него невѣста даритъ священнику красивый, ковровый мѣшокъ, а женихъ подаетъ ему кружку съ виномъ и жареную четверть баранины. При выходѣ изъ церкви раздаются новые клики радости, выстрѣлы слѣдуетъ за выстрѣломъ, и при такомъ шумѣ доходятъ до дома; всю дорогу передъ молодыми, родственники усыпаютъ миндалемъ и орѣхами, и желаютъ имъ счастья. Дойдя до дома жениха, невѣста бросаетъ черезъ крышу яблоко, данное ей старымъ сватомъ, и цѣлуетъ порогъ дома. Бѣда, если яблоко не перелетитъ черезъ избу — дурной знакъ; но можетъ-ли это случиться съ такою сильною дѣвушкой, каковы Морлачки? Если на головѣ невѣсты бываетъ вѣнокъ, какъ это водится въ нѣкоторыхъ деревняхъ, старый сватъ снимаетъ его концомъ длиннаго меча и надѣваетъ себѣ на руку, и тогда только женихъ вводитъ невѣсту въ домъ. Домачинъ и домачица встрѣчаютъ ее съ распростертыми объятіями и цѣлуютъ очень нѣжно. Столъ и тутъ накрытъ; старый сватъ опять всѣхъ усаживаетъ, по-прежнему; невѣста опять на верхнемъ концѣ стола; при каждомъ тостѣ она встаетъ и кланяется; въ иныхъ деревняхъ, передъ обѣдомъ подають тазъ съ рукомойникомъ и всѣ гости умываютъ себѣ руки; умываться подаетъ невѣста; за это каждый гость даетъ ей какую-нибудь бездѣлушку.

Послѣ обѣда старый сватъ ведетъ всѣхъ гостей на

токъ, или на другое ровное мѣсто подлѣ дома, и тамъ начинается пѣніе и пляска; невѣста остается въ избѣ, цѣлуетъ всѣхъ дѣтей, ей показываютъ все въ домѣ, она знакомится съ своимъ новымъ жилищемъ, чтобъ ей не было тамъ ни одного чужаго угла. Наконецъ за нею приходитъ какой-нибудь старикъ, отводитъ ее тоже на токъ, и она принимаетъ участіе въ пляскѣ. Между-тѣмъ, кто нибудь изъ родственниковъ ѣдетъ въ родительскую избу невѣсты, привозитъ оттуда ея сундукъ и, отдавая его, высчитываетъ все, что въ немъ есть. Наплясавшись вволю, гости опять садятся за столъ; пальба опять на время прекращается и только изрѣдка то тотъ, то другой выйдетъ на порогъ и выстрѣлитъ изъ ружья, или изъ пистолета; ѣда и попойка продолжаются до полуночи и тогда, кто можетъ — идетъ домой, кто же не въ состояніи — спитъ, гдѣ придется—за столомъ, или подъ столомъ. Таково ужъ свадебное положеніе! На слѣдующій день опять пируютъ, стрѣляютъ, поютъ и пляшутъ; иногда ловятъ стараго свата и связываютъ ему руки назадъ, и онъ откупается подарками.

На другой день послѣ свадьбы, молодая является уже въ морлакскомъ чепчикѣ, вмѣсто фески; съ утра приходятъ къ ней родственники съ поздравленіями; она цѣлуетъ каждого, подаетъ умываться и даритъ что-нибудь — или платокъ, или рубашку и т. п.; взаменъ получаетъ тоже подарокъ, который, приблизительно, долженъ быть вдвое дороже ея подарка; такимъ образомъ иногда молодая запасается платьемъ и другими необходимыми вещами на нѣсколько лѣтъ. Если семейство богато, пиръ продолжается цѣлую недѣлю и Морлаки потомъ хвастаются тѣмъ, что поѣли во время такой-то свадьбы столько-то и разстрѣляли такое-то количество пороху.

Впрочёмъ всѣ эти обряды строго соблюдаются только у настоящихъ Морлаковъ, т. е. у тѣхъ, которые живутъ земледѣліемъ и скотоводствомъ: у жителей же большихъ приморскихъ деревень и городковъ, кромѣ ружейной и пистолетной пальбы, мало что сохранилось. Надо замѣтить, что въ Морлакахъ еще до - снхъ - поръ — сильная привязанность ко всему воинственному, и потому нѣтъ случая, при которомъ - бы не употребляли ружья и пороху. Такъ, однажды въ Спалатро, я сижу въ своемъ кабинетѣ и пишу, вдругъ слышу страшную пальбу; не понимая, что - бы это значило, спѣшу на улицу и вижу — идетъ вновь посвященный священникъ: его провожаетъ толпа, и одинъ за другимъ выстрѣливаетъ изъ ружья и опять поскорѣе заряжаетъ его на ходу.

Во времена владычества Венеціанцевъ была еще странная манера жениться; женихъ увозилъ свою невесту. По большей части обѣ стороны были согласны; женихъ на лошади прятался гдѣ - нибудь въ кустахъ, или между скалами и поджидалъ дѣвушку; она преспокойно гонитъ стадо на пастбище, онъ выскакиваетъ изъ засады, хватаетъ ее и мчится съ нею въ церковь. Но случались похищенія безъ обоюднаго согласія: тогда Морлачка защищалась, чѣмъ могла, и такъ какъ силы у нихъ вдоволь, то нерѣдко случалось ей побѣждать; иногда же на крикъ ея прибѣгали на помощь другіе пастухи и пастушки; къ противнику подоспѣвала тоже помощь, и дѣло не обходилось безъ кровопролитія. Если - жъ, не смотря на отчаянную борьбу, Морлаку удавалось увести дѣвушку, ихъ вѣнчали; она покорялась силѣ и становилась такою же послушной невольницей своего мужа, какъ - будто добровольно стала его женою. Теперь подобнаго рода свадьбы строго запре-

Вскликиваетъ изъ задѣи, хватаетъ ее и мчится съ нею въ церковь.

(О стран. и нар. Т 3).

щены, но Морлаки неохотно отстаютъ отъ своихъ старинныхъ обычаевъ, и тамъ и сямъ случаются такія похищенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было даже одно въ Спалатро. Молоденькая дѣвушка шла за водой и на дорогѣ была увезена напавшимъ на нее совершенно нечаянно Морлакомъ; онъ увезъ ее въ горы и обвѣнчался съ нею; но мать ея пожаловалась, и молодой Морлакъ принужденъ былъ заплатить довольно значительную пеню матери и всѣмъ ближайшимъ родственникамъ. Странно, что даже въ наше время, посреди образованной Европы, встрѣчаются такіе дикіе, варварскіе обычаи, а иногда и въ людяхъ образованныхъ — дикія, варварскія понятія; поглядишь — человекъ какъ быть: и одѣтъ со вкусомъ, и ловко держится, и читаетъ книги, и говоритъ прекрасно, даже двумя-тремя языками; а на дѣлѣ — настоящій Морлакъ!

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ МУНГО-ПАРКА.

унго - Паркъ — Шотландецъ по происхожденію, родился въ 1771 году, близъ города Селькирка. Возвратясь изъ восточной Индіи въ 1793 году, онъ узналъ въ Лондонѣ, что общество *африканскихъ открытій* ищетъ образованнаго и предприимчиваго человека, для разысканій въ Нигриціи, предложилъ ему свои услуги и былъ весьма охотно имъ принятъ; въ 1795 году отправился въ Африку, къ западному ея берегу, вошелъ въ рѣку Гамбію, проплылъ по ней нѣсколько вверхъ и вышелъ на сѣверный ея берегъ. Мунго - Парку назначено было проникнуть до Нигера, самымъ точнымъ образомъ изслѣдовать теченіе этой рѣки, отъ ея устья до истока, осмѣтрѣть и описать важнѣйшіе города, находившіеся на берегахъ ея.

Изъ той деревни, въ которой Мунго - Паркъ остановился на нѣсколько времени, отправлялся караванъ во внутренность Африки. Мунго - Паркъ хотѣлъ пристать къ нему и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ: но купцы рѣшительно отказались принять себѣ въ товарищи человека, который

показался имъ подозрительнымъ, во - первыхъ, потому, что былъ Европеецъ, во - вторыхъ потому, что у него не было никакихъ товаровъ. Мунго - Паркъ отправился одинъ съ переводчикомъ Джонсономъ и съ слугою, Негромъ Дембой. Онъ ѣхалъ верхомъ на маленькой бойкой и бодрой лошади, а его товарищи на ослахъ. Они взяли съ собою съѣстныхъ припасовъ на два дня, нѣсколько бусъ, амбры и табаку. Небольшое количество бѣлья, зонтикъ, компасъ, термометръ, два ружья, двѣ пары пистолетовъ, и еще кой - какія мелочи составляли все имущество Мунго - Парка. Къ нему присоединилось нѣсколько человѣкъ, которымъ приходилось ѣхать въ томъ же направленіи, между прочимъ два Негра Мадибу и Тами, долго служившіе у англійскаго доктора, который жилъ въ Африкѣ.

«Въ городѣ Іаго», говоритъ Мунго - Паркъ, «я остался одинъ: Мадибу захотѣлъ заѣхать къ своимъ родителямъ и пригласилъ съ собою Тами. На другой день, въ два часа утра, нѣсколько верховыхъ въѣхали въ городъ Іаго, пришли къ моему хозяину, поговорили съ нимъ и вошли въ комнату, въ которой я ночевалъ. Я проснулся, но не показывалъ этого. Одинъ изъ нихъ, думая, что я сплю, хотѣлъ взять ружье, которое лежало подлѣ меня. Я не далъ. Всѣ эти Негры обѣли кругомъ цыновки, на которой я лежалъ. На лицѣ Джонсона замѣтно было большое безпокойство. Мадибу и Тами уже воротились. Это меня удивило. Я сталъ ихъ спрашивать, что ихъ заставило такъ скоро и неожиданно пріѣхать назадъ. Мадибу отвѣчалъ, что, на праздникъ во время пляски, на его родинѣ, явились десять человѣкъ всадниковъ, стали спрашивать, проѣзжалъ - ли тамъ бѣлый человѣкъ и узнавъ, что я остановился въ Іаго, тотчасъ скрылись. Почитая это дурнымъ знакомъ, Мадибу и Тами тоже

отправились тотчасъ, чтобы меня объ этомъ предувѣдомить. Едва успѣлъ онъ кончить рассказъ свой: десять всадниковъ, о которыхъ шла рѣчь, вошли въ мое жилье и подсѣли къ Неграмъ, очевидно, ихъ дожидавшимся. Такимъ образомъ, они окружили меня. У каждого изъ нихъ было по ружью въ рукахъ.

Я спросилъ, что имъ надобно. Одинъ Негръ, маленькаго роста, обвѣшенный множествомъ амулетовъ (привѣсовъ, по невѣжеству, почитаемыхъ предохранительными отъ всякихъ опасностей и болѣзней) началъ говорить мнѣ ужасно длинную рѣчь. А главное — ему хотѣлось сказать, что я вѣхалъ въ городъ его Султана, не заплативъ никакой пошрины и не поднеся ему никакого подарка, что поэтому моя прислуга, моя лошадь, ослы и всѣ мои вещи теперь ужъ составляютъ собственность Султана. Къ этому онъ прибавилъ, что и самого меня велѣно привести въ Маану, мѣстопробываніе Султана, что если я несогласусь на это добровольно, то меня поведутъ насильно. Тутъ всѣ Негры встали и спросили, готовъ-ли я ѣхать съ ними. Я поневолѣ долженъ былъ согласиться, только попросилъ ихъ дать мнѣ расплатиться съ хозяиномъ и немножко покормить маисомъ свою лошадь.

Бѣдный Тами, полагая, что я не понимаю ихъ обмана, отвелъ меня въ сторону и умолялъ не ѣхать съ ними. «Пожалѣйте меня», говорилъ онъ: «того и гляди начнется война между моими соотечественниками и обитателями Кайаага. У меня не только отнимутъ все, что я собралъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ трудами и бережливостію, но и самого меня возьмутъ въ неволю и продадутъ, если только друзья не поставятъ для моего выкупа какихъ-нибудь другихъ невольниковъ.»

Узнавъ, что маленькій человѣкъ, говорившій мнѣ

рѣчь, — сынъ короля, я захотѣлъ избавить отъ бѣды Тами и сказалъ, что согласенъ въ ту же минуту ѣхать съ Неграми, если только оставятъ его въ покоѣ, потому что онъ ѣдетъ самъ по себѣ и со мною не имѣетъ ничего общаго. Но это убѣжденіе не подѣйствовало: Негры намъ сказали, что мы всѣ поступили противъ законовъ ихъ отечества и, слѣдовательно, всѣ должны ѣхать въ Маану. Я отвелъ хозяина въ сторону, подарилъ ему немножко пороху и просилъ его совѣта, что мнѣ дѣлать. «Я думаю», отвѣчалъ онъ, «что вамъ не слѣдуетъ ѣхать къ Султану: онъ оберетъ васъ.»

Я и самъ это зналъ очень хорошо, но какъ было выпутаться изъ затрудненія? Я сталъ толковать этимъ дикарямъ, что если я сдѣлалъ ошибку, то по незнанію ихъ обычаевъ, какъ иностранецъ, что я во всякомъ случаѣ радъ сію - же минуту дать имъ подарки. Съ этими словами я далъ имъ нѣсколько золота. Они взяли его, но требовали, чтобы я открылъ имъ свой чемоданъ. Перешаривъ все, они удивились, что не нашли тамъ предполагаемаго богатства, зато брали все, что имъ вздумалось, и растащили, по - крайней - мѣрѣ, половину моихъ вещей.

Такой грабежъ навелъ ужасъ на сопровождавшихъ меня Негровъ. Мадibu умолялъ меня воротиться, Джонсонъ говорилъ, что безъ денегъ нѣтъ возможности продолжать путь. Тами совсѣмъ ничего не говорилъ: онъ боялся произнести слово, чтобы Негры, по выговору, узнавъ въ немъ человѣка, враждебнаго ихъ племени, не ожесточились противъ него. Наступалъ вечеръ. Ысть намъ дали кой - чего: голодные, безъ денегъ, мы были въ самомъ печальномъ положеніи.

Я сидѣлъ на цыновкѣ, перебирая въ мысляхъ разные планы. Въ это время прошла мимо меня неволь-

нища съ корзиной и спросила, ѣлъ-ли я что-нибудь. Я думалъ, что она хочетъ надо мною посмѣяться и не сказалъ ни слова. Тами отвѣчалъ вмѣсто меня, что мы голодны и что Султанъ велѣлъ обобратъ насъ. Она съ сожалѣніемъ посмотрѣла на меня, поставила передо мной корзину и спросила, не хочу-ли я поѣсть фпсташекъ. Я сказалъ, что хочу. Она дала мнѣ нѣсколько горстей ихъ и скрылась прежде, нежели я успѣлъ поблагодарить ее. Это меня очень тронуло. Вѣрно. бѣдная женщина по опыту знала, что такое голодъ.

Только что она ушла, мнѣ сказали, что племянникъ Демба - Сего - Яллы, Султана Киссона, хочетъ меня видѣть. Онъ былъ отправленъ для переговоровъ съ Султаномъ Батчери, на землѣ котораго мы находились и который такъ негостепріимно поступилъ съ нами. Я рассказалъ о затруднительномъ положеніи, въ которое поставилъ насъ Кайаагскій Султанъ.

Племянникъ Яллы предложилъ мнѣ свое покровительство и вызвался проводить меня во владѣнія своего дяди. Я съ благодарностію принялъ это предложеніе.

На другой день, съ покровителемъ моимъ Демба-Сего, съ тридцатью человѣками его провожатыхъ и съ моими спутниками я отправился въ путь. Мы ѣхали очень весело. Переводчикъ мой Джонсонъ разспрашивалъ товарищей о какомъ-то деревѣ.

Наконецъ мы подѣхали къ одному дереву. Джонсонъ попросилъ насъ всѣхъ остановиться на минуту, вынулъ изъ корзины бѣлаго цыпленка и привязалъ его за лапку къ одному суку. «Ну», сказалъ онъ весело: «поѣдемте, теперь все будетъ благополучно.» Джонсонъ былъ Негръ и хотя прожилъ въ Англіи семь лѣтъ, но сохранилъ суевѣрные предразсудки своего племени.

Въ полдень мы пріѣхали въ Гонгади, довольно боль-

шой городъ, и пробыли тамъ около часу. Всѣ хижины его окружены множествомъ финиковыхъ деревъ. Около мечети, слѣпленной изъ глины, стояло семь башенокъ, на верхушкѣ каждой изъ нихъ было привѣшено по страусовому яйцу.

Когда мы переѣхали черезъ рѣку Сенегаль, Демба-Сего сказалъ, что мы теперь во владѣніяхъ его дяди и внѣ всякой опасности и что онъ надѣется за это получить отъ насъ какой-нибудь подарокъ. Такое объясненіе мнѣ показалось очень страннымъ: Демба-Сего зналъ, что насъ уже порядочно обобрали. Я впрочемъ не сказалъ ничего, вынулъ нѣсколько амбры и табаку и далъ ему. Онъ, казалось, былъ этимъ доволенъ. Къ вечеру мы были въ городѣ Тіози. Демба-Сего пригласилъ меня въ свою лачугу. На другой день онъ привелъ меня къ своему отцу. Старикъ осмотрѣлъ меня съ большимъ вниманіемъ и сказалъ, что онъ только во второй разъ въ жизни видитъ бѣлаго человѣка. Потомъ онъ началъ меня спрашивать, куда и зачѣмъ я ѣду. Я отвѣчалъ, что путешествую изъ любопытства, чтобы кое-что узнать, кое-чему научиться. Но онъ этому не повѣрилъ: у нихъ путешествуютъ купцы, и на умѣ однѣ выгоды.

Вполдень убѣждалъ одинъ изъ невольниковъ Тигитти-Сего, отца моего *покровителя*. При этомъ извѣстіи въ лачугѣ султанова брата поднялась тревога: всѣ домашніе и слуги бросились въ погоню за бѣглецомъ. Демба-Сего попросилъ у меня лошади. Искренно желалъ я, чтобы невольникъ ушелъ, однакожь далъ свою лошадь. Желаніе мое не исполнилось: невольника поймали, привели, жестоко избили и заковали въ цѣпи. На другой день Демба-Сего опять понадобилась моя лошадь — на три дня. Отказать было нельзя. Но вмѣсто трехъ, онъ

проѣздить на ней девять дней. Это выводило меня изъ терпѣнія и, чтобы не умереть со скуки, я началъ наблюдать нравы жителей. Жители Тіози сѣютъ много разнаго хлѣба и водятъ огромныя стада скота. Несмотря на это, въ пищѣ очень не прихотливы и ѣдятъ всякую всячину: мышей, кротовъ, бѣлокъ, змѣй и саранчу. Женщинамъ у нихъ не позволено ѣсть яйца, вѣрно, по какому-нибудь глупому суевѣрію.

Когда Демба-Сего воротился, я пошелъ къ его отцу и сказалъ, что на другой день хочу ѣхать. Старикъ сперва началъ представлять мнѣ нѣкоторыя пустыя затрудненія, а потомъ ужъ сказалъ прямо, что я долженъ напередъ заплатить пошлину за проѣздъ, какъ это дѣлаютъ всѣ путешественники. Я однакожъ началъ собираться къ отъѣзду. Но передъ моимъ отправленіемъ Демба-Сего явился ко мнѣ со множествомъ провожатыхъ и объявилъ, что отецъ прислалъ его за подарками, которые я ему долженъ сдѣлать и хочетъ посмотреть, каковы эти подарки. Я далъ ему амбры и табаку. Но Демба-Сего сказалъ, что эти вещи не годятся для такого важнаго лица, каковъ его отецъ, который имѣетъ право отнять у меня все. Потомъ онъ прибавилъ, что если я не захочу дать ему другихъ подарковъ, то онъ самъ возьметъ всѣ мои вещи и отнесетъ къ отцу, чтобы онъ выбралъ, что ему понравится. Не успѣлъ я еще отвѣчать ни слово, какъ онъ съ своими товарищами принялся развязывать всѣ мои тюки и чемоданъ. Они вытаскали оттуда все до тла, развертывали, разстилали по землѣ мое бѣлье, платье и прочее и брали, что имъ нравилось. Ограбивъ меня, они принялись за Тами. Едва-едва онъ могъ ихъ убѣдить, что эти вещи принадлежатъ ему, что онъ ихъ соотечественникъ и что, слѣдовательно, не долженъ платить ничего за проѣздъ по

родной землѣ. Я поторопился поскорѣе уѣхать отъ этихъ ненавистныхъ людей.

Около полудня мы пріѣхали на родину Тами. Нѣкоторые путешественники напередъ извѣстили о немъ его родственниковъ. Братъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу, привелъ съ собою пѣвца и верховую лошадь, чтобы Тами въѣхалъ въ городъ съ надлежащею торжественностію. Онъ попросилъ насъ зарядить ружья и стрѣлять при въѣздѣ. Вскорѣ насъ окружило множество жителей города. Они прыгали, кривлялись, кричали и пѣли дикія, нестройныя пѣсни, выражая радость и славя мужество своего земляка, который рѣшился путешествовать въ отдаленныя страны. Родственники и друзья встрѣтили Тами съ особенною любовью. Пришла старуха — мать его, опираясь на клюку. Она была слѣпа. Сынъ подошелъ къ ней. Она положила ему на голову свою руку и поздравляла его съ пріѣздомъ, потомъ ощупала его руки, плечи и лицо и съ наслажденіемъ вслушивалась въ его голосъ.

Начался пиръ. Черезъ нѣсколько времени отецъ Тами попросилъ его рассказать о своемъ путешествіи. Всѣ гости сѣли и умолкли. Тами рассказалъ о томъ, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, гдѣ выгодно жить, гдѣ торговать, и очень живо представилъ тѣ опасности, которымъ подвергался при переѣздѣ изъ Хассона въ Гамбію. Тутъ онъ часто упоминалъ обо мнѣ и съ особенною признательностію говорилъ объ услугахъ, которыя я ему оказывалъ. Всѣ были растроганы, и онъ, указавъ на меня, сказалъ: «смотрите, вонъ онъ тамъ сидитъ!» Тогда всѣ обратились ко мнѣ и стали меня внимательно разсматривать. Нѣкоторыя женщины и дѣти показывали безпокойство, что между ними находится человѣкъ съ такимъ страннымъ цвѣтомъ лица и съ такимъ странными

чертами. Но когда Тами увѣрилъ ихъ, что я не сердить и не сдѣлаю имъ никакого вреда, то они подходили ко мнѣ и трогали меня за платье, но только я шевельнусь, всѣ тотчасъ отъ меня прочь, только посмотрю внимательно на дѣтей, матери тотчасъ ихъ въ сторону. Лишь черезъ нѣсколько часовъ они немножко ко мнѣ присмотрѣлись и перестали меня бояться. Два дня пробылъ я у этихъ добрыхъ людей, повеселился вмѣстѣ съ ними и собрался въ путь. Они уговаривали меня еще остаться, но мнѣ надобно было ѣхать, и Тами вызвался провожать меня.

Между прочимъ, путь мой шелъ черезъ землю Мавровъ — племени жестокаго и хищнаго. Въѣхавъ въ нее, я немедленно послалъ подарокъ Султану ихъ, Али. Отъ этого, или отъ другаго чего, меня никто не беспокоилъ. Въ деревнѣ, тамъ, гдѣ я остановился на ночлегъ, начальникъ ея принялъ меня съ искреннимъ радушіемъ. Это меня очень обрадовало, и я въ воображеніи переносился уже на берега Нигера. Но мечты мои вскорѣ разсѣялись: въ хижину ко мнѣ вошло нѣсколько солдатъ Али. Они объявили, что имъ приказано взять меня и привести къ Султану. Я былъ въ нерѣшимости. Мавры меня успокоивали, говоря, что мнѣ ничего дурнаго не будетъ, что меня хотятъ только показать Фатимѣ, женѣ Али, которая желаетъ видѣть христіанина.

Меня привезли въ лагерь Али. Палатки были разсѣяны, какъ попало, на обширномъ пространствѣ. Между ними бродили многочисленныя стада верблюдовъ, быковъ и козъ. Узнавъ о моемъ приѣздѣ, Мавры, черпавшіе въ то время воду изъ колодезей, побросали ведра, сбѣжались толпами и такъ стѣснили меня, что я едва могъ шевельнуться. Одинъ хваталъ меня за платье, другой снималъ съ меня шляпу, третій разсматривалъ

пуговицы моего жилета, четвертый заставлялъ меня повторять слова изъ ал-Корана: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его.»

Наконецъ мы пріѣхали въ ставку Султана. Онъ сидѣлъ на черной сафьянной софѣ, крутилъ и кусалъ нѣсколько ключевъ своихъ усовъ. Передъ нимъ стояла невольница и держала зеркало. Это былъ старикъ съ фizioноміей чисто арабской. У него была длинная бѣлая борода. Черты лица его не предвѣщали ничего добраго. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и спросилъ моихъ проводниковъ, говорю-ли я по-арабски. Ему отвѣчали, что не говорю. Это, повидимому, его удивило, однакожъ онъ не сказалъ ни слова. Но женщины, тутъ бывшія, осыпали меня вопросами; съ самымъ несноснымъ любопытствомъ разсматривали мое платье, заставляли меня нѣсколько разъ разстегивать жилетъ, удивлялись, что у меня бѣлая кожа и считали пальцы на рукахъ моихъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли я такой же человекъ.

Вскорѣ мулла вошелъ въ палатку и сказалъ, что наступилъ часъ молитвы. Отправляясь туда, Али велѣлъ дать мнѣ ѣсть. Черезъ нѣсколько минутъ два молодые человекъ притащили дикую свинью и привязали къ одному изъ колевъ палатки. Али далъ знакъ, чтобы они ее убили и изготовили изъ нея мнѣ кушанье. Хотя я былъ очень голоденъ, однакожъ почелъ неблагоразумнымъ ѣсть мясо такого животного, которое Мавры, какъ мусульмане, считаютъ нечистымъ и отвратительнымъ. Потому я объявилъ, что и не дотронусь до такого кушанья. Молодые люди отвязали свинью и пустили ее на волю, полагая, что она бросится на меня: они вообще думаютъ, что свиньи терпѣть не могутъ христіанъ. Но свинья бросалась на тѣхъ, которые попадались

ей на дорогѣ, кусала ихъ и наконецъ забилась подъ подушку, лежавшую на софѣ Султана.

Всѣ пошли на молитву, а меня повели къ палаткѣ главнаго изъ невольниковъ Али, но не позволяли ни входить въ нее, ни касаться до какой-нибудь вещи, ему принадлежавшей. Я попросилъ себѣ ѣсть. Долго мнѣ ничего не давали, наконецъ принесли въ деревянной чашкѣ немножко маису, свареннаго въ водѣ съ солью. На ночь постлали мнѣ передъ палаткой цыновку; я легъ на ней. Кругомъ меня долго тѣснились толпы любопытныхъ. На другой день, на разсвѣтѣ, Али съ нѣсколькими людьми пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что велѣлъ построить хижину, гдѣбъ я могъ укрываться отъ солнца. Меня тотчасъ и отвели туда. Моя хижина была сдѣлана изъ стеблей маиса, поставленныхъ, какъ они стоятъ на корнѣ. Покрыта она была также маисовой соломой. Къ одной изъ двухъ деревянныхъ вилокъ, ее поддерживавшихъ, по приказанію Султана, привязали дикую свинью, о которой я ужъ говорилъ. Очевидно, это было сдѣлано въ насмѣшку надо мной, какъ надъ христіаниномъ. Такая компанія, дѣйствительно, была мнѣ очень непріятна, потому что мальчишки безпрерывно приходили дразнить и бить свинью.

Любопытство Мавровъ надоѣло мнѣ до невѣроятности: они заставляли меня разуваться, чтобы посмотреть, какія у меня ноги, снимать платье, чтобы видѣть, какъ я раздѣваюсь и одѣваюсь. Пуговицы и употребленіе ихъ приводили Мавровъ въ чрезвычайное удивленіе, и съ утра до вечера, я только и дѣлалъ, что раздѣвался и одѣвался, разстегивался и застегивался.

Въ вечеру Али прислалъ мнѣ немножко кушанья, похожаго на прежнее, а я съ самаго утра не ѣлъ ничего. Ночью меня стерегли, чтобы я не ушелъ. На дру-

гой день меня тиранили по-прежнему, и мальчишки, приходившіе бить свинью, и взрослые, заставлявшіе меня снова снимать и надѣвать платье. Наконецъ вздумали мнѣ дать дѣло — именно выбрить голову маленькому сыну Султана. Мнѣ дали бритву, я сѣлъ на песокъ; ребенокъ сталъ передо мною. Но отъ неумѣнья-ли, или отъ того, что бритва была неловка, только я въ ту же минуту обрѣзалъ его. Али увидѣлъ, что я не гожусь быть цирюльникомъ и велѣлъ мнѣ выдти вонъ изъ его палатки. Это породило во мнѣ мысль, что для освобожденія себя, мнѣ надобно притвориться человѣкомъ, ни къ чему не способнымъ.

Въ этотъ же день привели моего переводчика Джонсона, котораго я отправилъ было впередъ. Онъ не зналъ, что я тоже нахожусь въ неволѣ. У него было нѣсколько моихъ вещей. Ихъ всѣ обобрали. Я успѣлъ зарыть въ землю только одинъ изъ моихъ компасовъ. Другой компасъ, попавшійся въ руки Али, возбуждалъ въ немъ особенное любопытство. «Отъ чего этотъ *кусочекъ желѣза* (магнитная стрѣлка) все поворачивается къ большой пустынѣ?» спросилъ онъ меня между прочимъ. Я не зналъ, какъ ему отвѣчать: сказать, что не знаю — онъ-бы мнѣ не повѣрилъ, и подумалъ, что я съ намѣреніемъ скрываю отъ него что-нибудь подозрительное; поэтому я сказалъ, что по ту сторону песчаной Сахары живетъ мать моя, что пока она жива, желѣзце все будетъ обращаться къ тому мѣсту, а когда она умретъ, то станетъ обращаться къ ея могилѣ. Али испугался этого, отдалъ мнѣ компасъ и сказалъ, что и трогать не хочетъ такой заколдованной вещи.

Однажды важнѣйшіе изъ Мавровъ собрались въ палатку Али и совѣтовались, что со мной дѣлать. Мнѣнія ихъ, говорятъ, были различны. Ко мнѣ пришелъ

маленькій сынъ Али, очень меня полюбившій, и сказалъ, что дядя его подалъ мнѣнїе выколоть мнѣ глаза, которые будто-бы походятъ на кошачьи, но что отецъ его не согласился на это до прїѣзда Фатимы, которой хотѣлось меня видѣть. На другой день я пошелъ къ Али въ палатку, чтобы ужъ поскорѣй узнать, какая участь меня ожидаетъ, и просилъ позволенія ѣхать. Онъ отвѣчалъ, что мнѣ надобно дожидаться Султанши. Бѣжать мнѣ не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что стояли ужасные жары. Между-тѣмъ я зналъ, что когда настанетъ пора дождей, тоже ѣхать будетъ нельзя, потому что всѣ дороги будутъ залиты водою. Ночь провелъ я въ чрезвычайномъ безпокойствѣ; со мной сдѣлалась жестокая лихорадка. Завернувшись въ плащъ, я однакожъ наконецъ уснулъ. Но мучители мои нарочно меня разбудили. Опасаясь унизиться въ глазахъ ихъ, я удерживалъ негодованіе, которое во мнѣ кипѣло. Вышедъ изъ хижины, я въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря легъ подъ тѣнью дерева, надѣясь, что тамъ меня оставятъ въ покоѣ; не тутъ-то было: тотчасъ, съ нѣсколькими всадниками, прискакалъ ко мнѣ сынъ Али, велѣлъ мнѣ встать и итти за нимъ. Напрасно я умолялъ ихъ, давая имъ знать, что я боленъ. Они меня не слушали и стали мнѣ грозить. Одинъ изъ всадниковъ снялъ пистолетъ, висѣвшій на арчакѣ его сѣдла, и наставилъ въ меня дуло. Два раза спускалъ онъ курокъ и два раза пистолетъ осѣкался. Судя по совершенному хладнокровію, съ которымъ онъ это дѣлалъ, я подумалъ, что пистолетъ не заряженъ. Но варваръ взвелъ курокъ въ третій разъ и началъ бить по кремню огнивомъ. Тогда я увидѣлъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ убить меня. Я сталъ его просить о пощадѣ. Меня привели въ палатку Али. Онъ былъ въ

бѣшенствѣ, попробоваль, хорошо-ли спускается курокъ пистолета, насыпаль на полку пороху и, грозно взглянувъ на меня, сказалъ что-то по-арабски. Я спросилъ Дембу, чѣмъ могъ такъ разсердить Султана. Открылось, что онъ подозрѣваль меня въ намѣреніи убѣжать, потому что я безъ позволенія вышелъ изъ лагеря.

Али захотѣлъ впослѣдствіи показать меня нѣкоторымъ изъ своихъ невольницъ и повелъ меня къ нимъ въ палатки. Каждая изъ нихъ жила въ отдѣльной палаткѣ. Мы были у четырехъ изъ нихъ. При входѣ въ каждую палатку мнѣ давали молока и воды.

Всѣ эти женщины были необыкновенно толсты — что въ тамошнемъ краю почитается особенною красотою. Онѣ осыпали меня безчисленными вопросами, съ большимъ вниманіемъ разсматривали мои волосы и мою кожу и, очевидно, считали меня существомъ низшаго рода, потому что безпрестанно хмурились, морщились и пожимали плечами. Вечеромъ я для всѣхъ былъ потѣхой: всадники кружились и скакали вокругъ меня, какъ вокругъ какого-нибудь звѣря, на котораго хотять нападать.

Цѣлый мѣсяцъ томился я въ такой неволѣ. Демба и Джонсонъ раздѣляли мое несчастіе. Насъ кормили очень мало и очень дурно: но къ этому наконецъ мы привыкли такъ, что голодъ ужъ насъ не мучилъ, и участь наша была-бы довольно сносна, если-бы насъ не подвергали непрерывнымъ непріятностямъ и оскорбленіямъ.

Чтобы чѣмъ-нибудь сократить часы своего невольничества, я началъ учиться писать по-арабски. У тѣхъ, которые приходили смотрѣть меня, я скоро выучился арабской азбукѣ. Обращая вниманіе на мое письмо, они на нѣкоторое время оставили меня въ покоѣ и сдѣла-

лись ко мнѣ не такъ жестокими. Поэтому всякій разъ, какъ только я замѣчалъ, что они хотятъ сдѣлать мнѣ какое-нибудь оскорбленіе, я тотчасъ просилъ ихъ написать мнѣ что-нибудь на пескѣ, или прочесть то, что я писалъ самъ. Желая пощеголять передо мною своими знаніями, они почти всегда исполняли мою просьбу.

Фатима не являлась, и Али самъ поѣхалъ за ней. Безъ него положеніе наше сдѣлалось еще хуже: двое сутокъ намъ не давали ѣсть ровно ничего. Демба стирался въ деревню къ Неграмъ просить милостыни, но набралъ только нѣсколько горстей фисташекъ и половину далъ мнѣ.

Голодъ сначала чрезвычайно мучителенъ, но потомъ чувствуешь только крайнюю слабость во всемъ тѣлѣ. Если тогда придется выпить хотя немножко воды, то ужъ какъ-будто и сытъ, и на нѣкоторое время, кажется, совсѣмъ здоровъ и свѣжъ. Джонсонъ и Демба были въ совершенномъ изнеможеніи и въ какой-то безчувственной сонливости. Когда намъ наконецъ принесли маиса, свареннаго въ водѣ, я едва могъ разбудить ихъ. Что касается до меня, то мнѣ было больно дышать, и всякій разъ, когда я хотѣлъ стать на ноги, голова у меня кружилась, мнѣ становилось дурно. И зрѣніе начинало у меня слабѣть. Это меня особенно печаливало. Но когда намъ принесли кушанья, и я поѣлъ вдоволь, все это прошло и силы мои возстановились. Какъ ни дурно намъ было при Али, но мы съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія, потому что подданные его показывали еще гораздо больше безчеловѣчія.

Во время отсутствія Али, султанъ Бамбары, Мансугъ, прислалъ къ нему просить отряда всадниковъ, потому что собрался брать приступомъ городъ одного изъ своихъ непріятелей. Али съ гордостію и презрѣніемъ

отказалъ ему. Мансугъ рѣшился отмстить за отказъ и обиду. Вскорѣ распространился слухъ, что онъ идетъ на лагерь Али. Сынъ Али приказалъ угнать стада, снять палатки и на другой день чѣмъ свѣтъ готовится къ выступленію. Всѣ вещи взвалили на быковъ, столбы и колья палатокъ попривязали къ бокамъ ихъ, палатки самыя положили имъ на спины, да сверхъ того еще посадили и женщинъ. Насъ тоже взяли съ собой. Такимъ образомъ, мы добрались до другаго лагеря Али, гдѣ онъ находился съ своей Фатимой. Меня тотчасъ отправили на показъ султаншѣ. Къ величайшему моему удивленію, Али принялъ меня ласково. Я догадался, почему: онъ надѣялся, что я ему могу быть полезнымъ своими совѣтами на войнѣ. Фатима была Аравитянка—толщины необыкновенной. Сначала она показывала отвращеніе при видѣ христіанина, но потомъ, когда я отвѣчалъ на нѣсколько вопросовъ ея о земляхъ христіанскихъ, она велѣла дать мнѣ молока.

Между тѣмъ жаръ стоялъ ужасный. Кругомъ лежала песчаная, бесплодная пустыня. Изрѣдка на далекомъ разстояніи другъ отъ друга виднѣлись корявыя, чахлыя деревца и колючія растенія. Верблюды и козы щипали листья съ этихъ кустарниковъ, а быки и коровы ѣли посохшую траву. Воды было очень мало. Стада днемъ и ночью съ ревомъ тѣснились вокругъ колодезей, или лужъ, и дрались за водопой. Многіе быки отъ чрезмѣрной жажды приходили въ бѣшенство; тѣ, которые были слабѣй другихъ, никогда не могли добиться до воды, ѣли грязь и всегда отъ этого падали.

Люди также страдали отъ жажды, а я больше всѣхъ. Правда, Фатима раза два въ день давала мнѣ понемножку воды, и Али позволилъ мнѣ имѣть свой мѣхъ, который я имѣлъ право наливать водою; но лишь только

мой Негръ Демба подходилъ къ колодезю, Мавры отгоняли его и жестоко били палками. По мнѣнію этихъ дикарей, слуга христіанина былъ недостойнъ черпать воду изъ колодезя, вырытаго послѣдователями Магомета. Мы оба съ Дембой просили, какъ милостыни, сколько нибудь водицы у Негровъ, прислуживавшихъ въ лагерѣ: но рѣдко намъ удавалось вымолить у нихъ хоть нѣсколько капель. На бѣду, сновидѣнія, какъ нарочно, играли жестоко моей бѣдной душой: едва, бывало, я сомкну глаза, мнѣ тотчасъ представляются ручьи и рѣчки моей родины; я брожу по берегамъ ихъ; вода съ журчаньемъ и плескомъ льется у моихъ ногъ; я наклоняюсь, чтобы напиться, но струи отступаютъ и бѣгутъ отъ моихъ губъ. Тогда я обыкновенно просыпался, и горько мнѣ было вспомнить, что я — несчастный плѣнникъ, среди знойной пустыни Африки.

Однажды, напрасно употребивъ всѣ усилія добыть себѣ воды, я пошелъ искать колодезя за полмили отъ нашего лагеря. Это было въ полночь. По реву стада, я узналъ, гдѣ вода, пошелъ прямо въ томъ направленіи и не ошибся: тамъ были колодези; но куда я ни подойду, Мавры отгоняли меня, осылая ругательствами. Такъ бродилъ я долго отъ колодезя къ колодезю, наконецъ подошелъ къ одному, гдѣ сидѣлъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ съ двумя маленькими дѣтьми. Я попросилъ напиться. Онъ подалъ-было мнѣ ведро, которымъ только что зачерпнулъ воды, но вспомнилъ, что я — христіанинъ и опасаясь, чтобы я не опоганилъ его посуды, онъ вылилъ воду въ корыто и указалъ мнѣ на него рукою. Я припалъ на колѣни и вмѣстѣ съ коровами жадно пилъ до-тѣхъ-поръ, пока онѣ стали драться за небольшой остатокъ воды.

Былъ уже Май, самый знойный изъ всѣхъ мѣсяцевъ

въ этой части Африки. Я не зналъ, какая участь меня ожидаетъ. Положеніе мое не улучшалось. Фатима приказала только давать мнѣ кушанья нѣсколько больше прежняго. Но вотъ сталъ чаще дуть и мѣняться вѣтеръ; появились облака; иногда громоздились тучи, и молнія сверкала изъ края въ край по всему горизонту. Все показывало, что скоро настанетъ дождливое время. Тогда Мавры обыкновенно переселяются ближе къ Сахаррѣ. Я предвидѣлъ, что судьба моя чѣмъ-нибудь должна скоро рѣшиться и терпѣливо ожидалъ, что будетъ.

Одно племя Негровъ, тѣснимое своими непріятелями, просило помощи у Али. Онъ обѣщаль ее и сталъ готовиться къ отъѣзду. Я началъ просить Фатиму, чтобы она выхлопотала мнѣ позволеніе ѣхать вмѣстѣ съ Султаномъ, надѣясь при этомъ случаѣ удобнѣе освободиться изъ неволи. Она съ сожалѣніемъ посмотрѣла на меня, приказала вынуть изъ кожанаго мѣшка мои вещи и объяснить, для чего и какъ они употребляются. Я показаль ей, какъ надѣваются чулки и другое платье, какъ застегиваются пуговицы и т. д. Она была этимъ очень довольна, и Али позволиль мнѣ провожать его. Фатима отдала мнѣ нѣкоторыя изъ моихъ вещей, Али — мою лошадь со всею збруей. 26 Мая я оставиль Бубекеръ, гдѣ находился лагерь Али, и собрался ѣхать съ Дембой, Джонсономъ и множествомъ Мавровъ. Черезъ день, когда мы были ужъ въ дорогѣ и послѣ остановки начали садиться на лошадей, первый невольникъ Али, тронувъ Дембу за плечо, сказалъ ему: «съ этихъ поръ твой господинъ — Али». И обратясь ко мнѣ, прибавиль: «этотъ Негръ со всѣмъ, что тебѣ принадлежитъ, кромѣ твоей лошади, возвратится въ Бубекеръ; но стараго дурака ты можешь вести съ собой въ Сарру, куда отправляется Султанъ».

Я ничего не отвѣчалъ невольнику, но крайне - опечаленный и раздосадованный на счетъ участи Дембы, пошелъ къ Али. Онъ завтракалъ у своей палатки. Я съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ говорилъ ему, что если сдѣлалъ ему что - нибудь непріятное, то ужъ довольно за это наказанъ, и Демба ничѣмъ не виноватъ, а виноватъ я.

Дикарь не отвѣчалъ мнѣ ни слова, но обратясь къ переводчику, сказалъ, что если я сію же минуту не сяду на лошадь и не поѣду въ Сарру, то онъ меня съ моимъ Негромъ отправить тоже въ Бубекеръ. Я обнялъ Дембу, плакалъ вмѣстѣ съ нимъ и обѣщался употребить всѣ средства для его освобожденія. Мы разстались.

Когда, уѣхавъ впередъ отъ Мавровъ, мы остановились въ городѣ Саррѣ, распространился слухъ, что туда идетъ войско султана Даизи, противъ котораго вооружился Али. Жители этого города вышли всѣ вонъ. Я сдѣлалъ тоже. 1-го Іюля, послѣ обѣда, у одной деревни я пустилъ на подножный кормъ свою лошадь. Вдругъ туда явился первый невольникъ Али съ четырьмя Маврами и остановился въ домѣ начальника деревни. Джонсонъ, подозрѣвая, что они пріѣхали не даромъ, велѣлъ двумъ маленькимъ мальчикамъ подслушать разговоръ ихъ. Мальчики вскорѣ воротились и сказали, что Мавры хотятъ отвести насъ назадъ въ Бубекеръ. Я рѣшился уѣхать въ Бамбару. Джонсонъ одобрилъ мое намѣреніе, но отказался провожать меня, потому что ему предложили на очень выгодныхъ условіяхъ провожать какой - то караванъ. Дѣлать было нечего: я оставался одинъ безпомощнымъ, уложилъ кой - какія вещи и сталъ ждать благопріятныя минуты для своего освобожденія.

На слѣдующій день, на ранней зарѣ, Джонсонъ

пришелъ и сказалъ мнѣ, что Мавры всѣ спятъ. Мгновѣніе было рѣшительное: отъ него зависѣла моя свобода, или вѣчная неволя. У дверей моей хижины лежали Негры. Я тихонько перелѣзъ черезъ нихъ, сѣлъ на лошадь, далъ Джонсону нѣкоторыя бумаги и письма къ друзьямъ моимъ и ускакалъ.

За милю отъ города, я наткнулся на лагерь Мавровъ. Пастухи, стерегшіе рогатый скотъ, увидѣли меня и съ крикомъ пустились за мною, бросая въ меня камнями. Нѣсколько верстъ они меня преслѣдовали, наконецъ я уѣхалъ отъ нихъ и вздохнулъ свободно. Вдругъ позади меня раздался страшный крикъ. Я вздрогнулъ, оглядываюсь — трое Мавровъ скачутъ прямо на меня во всю прыть. Видя, что нѣтъ возможности отъ нихъ ускакать, я поѣхалъ на встрѣчу имъ. Они мнѣ сказали, что имъ велѣно отвести меня къ Али. Жизнь мнѣ сдѣлалась въ тягость, я впалъ въ совершенное безчувствіе и въ какомъ-то душевномъ и тѣлесномъ изнеможеніи, машинально поѣхалъ за ними. Проѣзжая черезъ густые кустарники, они остановились и приказали мнѣ развязать мой мѣшокъ. Не находя тамъ ничего такого, чтобы имъ понравилось, они отняли у меня плащъ. Онъ былъ для меня дорогою вещью для защиты отъ дождя и отъ мушкетеровъ. Я сталъ умолять ихъ, чтобы они мнѣ его отдали, но они грозились меня застрѣлить: я замолчалъ. Послѣ этого они меня бросили и поскакали куда-то. Это были просто разбойники и Али не давалъ имъ никакихъ приказаній. Я въѣхалъ въ лѣсъ, началъ пробираться по немъ, направляясь къ сѣверу, и вскорѣ попалъ на торную дорогу. Положеніе мое было печально: ни денегъ, ни сѣстныхъ припасовъ, ни воды, ничего у меня не было. Мѣста были мнѣ незнакомы; я могъ умереть отъ голода и жажды.

Около девяти часовъ утра, я увидѣлъ издали подлѣ дороги стадо козъ. Опасаясь попасться на глаза людямъ, я свернулъ съ дороги, сталъ больше и больше забираться въ глушь пустыни и, соображаясь съ компасомъ, направлялъ путь свой на юго-востокъ: мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣй доѣхать до какого-нибудь города, принадлежащаго къ области Бамбара, гдѣ уже Али не могъ меня преслѣдовать.

Въ полдень насталъ нестерпимый жаръ; я изнемогалъ отъ жажды. Испаренія, поднимавшіяся изъ песчаной почвы, были такъ сильны, что мнѣ казалось, будто отдаленныя горы движутся, какъ волны.

Въ четыре часа я опять наѣхалъ на огромное стадо козъ. Я спрятался въ частый кустарникъ и смотрѣлъ, кто пастухи, Негры, или Мавры. Вскорѣ показалось двое молодыхъ Мавровъ. Я подъѣхалъ къ нимъ. Они мнѣ рассказали, что это стадо принадлежитъ Али, что воды у нихъ нѣтъ ни капли и въ лѣсу они не могли найти ея. Мѣхи ихъ дѣйствительно были совершенно пусты и сухи. Какъ ни страшно было это слышать, но я не раскаявался въ своемъ побѣгѣ и надѣялся найти въ лѣсу хоть какую-нибудь лужу. Между-тѣмъ томленіе жажды во мнѣ усилилось до такой степени, что я совсѣмъ изнемогъ; въ глазахъ у меня темнѣло поминутно, я рѣшительно думалъ, что уже близка смерть моя. Пробовалъ я жевать листья съ разныхъ кустовъ, чтобы хоть немножко освѣжиться, но они всѣ были чрезвычайно горьки, и это не помогло мнѣ ни капли.

Передъ захожденіемъ солнца, я взлѣзъ на дерево и сталъ смотрѣть, нѣтъ-ли гдѣ воды, или жилья: но во всѣ стороны виднѣлась только пустыня, покрытая кустарниками, въ своемъ ужасномъ однообразіи. Сошедши съ дерева, я увидѣлъ, что лошадь моя съ жадностію

хватала молодые кусты. Я снялъ съ ней узду и оставилъ ее кормиться на волѣ. Она не могла уже больше везти, а я самъ не могъ тронуться съ мѣста; я почувствовалъ ужасное головокруженіе и дурноту, упалъ на песокъ и почиталъ себя погибшимъ. «Такъ вотъ чѣмъ должны кончиться всѣ мои мечты объ открытіяхъ, всѣ мои надежды! подумалъ я: вотъ гдѣ суждено кончить мнѣ дни своей недолговѣчной жизни!» Я попытался встать, но никакъ не могъ. Голова у меня отяжелѣла, въ глазахъ сдѣлалось темно, я потерялъ чувство.

Очнувшись, вижу, что у меня въ рукахъ узда; лошадь бродитъ и по-прежнему ѣстъ кусты; солнце скрывается за деревьями. Въ воздухѣ сдѣлалось нѣсколько свѣжѣй. Это меня оживило. Я собралъ всю свою душевную твердость, всѣ силы свои, надѣлъ лошади узду, и повелъ бѣдное животное, рѣшившись идти пѣшкомъ до послѣдней возможности, все-таки надѣясь отыскать воды. Такъ прошло съ часъ. Вдругъ на сѣверо-востокѣ нѣсколько разъ сверкнула молнія. Я увидѣлъ ее съ неизъяснимымъ наслажденіемъ. Она предвѣщала дождь. Между-тѣмъ вѣтеръ взметалъ и несъ на меня жгучій и тонкій песокъ. Я закрылъ глаза и лице и ждалъ, когда утихнетъ этотъ знойный и удушливый ураганъ. Къ счастью, онъ продолжался не болѣе часу. Вдругъ закапалъ крупными каплями дождь и потомъ полилъ ливнемъ. Я разостлалъ свое бѣлье на землю, выжималъ изъ него воду, сосалъ его и наконецъ утолилъ свою жажду.

Пользуясь прохладой ночи, я пошелъ дальше, ведя лошадь за узду. При свѣтѣ молніи, я смотрѣлъ на компасъ и по немъ направлялъ свой путь. До самой полночи шелъ я довольно скоро, но молнія перестала сверкать, сдѣлалось совершенно темно, компаса нельзя было

видѣть. Я пошелъ ощупью между кустарниками, спасаясь каждую минуту, какъ - бы не изцарапаться и не выколотъ глазъ.

Около двухъ часовъ вдругъ лошадь моя уперлась и остановилась. Я внимательно осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что сквозь деревья мелькаютъ отдаленные огни. Опасаясь попасться въ руки Маврамъ, я рѣшился однакожь узнать, что это за люди, подѣхалъ со всевозможною осторожностію и услышалъ мычанье стадъ и крикливые голоса пастуховъ. Полагая, что тутъ вблизи долженъ быть гдѣ-нибудь водопой, и снова чувствуя жажду, я началъ понемножку подвигаться и высматривать, но незамѣтно подѣхалъ къ одной палаткѣ. Меня увидѣла женщина и начала кричать. Выскочили двое мужчинъ и пробѣжали подлѣ самаго меня, однакожь меня не замѣтили. Я воспользовался этимъ и спрятался въ лѣсъ.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, я услышалъ кваканье лягушекъ. Оно показалось мнѣ очаровательнѣе всякой музыки. Прислушиваясь къ нему, я добрался до маленькихъ озерковъ. Уже начало разсвѣтать. Лягушекъ въ нихъ было такое множество, что воды нельзя было различить. Онѣ крикомъ своимъ пугали мою лошадь до такой степени, что желая напоить ее, я долженъ былъ разгонять ихъ палкой и билъ ею по водѣ во все время, какъ она пила. И самъ я напился вдоволь.

Послѣ этого, я взлѣзъ на дерево и увидѣлъ дымъ. Это было становище пастуховъ, къ которымъ я ходилъ ночью. Верстъ за тридцать, или за сорокъ, въ другомъ направленіи, я увидѣлъ еще столбы дыма и поѣхалъ туда. Тамъ увидѣлъ я поля, которыя Негры обрабатывали подъ маисъ. Я спросилъ ихъ, какъ называется ихъ деревня и кому она принадлежитъ. Деревня принадлежала Али!

Услышавъ это имя, я на минуту остановился. Но лошадь моя была замучена; самъ я страдалъ отъ голода, и я рѣшился на все. Въѣхавъ въ деревню, я хотѣлъ войти въ хижину ея начальника. Меня туда не пустили. Съ горестью поѣхалъ я вонъ и увидѣлъ нѣсколько лачугъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Вспомнивъ, что въ Африкѣ, точно также, какъ и въ Европѣ, благотворительность не всегда бываетъ тамъ, гдѣ есть богатство, я отправился къ бѣднымъ жилищамъ, увидѣлъ старую женщину, которая у воротъ лачуги пряла бумагу, и знаками объяснилъ ей, что я умираю съ голоду. Она по-арабски сказала мнѣ, чтобы я вошелъ въ избу, посадила и накормила меня. Я подарилъ ей одинъ изъ своихъ носовыхъ платковъ и попросилъ майса для лошади. Она и майсу дала охотно. Я сталъ кормить лошадь. Между-тѣмъ жители той деревни начали собираться вокругъ меня, и одинъ изъ нихъ сказалъ что-то старухѣ на ухо. Это меня обезпокоило: я подумалъ, что они знаютъ о моемъ побѣгѣ и хотятъ отвести меня къ Али. Я тотчасъ собралъ майсъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ потихоньку, взявъ направленіе на сѣверъ, гдѣ былъ лагерь Али, чтобы показать, что я будто ѣду туда. Жители нѣсколько времени шли за мной, но мало-по-малу отстали. Я въѣхалъ въ лѣсъ, остановился и легъ отдыхать.

Около двухъ часовъ трое Негровъ, вѣроятно, принимая меня за Мавра, разбудили меня и, указывая на солнце, сказали, что настало время молитвы. Я показалъ видъ, что благодарю ихъ за это напоминаніе, принялъ молитвенное положеніе и, когда они ушли, осѣдлалъ лошадь и уѣхалъ прочь. Вскорѣ увидѣлъ я мѣста очень плодородныя, — отъ чего глазъ мой ужъ отвыкъ. Въ вечеру я напалъ на тропинку, шедшую къ югу, поѣхалъ.

по ней, увидѣлъ какой-то прудъ и заночевалъ подлѣ него. Но меня беспокоили разные насѣкомыя и кругомъ бродили дикіе звѣри.

Около двадцати дней еще ѣздилъ и ходилъ я. Наконецъ въ окрестностяхъ города Сего ко мнѣ присоединились нѣсколько туземцевъ и обѣщались проводить меня къ своему султану. Мы пробирались по мѣстамъ болотистымъ; вдругъ одинъ изъ моихъ спутниковъ вскрикнулъ: «вода!» Я взглянулъ и увидѣлъ величественный Нигеръ, котораго искалъ такъ долго. Сверкая на солнцѣ, онъ медленно катился къ востоку. Я побѣжалъ къ берегу, напился воды и благодарилъ Бога, что онъ привелъ меня къ цѣли моего путешествія.

Сего — столица Бамбары. Сборъ за перевозъ черезъ Нигеръ въ городъ составляетъ доходъ султана. На перевозѣ тѣснилась сплошная толпа народу. Я тоже туда подѣхалъ. Всѣ смотрѣли на меня молча. Увидѣвъ между любопытными нѣсколько Мавровъ, я испугался. Перевозили на челнокахъ, въ трехъ различныхъ мѣстахъ, очень ловко и проворно. Но челноки были маленькіе, выдолбленные изъ деревъ, народу было множество, и очередь до меня дошла не скоро. Я сѣлъ на берегъ и дожидался.

Большой городъ, множество челноковъ сновавшихся по рѣкѣ, движеніе и дѣятельность народа, кругомъ — обработанные поля представляли картину гражданственности, благосостоянія и богатства, какой я никакъ не ожидалъ въ глубинѣ Африки.

Больше двухъ часовъ сидѣлъ я на берегу. Въ это время султану Мансугу донесли, что бѣлый человѣкъ дожидается переправы и пріѣхалъ, чтобы его видѣть. Мансугъ тотчасъ прислалъ ко мнѣ главнаго изъ своихъ невольниковъ и велѣлъ сказать, что не приметъ меня,

если не узнаеть, зачѣмъ именно я пріѣхалъ, и что я безъ его позволенія не долженъ переправляться черезъ рѣку. Поэтому невольникъ указалъ мнѣ деревню и посовѣтовалъ ѣхать туда на ночлегъ въ ожиданіи новыхъ приказаній.

Я отправился въ деревню; но никто не пустилъ меня къ себѣ въ избу. Всѣ смотрѣли на меня со страхомъ и удивленіемъ. Ёсть мнѣ было нечего: я сѣлъ подъ дерево и пріютился тамъ на ночь. Грустно мнѣ было! На бѣду, небо покрылось тучами и собирался дождь. Дикихъ звѣрей въ томъ краю много; я думалъ было взобраться на дерево, хоть - бы тогда ужъ не пришлось спать.

Въ это время мимо меня проходила съ работы Негритянка. Видя, что я утомленъ и печаленъ, она заговорила со мной. Я въ нѣсколькихъ словахъ рассказалъ ей о своемъ положеніи. Она взяла мое сѣдло и узду и съ выраженіемъ глубочайшаго состраданія, позвала меня съ собою, ввела въ свою хижину, зажгла ночникъ, постлала на землѣ циновку и велѣла мнѣ лечь. Въ избѣ было еще двѣ Негритянки. Онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня, не отводя глазъ. Моя благодѣтельница была хозяйка. Она вышла на минуту изъ хижины, принесла прекрасную рыбу, кое - какъ изжарила ее на рѣшеткѣ и подала мнѣ. Послѣ этого онѣ всѣ принялись пряхъ хлопчатую бумагу и пряли долго за полночь. Чтобы разгонять дремоту и услаждать свой трудъ, онѣ безпрестанно пѣли пѣсни. Одну изъ пѣсенъ онѣ составили тутъ - же сами: она относилась ко мнѣ. Напѣвъ ея былъ тихій и жалобный. Одна изъ женщинъ начинала, другія отъ времени - до - времени припѣвали, въ видѣ хора, нѣкоторыя изъ словъ ея. Вотъ буквальный переводъ этой пѣсни:

«Ревѣлъ вѣтеръ, шелъ дождь. Бѣдный бѣлый человекъ, слабый и утомленный, пришелъ и сѣлъ подъ нашимъ деревомъ. У него нѣтъ матери, чтобы принести ему молока; нѣтъ жены, чтобы намотать ему муки.»

Припѣвъ: «Пожалѣемъ бѣлаго человека: у него нѣтъ матери, чтобы принести ему молока, нѣтъ жены, чтобы намотать ему муки.»

Эти мелочи, можетъ — быть, покажутся незанимательными моему читателю. Но я не могъ уснуть, я былъ сильно растроганъ и плакалъ отъ благодарности.

На другой день я подарилъ добродѣтельной хозяйкѣ двѣ изъ четырехъ мѣдныхъ пуговицъ, которыя оставались на моемъ камзолѣ. Больше у меня ничего не было.

Весь слѣдующій день я пробылъ въ деревнѣ, напрасно ожидая извѣстій отъ султана. Прошли сутки. Наконецъ явился ко мнѣ его невольникъ: султанъ не захотѣлъ меня видѣть, но прислалъ мнѣ нѣсколько раковинъ, употребляемыхъ въ его царствѣ вмѣсто монеты, и позволилъ продолжать путь.

Узнавъ, что Нигеръ течетъ на востокъ, я, по даннымъ мнѣ отъ компаніи наставленіямъ, отправился по его теченію. Но тотчасъ — же встрѣтилъ большія неудобства — непроходимыя болота и лѣса, въ которыхъ было множество разбойниковъ. Поэтому, я собралъ кое — какія свѣдѣнія о Нигерѣ и повернулъ на западъ.

25 - го Августа я пустился въ путь къ Сибидулау. Со мной ѣхали туда — же двое пастуховъ. Дорога шла по крутымъ утесамъ и была усѣяна скалами. Лошадь моя изранила себѣ ноги, я слѣзъ съ нея и велъ ее за узду, медленно подвигаясь впередъ. Около одиннадцати часовъ я остановился у одного ручья, сперва услышалъ, что перекликаются нѣсколько голосовъ, потомъ — болѣзненный крикъ. Пастухи уѣхали впередъ. Думая, что

на нихъ напалъ левъ, я сѣлъ на лошадь и сталъ смотрѣть вдаль; но за неровностями дороги и скалами не могъ ничего увидѣть. Крикъ умолкъ. Я отправился туда, откуда онъ долетѣлъ до меня, началъ громко звать, но отвѣта не было. Черезъ нѣсколько минутъ, вижу — одинъ пастухъ лежитъ на травѣ. Я подѣхалъ къ нему и онъ мнѣ сказалъ шепотомъ, что на нихъ напала толпа вооруженныхъ людей, товарища его схватили и увезли съ собой, а его самого ранили двумя стрѣлами, когда онъ уходилъ отъ нихъ. Я осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что не вдалекѣ отъ меня на деревѣ сидитъ одинъ человѣкъ, а изъ-за дерева выглядываетъ семь головъ и выставляется семь ружей, направленныхъ на меня. Убѣждать отъ нихъ не было возможности, я рѣшился ѣхать прямо на нихъ и представляя, что будто принимаю ихъ за охотниковъ, спросилъ, удачна-ли была ихъ охота. Въмѣсто отвѣта, одинъ изъ нихъ велѣлъ мнѣ слѣзть съ лошади; потомъ, подумавъ съ минуту, сдѣлалъ знакъ, чтобы я ѣхалъ своей дорогой. Я поѣхалъ и былъ уже довольно далеко отъ нихъ, вдругъ слышу — они за мной гонятся и приказываютъ мнѣ остановиться. Я послушался ихъ; они подѣхали и сказали, что хотятъ отвести меня къ своему султану. Привыкнувъ побѣждать все терпѣніемъ, я отправился съ ними. Мы проѣхали съ четверть мили, не говоря ни слова, но когда мы забрались въ глухой и темный лѣсъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «здѣсь хорошо!» и сорвалъ съ меня шляпу. Я притворился совершенно спокойнымъ и сказалъ, что, если они не отдадутъ мнѣ шляпы, то я не поѣду дальше. Одинъ изъ нихъ выхватилъ ножъ и отрѣзалъ послѣднюю пуговицу отъ моего камзола. Потомъ они обшарили мои карманы и все мое платье, раздѣли меня совершенно и сняли съ

меня даже полусапожки, подошвы которыхъ были привязаны ремнемъ отъ узды. Одинъ взялъ мою лошадь и уѣхалъ, другіе остались и начали совѣтоваться, не обратятъ ли меня до-чиста. Однакожъ они сжалились надо мной, оставили мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, одну рубашку и самое дурное нижнее платье. Когда они уѣзжали, одинъ изъ этихъ разбойниковъ обернулся и бросилъ мнѣ мою шляпу — за что я былъ ему очень благодаренъ. Что мнѣ было однакожъ дѣлать? Кругомъ — неизмѣримая пустыня, множество дикихъ звѣрей и людей, столько-же жестокихъ, какъ дикіе звѣри; наставала пора дождей. Однакожъ печалиться и жаловаться на судьбу свою было неумѣста. Я скрѣпился и пошелъ въ путь. Въ скоромъ времени, я пришелъ въ деревню и увидѣлъ тамъ знакомыхъ мнѣ пастуховъ. Они удивились, что разбойники не убили меня. Мы отправились вмѣстѣ и къ вечеру были въ городѣ Сибидулау, на границѣ Мандингскаго Королевства. Тамъ рассказалъ я начальнику провинціи, какъ меня ограбили во владѣніяхъ его султана. Онъ отнялъ ото рта трубку, съ негодованіемъ замахалъ рукавомъ своей одежды и сказалъ мнѣ: «садись, тебѣ будетъ возвращено все; клянусь.» Потомъ онъ обратился къ своему слугѣ и сказалъ: «дай напиться воды бѣлому человѣку, а завтра, чѣмъ свѣтъ, ступай въ горы и скажи начальнику деревни Бамшаку, что подданные фуладскаго султана ограбили бѣднаго бѣлаго человѣка.»

Я отправился въ городъ Вуду ждать, что будетъ. Тамъ остановился я тоже у одного начальника и прожилъ у него девять дней. Со мной сдѣлалась лихорадка. Я боялся быть въ тягость своему хозяину тѣмъ болѣе, что тамъ былъ ужасный голодъ. Каждый вечеръ къ нему приходили шесть женщинъ и получали отъ него

по-немножку зерноваго хлѣба. Я спросилъ, изъ состраданія - ли онъ оказываетъ имъ помощь. Указавъ на мальчика лѣтъ пяти, онъ отвѣчалъ мнѣ: «вотъ этого ребенка продала мнѣ мать съ тѣмъ, чтобы я кормилъ ее въ продолженіе сорока дней. Изъ цѣлаго семейства одна она еще не умерла съ голоду. Точно также достался мнѣ еще другой мальчикъ.» Этотъ рассказъ долго не выходилъ у меня изъ головы. Въ вечеру я попросилъ перваго мальчика указать мнѣ, которая изъ женщинъ мать его. Она была худа, но черты лица ея не показывали ни жестокосердія, ни безчувственности. Получивъ хлѣба, она подошла къ своему дитяти, поговорила съ нимъ и была такъ весела, какъ - будто съ ней ничего ни случилось.

10-го Декабря мнѣ возвратили мою лошадь и мое платье, но компасъ мой былъ разбитъ — потеря для меня чрезвычайно важная. И лошадь больше не могла служить мнѣ нисколько: она сдѣлалась скелетъ - скелетомъ. Даже вести ея не было возможности, потому что въ томъ краю было множество болотистыхъ мѣстъ. Желая оставить ее въ хорошихъ рукахъ, я отдалъ ее хозяину и, поблагодаривъ его за гостепріимство, простился съ нимъ.

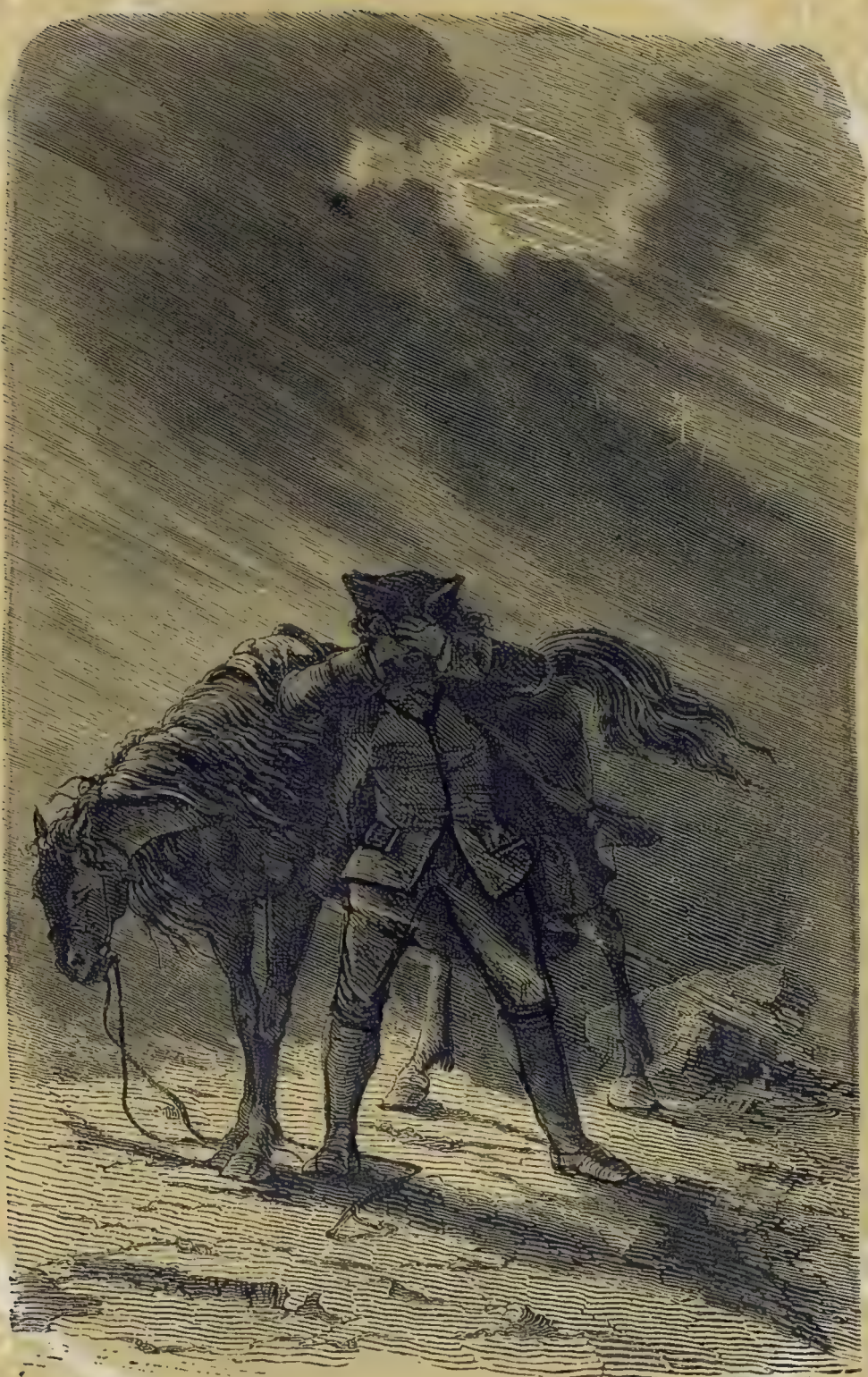
Онъ подарилъ мнѣ на память свое копье и кожаный мѣшокъ. Я уложилъ туда свои вещи, превратилъ свои сапоги съ сандаліи и въ этой легкой обуви пустился въ путь.

Прошедши чрезъ разные города и деревни, я сталъ пробираться къ городу Манціи. Дорога шла въ гору. Три раза ложился я отдыхать отъ усталости прежде, нежели взошелъ на ея вершину. Наконецъ я дотащился до города. Начальникъ его, къ которому я пришелъ въ хижину, не славился гостепріимствомъ. Впрочемъ онъ

далъ мнѣ хлѣба поужинать. Въ вознагражденіе за это, онъ попросилъ у меня какого-нибудь подарка. Я отвѣчалъ, что у меня ничего нѣтъ. Онъ, какъ-будто желая пошутить надо мной, сказалъ: если ты говоришь неправду, то бѣлая кожа не защититъ тебя отъ меня. Послѣ этого, онъ отвелъ меня въ хижину на ночлегъ. Прощаясь со мной, онъ взялъ у меня копье и сказалъ, что возвратитъ его мнѣ на завтрашній день. Это возбудило во мнѣ разные подозрѣнія. Одинъ изъ жителей той деревни показывалъ ко мнѣ доброту; я воспользовался этимъ, попросилъ его переночевать со мной и принести лукъ и стрѣлы. Около полуночи слышу я — кто-то подходитъ къ двери. Мелькнулъ свѣтъ, гляжу — дверь отворилась, въ нее вошелъ человѣкъ и прокрадывается ко мнѣ. Я тотчасъ схватилъ лукъ и колчанъ. Услышавъ шумъ, незваный гость тотчасъ скрылся. Крестьянинъ сказалъ мнѣ, что онъ узналъ въ немъ моего хозяина, и совѣтовалъ мнѣ быть на сторожѣ до разсвѣта. Я заложилъ дверь толстымъ обрубкомъ дерева: но вдругъ кто-то началъ такъ сильно ломиться въ нее, что Негръ едва былъ въ состояніи ее придерживать. Я крикнулъ ему, чтобы онъ ее не держалъ. Слова мои были слышны за дверью, и мой ночной врагъ скрылся.

На другой день, очень рано, Негръ по моей просьбѣ пошелъ въ хижину хозяина за моимъ копьемъ. Хозяинъ еще спалъ. Негръ, взявъ копье, принесъ его мнѣ и совѣтовалъ поскорѣй уѣхать. Я тотчасъ же исполнилъ его добрый совѣтъ.

По приѣздѣ моемъ въ Камалію, меня проводили въ домъ тамошняго владѣтеля Карфа-Тауры. Онъ собиралъ невольниковъ и думалъ отправиться на рѣку Гамбію для продажи ихъ Европейцамъ. Когда я вошелъ

Я закрылъ глаза и лицо и ждалъ когда утихнетъ этотъ злобный ураганъ.

къ нему, у него было много купцовъ, торговавшихъ невольниками. Онъ почитался ученымъ, читалъ имъ какую-то арабскую книгу и, лукаво взглянувъ на меня, спросилъ, понимаю-ли я по-арабски. Я отвѣчалъ, что — нѣтъ. Онъ приказалъ тотчасъ принести *любопытную* книгу западныхъ странъ. Это былъ молитвенникъ на англійскомъ языкѣ. Я началъ проворно читать его. Тогда Карфа убѣдился, что я не Арабъ и сказалъ ему правду. Цвѣтъ лица моего, пожелтѣвшій отъ лихорадки и знойнаго солнца, длинная борода, у меня выросшая, лохмотья, въ которыхъ я былъ одѣтъ, все это заставляло сомнѣваться, чтобы я былъ бѣлый человѣкъ: но чтеніе западной книги разсѣяло всѣ эти подозрѣнія.

Въ это время была пора дождей. Карфа сказалъ мнѣ, что нельзя было ѣхать дальше по причинѣ рѣкъ, что надобно дождаться, когда можно будетъ чрезъ нихъ переправляться, совѣтовалъ мнѣ остаться у него и потомъ путешествовать вмѣстѣ съ нимъ. «Если ты на это согласенъ», сказалъ онъ мнѣ, «я тебѣ отведу хижину для жилья и буду давать достаточное количество пищи. По приѣздѣ на Гамбію, ты мнѣ за это заплатишь что-нибудь.» Я спросилъ, достаточно-ли будетъ для него, если я заплачу столько, сколько стоитъ одинъ невольникъ. Онъ отвѣчалъ, что будетъ этимъ доволенъ и приказалъ приготовить для меня помѣщеніе и все, необходимое для удобства жизни. Вымели и прибрали хижину, для меня назначенную, постлали тамъ циновку, поставили глинянную посудину съ водой и родъ бутылки, сдѣланной изъ тыквы, чтобы удобнѣе пить. Карфа два раза въ день присылалъ мнѣ муки и приказалъ невольникамъ, чтобы у меня не было недостатка ни въ водѣ, ни въ дровахъ. Это былъ благодѣтельный и благороднѣйшій Негръ. Но его попечительность обо мнѣ не

могла возстановить моего здоровья, силы мои слабѣли, лихорадка меня мучила; неизвѣстность о томъ, что меня ожидаетъ въ будущемъ, еще больше увеличивала мои страданія. Я началъ тосковать. Замѣтивъ мою задумчивость, Карфа старался меня утѣшить и увѣрять, что я скоро выздоровѣю. «Не выходи, сказалъ онъ мнѣ, пока стоитъ дождливая погода, и ты увидишь, что тотчасъ поправишься.» Въ самомъ дѣлѣ, когда дожди прекратились, и лихорадка моя унялась. Тогда я сталъ выходить изъ своего уединеннаго жилища, знакомиться съ нѣкоторыми изъ туземцевъ и нашелъ между ними много добрыхъ людей. Надобно сказать, къ чести человеческой природы, что даже между очень необразованными племенами мнѣ случалось встрѣчать большое добродушіе.

Я иногда выносилъ свою циновку, разстилалъ ее подъ деревомъ и наслаждался запахомъ хлѣбныхъ растений и видомъ обработанныхъ полей. Чувство бодрости стало ко мнѣ возвращаться, и мысли мои сдѣлались свѣтлѣй.

Въ началѣ Декабря пріѣхалъ изъ Сего купецъ, торгующій невольниками. Я началъ разговаривать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Одинъ невольникъ попросилъ у меня дать ему чего-нибудь поѣсть. Я отвѣчалъ ему, что я — иностранецъ и что у меня у самаго ничего нѣтъ. «А я такъ давалъ тебѣ, когда ты былъ голоденъ. Помнишь, я тебѣ принесъ молока?» Я вспомнилъ и узналъ его, побѣжалъ къ Карффъ и просилъ его позволить мнѣ дать невольнику нѣсколько фисташекъ. Этотъ несчастный во время войны попался въ плѣнъ и былъ проданъ въ неволю.

Наконецъ насталъ столько желанный день отъѣзда. Торгаша привели всѣхъ невольниковъ къ дому Карфы

и сняли съ нихъ цѣпи. Каждый изъ нихъ взялъ свою ношу, и мы тотчасъ отправились въ путь. Караванъ нашъ состоялъ изъ семидесяти-трехъ человѣкъ. Между свободными людьми находилось шесть пѣвцовъ. Они пѣснями своими прогоняли скуку однообразнаго путешествія, а когда намъ надо было гдѣ-нибудь остановиваться, то привлекали любовь и ласку хозяевъ.

Съ милю провожали насъ почти всѣ жители города. Одни плакали, другіе молча пожимали руки друзьямъ и родственникамъ. Когда мы поднялись на возвышенность, съ которой видѣнъ былъ городъ, всѣ принадлежавшіе къ каравану сѣли по одну сторону дороги, лицомъ къ западу, всѣ прочіе по другую сторону, лицомъ къ востоку, гдѣ находилась Камалія. Бывшій тутъ учитель школы и двое самыхъ богатыхъ купцовъ сѣли между двумя толпами, торжественнымъ тономъ прочли длинную молитву, три раза обошли вокругъ каравана и ткали копьемъ въ землю. По окончаніи этой церемоніи, путешественники быстро поднялись и, не прощаясь, тотчасъ отправились въ путь.

Пробывъ три дня въ довольно большомъ городѣ Кеннитакуро, мы раннимъ утромъ отправились въ путь и вѣхали въ пустыню. Она была вся усѣяна камнями и кремнями: люди, лошади и верблюды непрерывно спотыкались и сбивали ноги. Ѣхать надобно было по цѣлымъ днямъ, на жару, питья иногда для всѣхъ не доставало, и изъ невольниковъ давали его только тѣмъ, которые были утомлены больше другихъ.

Я боялся, что отстану, и меня бросятъ, но къ удовольствію своему увидѣлъ, что и другіе устаютъ не меньше меня. Вскорѣ, однакожъ, удовольствіе это превратилось для меня въ большую горечь. Одна женщина совсѣмъ выбилась изъ силъ и начала отбиваться отъ

каравана. Ношу ея взяли и отдали невольнику, а ей велѣли идти впереди.

Однажды около полудня мы расположились на берегу ручья. Вблизи, въ душлѣ одного дерева, кто-то нашелъ рой дикихъ пчелъ. Стали доставать оттуда медъ; пчелы кинулись на насъ и начали ужасно жалить. Перекусали всѣхъ; одинъ я уцѣлѣлъ. Бѣдная утомленная Негритянка не имѣла силъ спастись отъ нихъ и была изъѣдена ужасно. Купцы повиытаскали изъ ней всѣ жала, которыя только могли замѣтить и обмыли ее водою. Но когда надобно было двинуться въ путь, она рѣшительно не хотѣла трогаться съ мѣста. Ее начали бить. Она терпѣливо вынесла нѣсколько ударовъ, но потомъ вскочила и, по-видимому, бодро пошла, и шла часовъ около пяти сряду.

Однажды она хотѣла было убѣжать отъ каравана, но ослабѣла и упала на траву. Ее опять начали бить; но она ужъ не могла подняться. Карфа попросилъ одного изъ купцовъ посадить ее на осла, который везъ наши съѣстные припасы. Она не была въ состояніи сидѣть. Для нея сдѣлали родъ носилокъ, привязали ее тамъ веревками изъ древесной коры и такимъ образомъ донесли до подножія горы Кангаро-Кусо. Тамъ мы остановились на ночлегъ.

Съ самаго вечера предъидущаго дня мы съѣли не больше, какъ по горсти муки; во все время пути солнце немилосердно палило насъ. Многіе изъ невольниковъ несли большія тяжести и дошли до изнуренія. Во время отдыха нѣкоторые изъ нихъ начали хрустѣть пальцами. Это, по ихъ обыкновенію, означало самое сильное отчаяніе. Купцы перепугались этого и тотчасъ заковали всѣхъ въ кандалы. Тѣмъ, которые смотрѣли угрюмѣе другихъ, перевязали руки назадъ. Поутру караванъ

пошелъ своимъ обыкновеннымъ ходомъ: но Негритянка была такъ изнурена и избита, что не могла ни идти, ни стоять. Ее почти замертво положили на осла. Но почувствовавъ на себѣ новую ношу, осель заупрямился и не хотѣлъ трогаться съ мѣста. Тогда весь караванъ закричалъ въ одинъ голосъ: «зарѣжьте ее! зарѣжьте ее!» Чтобы не видать этого злодѣянія, я поѣхалъ впередъ. Версты черезъ двѣ невольникъ Карфа догналъ меня, держа на концѣ копыа платье несчастной Неалеи, и сказалъ: «Неалея пропала!» Карфа не позволилъ убить ее: но ее бросили на дорогѣ.

28-го Апрѣля мы проѣзжали черезъ городъ Манну. Начальникъ его съ многочисленною свитой провожалъ насъ до одного рукава Сенегала. Тамъ мы переправлялись по мосту необыкновеннаго устройства. Рѣка въ этомъ мѣстѣ довольно широка. На берегахъ ея растутъ два большія дерева одно противъ другаго. Вершины ихъ наклонены и связаны такъ, что эта связь приходится на срединѣ рѣки и деревья образуютъ арку. На нихъ наложены вдоль и впоперекъ бамбуковыя бревна. Такимъ образомъ и составилъися висячій мостъ. Жители Манны, которые смотрятъ за его исправностію, берутъ за переправу по немъ маленькую плату.

Недалеко отъ береговъ Гамбіи мы узнали нѣкоторыя подробности о войнѣ между султанами Абдуль-Каде-ромъ и Дамелемъ. Абдуль-Кадеръ, ревностный магометанинъ, желая распространить свою религію, отправилъ къ Дамелю двухъ пословъ. У cadaго изъ нихъ было по ножу, насаженному на длинный шестъ. Явившись къ Дамелю, они воткнули передъ нимъ шесты съ ножами, и одинъ посланный сказалъ: «если Дамель приметъ магометанскую вѣру, то Абдуль-Кадеръ вотъ этимъ ножемъ самъ обрѣветъ голову Дамелю. Если Да-

мель откажется принять магометанскую вѣру, то Абдуль-Кадеръ вотъ этимъ ножомъ отрѣжетъ голову Дамелю. Пусть - же Дамель выбираетъ любое.» Но Дамель не хотѣлъ ни того, чтобъ ему обрили, ни того, чтобъ ему отрѣзали голову. Поэтому Абдуль - Кадеръ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ во владѣнія Дамеля, но былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ.

Увидя его, Дамель спросилъ: «какъ-бы ты поступилъ со мной, еслибъ я попался тебѣ въ руки?» — «Я-бы тебя закололъ своимъ копьемъ! отвѣчалъ Абдуль-Кадеръ. И знаю, что ты со мной сдѣлаешь тоже.»

«Копье мое, сказалъ Дамель, запачкано кровью твоихъ подданныхъ, убитыхъ въ сраженіи. Я могъ-бы его запачкать и твоею кровью: но это не поправитъ моихъ городовъ, тобой разрушенныхъ, не воскреситъ моихъ единоплеменниковъ, тобой убитыхъ. Ты будешь у меня невольникомъ.» Но по прошествіи трехъ мѣсяцевъ Дамель далъ свободу Абдуль - Кадеру. Великодушіе рѣдкое и трогательное!

12-го Іюня былъ наконецъ опять въ Пизаніи. Докторъ Лендли встрѣтилъ меня съ такою радостію, какъ будто я воскресъ изъ мертвыхъ. Вещи, мною ему оставленныя, были въ совершенной сохранности. Я немедленно обрился и переодѣлся въ англійское платье.

Карфа съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ меня въ новомъ костюмѣ, но очень жалѣлъ, что я сбрилъ бороду. «Ты былъ прежде взрослымъ человѣкомъ, сказалъ онъ мнѣ, а теперь сталъ ребенкомъ.»

Лендли заплатилъ за все, за что я задолжалъ купцамъ и Карфѣ. Я разстался съ этимъ Негромъ, какъ съ другомъ. Прощаясь, мы оба были растроганы. Изъ Африки я отправился въ Америку, а оттуда въ Англію.

ЖИЗНЬ АЛЖИРСКИХЪ АРАБОВЪ.

Когда заговорятъ объ Арабахъ, то уму нашему тотчасъ представляется ихъ палатка, лошадь и особенно гостепріимство. Но скоро гостепріимство выведется: частію оттого, что корыстолюбіе еще сильнѣе разовьется у пустынныхъ жителей, чѣмъ оно теперь, частію оттого, что гостепріимство приходится оказывать черезчуръ часто. Особенно тѣ дуары (деревня, или правильнѣе лагерь, состоящій изъ нѣсколькихъ палатокъ), которые находятся на главныхъ путяхъ сообщенія, принуждены бываютъ безпрестанно принимать и кормить путешественниковъ. Вотъ, напримѣръ, вдали показался конный отрядъ Французовъ; Арабы чувтъ, что это къ нимъ незваные гости; на лицахъ ихъ выражается неудовольствіе, они ропщутъ, но вотъ гости уже подлѣ палатокъ; самые знатные изъ дуара принимаютъ пріѣзжихъ и стараются гостепріимной, добродушной улыбкой замѣнить выраженіе недавней досады. Тотчасъ выбираютъ самую лучшую палатку, и въ нѣсколько мгновеній она уже очищена и

готова къ принятію прїѣзжихъ. Если хозяинъ ея чело-
вѣкъ простой, то и ткань палатки очень грубая, изъ
верблюжьей шерсти, не очень прочная; еслижъ хозяинъ
богатъ, тогда верблюжья ткань очень плотна, тонка и
палатка большая. Каждая палатка, бѣдная и богатая,
дѣлится занавѣсомъ на двѣ части; первая меньшая —
мужская половина, тутъ стоятъ сундуки, покрытые вой-
локами, или коврами, на полу постланы тоже войлоки,
или ковры, по угламъ лежатъ сѣдла, на стѣнахъ ви-
ситъ оружіе. Вторая половина палатки принадлежитъ
женщинамъ, дѣтямъ и молодымъ домашнимъ животнымъ
въ непогоду; тутъ и кухня, и кладовая, и спальня; въ
одномъ углу наваленъ всякій домашній скарбъ, въ дру-
гомъ стоитъ ручной мукомольный снарядъ, а тамъ ку-
хонная утварь и сама кухня, т. е. таганъ и что-то въ
родѣ печки, или очага. Когда гѣсти размѣстились на
коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, хозяинъ начинаетъ
убирать и кормить лошадей, а хозяйка принимается
стряпать. Черезъ два часа готовъ пиръ; приносятъ
большое деревянное блюдо, а на немъ кускусъ, един-
ственное и неизбѣжное кушанье пустынного и къ тому-
же бѣднаго Араба. Этотъ кускусъ дѣлается изъ катыш-
ковъ тѣста, не крупнѣе мелкаго рису; ихъ варятъ въ
очень горячей водѣ и когда они готовы, вода сцѣжи-
вается до суха, а крошечные катышки, точно вареный
рисъ, высыпаются пирамидой на блюдо. Въ богатыхъ
семействахъ стороны этой пирамиды убираются яйцами,
разрѣзанными на четверти, крупнымъ горохомъ, а на
верхъ кладется четверть баранины, отлично сваренной
въ своемъ соку; этого никто лучше арабскихъ женщинъ
не умѣетъ приготовить. Когда блюдо поставлено на
столъ, или, вѣрнѣе, стоитъ на коврѣ посреди гостей,
хозяинъ подходитъ, снимаетъ баранину, кладетъ ее на

другое блюдо и поливает варенные катышки особенно крѣпкимъ соусомъ, въ составъ котораго входитъ столько перцу и пряностей, что даже у самихъ Арабовъ слезы отъ него катятся изъ глазъ, а когда Европейецъ съѣстъ его ложку, другую, то совершенно задыхается, глаза чуть не выскочать и горло послѣ того деретъ нѣсколько часовъ, точно-будто огня проглотилъ. Когда кусокъ полить, всякій беретъ большую деревянную ложку, похожую на лопатку, вырываетъ передъ собою ямку въ кускусу и начинаетъ ѣсть только то, что прямо передъ нимъ и хлѣбаетъ сокъ только изъ своей ямки; Арабы почли-бы страшнымъ невѣждой того, кто взялъ-бы горошину, или четвертушку яйца съ той стороны кускуса, гдѣ вырыта чужая ямка, а захватить изъ нея соуса значило-бы обидѣть своего сосѣда и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяина, который угощаетъ. Хозяинъ самъ никогда не сядетъ съ своими гостями за блюдо; онъ только ходитъ вокругъ пирующихъ и тому подастъ мѣхъ съ водою, тому верблюжьяго молока, тому кусокъ баранины, и все это очень ласково, ужъ безъ тѣни перваго неудовольствія. Если хозяинъ чловѣкъ бѣдный, то кроме кускуса у него нѣтъ ничего, еслижъ онъ богатъ, то и хлѣбъ, и лепешки, и рыба, только очень рѣдко, появляются передъ гостями, а послѣ кофе — съ сахаромъ. Еслижъ вы остановитесь у простолудина, тогда послѣ пира можете сами сварить себѣ кофе и пригласить хозяина выпить чашку; это лучшее средство пріобрѣсть его полное расположеніе; а если вы не забудете дать по куску сахару дѣтямъ, которыя увиваются вокругъ старшихъ, то дружба хозяина *шерстянаго дома* вами пріобрѣтена, хоть на время. Сахаръ считается большою рѣдкостью въ степяхъ; даже въ Алжирѣ есть пропасть Аравитянъ, не выдавшихъ ни кусочка въ теченіе всей своей жизни.

Нѣтъ надобности принимать ѣду отъ хозяина, оказавшаго невольное гостепріимство; ему сдѣлаешь величайшее одолженіе, если добудешь свои собственные припасы и примешься готовить свое кушанье. Отъ соотечественниковъ, Арабамъ не приходится принимать одолженія такого рода, но за то Европейцы, понимая ихъ бѣдность, почти всегда, гдѣ видятъ въ томъ надобность, выбираютъ свое добро и принимаются не только сами ѣсть, но и угощать своихъ хозяевъ; тогда дружба основывается на прочныхъ основаніяхъ. Впрочемъ, и между бѣдными Арабами гостепріимство не всегда бываетъ вынужденнымъ; такъ рассказываетъ одинъ путешественникъ: «Я во всю жизнь свою не забуду радушія, съ которымъ насъ встрѣтило бѣдное, почти нищенское племя пустынныхъ Арабовъ. Это было на границѣ Сахары и алжирской провинціи Тель. Эти честные бѣдняки замѣтили насъ еще издали, поспѣшили къ намъ навстрѣчу и всевозможными способами старались выразить свою радость; они почти насильно повели лошадей нашихъ къ своей единственной палаткѣ, и между тѣмъ, какъ мужчины почти снимали насъ съ сѣделъ, женщины выбирали всѣ свои вещи изъ палатки, разводили на дворѣ огонь, готовили свой кускусъ и кое-какъ устраивали для себя и своихъ мужей квартиру подъ тощими кустами и развѣсистыми пальмами.

Но будь гостепріимство вынужденное, или добровольное, Арабъ смертельно оскорбится, если ему при прощаньи дать денегъ, или подарокъ; даже голова сахару и каленкоръ, самая большая рѣдкость въ ихъ быту, не въ состояніи прельстить его.

Французскіе отряды, или даже одинокіе путешественники, отправляютъ часто за день впередъ нарочнаго, который заготовляетъ достойный пріемъ, и тогда ужъ

ни за что не увидишь кислыхъ лицъ, не услышишь невольныхъ восклицаній неудовольствія. Угощаютъ самымъ лучшимъ образомъ, и старшины дуара поочередно приходятъ занимать гостей, т. е. посаждать, посаждать, кое-что спросить и сами отвѣчаютъ на вопросы, но такъ двусмысленно, что никакъ не доберешься до настоящаго значенія ихъ словъ; кромѣ обыкновенныхъ кушаньевъ, передъ путешественниками постоянно стоятъ кружки съ овечьимъ молокомъ и блюдо съ финиками. Чтобы возбудить аппетитъ, чужеземцамъ подаютъ какой-то соусъ изъ абрикосовъ, луку, пряностей и турецкаго перцу; проглотить его можно едва-ли двѣ ложки, такъ сильно жжетъ и щиплетъ во рту и въ горлѣ; но черезъ четверть часа находишь что всѣ остальные кушанья особенно вкусны и ѣшь ихъ съ неумѣренностію.

Но чтобы покончить съ арабскимъ гостепріимствомъ, вотъ еще отрывокъ изъ записокъ путешественника: «Бенъ - Ганна, глава всѣхъ военныхъ арабскихъ войскъ въ Сахарѣ, давно меня звалъ къ себѣ въ гости; однажды я, съ пріятелемъ своимъ Л., послали ему сказать, что будемъ у него въ тотъ-же день. Мы только собиравшись ему сдѣлать коротенькій визитъ и тотчасъ - же уѣхать, но нашъ Арабъ. понялъ это совершенно иначе. Онъ поставилъ на ноги весь домъ свой; палатка приготовлена для нашего пріема; негрятянки невольницы съ утра принялись стряпать. Въ одиннадцать часовъ ужъ насъ ждалъ самый изысканный завтракъ, но мы, ничего такого не подозревая, пріѣхали только около трехъ часовъ. Хозяинъ встрѣтилъ насъ очень радушно и не однимъ словомъ не далъ намъ понять, что прождалъ насъ такъ долго. Онъ ввелъ насъ въ свой шерстяной домъ, сдѣланный изъ прекрасной, тонкой верблюжьей,

шерстяной ткани. Тутъ были собраны всѣ предметы европейской и азіатской роскоши, которые могутъ доставить всевозможныя удобства Арабу. Вездѣ мягкіе пушистые ковры, шелковыя обои, диваны, столы, кресла и даже кровать съ мягкимъ тюфякомъ, чистымъ бѣльемъ и одѣяломъ подъ балдахиномъ изъ лучшаго шелковаго газу. Вдоль стѣнъ палатки стоялъ цѣлый рядъ сундуковъ, обитыхъ мѣдными, или желѣзными полосами, съ гвоздями, на шляпкахъ которыхъ свѣтились брилліанты. Мы насилу отвели глаза отъ нихъ и подумали: «сколько тутъ зяпрятано денегъ, оружія и драгоценностей всякаго рода?» Между-тѣмъ, столъ былъ накрытъ и подогрѣтый наскоро завтракъ поставленъ передъ нами. Самъ хозяинъ не сѣлъ за столъ, а только угощалъ насъ по арабскому обычаю. Кускусъ не являлся, но за то всѣ кушанья были приготовлены съ особеннымъ вкусомъ и очень роскошно; европейская кухня частію изгнала туземную. Пили мы воду изъ мѣховъ и потому не безъ кожанаго запаха; но кофе и сухія варенья были удивительно вкусны. Во время обѣда, вещь небывалая, насъ посадили за настоящій столъ и подали каждому изъ насъ отдѣльную тарелку.»

Вотъ трогательная черта арабскаго гостепріимства. Въ Сахарѣ караванъ однажды останавливается на одномъ оазисѣ, у дуара знакомаго племени; начальникъ принимаетъ купцевъ самымъ радушнымъ образомъ; угощаетъ ихъ и разговариваетъ. На слѣдующее утро, передъ отъѣздомъ купцы просятъ своего хозяина позволить имъ обнять его сына и подарить ему красивую игрушку. Отецъ тогда печально отвѣчаетъ: «мой сынъ спитъ вѣрѣкимъ сномъ!» Тутъ только пріѣзжіе узнаютъ, что мальчикъ наканунѣ упалъ со скалы и убится. Отецъ, чтобы не опечалить гостей, сѣумѣлъ скрыть свое отчаяніе.

Дуаръ арабскій имѣетъ странный видъ: всѣ палатки построены въ видѣ опрокинутыхъ лодокъ; это обыкновеніе очень древнее; еще римскіе писатели, говоря о Нумидійцахъ, упоминаютъ о палаткахъ, верхушка которыхъ походить на киль опрокинутой лодки. Въ большихъ и многолюдныхъ дуарахъ палатки разбросаны, безъ малѣйшаго порядка, на большомъ протяженіи; въ маленькихъ же, напротивъ, вѣроятно для лучшей взаимной обороны, онѣ поставлены кружкомъ, въ середину котораго на ночь загоняютъ лошадей, овецъ и верблюдовъ. Передъ лошадьми бросаютъ большія связки тиміану, что онѣ особенно любятъ, даже лучше ячменя и рису. Верблюдамъ и овцамъ на ночь не даютъ корму. Между палатками есть почти всегда одна, самая большая и самая красивая, это палатка гостепріимства. Ночью подойти къ дуару дѣло страшное; огромныя и злыя собаки бродятъ кругомъ и готовы разтерзать всякаго чужаго, осмѣлившагося подойти къ нимъ. Собаки эти ничуть не похожи на нашихъ; въ нихъ нѣтъ и тѣни привязанности къ человѣку; онѣ злѣе и опаснѣе шакала и гіэны, потому что не такъ трусливы, какъ тѣ. Цвѣтъ шерсти у нихъ бурый; глаза налиты кровью; лай ихъ походить на завыванье волка; онѣ вѣчно голодны и все, чѣмъ питаются, берутъ съ боя; отъ человѣка, кромѣ побоевъ, онѣ ничего не знаютъ; никогда ни малѣйшей ласки, ни куска мяса не достается на ихъ долю. За то онѣ и не любятъ человѣка, и грызутъ его [при малѣйшей возможности; къ мѣстамъ онѣ привязываются такъ, какъ кошки.]

Съ непривычки, едва-ли кто заснетъ въ арабской палаткѣ: шумъ нестерпимый; лошади ржатъ, верблюды кричатъ, овцы блеютъ, говоръ продолжается передъ костромъ и въ палаткахъ почти цѣлую ночь, особенно,

когда иностранецъ ночуетъ въ дуарѣ. Арабы разговариваютъ о немъ тутъ же, вблизи, да не шепотомъ, а громко, стараясь перекричать одинъ другаго. Но весь этотъ шумъ покрывается адскимъ завываніемъ собакъ-сторожей и нерѣдко воемъ шакаловъ и гієнъ.

Для арабскаго дуара нужнѣе всего вода и дрова; ручей обыкновенно протекаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатокъ, а дрова иногда близко, иногда - же ихъ совсѣмъ нѣтъ; тогда Аравитянки собираютъ валяющіеся сучья, срѣзываютъ стволы репейника, или набираютъ пучки высушенныхъ травъ и этимъ довольствуются въ своемъ бѣдномъ хозяйствѣ. Иногда видишь картины, напоминающія описанія римскихъ поэтовъ: гдѣ-нибудь, на уступѣ скалы бродятъ козы и щиплютъ сухую траву, тутъ же сидитъ пастухъ, такой-же невидный, такой-же босоногій, какъ въ глубокой древности; онъ наигрываетъ на такой-же точно свирѣли о трехъ, или шести дырочкахъ, иногда-же на двойной свирѣли, какія нерѣдко встрѣчаются на древнихъ памятникахъ. Къ очарованію еще не мало при-бавляютъ часто величественныя развалины древности; тутъ съ горы на гору переброшена смѣлая арка: по ней когда-то шель водопроводъ; тутъ стоятъ одинокія колонны, тамъ валяются капители, а между ними поросли кусты горькаго ракитника, или возвышаются исполинскія пальмы и кедръ; на горахъ, на развалинахъ, по недоступнымъ для человѣка высотамъ, ловко лазаютъ козы, а по землѣ ходятъ овцы, воли и верблюды, единственное богатство Араба. Подлѣ ручья обыкновенно собираются молодая Аравитянки, однѣ моютъ бѣлье, другія пришли за водою, но всѣ одинаково болтаютъ, смѣются и поютъ; ихъ смуглыя, мускулистыя руки, стройныя ноги, прекрасныя черты лица и огненные глаза придаютъ имъ видъ гордой красоты; онѣ дома и

между своими соотечественниками не закрываютъ лицъ; только появленіе иностранца заставляетъ ихъ прибѣгать къ этому восточному обыкновению. Костюмъ ихъ чрезвычайно живописенъ; онъ напоминаетъ древнихъ Израильтянокъ: на каждомъ шагу можно встрѣтить прекрасную Рахиль или Ревекку, и также какъ онѣ, нынѣшнія Аравитянки несутъ домой на плечѣ кувшины съ водой, сдѣланные въ видѣ амфоръ и поддерживая ихъ одною рукою. Въ движеніяхъ у нихъ много граціи, силы и ловкости. Алжирскіе Арабы совсѣмъ не очень кочевой народъ: только въ случаѣ войны они откочевываютъ далеко; въ мирное-же время они, правда, переносятъ свои палатки съ мѣста на мѣсто, но все въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ; такъ племя какое-нибудь все вертится на десяти, или двадцати верстахъ; еслижъ есть засѣянное поле, такъ о перекочевываньи и думать нечего. Одни и тѣ-же племена занимаютъ извѣстныя пространства и никогда не покидаютъ ихъ. Только жители оазисовъ Сахары — въ самомъ дѣлѣ кочевой народъ; когда настаютъ палящіе, лѣтніе жары, они цѣлыми племенами проходятъ сотни верстъ и ищутъ себѣ на отлогостяхъ Атласа и другихъ горъ прохлады и пищи для скота. Но ихъ появленіе въ долинахъ Телля и по скатамъ горъ есть происшествіе, давножданное и давно желанное. Жители пустыни приносятъ съ собою финики, ковры, разныя шерстяныя ткани, духи и пахучія масла и вымѣниваютъ себѣ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, которыхъ не производитъ безводная пустыня, родина пальмъ.

Видъ такого переселенія жителей Сахары очень живописенъ: впереди идутъ мужчины; чаще всего они на лошадяхъ, съ своими тонкими, длинными ружьями на спинѣ; передъ собою гонятъ они стада домашнихъ животныхъ, въ одной рукѣ держатъ поводъ дромадеровъ.

Животныя эти тяжело навьючены домашнимъ скарбомъ, сундуками, кухонными принадлежностями и большими полосатыми мѣшками, въ которыхъ всѣ товары, всѣ богатства кочеваго семейства, вся ихъ движимая собственность. На иныхъ дромадерахъ подѣланы паланкины (палатки) изъ темной, шерстяной, плотной матеріи; въ этихъ паланкинахъ женщины и дѣти; полы обыкновенно закрыты, но малѣйшее приключеніе въ дорогѣ, малѣйшая остановка — и полы палатки закидываются назадъ и красивыя Аравитянки высовываются и стараются узнать, что тамъ случилось. Напримѣръ, встрѣча съ Европейцемъ, котораго провожаютъ три *спани*, въ красныхъ бурнусахъ и плащахъ, причина достаточная, чтобъ всѣмъ выглянуть изъ палатки и узнать, кто ѣдетъ, куда и зачѣмъ? Онѣ нисколько не дичатся чужихъ, напротивъ, смѣются и болтаютъ между собою безъ умолку, дѣлаютъ свои замѣчанія надъ Европейцемъ и, какъ видно, иногда посмѣиваются надъ нимъ; если-жъ кто на нихъ смотритъ въ лорнетъ, то веселости ихъ нѣтъ конца. Женщины Сахары очень хороши собою: онѣ совсѣмъ не такъ смуглы, какъ-бы можно было предполагать; между ними есть часто такія бѣлыя и нѣжныя, что любая сѣверная красавица позавидовала-бы имъ. У молодыхъ — лице овальное; оно долго сохраняетъ выраженіе дѣтской невинности и простодушія и черезъ это становится еще привлекательнѣе; глаза у нихъ большіе, черные, блестящіе, зубы необыкновенно бѣлые, только довольно крупныя и длинныя. Въ зрѣломъ возрастѣ лице ихъ принимаетъ выраженіе довольно строгое и тогда красота ихъ ужъ напоминаетъ древнія статуи Минервы, или Юноны; жизнь согнала съ нихъ дѣтскую веселость и беззаботную игривость. Костюмъ у нихъ очень простой, но въ тоже время живописный: на нихъ надѣта

шерстяная бѣлая, или коричневая туника, на одной только застежкѣ на плечахъ; руки и шея ничѣмъ не покрыты; разрѣзъ и застежка надъ колѣнномъ одной ноги. При малѣйшемъ движеніи звучать браслеты, ожерелья и огромныя серьги, иногда золотыя, иногда серебряныя. На головѣ у нихъ что-то въ родѣ чалмы изъ легкой верблюжьей ткани, очень красиво переплетенной черными, какъ крыло ворона, длинными и густыми косами; вдоль лица по обѣимъ сторонамъ тоже пускаются косы, мелко и искусно заплетенныя.

Пріятно видѣть караванъ, если онъ спокойно перемещивается по своимъ собственнымъ потребностямъ: тутъ веселыя лица, говоръ, пѣсни; даже самые драматеры привѣтливо смотрятъ; но сердце иногда разрывается, если встрѣтишь толпу бѣдныхъ Арабовъ, которыхъ какой-нибудь шейхъ, послѣ набѣга, волочетъ въ неволю; или, по распоряженію начальства алжирскаго, ихъ насильно переселяютъ въ другое мѣсто. Мужчины, женщины, дѣти, домашній скотъ идутъ нестройной толпою, изнемогая отъ жара и жажды, подъ лучами жгучаго солнца, палимые раскаленнымъ пескомъ. Мужчины мрачны и молчаливы; женщины и дѣти стонутъ, ломаютъ руки и нисколько не скрываютъ своего отчаянія. Ноги у всѣхъ покрыты ранами; женщины втрое согнулись подъ тяжестью остатковъ всего, что у нихъ уцѣлѣло послѣ грабежа; въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ фразахъ выражается глубокое отчаяніе и горькое воспоминаніе о потерянной свободѣ и оставленномъ навсегда дуарѣ. Многія прижимаютъ къ груди свое крошечное дитя и слезы ихъ капаютъ на его безсознательное личико.

Земледѣліе у Арабовъ въ самомъ жалкомъ состояніи: они кое-какъ, очень не глубоко вздираютъ землю своимъ далеко незатѣйливымъ плугомъ, очень похожимъ на изо-

браженія древнихъ; пара маленькихъ, тощихъ быковъ едва волокутъ его по землѣ, покрытой сплошнымъ почти дерномъ. По едва замѣтнымъ бороздамъ бросаютъ пшеницу и ячмень въ слишкомъ большомъ количествѣ и потомъ спокойно ждутъ, что поле принесетъ. Когда жатва поднимется, хлѣбъ трудно отличить отъ травы и все имѣетъ видъ поля, покрытаго густою травою. Несмотря, однакожь, на такое небрежное паханье, всякій хозяинъ выручаетъ двадцать, или тридцать процентовъ на капиталъ, употребленный на землю. Работники очень дешевы въ Алжирѣ; Кабилы любятъ свою родину и ни за что не расстаются съ нею; они привыкли жить безъ большихъ потребностей и безъ всякихъ прихотей, и потому работаютъ за ничтожную плату.

Вотъ отношенія владѣльца земли въ арендатору ея, т. е. горному жителю, который въ долинахъ ищетъ себѣ хлѣба и одежды: вся прибыль жатвы дѣлится на пять частей, четыре беретъ владѣлецъ земли для себя, а пятая поступаетъ въ собственность *камаса* (арендатора, отъ арабскаго слова *камдэ*, пять). Землевладѣлецъ даетъ камасу задатокъ отъ тридцати до семидесяти франковъ, т. е. отъ 7 р. 50 к. сер. до 17 р. 50 к. сер. для того, чтобы ему было чѣмъ содержать себя, жену и дѣтей, до жатвы. Сверхъ того ему еще даютъ пару воловъ, плугъ и нужныя сѣмяна. Арабъ, безъ отдыха, не отпрягая воловъ, работаетъ цѣлый день; еслижь онъ боленъ, то долженъ поставить за себя работника. Онъ обязанъ сверхъ того выстроить себѣ хижину, которая остается въ пользу владѣльца. Когда жатва снята, снопы поставлены на мѣсто, владѣлецъ начинаетъ расчитываться съ своимъ арендаторомъ; прежде всего онъ беретъ столько, сколько далъ сѣмянъ. потомъ беретъ, что далъ взаймы зерномъ для ѣды, а остальное дѣлитъ

на пять частей; четыре беретъ себѣ, а одну отдаетъ арендатору; сверхъ того изъ этой-же части беретъ хлѣба на то количество денегъ, какое далъ въ задатокъ весною. Изъ этого видно, что судьба бѣднаго, трудолюбиваго *камаса* незавидна, но онъ не ропщетъ, онъ не знаетъ лучшей участи. Впрочемъ теперь нѣкоторые изъ Европейцевъ завели фермы частію на арабскій, частію на европейскій ладъ и туземцамъ работа у нихъ и прибыльнѣе и легче, потому что вмѣсто плохаго плуга, имъ даютъ хорошій, а вмѣсто пары воловъ, двѣ пары. Землю вздираютъ они, такимъ образомъ, глубже, основательнѣе, и жатва богаче, и прибыли *камасу* гораздо больше. Но есть обыкновенія, которыхъ съ этими людьми нельзя нарушать, а не то земля останется необработана за неимѣніемъ рукъ. Когда начинаете уговариваться съ *камасомъ*, ему прежде всего надо подать чашку кофе, усадить его съ собою рядомъ и долго, иногда нѣсколько часовъ, толковать о всякой всячинѣ и только тогда, когда онъ доволенъ угощеніемъ, говорить о дѣлѣ; и рѣшеніе, тутъ принятое, становится также неизмѣнно, будто подтверждено клятвою. Послѣ жатвы и дѣлежа, крайне необходимо подарить *камасу* барана, безъ того онъ будетъ считать васъ скупымъ и ни за что больше не пойдетъ работать къ вамъ, да и другимъ закажетъ, какъ-бы выгодны ни были прочія условія.

Въ Алжирскихъ городахъ всѣ сельскія произведенія продаются, также какъ и у насъ, на рынкахъ; иные Арабы сидятъ переважно передъ своимъ десяткомъ луковицъ, или мѣркою апельсиновъ и молчатъ, ожидая покупателя; между-тѣмъ иные стараются привлечь къ себѣ *мнивую гору* (покупателя); они кричатъ изо всѣхъ силъ, выхваляютъ свой товаръ и безпрестанно кричатъ:

за *су*, все отдамъ за *су*! Однимъ словомъ, побывать на арабскомъ рынкѣ, значить насмотрѣться самыхъ уморительныхъ тѣлодвиженій и почти оглохнуть отъ страшнаго шума. Но для кочевыхъ Арабовъ гораздо важнѣе ярмарки, которыя бывають въ недѣлю разъ то въ одномъ кочевьѣ, то въ другомъ; здѣсь продають и покупають хлѣбъ. Сюда-же приходятъ *марабуты* (люди праведные); они приносятъ съ собою амулеты, т. е. заговоры отъ разныхъ болѣзней и даже отъ непріятельскихъ пуль. Между этими марабутами первое мѣсто занимають помѣшанные; ихъ особенно уважають на востокѣ; думаютъ, что лишенные ума особенно любимы Богомъ и что имъ всегда извѣстна Его воля; поэтому всѣ слова ихъ считаются священными и имъ вполнѣ вѣрятъ. Стоить только прослыть помѣшаннымъ, чтобы приобрѣсть сильнѣйшее вліяніе на Арабовъ. Этимъ, естественно, пользуются люди хитрые и корыстолюбивые; они, по ярмаркамъ, волнуютъ народъ, полупокоренный Французами, и слѣдствіемъ этого бываетъ безчисленное множество убійствъ и кровопролитій.

Недавно въ Алжирѣ былъ забавный случай: одинъ геологъ путешествовалъ по внутреннимъ провинціямъ для того, чтобы набрать какъ можно больше камней различныхъ породъ и хорошенько изслѣдовать почву страны. У него на сѣдлѣ висѣлъ огромный мѣшокъ съ камнями. Вдругъ нападаетъ на него шайка разбойниковъ; ученый испугался и полѣзъ было въ карманъ за часами и кошелькомъ. Но Арабы кинулись уже на мѣшокъ, развязали его и нашли кучу самыхъ незначительныхъ, невидныхъ, ничего незначащихъ камешковъ. Съ словами: «это сумасшедшій!» они почтительно преклонились передъ нимъ, осторожно завязали опять мѣшокъ и привѣсили его къ сѣдлу; потомъ далеко прово-

жали его, брали его руку и, въ знакъ величайшаго почитенія, прикладывали ее къ своему лбу.

Въ Алжирѣ сумасшедшихъ, хотя-бы они доходили до совершеннаго бѣшенства, никогда не запирають; они всюду ходять свободно, имъ все даютъ даромъ: и одежду, и пищу. Даже послѣ смерти не теряють они своего значенія: ихъ могиламъ поклоняются; надъ ними иногда строятъ что-то въ родѣ часовни и туда приходятъ молиться и просить помощи, или отъ болѣзни, или отъ вражеской пули. Вся медицина въ рукахъ марабутовъ; почти ото всѣхъ болѣзней лечатъ они, или амулетками, или такими средствами, которые не только не помогаютъ, но очень часто вредятъ. Нѣтъ на свѣтѣ людей, которые встрѣчали-бы смерть такъ безропотно, какъ Арабы. Если силы оставили Араба, онъ спокойно ложится на разостланный коверъ, заворачивается въ бурнусъ, поручаетъ себя милосердію Бога и Пророка и ждетъ смерти. Случается, Арабъ тяжело раненъ; его можно спасти отъ смерти только тѣмъ, что отнять у него руку, или ногу; Французъ докторъ спѣшитъ къ нему на помощь и говоритъ: «пріятель, тебѣ надо отрѣзать ногу!»

— Пожалуй рѣжь, если тебѣ велѣли! отвѣчаетъ раненый; онъ думаетъ, что враги, по злости, хотять только увеличить его мученія.

Докторъ объясняетъ ему, что только для его пользы, для спасенія его отъ смерти хотять отрѣзать ему ногу.

— А, если это такъ, отвѣчаетъ ему раненый, такъ я лучше останусь съ ногою; если мнѣ суждено умереть, такъ я умру, по-крайней-мѣрѣ такимъ, какимъ меня сдѣлалъ Богъ; еслижъ по книгѣ судебъ мнѣ суждено еще жить, такъ я и безъ того не умру! Никто не долженъ стараться прожить больше срока!

И раненый спокойно умираетъ, вѣря, что иначе быть не можетъ и не должно. Похороны Арабовъ сопровождаются разными обрядами: мертвого одѣваютъ въ лучшее его платье, закутываютъ въ бурнусъ и сажаютъ на его любимую лошадь: кто-нибудь изъ родныхъ ведетъ лошадь подъ уздцы до самаго кладбища, а позади всѣ друзья, ближніе и знакомые ѣдутъ въ глубокомъ молчаніи. Всѣ смѣшиваются подлѣ могилы, снимаютъ мертвого съ сѣдла и кладутъ его на лѣвый бокъ, опершись на лѣвый локоть, чтобы въ день Страшнаго Суда удобнѣе и скорѣе можно было встать. Могила выложена пятью тонкими плитами, въ видѣ правильного прямого четырехугольника; сверху ее закладываютъ камнями, кирпичами и глиною, для того чтобы предохранить мертвеца отъ зубовъ шакала и гіены. Надъ головою въ могилу вдѣлываютъ и вмазываютъ трубочку, отверстія которой, одно подлѣ уха мертвеца, а другое почти надъ поверхностью земли: это для того, чтобы трубный звукъ Ангела былъ слышнѣе, и правовѣрный по первому призыву могъ стать передъ Аллахомъ. Надъ могилой умершаго не ставятъ памятниковъ: не пишутъ надписей; ихъ осѣняютъ только тополи, кедры, кипарисы и пальмы.

Мусульманское кладбище не болѣе, какъ въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ отъ Константины, и покойниковъ туда не возятъ, а носятъ. Мертвого Араба, или Мавра, кладутъ на носилки, покрываютъ большимъ, краснымъ шелковымъ покрываломъ, и четыре человека несутъ его на плечахъ; мужчины, самые близкіе родственники и почетные гости, идутъ впередъ и повторяютъ безпрестанно изъ ал-Корана: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ Пророкъ его!» За носилками идутъ женщины и вторятъ этому стиху громко и довольно въ ладъ,

только голосами, очень крикливыми. Подлѣ могилы становятся всѣ въ кружокъ и мертваго кладутъ въ нее съ разными языческими обрядами, которыхъ Христіане видѣть не могутъ, значить и описывать тоже; къ могиламъ ихъ и близко не подпускаютъ.

На свѣтѣ трудно найти такихъ любителей оружія, какъ Арабы; если показать Арабу прекрасное, дорогое ружье, пистолетъ или ятаганъ, глаза его засверкаютъ, онъ весь задрожитъ, возьметъ драгоцѣнное оружіе въ руки, осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, пробуетъ, или приложится, или рубить имъ воздухъ; онъ весь погружится во вниманіе и забываетъ все окружающее. Еслижъ ему подарить эту вещь, тогда восторгъ его не знаетъ мѣры и границъ. Вся сущность жизни Араба состоитъ въ любви воинскихъ упражненій; поэтому самыя неоцѣненные дары для него: хорошее оружіе и крѣпкій, легкій конь, не знающій усталости, *вътеръ пустынный*. Арабъ только по крайней и горькой необходимости становится хлѣбопашцемъ и при первой возможности бросаетъ это скучное для него занятіе; его нисколько не занимаетъ тайная сила, производящая колосья, ему нѣтъ надобности слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его; у него душа не лежитъ къ землѣ и къ тому, что растетъ и цвѣтетъ надъ землею. Если нѣтъ войны, Арабъ цѣлый день проводитъ въ бездѣйствіи, не выходя изъ своей палатки; онъ обыкновенно сидитъ, поджавъ ноги, въ углу, куритъ свой табакъ и погруженъ въ глубокое, молчаливое созерцаніе чего-то, чего не допытаться отъ него. Только забота о лошади на минуту выводитъ его изъ этого состоянія; онъ почищаетъ ее, покормитъ, напоитъ и опять впадаетъ въ свою неподвижность: онъ бережетъ, на случай войны, свои силы, свою неутомимую дѣятельность и безграничную

отвагу. Домашнія работы предоставлены женщинѣ; она сама мелеть муку, заботится о дѣтяхъ, готовитъ кушанье, собираетъ дрова, носить воду, ткеть одежду, шьетъ ее и стираетъ; нерѣдко ей приходится даже убирать и чистить лошадей и ходить за стадомъ овецъ и верблюдовъ.

Но за то въ походѣ Арабъ становится другимъ человекомъ; ни онъ, ни его лошадь не знаютъ покою; на враговъ они нападаютъ съ быстротою молніи. Арабъ выстрѣливаетъ изъ ружья почти въ упоръ, мгновенно поворачиваетъ лошадь назадъ и уходитъ съ такою-же быстротою; на скаку заряжаетъ вновь свое ружье и опять нападаетъ. Такой образъ войны съ высшей степени утомителенъ для европейскихъ войскъ: все поле сраженія волнуется, кипитъ, передъ стройными рядами, съ видимой суматохой; одинъ наѣздникъ смѣняетъ другаго и опять исчезаетъ, чтобы уступить свое мѣсто товарищамъ. Никакъ нельзя объяснять трусостью ихъ быстрого удаленія послѣ выстрѣла; это только привычка и ничего больше. Нѣтъ народа, у котораго, такъ какъ у Араба, мужество доходило-бы до совершеннаго самозабвенія и безчувственности къ величайшимъ опасностямъ и страданіямъ. Эти качества особенно развиваются въ священной войнѣ, а священной становится всякая война съ христіанами, потому что *марбуты* въ томъ увѣряютъ и всякій охотно жертвуетъ своимъ состояніемъ и жизнью въ полной увѣренности, что награда ждетъ его въ Магометовомъ раю, на седьмомъ небѣ. Лучше всѣхъ, въ последнее время, силу *марабута*, т. е. святаго человѣка, доказалъ знаменитый Абдъ-ель-Кадеръ; свое поприще началъ онъ только при помощи своего званія, но военный геній его довелъ потомъ до могущества, съ которымъ и одному изъ

образованнѣйшихъ народовъ Европы трудно было бороться.

Въ цѣлой жизни Араба нѣтъ случая обыкновеннаго, ежедневнаго, гдѣ не понадобилась-бы помощь, или совѣтъ марабута, у котораго средство всегда готово, ложное, или истинное; вѣрять; что не только физическое, но и нравственное благосостояніе зависитъ отъ ихъ талисмановъ. Высокую степень могущества этихъ духовныхъ лицъ можно объяснить частію ихъ большею степенью образованности, частію—крайнимъ невѣжествомъ Арабовъ. Хотя въ каждомъ дуарѣ найдется по нѣсколько грамотныхъ людей, но они кромѣ чтенія и письма ничего не знаютъ, даже не занимаются изученіемъ своей священной книги — Корана и оттого ни одинъ лучъ высшаго образованія не входитъ въ ихъ темную голову; къ тому же, кочевой образъ жизни и совершенное отсутствіе богослуженія и поученія всенароднаго поддерживаютъ ихъ невѣжество. Прошли тѣ времена, когда Арабы были образованнѣйшимъ народомъ своего вѣка и свѣтъ ихъ открытій и знаній благотѣтельно свѣтилъ остальному міру; теперь у нихъ исчезло даже воспоминаніе объ этомъ періодѣ ихъ существованія. Отъ прежней умственной жизни осталось только броженіе горячаго, полуденнаго воображенія; оно выражается у нихъ въ объясненіи всего, что окружаетъ ихъ; каждую болѣзнь, собственно свою, своихъ домашнихъ, или скота, приписываютъ Арабы вліянію злаго духа, и чтобъ избавиться отъ него, употребляютъ заговоры и талисманы, амулетки. Одинъ Арабъ, въ Константинѣ, сильно захворалъ; у него былъ знакомый французскій докторъ; тотъ прописалъ ему рецептъ и велѣлъ употреблять его, какъ тамъ написано, и ушелъ. Черезъ нѣсколько дней онъ приходитъ опять къ своему

больному и видить, что ему стало гораздо хуже. «Ну что, употребилъ-ли ты мое лекарство?»

— Какъ-же, оно всегда со мною, но, видно, злой геній силенъ и не хочетъ оставить меня. Посмотрите, вотъ ваше лекарство.

Больной раскрылъ себѣ грудь и докторъ увидѣлъ, что рецептъ, въ четверо сложенный, висѣлъ на толстой ниткѣ. Французъ усмѣхнулся, тотчасъ-же послалъ рецептъ въ аптеку и научилъ, какъ принимать принесенное лекарство.

Каждое явленіе физическій природы находитъ также свое толкованіе, и никто ни пытается доискиваться настоящихъ законовъ его. Недалеко отъ Маскары есть горячій минеральный источникъ; дикій житель пустынь далъ своему воображенію волю; оно объяснило ему происхожденіе горячаго ключа и онъ вполне доволенъ. Вотъ что Арабы рассказываютъ: «когда царствовалъ великій Саломонъ, то однажды приказалъ выстроить себѣ бани на цѣломъ земномъ шарѣ такъ, чтобы бани топились изъ-подъ земли. Надзоръ за этими банями и заботу о нагрѣваніи ихъ поручилъ онъ злымъ духамъ, глухимъ, нѣмымъ и слѣпымъ. Съ-тѣхъ-поръ, уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, покорные духи продолжаютъ нагрѣвать бани великаго царя, и такъ какъ они лишены возможности узнавать, что вокругъ нихъ на землѣ дѣлается, то никто и не могъ имъ сказать, что мудраго Саломона нѣтъ въ живыхъ и они, вѣроятно, будутъ работать до скончанія вѣка.»

Еще, недалеко отъ Маскары тянется нѣсколько гранитныхъ скалъ, которымъ перевороты земной коры дали случайныя формы, напоминающія животныхъ и людей. Арабы говорятъ, что однажды веселый свадебный поездъ тянулся по этому мѣсту; здѣсь стояла гробница

всѣми уважаемаго *марабута*; веселые поѣзжане забыли остановиться передъ ней, принести ей обычные дары и просить прахъ благочестиваго мужа оказать имъ свое покровительство, и за такое нечестіе, они всѣ на мѣстѣ, и люди, и лошади, и верблюды превратились въ камни.

Но самое большое наслажденіе Арабы находятъ въ своихъ пѣсняхъ и поэтическихъ сказаніяхъ; они въ дуарѣ по вечерамъ собираются кружкомъ вокругъ пылающаго костра, садятся на коврики, поджавъ подъ себя ноги, и съ наслажденіемъ, за полночь слушаютъ рассказчика; пѣсни, сказки и басни льются рѣкою и нѣжатъ слухъ этихъ полудикарей; иногда-же рассказы о временахъ могущества и славы, облеченные картинами воображенія, заставляютъ Араба хвататься за кинжалъ и грозно водить сверкающими глазами.

Басня между этимъ народомъ занимаетъ не послѣднее мѣсто; они, какъ и всѣ восточные жители, облачаютъ въ эту форму свои нравоученія и понятія о разныхъ случаяхъ и отношеніяхъ жизни. Нѣкоторыя изъ Арабскихъ басенъ перешли въ Европу и знаменитые баснописцы, какъ Ла-Фонтэнъ, воспользовались ими. Вотъ одна изъ басенъ такого рода.

Дѣйствіе происходитъ въ Сахарѣ. Арабъ изъ племени Шамба, извѣстнаго разбоями, ѣхалъ по степи на своемъ дромадерѣ бѣгунѣ, онъ подвигался такъ быстро впередъ, что пыль на далекое разстояніе означала путь его; онъ былъ вооруженъ длиннымъ копьемъ, потому что готовился напасть на оазисъ Туггуртъ. Вдругъ видить, густой дымъ валить съ одного мѣста песчаной степи. Онъ подѣзжаетъ и находитъ остатки большаго костра, посреди котораго извивается змѣя и никакъ не можетъ освободиться. Когда она увидѣла Араба, она

начала свистѣть, шипѣть и произнесла по-человѣчьи довольно внятно: «Слуга Божій, помоги мнѣ; спаси меня отъ смерти!» Арабъ привязалъ къ наконечнику копья торбу своей лошади и опустилъ ее въ костеръ. Змѣя тотчасъ вползла въ нее, потомъ поползла по копью, по рукѣ на шею, обвилась вокругъ нея и начала душить своего избавителя.

«Что ты дѣлаешь?» съ трудомъ простоналъ Арабъ.

— Развѣ ты не чувствуешь, что я дѣлаю? — отвѣчала ему змѣя. Я тебя убиваю.

«И за что же, Боже милосердный! вѣдь, я спасъ тебѣ жизнь!»

— Безъ сомнѣнія такъ; но кто-же на этой землѣ не платитъ зломъ за добро?

«Это ты такъ думаешь!»

— Нѣтъ, всѣ того-же мнѣнія!»

«Не можетъ быть; отпусти мнѣ немножко горло и спросимъ у троихъ, правду-ли ты говоришь? И ужъ потомъ дѣлай, что хочешь!»

— Пожалуй!

Они поѣхали; всадникъ едва дышалъ подъ своимъ ужаснымъ ошейникомъ. Вотъ они подѣхали къ источнику и остановились. Человѣкъ говорить: «Послушай, чистая вода, скажи мнѣ всю правду; я спасъ изъ огня эту змѣю, а она, вмѣсто благодарности, хочетъ задушить меня; она говоритъ, что на землѣ всегда платятъ зломъ за добро.»

— Она права, отвѣчаетъ источникъ. Вотъ, посмотри: у меня вода свѣтла и чиста, я вволю пою людей и верблюдовъ, когда подлѣ меня остановится караванъ; я имъ даю воды для ихъ омовеній передъ молитвою; я имъ спасаю жизнь въ этой печальной, безводной пустынѣ. И какую вижу отъ нихъ благодарность? Когда

они уѣзжаютъ, бросаютъ въ мои струи всякіе камни и соръ и мутятъ ихъ ясность *).

При этихъ словахъ змѣя сильнѣе сдавила горло Араба и онъ вскрикнулъ отъ боли. Поѣхали дальше. Вотъ на окраинѣ оазиса величественно качается кудряво-головая пальма. Несчастный Арабъ разсказалъ ей въ чемъ дѣло.

— Змѣя права, отвѣчала пальма. Вотъ я даю странникамъ тѣнь и пищу. Когда они вволю отдохнутъ, поѣдятъ моихъ сочныхъ плодовъ, что они дѣлаютъ? Обрываютъ мои листья, мои вѣтви и кору, разводятъ огонь и, того и смотри, срубаютъ меня, какъ ужъ срубили сестеръ моихъ, и надѣлаютъ себѣ тычинъ для загородки, или подпорокъ для палатки.

Опять сильнѣе сжала змѣя горло Араба; онъ въ совершенномъ изнеможеніи замахалъ руками и захрипѣлъ предсмертнымъ стономъ. Вдали бѣжалъ шакаль; Шамба собралъ остатокъ силъ и кликнулъ его; змѣя отпустила одно кольцо и человѣкъ сказалъ: — «остановись, шакаль, мнѣ надо поговорить съ тобою.»

— Пожалуй, говори, только не 'подѣзжай ближе, отвѣчалъ осторожный шакаль. Ну, говори - же, а не то убѣгу!

Арабъ разсказалъ ему все.

— Такъ ты спасъ эту змѣю изъ огня, возразилъ шакаль. Трудно повѣрить этому. Какъ - же это было?

Всадникъ хотѣлъ объяснить подробности.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ его шакаль, покажите мнѣ, какъ все случилось; я пойму тогда лучше.

*) Тутъ источникъ говоритъ неправду; каждый караванъ считаетъ святою обязанностію всѣми средствами сохранять и беречь источники и колодцы въ степи. Безъ нихъ нельзя было-бы путешествовать.

Человѣкъ тотчасъ привязалъ торбу къ концу копыя, опустилъ ее на песокъ, змѣя развилась и поползла внизъ по древку.

«Ну, чтожъ ты скажешь?» спросилъ Арабъ.

— Дуракъ, вскричалъ шакаль; твой врагъ у ногъ твоихъ, а ты еще спрашиваешь, какъ быть? Слѣзай поскорѣе съ верблюда и раздави ей змѣиную голову! Прощай, мнѣ некогда!

Тутъ и конецъ басни; неизвѣстно, исполнилъ-ли Арабъ совѣтъ шакала.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРЪ, ПРИВЫЧКИ АФРИКАНСКИХЪ ЛЬВОВЪ И ОХОТА ЗА НИМИ.

ри одномъ словѣ «африканскій левъ» тотчасъ представляется въ воображеніи знойный край, гдѣ лучи солнца огненными стрѣлами сыплются на землю, песчаная пустыня, которая мертвымъ моремъ лежитъ на необозримомъ пространствѣ; тамъ и сямъ громоздятся чернѣющія скалы; между ними глубокія рытвины и пропасти; по ихъ скатамъ и на ихъ вершинахъ огромные лѣса, въ непроходимой чащѣ которыхъ кишатъ шакалы, гіэны, пантеры, и страшилище - левъ, какъ говорятъ Арабы, *громомъ* своего голоса наводитъ оцѣпенѣніе на всѣхъ звѣрей и ледепитъ кровь въ жилахъ самаго смѣлаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, страшилище: сила его, въ пору полного развитія звѣрской природы, равняется силѣ со-рока человѣкъ; лапы какъ слиты изъ мѣди, или желѣза; когти — острые, какъ наточенные ножи; буйвола, быка, или лошадь тащить онъ, какъ мы охалку сѣна; кости ихъ ломаетъ зубами, или лапами какъ сухой тростникъ.

А когда львы начнутъ драться между собою, такъ просто земля стонетъ.

Однажды въ Алжирѣ, страстный и ловкій охотникъ, въ свѣтлую лунную ночь, залѣзъ на дубъ и сталъ подстерегать оленей. Это было на широкой просѣкѣ, у самой тропинки. Ждетъ онъ, ждетъ — оленей нѣтъ. «Это недаромъ», думаетъ онъ: «они всегда тутъ бродили цѣлымъ стадомъ; вѣрно, почуяли бѣду!» Вотъ около полуночи слышитъ онъ, какъ - будто нѣсколько лошадей шарахается по кустамъ: то хрустятъ сухія вѣтви, то ломаются свѣжіе сучья; и вдругъ показывается на лужайкѣ сперва львица, потомъ левъ. Оба желтые; лѣтъ шести, или семи отъ роду; значить, самые здоровые. Львица сошла съ тропинки и легла подъ дубомъ. Левъ все стоялъ и, по - видимому, къ чему - то прислушивался. Вдругъ вдали раздался ревъ. На него тотчасъ отвѣчала львица. Левъ тоже началъ ревѣть и такъ сильно, что охотникъ невольно задрожалъ, уронилъ ружье и началъ карабкаться выше на дерево. Между - тѣмъ, новый левъ, очевидно, быстро подходилъ все ближе и ближе, потому что ревъ его каждую минуту становился слышнѣе.

Львица непрерывно перекликала съ нимъ. Желтый левъ, который былъ подлѣ нея, приходилъ въ бѣшенство, ревѣлъ тоже и то подходилъ ко львицѣ, то опять становился на тропинкѣ, какъ - будто желая загородить дорогу наступающему врагу. Такъ прошло съ часъ. Вдругъ на краю опушки показался левъ, черный, какъ вепрь. Желтый левъ пошелъ къ нему на встрѣчу и припалъ къ землѣ, готовясь прыгнуть на него. Черный левъ припалъ тоже. Они примолкли, уставивъ другъ на друга глаза, пылающіе жаждою крови, потомъ стремительно бросились, сцѣпились, охватили другъ друга атлетическими лапами, повалились на землю и, катаясь по ней,

какъ одна масса, вѣдались одинъ въ другаго зубами и царапались огромными когтищами, какъ острыми желѣзными крючьями. Ключья шерсти, куски мяса, внутренности летѣли въ сторону; жаркая кровь дымилась на притоптанной, измятой травѣ. Эта ожесточенная битва сопровождалась ревомъ, визгомъ, хрипѣньемъ и какимъ-то, можно сказать, клекотаньемъ голосовъ. Бившіеся львы такъ изуродовали себя, что походили на какія-то отвратительныя окровавленные провидѣнія.

Тысячу разъ вскакивая и падая, то увлекаемые собственною тяжестью, то тяжестью непріятеля, они изѣздили и залили кровью большое мѣсто. Вотъ движенія ихъ сдѣлались медленнѣе, ревъ жалобнѣе и тише: чувство боли взяло верхъ надъ чувствомъ ярости, и вдругъ все стихло.

Враги лежали неподвижно; но черезъ нѣсколько минутъ, какъ по данному знаку, вскочили оба: черный левъ схватилъ желтаго подъ лопатку; желтый чернаго — за шею. Они сдѣлали послѣднее усиліе, рванули по огромному шмату врагъ у врага, зашатались и растянулись, судорожно сжимая и разжимая когти.

Львица не заступилась ни за одного изъ нихъ, но съ начала до конца битвы, лежа на лапахъ, смотрѣла и по временамъ била о землю хвостомъ. Когда все было кончено, она осторожно подошла къ трупамъ, понюхала и пошла прочь.

Арабъ, сидѣвшій на дубу, осыпалъ ее ругательствами. Онъ частію былъ правъ, потому что левъ ко львицѣ всегда показываетъ большое участіе и заботится о ней очень. Если только они выходятъ изъ логовища, левъ ни на минуту не оставляетъ ея, даетъ ей всегда идти впереди и слѣдитъ за ней шагъ за шагомъ: она повернетъ въ сторону, и онъ — тоже; она остановится, и онъ остановится.

Если они подходят къ становищу, гдѣ есть, чѣмъ поживиться: лъвица ложится въ нѣкоторомъ разстояніи, а левъ отправляется за добычей; принесши, отдаетъ ее лъвицѣ, стережетъ, чтобы ничто не помѣшало ей ѣсть, и самъ принимается только въ то время, когда она ужъ совсѣмъ сыта.

Въ концѣ Декабря, или началѣ Генваря, лъвица ищетъ глубокаго, дремучаго, самымъ звѣрямъ едва доступнаго рва для колыбели своихъ дѣтей. Ихъ бываетъ у нея по два, рѣдко по три. Въ самомъ первомъ возрастѣ она не покидаетъ ихъ ни на одну минуту. Пищу ей приносить левъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ у дѣтей выходятъ зубы. Этимъ природа показываетъ, что лъвята могутъ кормиться ужъ мясомъ. Очень часто дѣтеныши, особенно лъвицы, упражняютъ при образованіи зубъ и отъ этого лъвовъ всегда больше, нежели лъвицъ. Тѣ, которые уцѣлѣютъ послѣ этой дѣтской болѣзни, начинаютъ выразительно пощелкивать зубами. Мать понимаетъ это очень хорошо, оставляетъ ихъ часа на три, или на четыре, и потомъ приноситъ имъ *на зубокъ* чего-нибудь помягче — обыкновенно барана, или козла, но сперва очень тщательно сдеретъ съ него шкуру и потомъ разорветъ на маленькіе кусочки.

Взрослый левъ — вообще характера важнаго, степеннаго, любитъ тишину и уединеніе. Игры и нѣжности дѣтей, именно когда они впускаютъ въ него когти, виснутъ у него на гривѣ и на ушахъ, хватаютъ его зубами за хвостъ, визжать въ отсутствіи матери — надѣдають ему. Онъ выбираетъ себѣ особенное логовище, однакожъ всегда по близости къ дѣтямъ, чтобы въ случаѣ надобности поспѣть къ нимъ на помощь. Впрочемъ Арабы иногда уносятъ ихъ. Узнавъ, гдѣ находятся лъвята, они взбираются или на крутизны горъ, или на

деревья, и по цѣлымъ днямъ замѣчаютъ, когда и въ какомъ направленіи уходитъ львица и далеко - ли находится левъ. Сообразивъ всѣ обстоятельства, когда львица уйдетъ, они потихоньку приѣзжаютъ и становятся вокругъ логовища лвятъ. Человѣка два, или три ползкомъ пробираются въ огромную берлогу, хватаютъ каждый по львенку, закутываютъ наглухо въ свои бурнусы и бѣгутъ къ всадникамъ, вскакиваютъ на ихъ - же лошадей и мчатся во всю прыть. Но этого рода похищенія не всегда обходятся счастливо. Въ 1840 году шестьдесятъ человѣкъ Аравитянъ отправились красть лвятъ. Окруживъ густой, темный кустарникъ, который непроницаемою чащей облегалъ безобразно нагроможденные камни, рывины и пещеры, они начали кричать. Не показалось ни льва, ни львицы. Арабы сдвинулись ближе къ беззащитному логовищу и стали. Двое отправились въ пещеру и схватили по львенку. Львица между - тѣмъ волокла къ себѣ барана. Услышавъ шумъ, она бросила добычу и, разрывая кусты, или прыгая черезъ нихъ, мгновенно очутилась въ виду двухъ Арабовъ. Одинъ изъ нихъ былъ ближе къ ней, верхомъ; другой — пѣшій, дальше. Промчавшись мимо верховаго, она бросилась на пѣшаго. Онъ устави́лъ въ нее дуло ружья и спустилъ курокъ; порохъ вспыхнулъ, но ружье не выстрѣлило. Молодой человѣкъ обернулъ лѣвую руку бурнусомъ и поставилъ ее львицѣ. Она изломала ее и повалила его на землю. Онъ выхватилъ изъ - за пояса пистолетъ и всадилъ ей двѣ пули въ животъ. Она бросилась на верховаго, который выстрѣлилъ ей въ ротъ. Она однакожь схватила его за плеча и стащила на земь, но сама повалилась на него и тутъ - же издохла.

Случалось мнѣ видѣть картинки, гдѣ представляется, что среди нагой песчаной пустыни, львица дремлетъ, а

къ ней подползаетъ Арабъ и изъ-подъ носу у ней беретъ дѣтей. Это очень живописно и поэтически: но ни львицѣ не вздумается выводить своихъ маленькихъ дѣтей въ открытое мѣсто, ни Арабу не придетъ въ голову такъ жестоко тѣшиться надъ нею и надъ самимъ собой. А еслибъ это когда-нибудь было, то похвальные оды герою и сатиры на сонную мать звучали-бы, не умолкая вездѣ, гдѣ говорятъ по-арабски.

Только по прошествіи четырехъ, или пяти мѣсяцевъ отъ рожденія лъвята ночью выходятъ за матерью на опушку лѣса. Левъ туда приносить имъ добычу. Черезъ полгода, въ ночь, черную, по восточному выраженію, какъ грѣхъ, все семейство собирается вмѣстѣ и перемѣняетъ жилъе, поближе къ мѣстамъ, гдѣ бродить, или ночуетъ скотъ. Съ этихъ поръ лъвята съ отцомъ и матерью кочуютъ безпрестанно, какъ Арабы, приучаясь къ разбою. Съ осьми мѣсяцевъ до году, они нападаютъ на овецъ и козъ, иногда отваживаются ловить и быковъ, но по неопытности часто попадаютъ на рога такъ, что отцу, или матери приходится защищать ихъ самихъ. Въ два года они пробавляются уже сами и однимъ ударомъ зубъ умѣютъ перекусить горло лошади, верблюду, или другому большому животному. Этотъ возрастъ лъвятъ — отъ году до двухъ лѣтъ, для жителей Алжира — самый убыточный: лъвята заѣдаютъ скотъ не только для того, чтобы кормиться, но и для того, чтобы привыкнуть къ ловкости и проворству: да и просто — такъ: потому что молодые зубы зудятъ. Это точно также какъ грубые мальчишки, въ которыхъ звѣрская натура не укрощается образованіемъ, ни за-что ни прѣ-что стегаютъ собакъ, коровъ, а иногда и свою братью, послабѣй. На четвертый годъ лъвята оставляютъ своихъ родителей и расходятся по одиночкѣ.

Отъ семи до осьми лѣтъ — возрастъ ихъ возмужалости и самой большой силы. Съ такимъ молодцомъ встрѣтиться — бѣда и человѣку, и звѣрю.

Въ Алжирѣ — три рода львовъ: желтые, черные и сѣрые. Черные львы попадаются теперь (въ 1854 г.) довольно рѣдко. Ростомъ они меньше другихъ львовъ, но за то гораздо сильнѣе и опаснѣй. Черный левъ не любитъ перемѣнять мѣсто: иногда онъ поселится гдѣ-нибудь и живетъ лѣтъ тридцать; изъ лѣсу не показывается, въ долины и открытыя мѣста не сходитъ, на становища Арабовъ не нападаетъ: но за то, подстерегая стада, когда они ввечеру спускаются съ горъ, душистъ множество животныхъ: онъ не ѣстъ мяса, а только пьетъ кровь и, чтобы досыта напиться, убиваетъ отъ четырехъ до пяти быковъ. Лѣтомъ, когда дни бываютъ долгіе, онъ, проголодавшись, въ ожиданіи стада, выходитъ въ горахъ на тропинку, при захожденіи солнца, и ловитъ иногда человѣка. Впрочемъ, кажется, животныхъ предпочитаетъ людямъ — чѣмъ Арабы нисколько не обижаются. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ ѣхалъ верхомъ; тропинка была узкая; въ сторону броситься нельзя; справа и слѣва стоятъ скалы — змѣя не всползеть. Издали увидѣлъ онъ огромную косматую голову чернаго льва, слѣзъ съ лошади, снялъ съ нея збрую, надѣлъ себѣ сѣдло на голову и пошелъ, оставивъ лошадь на произволъ звѣря. Левъ догналъ ее, задушилъ и сталъ пить ея кровь. Всадникъ воспользовался этимъ и убрался благополучно. Впрочемъ подобная уловка едва-ли можетъ повториться дважды. Все, что рассказываютъ о великодушіи львовъ, о томъ, будто они нападаютъ на человѣка только тогда, когда имъ ѣсть хочется — сушій вздоръ. Льва къ убійству тянетъ инстинктъ. Да и когда ему ѣсть не хочется? Вся жизнь

скотины — ѣда и сонъ; потому-то и о людяхъ, которые не дѣлая ничего полезнаго, только ѣдятъ, да спятъ, говорится, что они ведутъ скотскую жизнь. Въ Алжирѣ знаютъ множество примѣровъ, что левъ заѣдалъ людей.

Одинъ изъ нихъ особенно замѣчателенъ по странному стеченію обстоятельствъ. Тамъ было два брата, которые отличались дерзостію и мужествомъ на разбояхъ; ихъ поймали, посадили въ тюрьму и приговорили къ смертной казни. Опасаясь, чтобы они не ушли, губернаторъ велѣлъ ихъ спутать самымъ варварскимъ образомъ: имъ — въ лѣвую ногу одного и правую другаго — сквось икры продѣли кольцо и запаляли. Наступилъ день казни; но когда палачъ вошелъ къ нимъ въ тюрьму, тамъ никого не было: они убѣжали. Нѣсколько разъ понапрасну пытаюсь освободиться отъ такихъ ужасныхъ кандаловъ, они какъ-то дотацились до горъ, спрятались между скалами и просидѣли цѣлый день, но съ наступленіемъ вечера отправились дальше отъ жилья человеческого. Около полночи съ ними встрѣтился левъ. Они стали кричать изо всѣхъ силъ, бросать въ него камнями; левъ остановился, легъ передъ ними и не трогался съ мѣста. Обезумленные ужасомъ, питая суевѣрное уваженіе ко львамъ, они попадали ницъ передъ нимъ и стали умолять о пощадѣ: но звѣрь не знаетъ пощады. Находя, что очень удобно напасть на нихъ въ такомъ положеніи, онъ бросился на старшаго брата, изломалъ его и началъ ѣсть. Младшій, не имѣя возможности оторваться отъ него, лежалъ подлѣ ни живъ, ни мертвъ. Трудно вообразить себѣ, что происходило у него въ душѣ. Дошедши до кольца, левъ почувствовалъ, что это не по зубамъ, перегрызъ ногу выше колѣна, съѣлъ почти всего человѣка и пошелъ пить. Младшій братъ воспользовался этимъ, вскочилъ и пустился бѣ-

жать, волоча за собою ногу несчастнаго. Ему удалось вскорѣ напасть на одну изъ закрытыхъ ямъ, какія устроиваютъ, чтобы подстергать львовъ и бить ихъ изъ засады. Онъ влѣзъ въ нее и притаился.

Левъ вскорѣ вернулся, сталъ искать бѣглеца, по кровавому слѣду доходилъ до самой ямы и нѣсколько разъ ревѣлъ почти надъ его головою; но ушелъ съ наступленіемъ дня.

Выбравшись изъ-подъ земли, Арабъ хотѣлъ бѣжать дальше, но его тотчасъ настигли двое всадниковъ, посланные въ погоню. Одинъ изъ нихъ посадилъ преступника къ себѣ на лошадь и привезъ въ городъ — Константину. Тамъ его опять заперли въ тюрьму. Между тѣмъ слухъ объ этомъ происшествіи со всѣми своими подробностями разнесся по городу и дошелъ до губернатора. Онъ не хотѣлъ этому вѣрить и позвалъ разбойника. Преступникъ явился, все еще волоча за собою кусокъ ноги своего брата. Губернаторъ выслушалъ его рассказъ и хотя былъ вообще человѣкъ жестокій, но тутъ сжалился и простилъ разбойника. Должно быть, исторія показалась занимательною: она же въ арабскомъ вкусѣ.

Хотя у льва прекрасное чутье и зрѣніе и слышитъ онъ на далекомъ разстояніи, но онъ рѣдко подстерегаетъ и ловить животныхъ, охотнѣе отправляется въ загонъ, гдѣ ночуютъ табуны лошадей, или стада рогатаго скота; тамъ добыча вѣрнѣе: не то, такъ другое попадется въ лапы, да и штука-то крупная; есть, чѣмъ поживиться. Мнѣ часто случалось видѣть, что въ одномъ лѣсу со львомъ жили кабаны, подходили довольно близко къ его логовищу, цѣлыми стадами рылись въ землѣ, и левъ не нападалъ на нихъ.

Я изучалъ львиный ревъ, какъ сигналы страшнаго

и беспощаднаго врага. При выходѣ изъ логовища львы тотчасъ начинаютъ ревѣть; сперва реветъ львица, потомъ левъ, потомъ опять львица и такъ далѣе — въ перемежку, почти всегда черезъ четверть часа одинъ послѣ другаго. Ревъ сначала походитъ на тяжелые и сильные вздохи, съ разстановками по секундѣ, потомъ становится все громче и громче и оканчивается опять глухимъ, но свободнымъ и сильнымъ вздыханьемъ. Переключаясь такимъ образомъ, левъ и львица идутъ медленно, важно, прислушиваясь къ голосамъ людей, мычанью скота и шороху деревъ. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ надѣются найти добычу, они умолкаютъ. Ъдятъ молча. Наѣвшись, опять начинаютъ ревѣть и перестаютъ съ восходомъ солнца. Когда левъ бываетъ одинъ, онъ тоже начинаетъ ревѣть, лишь только поднимется съ своего *дневнаго ночлега*, и иногда съ ревомъ подходитъ къ самымъ палаткамъ Арабовъ, или къ загонамъ ихъ скота.

Лѣтомъ во время большихъ жаровъ, львы ревутъ рѣдко, или совсѣмъ не ревутъ: но за то въ Декабрѣ, или въ Генварѣ почти не умолкаютъ въ продолженіе цѣлой ночи.

Живетъ левъ отъ тридцати до сорока лѣтъ. Лошадей, муловъ, быковъ, верблюдовъ, козъ и овецъ поѣдаетъ онъ каждый годъ тысячь на шесть франковъ (1,500 руб. сер.). Если круглымъ числомъ положить жизнь льва въ тридцать лѣтъ, то каждый истребитъ скота на двѣсти десять тысячь франковъ. Теперь (въ 1854 г.) въ области, гдѣ главный городъ Константина, живетъ тридцать львовъ. Содержаніе ихъ стоитъ жителямъ ежегодно сто семьдесятъ тысячь франковъ. Каждому Арабу подать на государство обходится въ пять франковъ, а на льва — въ пятьдесятъ.

Чтобы сколько-нибудь уменьшить этотъ тяжелый налогъ и отгонять львовъ подальше, Арабы выжигаютъ лѣса; французское правительство, опасаясь совершеннаго истребленія лѣсовъ, положило штрафъ за поджиганье ихъ, Арабы платятъ штрафъ и жгутъ лѣса по-прежнему. Лучше было-бы положить значительную награду за голову льва; тогда-бъ и лѣса были цѣлы, и жителямъ было выгодно.

Изводить львовъ, какимъ-бы то ни было способомъ, для Алжирцевъ, разумѣется, дѣло большой важности. Во-первыхъ, они ловятъ ихъ въ ямы. Это дѣлается обыкновенно зимой. Палатки становища располагаютъ въ видѣ круга. Въ одной части его, довольно близко къ окружной линіи, вырываютъ яму и обводятъ ее загородой. За нею, внутри круга, дѣлаютъ еще загороду, за которой помѣщаются стада. Съ наступленіемъ ночи, пастухи подгоняютъ скотъ какъ можно ближе къ тому мѣсту, которое примыкаетъ къ ямѣ. Извнѣ ея не видно. Левъ, слыша мычанье и ревъ, перепрыгиваетъ черезъ первую ограду и падаетъ въ яму. Иногда случается это въ то время, когда всѣ спятъ. Испуганныя его появленіемъ и ревомъ, животныя начинаютъ метаться во всѣ стороны и поднимаютъ такой отчаянный шумъ, что цѣлый арабскій таборъ въ одну минуту просыпается; тогда все на ногахъ, все въ тревогѣ: собаки лаютъ и воютъ, дѣти плачутъ, женщины кричатъ, какъ изступленные; мужчины хватаются за оружіе, махаютъ кинжалами, стрѣляютъ на воздухъ изъ ружей и пистолетовъ, хохочутъ, изрыгаютъ на льва самыя звѣрскія ругательства и зажигаютъ костры, чтобы дать знакъ сосѣднимъ становищамъ. Тамъ тоже всѣ приходятъ въ бѣшеное волненіе и черезъ нѣсколько минутъ, вооруженные, какъ на опасную битву, всадники на горячихъ

лошадяхъ, съ женами, дѣтьми и стаями собакъ, прискакиваютъ туда, гдѣ левъ попался въ яму. А онъ, сдѣлавъ нѣсколько страшныхъ прыжковъ, начинаетъ ревѣть съ невообразимою яростію, потомъ умолкаетъ и ложится. Толпы между-тѣмъ стекаются со всѣхъ сторонъ; каждому хочется взглянуть поскорѣй, что попало — большой левъ, маленькій, или львица; тѣсняются, толкаютъ другъ друга такъ, что передніе едва не падаютъ въ яму. Когда всѣ насмотрятся вдоволь, тогда начинаютъ бросать въ него камнями, комками земли, палками, осыпая его всевозможною, самою оскорбительною бранью. Въ какую-бы пору ночи ни случилось это, никто ужъ не ложится спать; раскладываютъ костры, рѣжутъ барановъ, готовятъ кушанье — начинается пиръ горой. Когда наступаетъ утро, множество вооруженныхъ окружаютъ яму и стрѣляютъ пулями до-тѣхъ-поръ, пока левъ не будетъ показывать ужъ ни малѣйшаго признака жизни; тогда нѣсколько человѣкъ спускаются на веревкахъ и опутываютъ льва толстою сѣтью; другіе вытаскиваютъ ихъ вмѣстѣ съ трупомъ убитаго непріятеля. Все это дѣлается ужасно долго, со множествомъ толковъ, крику и гаму. Наконецъ льва начинаютъ свѣжевать; изъ него вынимаютъ сердце, разрѣзываютъ на кусочки и дарятъ присутствующимъ тутъ матерямъ, которыя кормятъ этимъ дѣтей своихъ, чтобы они были сильны и мужественны, какъ львы. Онѣ-же вырываютъ изъ гривы льва волосы и дѣлаютъ изъ нихъ амулетки, которыя, по ихъ мнѣнію, тоже сообщаютъ человѣку мужество.

Еще для подстереганья львовъ устраиваютъ засаду, то въ небольшихъ ямахъ, закрытыхъ толстыми бревнами, камнями и землею, конечно, съ отверстіями для наблюденія и стрѣльбы, то сидя на деревьяхъ. Но какъ

изъ подобныхъ засадъ рѣдко приходится прицѣлится, какъ слѣдуетъ, то льва почти всегда только ранять, и онъ убѣгаетъ въ лѣсъ. Иногда отправляются отыскивать его по кровавому слѣду и добивать; иногда оставляютъ его околѣвать отъ ранъ. Но этотъ способъ истреблять львовъ вообще презирается, хотя Арабы неохотники играть своею жизнью.

Области, въ которыхъ охотятся за львами открыто съ оружіемъ въ рукахъ, пользуются въ Алжирѣ особенно славою; на жителей ихъ смотрятъ съ уваженіемъ. Но и тамъ появленіе льва по близости къ какому-нибудь становищу считается важнымъ событіемъ. Лишь только распространится объ этомъ извѣстіе и удостовѣрятся, что оно вполне справедливо, кто-нибудь разводитъ огонь у подошвы горы. Замѣтивъ это, изъ окрестностей собираются человѣкъ пятьдесятъ, сто, или больше, смотря по числу становищъ; у каждого на плечѣ ружье, за поясомъ пистолетъ и кинжалъ. Приходящіе садятся у огня и закуриваютъ трубки. Кругомъ нихъ бродятъ охотничьи собаки, длинношерстные, свирѣпыя, грызутся между собою и часто загрызаютъ другъ друга до смерти, а хозяева не обращаютъ на то ни малѣйшаго вниманія; должно быть, лѣнь крикнуть и подняться, или мысли ихъ глубокого заняты такимъ важнымъ предметомъ, что имъ о какой-нибудь собакѣ ужъ думать не приходится. Надумавшись вдоволь, они начинаютъ совѣтоваться о томъ, какъ, когда и съ какого пункта нападать на льва. Когда всѣ согласятся касательно разныхъ мѣръ, касательно мѣста и времени, то отправляются на битву. Впередъ идутъ сыщики, которые ужъ развѣдали о логовищѣ и любимыхъ львомъ тропинкахъ, по которымъ онъ бродитъ за добычей; за ними пять, или шесть самыхъ смѣлыхъ и ловкихъ въ

стрѣльбѣ молодыхъ людей. Они всходятъ на гребень горы, слѣдятъ за всѣмъ ходомъ охоты и посредствомъ условныхъ знаковъ сообщаютъ свѣдѣнія жителямъ своихъ таборовъ. Толпа вооруженныхъ медленно и осторожно подвигается за сѣщиками. Подошедши на ружейный выстрѣлъ къ логовищу льва, они подвигаются къ нему въ глубочайшемъ молчаніи. Слухъ у льва очень тонокъ; поэтому иногда слышавъ шаги, или шумъ свалившагося съ горы камня, онъ встаетъ и идетъ прямо на непріятелей. Замѣтивъ его, сѣщикъ правою рукою поднимаетъ полу бурнуса и махаетъ ею передъ собою. Это значить: «я его вижу.» Одинъ изъ охотниковъ отдѣляется отъ толпы и машетъ своимъ бурнусомъ съ правой стороны на лѣвую. Это — вопросъ: «гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ?» Если левъ не трогается съ мѣста, сѣщикъ поднимаетъ обѣ полы платья вровень съ своею головою и выпускаетъ ихъ изъ рукъ. Когда левъ не стоитъ на мѣстѣ, наблюдатель тоже ходитъ то на право, то на лѣво и этимъ означаетъ, куда направляется левъ. Если левъ идетъ прямо на охотниковъ, онъ оборачивается къ своимъ лицомъ, быстро машетъ платьемъ снизу вверхъ и кричитъ изо всѣхъ силъ: «берегитесь!» При этомъ знакѣ, охотники становятся въ рядъ и, если можно, прислоняются къ скалѣ. Бѣда тому, кто не замѣтитъ послѣдняго знака, или отстанетъ отъ своихъ товарищей. Левъ, замѣтивъ его, дѣлаетъ къ нему сильный прыжокъ и разорветъ, или изломаетъ его въ одно мгновеніе, если не будетъ убитъ первымъ выстрѣломъ и наповаль. Часто, замѣтивъ рядъ людей, изъ которыхъ каждый стоитъ, приложась и держа палецъ на языкѣ курка, левъ величественно проходитъ передъ ними, ожидая мгновенія, когда можно на нихъ броситься. Выстрѣлы загремѣли; онъ — раненъ, онъ пришелъ въ бѣ-

шенство и кидается на ближайшаго челоуѣка. При бы-
стротѣ его прыжковъ и поворотовъ трудно ранить его
на смерть; тогда обыкновенно всякій стрѣляетъ, какъ
попало, и спасается, какъ можетъ: одинъ, или двое изъ
охотниковъ непременно погибаютъ. Если-жъ нѣкто не
трогается съ мѣста, всѣ стоятъ смѣло и грозно, безъ
выстрѣла, левъ шагахъ въ двадцати, или тридцати съ
глухимъ рыканьемъ проходить передъ рядомъ напри-
авленныхъ на него ружей и готовится скрыться или въ
непроницаемой чащѣ кустарниковъ, или за горами
камней. Тогда одинъ изъ стариковъ, начальствующихъ
толпою, даетъ знакъ: всѣ стрѣляютъ вдругъ, или кто
какъ успѣетъ и каждый, выстрѣливъ, бросаетъ ружье и
хватается за пистолетъ, или за ятаганъ. Намъ кажется
непонятнымъ, какъ тридцать, или болѣе челоуѣкъ, стрѣ-
ляя на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, не убиваютъ
льва; тотчасъ думаешь, что Арабы стрѣляютъ плохо.
Но если лъву не попадетъ пуля прямо въ сердце, или
не пройдетъ въ мозгъ, то сколько-бы его ни ранили,
онъ все будетъ живъ и, слѣдовательно, ужасенъ. Впро-
чемъ, какъ, стрѣляя цѣлый вѣкъ, не приучится попа-
дать безъ промаха въ назначенную точку?

Когда лъва ранятъ таеъ, что онъ повалится и не
можетъ подняться, то вся толпа накинется на него съ
пистолетами и холоднымъ оружіемъ; въ него стрѣляютъ,
его колятъ, рубятъ и ужъ, разумѣется, убиваютъ. Впро-
чемъ, рѣдко случается, чтобъ кто нибудь изъ охотни-
ковъ не оставилъ въ его зубахъ, или когтяхъ куска
своего мяса.

Замѣчательно, что чѣмъ левъ ближе къ смерти,
тѣмъ опаснѣе; въ это время дикая сила его и свирѣ-
пость разгораются до невѣроятной степени. Напримѣръ,
когда его еще не ранятъ, иногда онъ бросается на

человѣка, сбиваетъ его съ ногъ, царапнетъ раза два и уйдетъ, не сдѣлавъ большаго вреда. Если-же въ него попадетъ нѣсколько пуль, то онъ или разрываетъ перваго, кто ему встрѣтится, или схвативъ его голову къ себѣ въ пасть, на бѣгу своемъ мнетъ и треплетъ его до-тѣхъ-поръ, пока не замѣтитъ другихъ охотниковъ, на которыхъ опять бросается съ отчаянною яростію. Будучи же раненъ на смерть и имѣя возможность схватить охотника, онъ употребляетъ послѣднія усилія, вонзаетъ въ него когти, подтаскиваетъ подъ себя, кладетъ у себя передъ мордой, отъ времени-до-времени, медленно проводитъ когтями глубокія кровавыя полосы по его тѣлу, уставляетъ свой свирѣпый взглядъ въ глаза умирающему, оскаливаетъ зубы, до крови лижетъ ему лицо и, кажется, наслаждается ужасомъ и предсмертными его страданіями.

Между-тѣмъ самые смѣлые охотники, плотно примкнувъ другъ къ другу и приложась изъ ружей, пододвигаются ко льву. Но чтобы вмѣсто льва не попалъ въ человѣка, котораго все еще надѣются спасти, надо стрѣлять въ упоръ дула. За это берется всегда кто-нибудь изъ родственниковъ несчастнаго. Онъ выходитъ одинъ, оставляя товарищей шагахъ въ двадцати за собою. Когда левъ чувствуетъ, что силы его вскорѣ совсѣмъ оставятъ, и онъ не можетъ подняться, то, видя какъ наставляютъ ему въ ухо дуло ружья, изломаетъ голову человѣка, находящагося у него въ лапахъ, зажмурится и спокойно ждетъ смерти, не дѣлая усилій вскочить, отползти, или повернуться. Но иногда онъ бываетъ еще способенъ защищаться. Въ такомъ случаѣ задушить, или убить лапой, или разорветъ свою добычу и бросится на того, кто къ нему подходитъ, и рѣдко, рѣдко судьба спасаетъ человѣка.

Впрочемъ всё такія и подобныя имъ происшествія случаются только тогда, когда левъ покажется и вздумаетъ *выдти* на борьбу съ людьми. Но иногда знаютъ, гдѣ его притонъ; а онъ заляжетъ въ ужасную чащу и не показывается оттуда, да и только. Тогда охотники приходятъ на опушку лѣса; начинаютъ кричать и, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранить льва, называя его ночнымъ воромъ, сыномъ вора, дармоѣдомъ, козолупомъ, трусомъ. Арабы думаютъ, что бранью скорѣе вызовешь льва. Но если и это не удастся, то пускаютъ въ чащу лѣса нѣсколько пуль.

Это продолжается иногда нѣсколько часовъ, и чѣмъ дольше не показывается левъ, тѣмъ охотники становятся нерѣшительнѣй. Они знаютъ, что — это левъ уже опытный, который дожидается случая, какъ можно, ловчѣе броситься на нихъ. Опять начинаются совѣщанія, споры, крикъ. Одни говорятъ, что это — левъ — дрянъ, молокососъ, что онъ отбилъ, должно-быть, отъ матери и боится одинъ показать носъ; другіе доказываютъ, что это — левъ — мудрецъ, шейхъ, старѣйшина; третьи увѣряютъ, что тутъ совсѣмъ нѣтъ льва, ни стараго, ни молодаго, однакожь не отваживаются итти въ лѣсъ: и хорошо дѣлаютъ, потому-что левъ точно сидитъ тамъ, и тутъ его постоянное логовище. Подъ темнымъ сводомъ дикихъ оливъ и масикъ, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, у него устроено нѣсколько жильевъ, очень чистыхъ и удобныхъ. Онъ ложится то въ то, то въ другое, смотря по погодѣ и времени года. Туда онъ возвращается, лишь только начинаетъ брезжать свѣтъ.

До прихода охотниковъ онъ спалъ, лежа на лапахъ, какъ кошка. Услышавъ шумъ, онъ открылъ глаза и немножко приподнялъ голову. Но шумъ увеличивается; до него начинаютъ доходить человѣческіе голоса. Онъ са-

дится на заднія лапы и прислушивается; въ немъ замѣтно нѣкоторое нетерпѣніе и безпокойство. Но вотъ охотники крикнули изо всѣхъ силъ цѣлою толпой. Льва какъ-будто подбросило пружиной; онъ встряхнулъ косматой гривой и издалъ ужасный, гнѣвный ревъ. При первомъ выстрѣлѣ, при первомъ свистѣ пули, которая пролетѣла мимо него, щелкая по листьямъ и стволамъ деревъ, онъ съ бѣшенствомъ выскакиваетъ изъ своего жилья и прыгаетъ кругомъ, зорко высматривая, откуда грозитъ опасность. Онъ узналъ, гдѣ непріатели; они тревожатъ его не въ первый разъ; онъ ужъ побывалъ въ битвѣ; нѣсколько пуль сидитъ въ его тѣлѣ. И онъ бродитъ въ дремучей чащѣ вокругъ своего жилья; то стоитъ и слушаетъ, то бѣгаетъ, ломая сучья и вѣтви, какъ-бы очищая себѣ дорогу для выхода, въ случаѣ надобности; то садится на заднія лапы, сверкая глазами, которыми, какъ молніей, пронизываетъ темную чащу, то вдругъ вскакиваетъ, оцетинивается, охватываетъ лапами дерево, вонзаетъ въ него когти, деретъ и рветъ зубами кору его.

Арабы между-тѣмъ все толкуютъ; наконецъ рѣшаются нападать. Чтобы легче было дѣйствовать и пробираться по лѣсу, они скидаютъ бурнусы и вѣшаютъ на деревьяхъ. снимаютъ сапоги, или башмаки, и другую одежду; остаются въ однѣхъ рубашкахъ, становятся тѣсными рядами, раздѣляются на партіи, всегда такъ, чтобы родственники и друзья были вмѣстѣ; и осторожно подходятъ къ опасному лѣсу. Деревя, большею частію, растутъ такъ плотно одно къ другому, что двумъ рядомъ итти нѣтъ возможности. Впередъ рѣшается итти какой-нибудь молодой смѣльчакъ. Тутъ выдается просторное мѣстечко, въ нему тотчасъ примыкаютъ другіе товарищи. Замѣтивъ ихъ, старый, опытный левъ прилегаетъ къ землѣ

Было часовъ около одиннадцати, я ждалъ прихода львовъ.

такъ, что замѣтить его нѣтъ никакой возможности, потомъ вдругъ прыгнетъ, какъ стрѣла, ранить кого-нибудь и убѣжить подъ градомъ пуль, или схватить несчастнаго и въ одинъ мигъ унесетъ его въ глухую трущобу, и только по хряпанью сухихъ и свѣжихъ сучьевъ, иногда по пронзительному крику погибающаго, знаютъ, въ какомъ направленіи убѣжалъ страшный *господинъ*. Гнаться за нимъ или бесполезно, потому что ни за что не догонишь, или значитъ идти на явную смерть. Но иногда какой-нибудь удалецъ отправляется не на смерть себѣ, а на смерть льву. Тогда радостнымъ крикамъ, восторгу, нѣтъ конца. Это просто торжество, какъ по случаю какой-нибудь побѣды. О заѣденныхъ, или изувѣченныхъ людяхъ нѣтъ и помину. Тотчасъ устраивается родъ процессіи: двухъ, или трехъ человѣкъ отправляютъ въ таборъ за мулами. Между-тѣмъ тотчасъ съ ятаганами бросаются на льва и снимаютъ съ него шкуру, съ крикомъ и насмѣшками. Когда приведутъ муловъ, тотчасъ всѣ отправляются назадъ, толпой, въ перебивку, пересказывая другъ другу всѣ подробности охоты, которыя почти каждому изъ нихъ вполнѣ извѣстны, потому что все дѣлалось у нихъ на глазахъ, или вблизи. Впереди, покрывшись львиною шкурой, ѣдетъ тотъ, кто далъ льву послѣдній ударъ; за нимъ ѣдутъ раненые; дальше везутъ убитыхъ; кто-нибудь садится на мула верхомъ, сажаетъ также мертваго и, придерживая, везетъ. Сзади идутъ и ѣдутъ всѣ охотники, или тѣ, которые приходили издали смотрѣть на побоище. Въ срединѣ поѣзда несутъ мясо льва, разрубленное на части, наткнувъ его на сучья, которые срубаютъ нарочно для этого случая. На встрѣчу процессіи сбѣгаются многочисленные толпы. Крикъ, хохотъ, радостные возгласы, топанье, рукоплесканія составляютъ картину самаго дикаго, бѣшенаго

и бессмысленнаго торжества. А тутъ-же глядишь — жена обмываетъ раны погибшаго, мать съ воплемъ, надрывающимъ сердце, всматривается въ его черты, выражающія жесточайшія страданія; а братъ, опустивъ голову, потушивъ глаза въ землю, сидитъ молча, безъ жалобъ, слезъ и вздоховъ. Тоска его дѣлается еще больше горькою отъ упрека, зачѣмъ онъ также не пошелъ на опасный промыслъ и не сталъ рядомъ съ братомъ, чтобы защитить его своею рукой, или грудью. Но ихъ никто не замѣчаетъ: идетъ по-прежнему шумъ, розсказни и топотня. Вотъ поднялся дѣтскій хохотъ, визгъ и что-то похожее на львиный ревъ. Это — царь праздника, главный герой дѣйствія, одѣвнись шкурой льва, ходитъ на четверенькахъ и пугаетъ ребятишекъ и женщинъ. Наконецъ всѣ, накричавшись, наговорившись и наревѣвшись вдоволь, расходятся по таборамъ до слѣдующаго подобнаго случая.

Но такая гуртовая охота, въ которой охотники собираются гурьбой, не такъ занимательна, какъ охота въ одиночку. Это походить на страшный поединокъ, гдѣ сокрушительной силѣ льва человѣкъ противопоставляетъ только силу оружія, ловкость и смѣлость. Этимъ славится теперь одинъ Французъ, Жераръ. Вотъ что, между прочимъ, разсказываетъ онъ о себѣ и о львиной охотѣ: «въ 1845 году, жители одной алжирской области прислали просить меня, чтобы я освободилъ ихъ отъ семейства львовъ, которые поселились у нихъ на лѣто и истребляли множество скота. Я собралъ отъ жителей всѣ нужныя свѣдѣнія, отправился на берегъ рѣки, къ которой львы приходили пить, осмотрѣлъ слѣды ихъ, направленіе, откуда они приходятъ и куда уходятъ. Открылось, что семейство было довольно велико — отецъ, мать и трое уже взрослыхъ дѣтей. Я помѣстился у

ручья, за нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, по которому проходили львы. За мною въ отдаленіи было нѣсколько Арабовъ. Имъ хотѣлось посмóтрѣть, какъ одинъ *невѣрный*, проклятый Франецъ (Европеецъ), словомъ, гяуръ, будетъ управляться со львомъ, на котораго они кликаютъ цѣлыя становища.

По показаніямъ туземцевъ, логовище львовъ должно было находиться въ непроницаемой густотѣ деревь и кустарниковъ. Начальникъ племени, старикъ Тайебъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и, указывая на множество львиныхъ слѣдовъ, сказалъ: «смотри сколько ихъ! Уйдемъ отсюда!»

До этого времени, я больше ста ночей проводилъ одинъ, подъ открытымъ небомъ, на днѣ какого-нибудь глубокаго рва, куда ходили львы, или пробирался по едва замѣтнымъ тропинкамъ, встрѣчалъ и львовъ, и дромадеровъ и всегда отдѣлывался отъ нихъ счастливо. Часто, промокнувъ отъ дождя, или отъ холодной тропической росы, я дрожалъ въ лихорадкѣ, тогда какъ рукѣ моей надлежало быть твердой; часто вокругъ меня свирѣпствовала буря и увеличивала страшный мракъ ночи; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня раздавалось рыканіе львовъ: но я не думалъ ни о чьей помощи. Я наслаждался своимъ одиночествомъ и гордою безбоязненностью души, тогда какъ по безсмысленному тѣлу невольно пробѣгала дрожь, и зубы, вопреки силѣ воли, стучали, какъ у испуганнаго волка. Поэтому, я не послушался добродушнаго совѣта Тайеба и считалъ дѣломъ чести показать Арабамъ, что Европеецъ можетъ ходить одинъ на льва. Это уважается ими выше всякой храбрости въ битвѣ. Къ тому же, для меня сдѣлалось наслажденіемъ и потребностью бродить въ темной ночи, среди безплодныхъ скалъ и угрюмыхъ лѣсовъ, въ тяже-

ломъ безмолвіи природы, когда, кажется, самый просторъ давить васъ. Иногда, совсѣмъ не надѣясь встрѣтить льва, или другаго звѣря, я съ наступленіемъ ночи, убѣгалъ изъ своей палатки и ходилъ, ходилъ до крайняго утомленія, до-тѣхъ-поръ, пока, не разбирая мѣста, падалъ, гдѣ попало и засыпалъ, какъ мертвый, оставляя, вмѣсто сторожа, ружье со взведенными курками. И такъ проходили у меня не недѣли, не мѣсяцы, но десятки лѣтъ; и эти лѣта я считаю счастливѣйшими въ жизни. Ты, кого жестокая бѣдность, жажда дикой, отчаянной борьбы, избытокъ молодыхъ кипящихъ силъ, или неусыпная тоска, заставятъ бѣжать отъ многолюдства въ пустыни Африки, или другой какой первобытной страны, невѣдомый другъ и участникъ моихъ наслажденій, вотъ тебѣ мой совѣтъ и моя просьба: не надѣйся ни на кого, кромѣ своей руки, своего глаза и ружья; помни, что ты — каждую минуту въ опасности; заранѣе обреки себя на смерть и прозирай ее, будь каждую минуту готовъ на страшный поединокъ, не бери ни проводниковъ, ни охотниковъ; изучи, какъ самъ собою отъ вѣтра шумить листь и дождемъ смытый катящійся камень, какъ отъ могучихъ лапъ пробирающагося звѣря; пользуйся свѣтомъ мѣсяца, блистаньемъ молніи и бродячими огнями кровожадныхъ свѣтящихся глазъ, не медли и не торопись, и ты — найдешь много минутъ самозабвенія и самодовольствія. Такъ пройдетъ, можетъ-быть, нѣсколько лѣтъ, и наконецъ — если рука, судьба, пистонъ, или что другое измѣнитъ тебѣ и ты погибнешь: Арабы найдутъ твои *остатки*, не воздвигнутъ тебѣ мавзолея, какъ говорятъ у насъ въ Европѣ, а навалятъ надъ тобою груду камней, на вершинѣ которой набросаютъ битыхъ горшковъ, ломаннаго и ржаваго желѣза, ядеръ, бомбъ и еще какихъ-нибудь вещей, которыя

будутъ говорить проходящимъ: «онъ умеръ, какъ мужчина!» Впрочемъ, что тебѣ за нужда до битыхъ горшковъ и мавзолеевъ? Не думай о нихъ при жизни, какъ не будешь думать по смерти. Бери ружье и съ наступленіемъ ночи, подобно мнѣ, бреди въ пустыню искать того, чего ты не могъ найти въ другихъ мѣстахъ, и ты не будешь удивляться, что не смотря на всѣ убѣжденія шейха уйти домой, или взять съ собою нѣсколькихъ человѣкъ, я сказалъ на отрѣзъ, что хочу остаться одинъ.

Полюбилъ-ли онъ меня лично, жаль-ли ему было меня, какъ молодаго человѣка, внушали-ль ему сочувствіе мое одиночество и отдаленность моей родины, не знаю; но только, прощаясь со мною, онъ попросилъ у меня позволенія вмѣстѣ съ своими единоплеменниками помолиться за меня въ вечерней молитвѣ и сказалъ, что у нихъ въ цѣломъ становищѣ никто не будетъ спать всю ночь и отъ мала до велика всѣ съ безпокойствомъ будутъ ждать, когда раздастся выстрѣлъ моего ружья.

Они отошли въ сторону и начали молиться съ благоговѣніемъ, свойственнымъ пылкой арабской природѣ. Это меня очень тронуло: они, враги нашей религіи, нашего образованія и нашего племени, молились за человѣка, котораго даже имени не знали и означали прозвищемъ: «человѣкъ львовъ».

По окончаніи молитвы, шейхъ опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «если Богъ услышитъ нашу молитву и ты захочешь успокоить тѣхъ, которые тебя любятъ, то, убивши льва, немедленно зажги костеръ, который здѣсь сейчасъ для тебя приготовить. Мы также будемъ отвѣчать тебѣ огнемъ на огонь».

Я поблагодарилъ Тайеба. Арабы, вообще невообразимо лѣнивые, въ одну минуту склали костеръ изъ сухихъ

смолистыхъ вѣтвей и травы, такъ что спичкой можно-бъ было поджечь его.

Когда все было кончено, Тайебъ, стоявшій подлѣ меня, сказалъ: «я боюсь, что ты будешь смѣяться надо мною; а то-бы я тебѣ далъ совѣтъ.»

— Я всегда съ почтеніемъ слушалъ слова старика! отвѣчалъ я.

«Такъ, послушай-же, дитя мое: если львы сегодня сойдутъ съ горъ, *господинъ съ большой головой* будетъ итти впереди всѣхъ. Дѣти ужъ взрослые; мать перестала о нихъ заботиться: они ходятъ съ отцемъ.

Не заботься объ остальныхъ; не теряй изъ виду только господина съ большой головой: если насталъ твой послѣдній часъ, то это онъ, а не кто другой убьетъ тебя; а другіе будутъ тебя ѣсть.»

Всѣ стали уходить и звать старика съ собой.

«Ступайте», крикнулъ онъ имъ; «я приду». Между-тѣмъ онъ съ осторожностію посмотрѣлъ кругомъ и, наклонясь ко мнѣ, шепнулъ на ухо: «онъ укралъ у меня лучшую кобылицу и десять быковъ.»

— Кто укралъ?

«Онъ!» повторилъ старикъ, указывая кулакомъ на гору.

— Да кто такой? Скажи, пожалуйста.

«Господинъ съ большой головой.» Это сказалъ онъ такъ тихо, что я едва его слышалъ.

Арабы ушли и скрылись въ лѣсу. Я остался одинъ въ Магунскомъ ущельѣ. Чудное это ущелье. Такое живописное и такое мрачное, такое дикое, что трудно себѣ вообразить. Оно идетъ между двумя, почти отвѣсными горами, скаты которыхъ пересѣкаются безчисленными, неисходными оврагами и покрыты дубами, дикими оливами и мастикъ, которые образуютъ свѣжій,

тѣнистый и могучій лѣсъ. По ущелью течетъ ручей. Дорожки, пробитыя къ нему звѣрями всякаго рода, слѣдовъ, накладенныхъ вездѣ по берегамъ и на его мелкомъ днѣ—счету нѣтъ. Точно какъ-будто впродолженіе цѣлаго лѣта сюда сгоняли стада скота каждый день на водопой.

Нельзя-бъ было подумать, чтобы кто-нибудь могъ поселиться на этихъ горахъ; а между-тѣмъ здѣсь поселились люди, бѣжавшіе отъ преслѣдованій, и остались, живутъ тутъ и любятъ свою родину, какъ мѣсто своихъ колыбелей, дѣтскихъ игръ, трудовъ въ лѣта возмужалости и пріюта родныхъ могилъ. Разсчитывая годовое содержаніе, хозяинъ говоритъ: вотъ столько-то скота на подати, столько-то на льва, а остальное на семью, и сдѣлавъ этотъ расчетъ, живетъ спокойно.

Пути сообщенія между жителями этихъ двухъ горъ такъ трудны, дороги такъ круты и такъ узки, что во многихъ мѣстахъ даже пѣшкомъ едва можно пробраться. Ручьи текутъ, можно сказать, въ трещинахъ скалъ; по нѣкоторымъ едва можно протѣсниться одному человѣку, или звѣрю. Таковъ именно былъ ручей, у котораго я ждалъ львовъ. Видалъ я много мѣстъ мрачныхъ и пустынныхъ, проводилъ не одну темную ночь подъ небомъ безъ звѣздъ и безъ луны: но такъ жутко нигдѣ и никогда не бывало мнѣ, какъ здѣсь, и какъ въ это время. На меня напала какая-то безотчетная тоска отъ этого уединенія, которому я предался добровольно и такъ охотно; я съ напряженіемъ смотрѣлъ во всѣ стороны, внимательно прислушивался: но ни въ одной палаткѣ не мелькнулъ огонекъ, нигдѣ не раздавался лай собаки, не было ничего, чтобы напоминало существованіе человѣка. Кругомъ было все темно, нѣмо и глухо. Одно *существо* было знакомо и близко ко мнѣ—мое ружье.

Время шло. Я сидѣлъ въ огромной каменной ложбинѣ. Сверхъ всякаго чаянія показался мѣсяцъ и тусклый полусвѣтъ его меня очень обрадовалъ.

Было часовъ около одиннадцати. Я ждалъ прихода львовъ и ужъ пересталъ ждать. Вдругъ мнѣ показалось, что что-то идетъ по лѣсу. Прислушиваюсь — нѣтъ сомнѣнія — идутъ какіе-то большіе звѣри, и по шуму и треску, видно, что ихъ много. Черезъ нѣсколько минутъ сквозь чащу замелькали, забѣгали красноватые огоньки и подходятъ ко мнѣ довольно медленно, но все ближе и ближе. Я узналъ, что это львы. Они шли одинъ за другимъ, къ тому мѣсту, гдѣ я находился. вмѣсто пяти, я насчиталъ однакожъ только трехъ. Они остановились отъ меня шагахъ въ пятнадцать. Присматриваясь, я замѣтилъ, что левъ, шедшій впереди, не былъ господинъ съ большою головою. Шеихъ описалъ мнѣ его такъ точно, что я не могъ ошибаться. Они всѣ трое меня увидѣли, кажется, изумились, и смотрѣли на меня, не трогаясь съ мѣста. Я приложился и выстрѣлилъ. Тотчасъ раздался страшный и болѣзненный ревъ. Когда разсѣялся дымъ, то я увидѣлъ, что два льва медленно уходили подъ густыя вѣтви лѣса, а третій, не могши стать на переднія ноги, ползъ ко мнѣ, какъ змѣй. Я понялъ, что приходили пить только дѣти, что отца и матери съ ними не было, обрадовался, когда два изъ нихъ скрылись въ лѣсу и приготовился защищаться отъ раненаго, который съ крайнею свирѣпостью до меня добирался.

Вдругъ, съ протяжнымъ, болѣзненнымъ ревомъ, сдѣлавъ чрезвычайное усиліе, онъ подпрыгнулъ ко мнѣ на три шага. Я выстрѣлилъ въ другой разъ, и онъ опять покатился въ русло ручья. Онъ подползъ ко мнѣ въ третій разъ и только тогда, когда я выстрѣлилъ, на-

ставивъ дуло ружья прямо въ глазъ, онъ растянулся мертвымъ.

Когда, раненый первою пулею, левъ издалъ болѣзненный ревъ, въ ту же минуту, на другомъ берегу ручья, изо всѣхъ силъ начала выть пантера. Потомъ тоже повторилось и при послѣдующихъ выстрѣлахъ. На первый крикъ пантеры тотчасъ отозвался другой, тамъ третій, четвертый. Радовались-ли они несчастію своего врага, или перепугались его ужаснаго голоса, или машинально откликались болѣзненно на болѣзненный вопль, я не могъ этого узнать: но въ продолженіе всей кровавой драмы, четыре пантеры были непрерывно и ужасно.

Убитый мною левъ былъ лѣтъ трехъ, очень жирный и толстый; зубы и когти у него были почти совсѣмъ такіе-же большіе, какъ у совершеннолѣтняго. Удостоверясь, что онъ стоилъ выстрѣловъ и что Арабы будутъ поздравлять меня съ удовольствіемъ и уваженіемъ, я вспомнилъ о кострѣ и зажегъ его. Лишь только пламя, какъ-бы съ усиліемъ прорываясь сквозь густую темноту ночи, освѣтило скаты скалистыхъ горъ, въ знакомомъ мнѣ становищѣ раздались ружейные выстрѣлы. Это былъ знакъ, который давали о моей побѣдѣ Арабамъ другихъ становищъ. Очевидно, во многихъ изъ нихъ тоже не спали, потому что тоже начали стрѣлять изъ ружей.

По-утру, раньше всѣхъ, пришелъ ко мнѣ Тайебъ и сказалъ, что, между-тѣмъ, какъ я стрѣлялъ въ молодого льва, *старый господинъ* уволокъ у него еще быка. Потомъ со всѣхъ сторонъ нашло ко мнѣ больше двухъ сотъ человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чтобы посмотрѣть на льва и, по своему обыкновенію, насмѣяться надъ нимъ.

Но и господину съ большой головой пришелъ ко-

нецъ. Не говоря о другихъ злодѣяніяхъ, онъ почти впродолженіе только одного года съѣлъ у одного Араба Ландара сорокъ пять овецъ, кобылицу и двадцать девять быковъ. Ландаръ поклялся отмстить ему и пришелъ звать меня на его погибель. Я отправился въ тѣ мѣста, гдѣ свирѣпствовалъ левъ, но пробродилъ нѣсколько ночей по окрестностямъ, нигдѣ не встрѣчая никакихъ слѣдовъ его. Наконецъ Ландаръ опять явился ко мнѣ и сказалъ: «у меня пропалъ черный быкъ; значить, левъ гдѣ-нибудь тутъ. Завтра по-утру я пойду искать, гдѣ валяются кости быка, и тогда горе грабителю!»

Прошелъ день; на слѣдующее утро, чѣмъ свѣтъ, только что я проснулся, смотрю, Ландаръ уже сидитъ подлѣ меня на корточкахъ въ совершенной неподвижности. На лицѣ его выражалась необыкновенная радость; бурнусъ его былъ покрытъ каплями росы; у ногъ его лежали собаки, перепачкавшіяся въ грязи. Ландаръ бродилъ цѣлую ночь, и ночь была бурная, грозная.

«Здравствуй, братъ!» сказалъ онъ мнѣ: «я нашелъ его; пойдѣмъ!» Я, не говоря ни слова, взялъ ружье и пошелъ. Прошедши черезъ огромный лѣсъ дикихъ оливъ, мы спустились въ глубокое ущелье. Оно было завалено обломками скалъ, по которымъ и между которыми росъ чрезвычайно густой кустарникъ. Съ трудомъ пробираясь, мы зашли въ страшную глушь и увидѣли мертваго быка. У него были съѣдены только бедра и грудь; остальное все цѣло. Левъ перевернулъ быка объѣденнымъ мѣстомъ къ низу. «Принеси мнѣ сейчасъ лепешку и воды и вели, чтобъ до завтрашняго дня никто не приходилъ сюда.» Онъ принесъ мнѣ обѣдъ и ушелъ. Я помѣстился шагахъ въ трехъ отъ быка, у дикой

оливъ, приставилъ къ стволу дерева нѣсколько наломанныхъ вѣтвей, чтобы меня не видно было сзади и сталъ обѣдать. Время шло медленно. Около осьми часовъ вечера стемнѣло. Мѣсяцъ, скрывавшійся за горизонтомъ, чуть-чуть освѣщалъ клочекъ земли, гдѣ я находился. Наконецъ все стемнѣло; шагахъ въ десяти видѣть нельзя было ничего; да и ближе я едва-едва различалъ что-нибудь. Опершись о дерево, я сидѣлъ и прислушивался самымъ внимательнымъ образомъ. Вотъ вдали хрустнула вѣтка. Я поднялся и приготовился къ защитѣ: сталъ на правое колѣно, на лѣвое оперся локтемъ руки, приложился и положилъ палецъ на язычекъ курка. Съ минуту ничего не было слышно. Вдругъ шагахъ въ тридцати раздался глухой ревъ, потомъ все ближе, ближе. Ревъ оканчивался всегда какимъ-то гортаннымъ, перекатнымъ рыканьемъ. Это всегда значить, что левъ голоденъ. Вотъ, онъ замолкъ; я гляжу во всѣ глаза и вотъ вижу — чудовищная голова показалась надъ переднею частью быка. Левъ началъ его лизать, не сводя съ меня глазъ. Я выстрѣлилъ въ него кускомъ рубленого свинцу и попалъ на вершокъ отъ лѣваго глаза. Левъ заревѣлъ, и поднялся на заднія лапы. Я тотчасъ выстрѣлилъ въ другой разъ и попалъ въ грудь. Онъ опрокинулся навзничъ и началъ махать огромными лапищами. Зарядивъ ружье и полагая, что онъ уже не встанетъ, я подошелъ и хотѣлъ ударить его кинжаломъ въ сердце. Но онъ машинально попалъ по кинжалу лапой и изломалъ его. Я отпрыгнулъ назадъ, и когда онъ приподнялъ огромную голову, выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ и добилъ его окончательно. Ландаръ и Тайебъ были въ восторгѣ. Они отомстили своему врагу.

Какъ-бы я желалъ, чтобы другъ пустыннаго уеди-

ненія, дикой природы, угрюмыхъ дебрей, темныхъ ночей и темныхъ лѣсовъ, кого воля, или неволя приведетъ на мои, знойнымъ пескомъ замеченные слѣды, воспользовался опытами моей страннической жизни. Слушайте-жъ: если вы молоды, сильны, если ноги ваши стоятъ твердо, колѣни никогда не дрожатъ, если у васъ есть сердце, открытое для впечатлѣній природы и желѣзная воля, не знающая страха: то, умоляю васъ, прїѣзжайте въ Африку охотиться за львами. Но для этого купите себѣ самое лучшее ружье и вывѣрьте его такъ, чтобы въ тридцати шагахъ попадать безъ промаха. Прибавьте къ этому пистолетъ. Особенно позаботьтесь, чтобы они были сильно, и заряжайте ихъ всегда коническими пулями. Имѣйте двоякаго рода платье: одно для зимы — очень теплое; другое для лѣта — очень легкое, но такое, которое-бы не изорвалось въ колючихъ и цѣпкихъ кустарникахъ.

Будьте на сторожѣ противъ Аравитянъ и старайтесь внушить къ себѣ уваженіе. Лишь только вы пристанете къ какому-нибудь ихъ становищу и разобьете свою палатку, они тотчасъ станутъ приходить къ вамъ. Не обманывайтесь этимъ: это — ни дружба, ни вниманіе, ни вѣжливость; это просто глупое любопытство: имъ хочется посмотрѣть, такой-же ли вы человѣкъ, какъ и они; сядутъ около васъ, какъ дураки, и смотрятъ вамъ въ глаза. Не обращайтесь на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Нѣкоторые, можетъ-быть, скажутъ: «мы тебѣ рады!» отвѣчайте имъ, не смѣясь, не улыбаясь, только однимъ наклоненіемъ головы. Будьте молчаливы, сколько можете, и говорите только въ крайней необходимости. Быть глупымъ и безтолковымъ у Арабовъ — ничего, быть воромъ и разбойникомъ — дѣло почтенное; но быть болтливымъ — ужасный позоръ. Они станутъ осыпать

васъ вопросами, узнавши, что вы намѣрены охотиться за львами. Отвѣчайте только кой-кому и всегда, какъ можно, скромнѣй. Они станутъ васъ спрашивать: «днемъ или ночью ты охотишься?»

Отвѣчайте: и днемъ, и ночью.

«Одинъ, или съ кѣмъ-нибудь?»

— Одинъ.

Къ этому можете прибавить, что вамъ жаль, какъ много скота поѣдаетъ у нихъ левъ, что вы хотите сколько-нибудь избавить ихъ отъ горя, что вы не боитесь смерти.

При этомъ, молодой человѣкъ, съ видомъ искренности и простодушія спроситъ: «а если ты ночью, въ горахъ встрѣтишь какихъ-нибудь людей, то будешь-ли стрѣлять въ нихъ?» Отвѣчайте скорѣй и громче, такъ, чтобы всѣ слышали: «что мнѣ за дѣло до нихъ, до этихъ людей, которые по ночамъ бродятъ по лѣсу? — у нихъ — свое дѣло, у меня — свое. Я охочусь только за львами. Если я увижу такихъ людей, я скажу имъ: ступайте своимъ путемъ, и когда у нихъ нѣтъ дурныхъ намѣреній, я не сдѣлаю имъ никакого зла.» Дальше этого не разговаривайте съ ними ни о чемъ, хоть-бы вы прожили съ ними цѣлый мѣсяцъ.

Когда, сверхъ этого, на другой день вы станете при нихъ стрѣлять въ цѣль и сажать пулю на пулю, будьте увѣрены, что миль на двадцать въ окрестности, о васъ будутъ знать всѣ: ваше лицо, вашъ ростъ, ваши лѣта, будутъ извѣстны съ точностію; о васъ станутъ вездѣ рассказывать: онъ говоритъ мало; наружность у него мужественная; онъ стрѣляетъ хорошо и ничего не говоритъ о мародерахъ. Последнее замѣчаніе весьма важно для васъ. Оно значитъ, что васъ не намѣрены убить при первой возможности.

Однакожь молчаливости и ловкости стрѣлять въ цѣль, еще недостаточно для поддержанія уваженія къ вамъ, особенно, если знаютъ, что вы не застрѣлили ни одного льва. Они подождутъ, пока вы отправитесь на охоту. Собираясь на этотъ подвигъ, возьмите проводника и какъ ночью по лѣсу не ходитъ ни одинъ честный Арабъ, возьмите разбойника. Но спрашивайте себѣ человѣка, который привыкъ ходить ночью, гдѣ угодно, и ничего не боится: тогда въ каждомъ становищѣ явятся въ вамъ цѣлые десятки молодыхъ и здоровенныхъ людей. Выбирайте любаго и будьте увѣрены, что это все дневные воры и ночные разбойники. Но знайте, что никто изъ нихъ не согласится раздѣлять съ вами опасности: онъ будетъ васъ вести по оврагамъ, описывать мѣста, издали указывать, гдѣ притонъ львовъ и уйдетъ, когда нужно встрѣтиться съ *грозою* пустыни. Узнавайте возрастъ и полъ львовъ по слѣду. Скорѣе всего это можете сдѣлать у ручья или болота, куда они приходятъ пить. Если рукой своей съ растопыренными пальцами вы закроете весь слѣдъ, то значить, что это была львица, или львенокъ; если нѣтъ — то совершеннолѣтній левъ.

Въ совершенно темную и безлунную ночь не ходите за львами. Это рѣшительное сумасбродство. Я ходилъ и только лишь необыкновенная, слѣпая удача спасала меня отъ мучительной смерти. Левъ не всегда заѣдаетъ вдругъ. Я не попался ему въ лапы, и это рѣдкость; а бывалъ близко къ тому. Такъ, на примѣръ, въ 1845 году, 27 Февраля, въ 5 часовъ вечера, я по приглашенію пришелъ въ одинъ таборъ. Старики сказали мнѣ, что у нихъ больше тридцати лѣтъ живетъ левъ, каждый вечеръ съ заходомъ солнца выходитъ изъ своего логовища, а когда совсѣмъ стемнѣетъ, спускается съ горъ

въ долину и лишь тронется съ мѣста, рсветъ безпрестанно, какъ-бы требуя себѣ добычи.

Очевидно, что въ указанномъ мѣстѣ можно было встрѣтиться съ нимъ неминуемо. Поэтому я взялъ два ружья, зарядилъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ и отправился съ наступленіемъ ночи. Хозяинъ вызвался провожать меня. Я далъ ему одно ружье. Вскорѣ слышался грозный, но спокойный ревъ. Съ четверть часа шли мы по лѣсу. Арабъ остановился на берегу ручья и, съ безпокойствомъ указывая на одно мѣсто, сказалъ: «вотъ тутъ онъ переходить.» Темъ была ужасная; я даже не видалъ Араба, который стоялъ почти рядомъ со мною. Мнѣ надобно было однакожь сколько-нибудь ознакомиться съ мѣстностью, чтобы выбрать выгодное положеніе. Я началъ руками ощупывать землю кругомъ себя и прямо надъ ручьемъ нашелъ камень, на которомъ можно было сѣсть. А ручей текъ въ тѣсныхъ и крутыхъ скалистыхъ берегахъ. Рѣшившись остаться на этомъ мѣстѣ, я простился съ хозяиномъ, который уходя торопливо, нѣсколько разъ твердилъ мнѣ: «эй, уйдемъ домой; поищемъ его лучше днемъ!» Опасаясь одинъ даже возвращаться въ свой таборъ, онъ шаговъ за пятьдесятъ отъ меня забился въ частый кустарникъ и притаилъ духъ.

Приказавъ ему не шевелиться, чтобы онъ ни услышалъ, я сѣлъ на камень. Левъ все ревѣлъ, подвигаясь ко мнѣ очень медленно. Я на нѣсколько минутъ закрылъ глаза; послѣ этого мнѣ можно было видѣть нѣсколько яснѣй, и я замѣтилъ передъ собою отвѣсный скатъ къ ручью; дуло моего ружья почти упиралось въ то мѣсто, гдѣ былъ львиный бродъ. Я устремилъ глаза на воду, которую мнѣ иногда удавалось замѣчать, и ждалъ рѣшительной минуты. Мнѣ казалось, что я жду ужасно

долго. Вотъ на противоположномъ берегу ручья, прямо противъ меня, послышался какъ-будто протяжный, тяжелый вздохъ, похожій на послѣднее предсмертное хрипѣнье человѣка. Я съ наслажденіемъ взглянулъ туда, откуда шелъ этотъ странный звукъ и увидѣлъ, что на меня уставлены два огненные глаза. Они бросали какой-то блѣдноватый отливъ; но онъ не освѣщалъ ничего; я нисколько не видалъ даже головы чудовища. Промаянута было легко. Вся кровь моя прихлынула къ сердцу. За минуту я дрожалъ отъ холода, а тутъ потъ струями текъ по моему лицу. Мысли вихремъ крутились у меня въ головѣ; помню однакожъ, что я вотъ какъ думалъ распорядиться: если я не убью льва двумя выстрѣлами, онъ на меня прыгнетъ и не сойдетъ меня съ ногъ: то я одной рукой всажу ему въ горло дуло ружья по самый прикладъ, а другою ударю ему кинжаломъ въ глазъ, или въ сердце; еслижъ онъ меня повалитъ, но не разорветъ и мнѣ будетъ можно дѣйствовать руками, то я лѣвою ощупаю сердце, а правою вонжу въ него кинжалъ. Я вынулъ кинжалъ изъ ноженъ и воткнулъ его въ землю, чтобы онъ былъ наготовѣ подъ рукою. Левъ свелъ съ меня глаза свои и наклонилъ ихъ къ ручью. Очевидно, онъ хотѣлъ переходить. Ручей текъ быстро и шумно; однакожъ я разслушалъ, какъ вода его расплескалась подъ тяжелыми ногами: левъ спрыгнулъ въ ручей. Потомъ.... ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго шороха и глазъ его больше не было видно въ непроницаемой темнотѣ; казалось, она густѣла по мѣрѣ того, какъ я усиливался ее проникнуть. Я почувствовалъ приближеніе смерти и мгновенно, на послѣднее, мысленное свиданье, представилъ всѣхъ, кого любилъ въ жизни. Но вотъ съ лѣвой стороны у меня легкій шумъ: левъ шелъ и шлепалъ по грязи. Я судорожно повернулся

туда. Онъ услышалъ шорохъ отъ моего движенія, остановился; это было шагахъ въ четырехъ, или въ пяти отъ меня. Какъ тутъ прицѣливаться, когда не видишь даже ствола ружья своего? Я выстрѣлилъ на удачу, приподнялъ голову и глядѣлъ во всѣ глаза. Огонь моего выстрѣла освѣтилъ огромную косматую массу, и вдругъ раздался ужасный, пронзительный ревъ, какого я не слыхалъ никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ. Но ревъ этотъ тотчасъ смѣнился глухими, жалобными и грозящими воплями. При этомъ я разслушалъ ясно, что левъ барахтается и бьется въ грязи, на берегу ручья; наконецъ все смолкло.

Я былъ увѣренъ, что или совсѣмъ убилъ льва, или смертельно ранилъ; я отыскалъ своего проводника и воротился съ нимъ въ таборъ: но во всю ночь не могъ сомнѣть глазъ.

На другой день мы пошли къ броду; льва нѣтъ; но крови множество и валяется кость толщиною въ палецъ; на скатѣ берега, за шагъ отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, перекушенъ огромный корень дерева. Очевидно, что онъ былъ раненъ въ плечо, метнулся ко мнѣ и свалился въ ручей, по каменному берегу. Мы понапрасну проискали его цѣлый день. Сперва видѣли его кровь и слѣды; потомъ совсѣмъ потеряли ихъ, потому что онъ ушелъ по ручью. На завтра явились ко мнѣ Арабы человѣкъ шестьдесятъ. Утомясь отъ бесполезныхъ поисковъ, я воротился въ свою палатку; вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Это былъ несомнѣнный знакъ, что льва нашли. Я вскочилъ на лошадь и во всю прыть помчался въ горы. Арабы, какъ изступленные, съ крикомъ скакали во всѣхъ направленіяхъ. Бывшіе пѣшкомъ, не перебирались черезъ ручей, за которымъ находился левъ; верховые, человѣкъ десять, надѣясь на своихъ лошадей

и видя, что левъ едва тащится въ горы, подъѣзжали къ нему поближе. Ими предводительствовалъ шейхъ. Только я переѣхалъ черезъ ручей и слѣзъ съ лошади, вдругъ, вижу, шейхъ, а за нимъ и вся ватага повернули назадъ и поскакали опрометью. Оказалось, что левъ на трехъ ногахъ, перепрыгивая со скалы на скалу, началъ ревѣть такъ, что лошади взбѣсились и не было никакой возможности удержать ихъ. Левъ посмотрѣлъ на нихъ, остановился и, взмахивая огромною гривой, разинувъ пасть, хлеща себя хвостомъ по бокамъ, провозжалъ ихъ грознымъ ревомъ и взглядомъ. Онъ былъ отъ меня шагахъ въ трехъ стахъ. Я велѣлъ Арабу поддержать мою лошадь.

Многіе кинулись ко мнѣ, схватили меня за бурнусъ и хотѣли удержать. Нѣкоторые шли за мной: но по мѣрѣ того, какъ я приближался ко льву, число ихъ все уменьшалось; наконецъ остался только одинъ. Это былъ мой первый проводникъ. «Я принималъ тебя, сказалъ онъ, какъ гостя въ своей палаткѣ; я отвѣчаю за тебя передъ Богомъ и людьми и скорѣе умру вмѣстѣ съ тобою, нежели покину тебя.»

Мы пошли. Левъ спрятался въ лѣсъ. Вездѣ были скалы: ни слѣду, ни крови. Я сталъ осматривать кусты, вглядываться въ густыя вѣтви деревьевъ, нависшія надъ землей. «Стой!» крикнулъ мнѣ проводникъ: «смерть не беретъ тебя; ты прошелъ такъ близко ко льву, что чуть не наступилъ на него. Еслибъ твои глаза встрѣтились съ его глазами, онъ-бы разорвалъ тебя въ ту-же минуту.» Отодвинувшись не много, я велѣлъ бросать камни туда, гдѣ лежалъ левъ. Лишь только упалъ первый камень, вѣтви мастиковаго дерева заколебались, левъ выскочилъ, сдѣлалъ прыжокъ прямо ко мнѣ и остановился. Шея впередъ, грива нависла на лобъ, хвостъ вытянуть,

какъ летящая змѣя, разбитая нога съ вывороченными назадъ когтями, приподнята — все это давало ему странный видъ. «Стрѣлай! Стрѣлай! Стрѣлай-же, Бога ради!» умолялъ меня проводникъ, находившійся за мною. Едва успѣлъ я приложиться, левъ сдѣлалъ ко мнѣ маленькій прыжокъ. Я выстрѣлилъ и попалъ на вершокъ отъ праваго глаза. Онъ повалился. Арабъ началъ благодарить Бога. Но вдругъ левъ приподнялся, вскочилъ на дыбы, какъ лошадь, и, вѣроятно, хотѣлъ снова броситься на меня: но я пустилъ въ него еще пулю и попалъ ему въ сердце. Онъ рухнулъ, какъ глыба, и не шевельнулся больше.

Когда съ него снимали шкуру, я увидѣлъ, что одна изъ моихъ *ночныхъ* пуль попала ему въ лобъ, но не прошибла кости, а сама сплюснулась. Лобная кость была толщиною, какъ листовъ десять бумаги.

Извлекайте изъ этого разсказа уроки, какіе можете; а я повторю только, чтобъ вы никогда не охотились въ совершенно темныя ночи и были въ высшей степени осмотрительны. Ходите не торопясь, почаще останавливайтесь, присматривайтесь къ мѣстности и узнавайте хорошенько тропинки, по которымъ левъ постоянно куда-нибудь ходитъ. Если вы услышите хриплый и жалобный крикъ, то знайте, что это шакаль — идетъ или за львомъ, или за гіеной, или за мародерами. Онъ надеется, что ему за ними будетъ, чѣмъ поживиться, и скликаетъ другихъ шакаловъ на будущій пиръ. Въ такомъ случаѣ идите на перерѣзъ пути, на которомъ слышенъ крикъ, засядьте гдѣ-нибудь въ кусты и дожидайтесь. Если встрѣтите льва, старайтесь попасть ему въ ухо, или въ глазъ; другія раны не избавятъ васъ отъ опасности. Одинъ левъ, которому я пробилъ два плеча на вылетъ, ранилъ жестоко трехъ Арабовъ.

Никогда не стрѣляйте снизу въ верхъ. Со мной

былъ вотъ какой случай: я встрѣтилъ трехъ молодыхъ львовъ. Передній изъ нихъ увидѣлъ меня и остановился. Я выстрѣлилъ: онъ упалъ, оборвался съ берега и покатылся въ рѣку: но ползкомъ выбрался изъ ней и потащился ко мнѣ. Я выстрѣлилъ еще, онъ опять свалился, и опять поползъ ко мнѣ. И это повторялось три раза. Будь я внизу и свались онъ ко мнѣ, то, очень вѣроятно, что по-крайней-мѣрѣ, жестоко-бы меня ранилъ. Помните, что, если у льва остается жизни на двѣ секунды и вы находитесь близъ него, онъ успѣетъ растерзать васъ.

Противъ львицъ, за которыми еще ходятъ дѣти, надобно брать другія предосторожности. Въ 1846 году Арабы сказали мнѣ, что какой-то звѣрь заѣлъ у нихъ лошадь и затащилъ ее въ глубокий ровъ. Я подстерегалъ двѣ ночи и не видалъ ничего: на третью, только стемнѣло, пришла львица съ двумя дѣтьми. Одинъ львенокъ, почуя запахъ падали, подошелъ къ ней и началъ ее ѣсть. Мать лежала позади и смотрѣла на него, непрерывно, оглядываясь во всѣ стороны. Замѣтивъ меня, она тотчасъ вскочила и бросилась на львенка, какъ-будто хотѣла его съѣсть. Львенокъ пустился прочь; она за нимъ, и оба скрылись. Черезъ нѣсколько минутъ почти уже позади меня послышался легкій шорохъ, какъ-будто мышъ пробиралась по лѣсу. Я оборотился въ ту сторону и увидѣлъ сквозь вѣтви сначала двѣ толстыя лапы, потомъ длинныя усы, наконецъ огромный носъ. Это была львица. Когда она уставила на меня глаза, и они сверкнули яркимъ бѣловатымъ огнемъ, я понялъ, что она хочетъ на меня броситься, и предупредилъ ее. Выстрѣлъ былъ удаченъ.

Львица не нападаетъ прямо и смѣло. Увидя васъ, она остановится; если вы прицѣлитесь въ нее, она ля-

жетъ и такъ распластается, такъ прижмется къ землѣ, что вы ни за что ея не замѣтите. Черезъ нѣсколько мгновеній, она приподниметъ голову; когда вы не приготовились стрѣлять, она встанетъ и будетъ показывать видъ, что хочетъ уйдти; но она уйдетъ только тогда, когда львята уже далеко. Если-же они стоятъ, или бродятъ неподалеку отъ васъ, она спрячется, зайдетъ съ той стороны, куда вы не смотрите, подползетъ почти безъ всякаго шороха и бросится на васъ.

Гдѣ человѣкъ такъ часто имѣетъ дѣло съ звѣрями, тамъ онъ самъ дѣлается звѣремъ. Таковъ и есть африканскій Арабъ: въ дѣтствѣ ему говорятъ непрерывно объ убійствахъ, о сраженіяхъ, о войнѣ, называютъ мудрымъ, добродѣтельнымъ, славнымъ того, кто убиваетъ ловчѣе и больше; мщеніе считаютъ святою, завѣтною обязанностію. Вотъ настаетъ дикарю пятнадцатый годъ. Отецъ его былъ въ гостяхъ; тамъ вокругъ пылающаго костра, разложеннаго передъ палатками, сѣдые, длинно-бородые старики рассказывали о золотомъ времени своей юности, когда, бывало, за одну овцу, за обрѣзанный хвостъ кобылицы нѣсколько таборовъ бились между собою по цѣлымъ годамъ, герои старины по одиначкѣ вползали въ палатки враговъ и вырѣзывали цѣлые семейства, сперва дѣтей, потомъ женщинъ, потомъ молодыхъ мужчинъ и наконецъ стариковъ; какъ иные умирали отъ голода и жажды, по цѣлымъ днямъ на зноѣ подстерегая врага, отмстить которому приказалъ отецъ. Подобные рассказы зажгли кровь и воображеніе Араба. Онъ одушевился патриархальными преданіями, вспомнилъ, что у него есть сынъ, который не показалъ еще ни одной черты *мужества*, — на которомъ еще не было ни одного пятна человѣческой крови. Приходитъ глава семейства въ палатку; всѣ чужіе ушли; свои полегли

сынъ тоже ложится. Отецъ проходитъ мимо него, толкаетъ его ногой и говоритъ: «эхъ, ты — лѣнтяй, трусь!»

— Чѣмъ лѣнтяй? Какъ трусь?

Отецъ, усмѣхаясь, указываетъ ему на старый пистолетъ, который виситъ вверху палатки подлѣ ятагана. Мальчикъ вскочилъ, бросился къ отцу и почтительно поцѣловалъ его въ плечо.

Отецъ съ наслажденіемъ видитъ, что въ крови его сына много африканскаго огня, сажаетъ его подлѣ себя и ласково говоритъ: скажи, уходилъ-ли ты украдкой отъ меня куда-нибудь ночью?

«Я краль барановъ и увозилъ невольницъ изъ сосѣдняго табора.»

— Хорошо, сынъ мой: но этого еще недостаточно; ты ужъ большой, а сосѣди зовутъ тебя еще мальчикомъ; покажи имъ, что ты мужчина.

«Я готовъ, но только теперь такая темная ночь.»

— На первый разъ ты пойдешь не одинъ. Возьми кинжалъ и пистолетъ, скинь бурнусъ — онъ слишкомъ бѣлъ, — подпояшъ покрѣпче рубашку и подтяни ее.

Между-тѣмъ, какъ сынъ спѣшитъ исполнить наставленія, старикъ входитъ въ палатку къ своему другу и говоритъ: «ну, сынъ мой — готовъ!» Они условливаются во всемъ, что нужно для успѣха. Время самое удобное; часовъ десять ночи; темнота — хоть глазъ коли; вѣтеръ бушуетъ; дождь хлещетъ и бьетъ, какъ свинецъ. Три человѣка въ рубашкахъ грязнаго землянаго цвѣта, поддернутыхъ выше колѣна подъ кожаный поясъ, въ сѣрыхъ шапочкахъ, босоногіе, украдкой выходятъ изъ своего становища. У каждого по кинжалу и по пистолету. Они идутъ, не говоря ни слова. Вотъ замелькали огни въ палаткахъ враждебнаго табора. Онѣ расположены въ видѣ круга и тѣсно примыкаютъ одна къ дру-

гой. Посрединѣ стоитъ и лежитъ скоть. Передъ палатками и за чертою круга множество сторожевыхъ собакъ. Въ этомъ таборѣ есть человѣкъ, котораго прадѣдъ убилъ дальняго родственника одного изъ этихъ разбойниковъ. Они для кроваваго урока, для мести выбрали орудіемъ — мальчика: смерть за смерть. Вотъ огни начинаютъ потухать одинъ за другимъ. Всѣ полегли спать; говоръ утихъ; среди шума бушующаго вѣтра и падающаго дождя, слышенъ только заботливый, тревожный лай собакъ. Все сравнялось и потонуло въ темнотѣ. Убійцы осматриваютъ полки пистолетовъ, становятся на колѣни и подползаютъ къ становищу. Старикъ — отецъ указываетъ сыну одну палатку и говоритъ: «смотри-жъ, будь мужчиной!» Они уже у живой ограды; мѣсто, черезъ которое входятъ и выходятъ стада, завалено деревьями и колючими кустами. «Будь тутъ!» прибавляетъ старикъ, «лежи, не шевелясь до-тѣхъ поръ, пока сабаки не сбѣгутся въ одну сторону и не поднимутъ общей тревоги; а тогда — пусть кинжалъ твой будетъ вѣренъ, какъ глазъ орла, и быстръ, какъ молнія. И вотъ онъ отползаетъ въ противоположную сторону, останавливается, приподнимается понемножку. Собаки его не замѣчаютъ. Онъ дѣлаетъ нарочно нѣсколько тяжелыхъ шаговъ, кашляетъ. Одна собака подбѣжала къ нему и залаяла. Къ ней съ лаемъ подбѣжала другая, третья и вотъ всѣ ринулись въ одно мѣсто и подняли страшный гамъ. Опасаясь, чтобы они на него не бросились, старикъ, ставъ на четвереньки, подвигается къ нимъ. Онѣ пугаются этого и останавливаются въ нѣкоторомъ разстояніи. Молодой человѣкъ помнитъ наставленія отца, пролѣзаетъ сквозь ограду, ползетъ къ палаткѣ, просовываетъ голову въ палатку, слушаетъ, всѣ спятъ. Вотъ тутъ женщины; тутъ подлѣ нихъ дѣти. У самаго входа,

поперегъ отверстія, какъ порогъ, лежитъ хозяинъ. Подъ головой у него пистолетъ; рядомъ съ нимъ — кинжалъ. Вотъ убійца уже скрылся въ палаткѣ. Онъ не видитъ того, кого отецъ назначилъ ему для убійства, но слышитъ его дыханье. Вотъ тутъ должна быть его голова. Раздался выстрѣлъ пистолета — мщеніе исполнено; радостный убійца нырнулъ изъ палатки и исчезъ въ темнотѣ. Отецъ ждетъ его въ назначенномъ мѣстѣ и обнимаетъ съ ласками и поздравленіями.

На завтрашній день, сына его передъ цѣлымъ таборомъ объявляютъ взрослымъ. Онъ ужъ имѣетъ право въ совѣщаніяхъ подавать голосъ. Товарищи говорятъ съ нимъ почтительно. Послѣ этого, онъ ужъ одинъ отправляется на подобные подвиги.

Можно себѣ вообразить, какіе дикіе, звѣрскіе характеры образуются при такомъ воспитаніи, при такихъ понятіяхъ о чести и добродѣтели. Лѣзть на кинжалы, бросаться въ огонь бѣшеной схватки почти для каждаго Аравитянина — дѣло обыкновенное. Но левъ наводитъ ужасъ на самаго храбраго и опытнаго изъ нихъ. Собравшись огромной толпой нападать на него, они шумно толкуютъ, но только раздается его ревъ, они тотчасъ умолкаютъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаютъ могучіе, въ самомъ дѣлѣ, удивительные и величественные перебаты его голоса. Страшнѣй его они не находятъ ничего въ мірѣ; они говорятъ, что онъ силу получаетъ отъ Бога. Это выраженіе чрезвычайно дѣйствуетъ на ихъ фантазію. Они забываютъ, что и червякъ также получаетъ силу отъ Бога. Но фраза, сказанная въ первый разъ съ таинственнымъ видомъ, вѣроятно, какимъ-нибудь старикомъ, безсознательно, какъ мудрое изрѣченіе, повторяется изъ рода въ родъ и отнимаетъ хла-

днокровіе, столько необходимое въ виду скорой и неминуемой опасности.

Впрочемъ есть и причины Арабамъ бояться льва: они видали такое множество примѣровъ, что точно-будто по какому-то предопредѣленію кто-нибудь изъ нихъ попадаетъ ему въ лапы.

Въ 1853 году я отправился охотиться за львомъ, котораго Арабы вздумали вызвать изъ лѣсу на чистое мѣсто, на живую приманку. Этотъ родъ охоты—самый опасный, потому что тутъ левъ бываетъ больше, нежели когда-нибудь, на сторожѣ. Не отваживайтесь на нее, если вы прежде не убили съ десятокъ львовъ. Вотъ какъ со мной началось и кончилось дѣло: Арабы, не будучи въ состояніи выносить опустошеній, которыя левъ производилъ въ стадахъ ихъ, рѣшились или убить, или прогнать его подальше. Собралось ихъ человекъ двѣсти, или триста. Отправились они по-утру, нашли льва, провозились съ нимъ до полудня, сдѣлали по немъ выстрѣловъ пятьсотъ; онъ остался цѣлехонекъ и одного человека заѣлъ, да шестерыхъ ранилъ. Пришли они ко мнѣ, принесли въ подарокъ полное вооруженіе и просили вступить за нихъ. Отшельникъ-мудла съ видомъ задумчивымъ, сдѣлалъ слѣдующее *предсказаніе*: «если Богъ благословитъ твое оружіе, черезъ нѣсколько дней наши жены и дѣти сбѣгутъ сюда, подъ это дерево, глазами и пальцами считать зубы и когти *злодня* и цѣловать руку, которая принесетъ спокойствіе въ наши горы.»

Для Арабовъ подобнаго пророчества было достаточно: они почитали льва почти уже убитымъ; но я приказалъ прежде хорошенько развѣдать обо всемъ. Сынчики отправились во множествѣ; во всѣхъ направленіяхъ и нанесли столько подробныхъ извѣстій, что до

логовища льва можно было дойти зажурившись, ошупью: тамъ онъ несъ барана, на минуту остановился и посмотрѣлъ налѣво; тамъ ѣлъ его, не глядя ни на право, ни на лѣво; въ такомъ-то мѣстѣ бросилъ лохмотья шкуры; въ другомъ нѣсколько ключевъ окровавленной шерсти; проходя мимо дерева, сдѣлалъ на немъ переднюю правую лапой глубокую царапину; собираясь вспрыгнуть на каменный уступъ, оттиснулъ задними лапами два глубокіе слѣда и т. д. На слѣдующее утро во всѣхъ окрестныхъ таборахъ приказано было цѣлый день держать скотъ дома, чтобы не затоптать львиныхъ слѣдовъ. Мы съ проводникомъ подошли довольно близко къ логовищу и не успѣли къ дереву привязать козу, какъ левъ показался у подножія скалы. Онъ спокойно смотрѣлъ на насъ и не трогался съ мѣста. Я поспѣшилъ поудобнѣе занять мѣсто шагахъ въ пяти, или шести отъ козы. Арабы, стоявшіе вдали отъ меня, попрятались въ лѣсу. Коза тянулась ко мнѣ съ невѣроятнымъ усиліемъ и блѣяла ужасно, такъ что мнѣ смерть стало жаль ея. Вскорѣ, и левъ скрылся. Очевидно, онъ пробирался ко мнѣ по лѣсу. Я срѣзалъ нѣсколько вѣтокъ, которыя немножко мѣшали мнѣ цѣлиться и сѣлъ. Вдругъ коза умолила и, дрожа всѣмъ тѣломъ, глядѣла то на меня, то на ровъ и судорожно поворачивала уши. Левъ медленно поднимался по каменному склону горы и скорѣе вышелъ на опушку лѣса, шагахъ въ двѣнадцать, прямо противъ меня. Огромная голова, широкій лобъ, спокойное положеніе звѣря, стрѣлять было превосходно: я два раза направлялъ на него дуло, два раза дотрогивался до язычка ружья, но не спускалъ курка: меня поразила изумительная красота и соразмѣрность его могучихъ формъ. Онъ будто отгадалъ мои мысли, легъ, скрестилъ лапы, положилъ

на нихъ голову и не обращая ни малѣйшаго вниманія на козу, пристально смотрѣлъ на меня: то нѣсколько прищуривалъ глаза, то широко раскрывалъ ихъ. Между-тѣмъ наступалъ вечеръ. Звѣрю захотѣлось ѣсть; онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ козѣ, два раза прилегалъ къ землѣ, какъ кошка, два раза хотѣлъ броситься на приманку; но или привязь, или наведенное мое ружье пробудили въ немъ какое-нибудь подозрѣнiе; онъ всталъ, началъ безпокойно и нетерпѣливо ходить взадъ и впередъ на самомъ краю оврага, оскаливая зубы. Этимъ ужъ нельзя было наслаждаться; кровь забила мнѣ въ голову; я уллучилъ минуту и выстрѣлилъ разъ, два. Левъ покатился въ ровъ. Арабы тотчасъ прибѣжали. Мы пошли искать его. Онъ былъ раненъ и залегъ въ чащѣ кустарника. Я присматривался и такъ, и сякъ; ничего не видно дальше первыхъ вѣтвей, обрызганныхъ кровью. Я бросилъ камень. Левъ заревѣлъ такъ жалобно, какъ-будто умолялъ, чтобы дали ему, по-крайней-мѣрѣ, умереть спокойно: но вслѣдъ за этимъ раздался другой ревъ, который обдалъ меня леденящимъ ужасомъ и живо напомнилъ, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ другой, почти уже умиравшій левъ въ моихъ глазахъ пзоровалъ трехъ Арабовъ.

Между-тѣмъ мои спутники такъ и рвутся, такъ и лѣзутъ въ кусты, увѣряя, что левъ ничего не сдѣлаетъ, что онъ ужъ при смерти. Человѣкъ шесть пошли со мной, держась, какъ можно было ближе другъ къ другу — предосторожность совершенно необходимая, потому что нельзя было предвидѣть, откуда покажется левъ. Каждый изъ насъ осторожно раздвигалъ кусты: но его нигдѣ не было. Нечаянно одинъ изъ Арабовъ зацѣпилъ куркомъ за дерево и выстрѣлилъ. Левъ рывнулся почти подлѣ него. Мы всѣ шарахнулись прочь и

тѣсно сдвинулись. Одинъ молодой Арабъ остался шагахъ въ шести отъ насъ и прислонился къ дереву. Вдругъ левъ появился; пасть у него была открыта; поднявшаяся густая грива тряслась, какъ бунчукъ, колеблемый вѣтромъ.

ПОГОНЬЩИКЪ ~~ВЕРБЛЮДОВЪ~~. о с л о в ъ

арунъ-аль-Рашидъ, багдадскій калифъ, или государь, былъ очень умный человѣкъ, а потому любилъ науки и покровительствовалъ имъ.

Однажды на нѣсколькихъ верблюдахъ везли въ его столицу рукописи греческихъ и персидскихъ писателей. Погоньщикъ очень торопился, потому что ему приказано было явиться въ извѣстный день въ Багдадъ: тамъ въ присутствіи калифа ученые должны были читать разсужденія греческихъ философовъ — Аристотеля, Платона и другихъ, объяснять смыслъ ихъ и показывать, гдѣ они говорятъ правильно, гдѣ нѣтъ.

Жаръ былъ несносный; уже насталь полдень; давно-бы пора остановиться: но погонщикъ все понукалъ верблюдовъ. Одинъ верблюдъ выбился изъ силъ, упаль и никакъ не могъ подняться. Это было недалеко отъ рѣки, на берегу которой росли тѣнистыя деревья. Погонщикъ привернулъ свой караванъ къ берегу, развьючилъ верблюдовъ, напоилъ ихъ, пустилъ пастися, а самъ легъ въ прохладѣ отдыхать.

Черезъ нѣсколько времени къ тому же мѣсту пришелъ путешественникъ, очень бѣдно одѣтый, усталый и запыленный. Онъ сѣлъ подлѣ погонщика и завелъ съ нимъ разговоръ. «Ты, братъ, кажется, нѣженка», сказалъ между прочимъ прохожій погонщику: «тебѣ надобно торопиться въ Багдадъ, а ты тутъ покуливаешь себѣ кальянъ, да слушаешь, какъ журчитъ вода и шумять листья».

— Я бы могъ ѣхать цѣлый день, да верблюдовъ жалъ: погонять легче, чѣмъ вести. Вонъ посмотри: одинъ совсѣмъ заморился и теперь только чуть-чуть начинаетъ отдыхать. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ другіе верблюды, стоя подъ тѣнію пальмъ и финиковъ, ѣли сочныя верхушки кустарниковъ, одинъ старый лежалъ на жгучемъ солнцѣ и изрѣдка всосывалъ морду въ землю, какъ-бы заблагѣвременно копая въ ней могилу для своихъ одряхшихъ костей.

Погонщикъ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на него, пересталъ курить трубку, подошелъ къ бѣдному животному, наткалъ въ песокъ нѣсколько вѣтвей вокругъ головы его и подложилъ ему травы и мягкихъ сучьевъ.

— Станный ты человѣкъ! сказалъ прохожій: такъ ласкаешь скотину, а не боишься огорчить людей.

«Чѣмъ-же огорчить? И кого?»

— Ученыхъ, — поэтовъ и Калифа. Они, говорятъ, съ

нетерпѣніемъ ждуть рукописей, въ которыхъ заключается драгоцѣнная мудрость, и ты разстроишь ихъ праздникъ, если не поспѣешь во-время.

«Доброе дѣло лучше самаго умнаго разсужденія и самаго прекраснаго стиха. Если въ этихъ рукописяхъ заключается мудрость, то она, вѣрно, учить состраданію, и меня простятъ. Если-же въ нихъ внушается жестокость, то чѣмъ позже я привезу ихъ, тѣмъ лучше. Можетъ-быть, въ это время Калифъ и его ученые сдѣлаютъ однимъ добрымъ дѣломъ больше».

Прохожій улыбнулся и не сказалъ ни слова. Они разстались.

Погонщикъ опоздалъ и со страхомъ думалъ, какъ ему явиться въ Багдадъ. Подъѣзжая къ городу, онъ увидѣлъ у воротъ его нѣсколько человѣкъ, богато одѣтыхъ. Замѣтя караванъ, они подъѣхали къ погонщику верблюдовъ, ласково поздоровались съ нимъ, дали ему пышный кафтанъ, красные сапоги, богатую чалму, подвели прекрасно убранную арабскую лошадь и сказали ему, чтобы онъ переодѣлся, сѣлъ на коня и ѣхалъ съ ними къ Калифу.

Погонщикъ верблюдовъ отвѣчалъ, что они, вѣрно, ошибаются, что эти подарки назначены, безъ сомнѣнія, не для него, взялъ одежду въ руки, лошадь подъ уздцы и пошелъ за посланными пѣшкомъ.

Его привели въ роскошный садъ къ кіоску (бесѣдкѣ), блиставшему золотомъ и украшенному изящною рѣзьбой. Оттуда вышелъ Калифъ. Увидя его, погонщикъ узналъ въ немъ прохожаго, съ которымъ говорилъ во время отдыха на берегу рѣки, подъ тѣнію деревъ. Изумленный и испуганный, онъ палъ передъ Калифомъ ницъ и просилъ помилованія за то, что говорилъ съ нимъ такъ смѣло.

— Другъ мой! отвѣчалъ Калифъ, еслибъ мнѣ говорили всегда такъ искренно и благородно въ Багдадѣ, мнѣ не надобно-бъ было одѣваться въ лохмотье и бродить какъ нищему, чтобы украдкой подслушивать правду. Возьми эти подарен, одѣнься въ дорогое платье, живи здѣсь и говори съ Калифомъ, какъ ты говорилъ съ бѣднымъ прохожимъ. — Государь! отвѣчалъ погонщикъ: блескъ ослѣпляетъ глаза; привыкнувъ къ пышности, я, можетъ-быть, также, какъ и другіе, стану прикрашивать и рѣчь свою. Оставь меня жить въ деревнѣ и работать на своемъ полѣ. Если правдивое слово изъ глуши и не дойдетъ до тебя сквозь толпу твоихъ приближенныхъ, оно, не умирая, будетъ жить между твоими подданными; а имъ это также нужно, какъ Калифу.

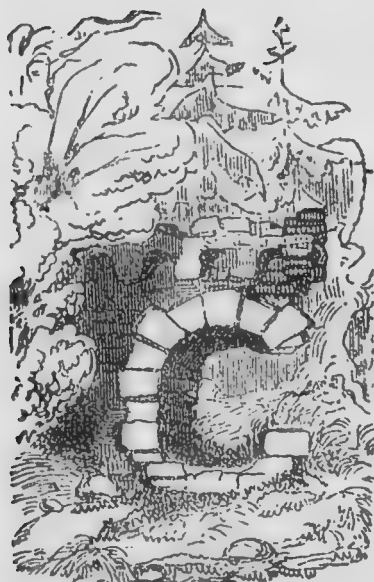
Гарунъ-аль-Рашидъ задумался, помолчалъ нѣсколько мгновений и сказалъ: да, если правдивость и прямота сердца вкоренится въ моемъ народѣ, то не будетъ надобности и напоминать мнѣ объ ней: я буду самъ видѣть ее, какъ солнце, каждый день, съ утра до вечера.

Сказавъ это, онъ отпустилъ погонщика, велѣлъ ему прибавить земли и отдать всѣхъ верблюдовъ, составлявшихъ караванъ.

Это — дѣйствительное происшествіе: но тѣ, у которыхъ погасло чувство доброты въ сердцахъ, говорятъ, что это сказка.

Съ потерей добра, человекъ теряетъ самую вѣру въ него. Прекрасный поступокъ для него — небывальщина.

ОХОТА ЗА СТРАУСАМИ.

страусъ — птица необыкновенная, звѣрь — птица, не летаетъ, а бѣгаетъ; за то бѣгаетъ какъ летаетъ, такъ, что рѣдкій звѣрь за нею сгонится. На страусахъ ѣздятъ верхомъ, какъ на лошадяхъ; изъ хвоста страуса выдергиваютъ перья для украшенія дамскихъ головъ, какъ изъ хвоста лошади — выдергиваютъ волосъ для шиняковъ и шлемовъ.

Росту онъ богатырскаго — бываетъ осьми футовъ въ вышину.

Въ странахъ тропическихъ, то есть, подъ самымъ экваторомъ, этимъ огненнымъ поясомъ земли, и градусовъ на двадцать на два къ сѣверу и къ югу отъ экватора, страусы не высиживаютъ своихъ яицъ, а снесутъ ихъ, да такъ и оставляютъ на солнцѣ. Наше курное, или даже гусиное яйцо, тамъ-бы испеклось въ нѣсколько

минуть: но въ природѣ все соразмѣрено, все рассчитано: огромнымъ яйцамъ страуса дана толстѣйшая скорлупа, и они въ горячемъ пескѣ только нагрѣваются въ такой степени, сколько нужно, чтобы въ нихъ образовался и, когда придетъ время, изъ нихъ вывелся и пошелъ бѣгать по свѣту страусенокъ. Какъ это удивительно походить на зерно растенія, которое также развивается отъ живительной теплоты солнца! Только растеніе — домосѣдъ: оно не бѣжитъ прочь отъ своей колыбели, а беретъ все, что попадется кругомъ.

Въ странахъ жаркихъ, но не тропическихъ, страусы — такъ говорятъ ученые — сообща несутъ яйца, то есть, выкапываютъ въ пескѣ яму и приходятъ класть ихъ туда, разумѣется, каждый страусъ — свои, яицъ этакъ по десяти, по двѣнадцати. Въ одной ямѣ, или, по нашему, въ одномъ гнѣздѣ, набирается такимъ образомъ штукъ шестьдесятъ. Пожива Негру или Аравитянину, если онъ найдетъ ихъ! Каждое яйцо вѣсомъ около трехъ фунтовъ! Яйца — общія и сидѣнье на нихъ должно быть общее — очень естественно. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, у страусовъ и бываетъ: они сидятъ на яйцахъ по очереди, должно-быть, по безмолвному согласію. Днемъ сидятъ матери, а ночью — отцы. И это опять не безъ расчета: ночью надобно не только насиживать яйца, но и беречь ихъ отъ рысей, шакаловъ и другихъ звѣрей; а у отца клювъ крѣпче, да и силы большѣ, чѣмъ у матери.

Насиживанье яицъ продолжается дней тридцать пять, или сорокъ. Въ это время страусы продолжают нестись: но это ужъ изъ экономіи, по хозяйскому расчету. Яйца, снесенныя послѣ нѣсколькихъ дней насиживанья, откладываются въ сторону, для корма будущимъ ново-рожденнымъ дѣтямъ.

За такую занимательной, огромной, украшенной модными перьями птицъ какъ не поохотиться? За ней и охотятся очень часто. Вотъ какъ это бываетъ въ Африкѣ, въ Сахарѣ — океанѣ песковъ и дикихъ племенъ. Самая веселая, конечно, не для страуса, охота — на лошадяхъ, въ гоньбу. Аравитяне изъ этого сдѣлали почти науку. Они особеннымъ образомъ приготавливаютъ лошадей къ охотѣ за страусами, какъ у насъ, *на зеленыхъ островахъ*, въ Айрупѣ (Европѣ), къ скачкѣ. За недѣлю, или дней за восемь до этого перестаютъ кормить ихъ соломой, или травой; даютъ только ячмень, поятъ по разу на день, при захожденіи солнца, и моютъ. Каждый день водятъ ихъ очень долго то шагомъ, то въ галопъ, надѣвая на нихъ совершенно всю збрую, какъ-будто на охоту за страусами. Послѣ этого, говоритъ Арабъ, вся пища пойдетъ на крѣпость тѣла лошади, и она сдѣлается легка и неутомима на бѣгу.

И збрую измѣняютъ для этого: сѣдло, стремяна, ремни, узду, удила, все дѣлаютъ легче и короче. Куютъ лошадей на всѣ четыре ноги.

Время, самое удобное для охоты за страусами, — когда бываетъ очень жарко: чѣмъ жарче погода, тѣмъ страусъ меньше имѣетъ силы защищаться. Это бываетъ, разумѣется, лѣтомъ и около полудня, когда тѣнь чело-вѣка, по выраженію Арабовъ, меньше его подошвы.

Охотиться отправляются на недѣлю и больше, и цѣлой ватагой — человекъ въ десять, или двѣнадцать. Каждый охотникъ беретъ съ собою одного слугу. Слуга садится на верблюда, заготавливаетъ четыре козьихъ бурдюка воды, ячменю для лошади, муки, финиковъ, горшковъ, или котель, ремни, иголку, подковы и гвозди — словомъ, почти все, что нужно для арабскаго хозяйства, такъ что бѣдный верблюдъ становится подвижнымъ анбаромъ.

Охотникъ надѣваетъ только шерстяную, или бумажную рубашку, да полотняное нижнее платье — вотъ и весь нарядъ: легко — но Негры ходятъ еще легче; шею и уши онъ закрываетъ маленькимъ кускомъ какой-нибудь легкой матеріи и подвязываетъ веревочной изъ верблюжьей кожи; вмѣсто всякой обуви подвязываетъ себѣ подметки. Это совершенно, какъ древнія сандалии у Грековъ и Римлянъ. Онъ не беретъ ни ружья, ни пистолета, ни кинжала: для него достаточно одной дубины. До отправления на охоту, собираютъ свѣдѣнія отъ путешественниковъ, купцовъ, проѣзжающихъ караванами, или отъ същиковъ, нарочно для того отправляемыхъ, гдѣ показывается особенно много страусовъ. Огромныя стада ихъ собираются обыкновенно тамъ, гдѣ много травы и гдѣ очень недавно прошелъ дождь — благодѣяніе пустыни. Арабы рассказываютъ, что только гдѣ блеснетъ молнія и начнутъ громоздиться тучи, страусы бросаются туда со всевозможною быстротой, пробѣгаютъ такимъ образомъ большія разстоянія, и бѣгутъ иногда дней до десяти сряду. И все это имъ ни почемъ. О пастухѣ проворномъ и сметливомъ, который заботливо находитъ для своихъ стадъ все необходимое, въ Африкѣ говорятъ: «онъ — страусъ; блеснетъ только молнія, и онъ ужъ тутъ».

Замѣтивъ слѣды страусовъ, охотники останавливаются и разбиваютъ палатки. На слѣдующій день отправляютъ двухъ невольниковъ, или слугъ развѣдать, гдѣ страусы остановились на кочевье. Иногда приходится искать ихъ долго: потому что въ пустынь видно на ужасномъ разстояніи и страусъ жадно ловитъ блескъ молніи, такъ можетъ забѣжать за сотни верстъ. Същики берутъ съ собой воды въ мѣхахъ и хлѣба. Замѣтивъ птицъ, они тотчасъ ложатся на землю; одинъ

отползаетъ и отправляется увѣдомить охотниковъ, другой лежитъ, не трогаясь съ мѣста. Страусы сидятъ и ходятъ обыкновенно на возвышенностяхъ — на холмахъ, или камняхъ, должно-быть, для того, чтобы лучше замѣтить непріятеля, или на болѣе далекомъ разстояніи увидѣть блескъ молніи. Ихъ собирается нерѣдко штукъ до шестидесяти. Вотъ проводникъ ведетъ охотниковъ, указываетъ мѣсто. Они слѣзаютъ съ лошадей. Съищники подползаютъ къ страусамъ съ большою осторожностію и убѣдившись, что они еще тамъ, ворочаются къ всадникамъ. Тутъ даютъ лошадямъ немножко напиться, складываютъ на землю всѣ запасы и припасы и подвигаются медленно. По слѣдамъ охотниковъ ѣдутъ слуги на верблюдахъ и везутъ только по одной порціи кушанья, корму и воды для людей и лошадей.

Осмотрѣвъ притонъ страусовъ, охотники разѣзжаются на большое разстояніе и окружаютъ стадо. Тогда слуги идутъ прямо на страусовъ. Страусы бѣгутъ и встрѣчаются то съ тѣмъ, то съ другимъ охотникомъ. Тутъ заботятся только о томъ, чтобы птицы не вырвались за черту круга. Страусы начинаютъ бѣгать; всадники пугаютъ ихъ, не давая имъ отдыха ни на минуту. Бѣдныя птицы мечутся въ разныя стороны, наконецъ совершенно утомляются и распускаютъ крылья.

Охотники очень хорошо понимаютъ этотъ знакъ, выбираютъ себѣ каждый по страусу, настигаютъ ихъ и бьютъ дубинами по головѣ; по другому мѣсту, пожалуй, не убьешь, по-крайней-мѣрѣ, съ разу. Когда страусъ упадетъ, всадникъ соскакиваетъ съ лошади и разрѣзываетъ ему горло, чтобы выпустить кровь; при этомъ надо заботиться, чтобы кровь не брызнула на бѣлыя перья: иначе испортятся — ничѣмъ не отмоешь.

Когда, не убивъ совершенно, Арабъ схватываетъ

страуса за горло и собирается его рѣзать, то бѣдная птица, особенно, если у нея есть маленькіе, издаетъ самый жалобный вопль. Впрочемъ замѣчаютъ, что кричить обыкновенно отецъ; мать умираетъ молча; должно-быть, жалость къ дѣтямъ отнимаетъ у нея голосъ.

Съ убитаго страуса тотчасъ снимаютъ кожу съ перьями и развѣшиваютъ ее на деревѣ, а чаще всего, по недостатку деревъ, на лошади. Приѣзжаютъ слуги на верблюдахъ и сильно солятъ добычу, разводятъ огни, ставятъ котлы и кипятятъ въ нихъ страуса до тѣхъ-поръ, пока изъ него не вытопится весь жиръ. Жиръ этотъ наливаютъ въ мѣхъ, сдѣланный изъ кожи самага-же страуса, снятой съ его стегна. Во всякой другой посудинѣ жиръ страуса портится. Мясо ѣдятъ, приправляя его мукой съ перцемъ. Тутъ лошадямъ даютъ напиться, поѣсть и отправляются туда, гдѣ были оставлены запасы. Не смотря на то, что въ пустынѣ очень трудно замѣтить мѣсто, Арабы никогда не сбываются съ дороги; для нихъ достаточно малѣйшаго знака, чтобы замѣтить направленіе пути. Тутъ они останавливаются на двое сутокъ, даютъ вполне отдохнуть лошадямъ, ходятъ за ними съ самою нѣжною заботливостію и потомъ возвращаются въ свой таборъ.

Жиръ страуса употребляется и какъ кушанье — его ѣдятъ съ хлѣбомъ — и какъ лекарство отъ многихъ болѣзней.

Въ лихорадкѣ даютъ больному ѣсть родъ тѣста, сдѣланнаго изъ мякиша хлѣба, смѣшаннаго съ страусовымъ жиромъ: въ этотъ день больной ужъ не долженъ ничего пить.

Въ ревматизмахъ этимъ жиромъ натираютъ больное мѣсто и ложатся въ горячій песокъ, наглухо завернувши голову. Отъ этого происходитъ необыкновенно

сильная испарина, и человекъ совершенно выздоравливаетъ.

Кто страдаетъ болью въ печени, тому даютъ принимать растопленный жиръ съ солью. Отъ дѣйствія этого лекарства больной худѣетъ ужасно, «тѣло его освобождается отъ всего, что было въ немъ дурнаго, получаетъ желѣзную крѣпость и онъ дѣлается зорокъ, какъ соколъ». Если это говорится только не для красоты выраженія, а въ точномъ медицинскомъ смыслѣ, то за страусомъ не даромъ гоняются; не одни перья его дороги.

Жиръ страуса продаютъ на рынкахъ; богатые люди держатъ у себя на всякій случай и раздаютъ бѣднымъ для леченія. Впрочемъ онъ не дорогъ. Горшокъ жиру обыкновенно вымѣниваютъ за три горшка коровьяго, или верблюжьяго мяса.

Теперь (въ 1854 г.) изъ Сахары развозятъ страусовы перья въ разныя мѣста Африки, даже на берега Средиземнаго моря, для отправленія въ Европу. Сами Африканцы употребляли лучшія перья для украшенія палатокъ и соломенныхъ шляпъ.

Нѣкоторыя племена сдираютъ нижнюю кожу съ лапъ страуса и подкладываютъ ее въ носки и на пятки башмаковъ: подметка не такъ скоро изнашивается. Изъ жилъ дѣлаютъ ремни, которыми шьютъ сѣдла и починаютъ разныя кожаныя вещи.

Арабъ вообще корыстолюбивъ; поэтому охотится за страусомъ изъ выгоды: но это доставляетъ ему и большее удовольствіе: есть случай поскакать на лошади и потѣшить кровожадную руку мѣткостію удара.

Не смотря на то, что для этой охоты требуется много сборовъ, лошадь и верблюдъ, ею занимаются не одни богатые люди. Бѣдный тоже находитъ средства: онъ

береть взаймы и корабль (верблюда) и вѣтеръ пустыни (лошадь), двѣ трети съѣстныхъ припасовъ и всѣхъ вещей, остальное дополняетъ самъ и, возвратясь съ охоты, раздѣляетъ добычу съ своимъ занмодавцемъ въ соразмѣрности съ издержками. Это, разумѣется, больше выгодно богатому, но и бѣдный кое-что приобрѣтаетъ.

За страусами охотятся еще иначе; но это ужъ и не охота, а просто бойня: ихъ подстерегаютъ, когда они сидятъ на яйцахъ. Это бываетъ около половины Ноября. Человѣкъ пять, или шесть всадниковъ берутъ съ собой двухъ верблюдовъ, навьючиваютъ на нихъ все, что нужно для продовольствія, по-крайней-мѣрѣ, на мѣсяцъ, и отправляются искать мѣстъ, гдѣ недавно шелъ дождь и гдѣ могутъ быть еще лужи воды. Тамъ отъ сильныхъ жаровъ ужъ непременно все заросло большою травой и собралось множество страусовъ. На эту охоту берутъ ружья и большой запасъ пуль и пороху. Отыскавъ слѣды страусовъ, охотники очень внимательно разсматриваютъ ихъ. Если слѣды попадаютъ отъ времени-до-времени на мѣстахъ, совершенно обпаженныхъ, гдѣ кусты и травы поѣдены до корня, и видно, что страусъ далеко переходилъ съ одного мѣста на другое, это значитъ, что онъ здѣсь только кормился. Если-же земля исхожена во всѣхъ направленіяхъ, трава истоптана, избита, а не поѣдена, значитъ, что гдѣ-нибудь по близости есть непременно гнѣздо страуса. Охотники отыскиваютъ его съ большими предосторожностями. Когда страусъ выкапываетъ себѣ гнѣздо, цѣлый день слышенъ его жалобный, тоскливый крикъ: но когда онъ нанесетъ яйцъ, то кричитъ очень экономно — только разъ въ день, именно, въ три часа послѣ обѣда. Вѣрно, кричать ему для чего-нибудь нужно, а между-тѣмъ боятся, чтобъ не открыли его убѣжища и не истребили

будущаго его поколѣнія еще въ зародышахъ. Мать сидитъ на гнѣздѣ съ утра до полудня. Въ это время отецъ ходитъ кормиться. Въ полдень онъ ворочается: тогда мать въ свою очередь идетъ искать травы, а отецъ садится вмѣсто нея на гнѣздо и сидитъ ужъ цѣлую ночь. Покормившись, мать приходитъ домой и садится прямо противъ него, носомъ къ носу, точно, какъ-будто, чтобъ вдоволь наглядѣться; а можетъ-быть, чтобъ онъ не заснулъ, чтобъ крикомъ предупредить его объ опасности. Впрочемъ онъ не дремлетъ; про него никто не скажетъ дурнаго слова, кромѣ шакаловъ, которыхъ онъ безъ милосердія гвоздитъ своимъ желѣзнымъ клювомъ такъ, что иногда вокругъ его гнѣзда валяется нѣсколько труповъ этихъ дикихъ собакъ. Поутру-то, когда на гнѣздѣ сидитъ мать, охотники подходятъ шаговъ на двадцать, выкапываютъ ямы; въ каждой изъ нихъ садится самый лучшій стрѣлокъ; его закрываютъ большою травою, какая обыкновенно растетъ въ пустыняхъ, и оставляютъ мѣсто, чтобы видѣть и просунуть ружье.

Замѣтивъ эту осадную работу, мать, вообще очень робкая, бросаетъ гнѣздо и бѣжитъ вслѣдъ за отцомъ, отправившимся кормиться. Онъ, должно-быть, полагая, что ей лѣнь сидѣть и она, вопреки своей обязанности, преждевременно бѣжитъ на пастбище, начинаетъ ее бить и прогоняетъ назадъ, на гнѣздо.

Если-жъ охотники начинаютъ рыть ямы, когда сидитъ на гнѣздѣ отецъ, то самъ онъ, не бось, тоже бѣжитъ, и ужъ ни онъ, ни она не возвращаются. Вѣрно, онъ можетъ растолковать, что грозитъ неминуемая бѣда, а у ней не достаетъ этой способности, или мужъ не хочетъ ея слушать.

Охотники стараются прежде убить отца. Вотъ онъ

приходить около полудня, садится, распускаетъ крылья такъ, чтобы покрыть всѣ яйца; отъ этого огромныя ноги его, ничѣмъ не защищенныя, очень выдаются впередъ. Охотникъ готовится и цѣлится, чтобы перебить ноги. Вотъ выстрѣлъ раздался; несчастный страусъ издалъ пронзительный крикъ, метнулся съ гнѣзда и бьется въ окровавленномъ пескѣ.

Люди подбѣгаютъ, рѣжутъ его, прячутъ трупъ и засыпаютъ кровь пескомъ. Слѣдовъ убійства не видно. Мать приходитъ и садится на гнѣздо. Ее также убиваютъ, берутъ яйца и дѣлятъ мясо.

Условливаются впередъ, кому стрѣлять въ отца, кому въ мать. Для перваго выбираютъ самаго меткаго стрѣлка. Если онъ сверхъ чаянія промахнется, то платить товарищамъ за убытокъ столько, сколько стоитъ весь страусъ. «Мы тебя выбрали», говорятъ ему, «какъ лучшаго изъ охотниковъ, мы дали тебѣ случай сдѣлать намъ добро, а ты сдѣлалъ зло: ну, такъ теперь и плати.»

Охотникъ, который промахнется, стрѣляя въ мать, лишается своей доли яицъ и мяса отъ страуса, убитаго его товарищемъ.

Арабы нѣсколько иначе, нежели естество-испытатели, рассказываютъ о томъ, какъ страусы высиживаютъ яйца. По ихъ показаніямъ, въ гнѣздѣ каждой пары страусовъ бываетъ отъ двадцати пяти до тридцати яицъ. Если-жъ многіе страусы собираются нести яйца вмѣстѣ, то дѣлаютъ кругомъ нѣкотораго рода ограду. Самый старшій, изъ всей этой компаніи, страусъ кладетъ свои яйца посрединѣ; другіе располагаются вокругъ него въ строжайшемъ порядкѣ: на примѣръ, если ихъ бываетъ четыре пары, то онѣ располагаютъ гнѣзда такъ, что образуютъ углы самаго правильнаго четырехъ-угольника. Нанеся яицъ,

сколько они могут и должны по своей природѣ, страусы носами и лапами приватываютъ ихъ къ среднѣ своего круга. однакожъ не смѣшиваютъ однихъ съ другими. Сперва садится самый старый, послѣ него остальные, которые вообще принадлежать къ тому-же семейству. Это обыкновенно — дѣти старой пары страусовъ. У молодыхъ — яицъ бываетъ меньше числомъ, да они и не такъ велики, какъ у старыхъ. Страусъ одногоднѣй несетъ не больше пяти яицъ. Для насиживания, яйца у всѣхъ бываютъ расположены кучкой — одни надъ другими, а выше всѣхъ одно яйцо, которымъ страусъ кормить выводшихся дѣтенышей.

Только что они выдутъ изъ скорлупы, которую обыкновенно продабливаетъ и разламываетъ старый страусъ, только что поѣдятъ яйца, которыя даетъ имъ отецъ, или мать, горячее солнце тотчасъ ихъ обсушить, даетъ имъ своей теплотой силу, и они уже пускаются бѣгать, какъ-будто чтобъ расправить ноги и поскорѣй напрактиковать ихъ. Черезъ нѣсколько дней они ужъ вмѣстѣ съ старыми ходятъ кормиться; но когда придется отдыхать, то садятся подъ ихъ крылья: они еще въ пушку; днемъ черезчуръ жарко, а ночью — холодно.

Если яйца не очень насижены — Арабы ѣдятъ ихъ, а скорлупу приносятъ въ подарокъ друзьямъ, или въ видѣ приношенія кладутъ въ часовняхъ, которыя строятся надъ могилами ихъ духовныхъ. Пожертвованіе — не разорительное!

Съ перваго разу кажется — плохой расчетъ бить страусовъ на яйцахъ: они бываютъ въ это время, какъ и всѣ птицы, очень тощи; жиру въ нихъ мало; мясо сухое: да не дурно-бы лучше ужъ дожидаться выводковъ, потому что и яйцами не всегда приходится поживиться; если сильно насижены, то извѣстно, ужъ никуда не

годятся. Но всѣ эти потери вознаграждаются однимъ приобрѣтеніемъ: перья тогда бываютъ у нихъ самыя лучшія, пушистыя, мягкія и красивыя. Нападая на цѣлую ватагу страусовъ, которые сидятъ на яйцахъ, охотники успѣваютъ застрѣлить обыкновенно только самого стараго самца и самую старую самку. Еслибъ дѣлать столько амъ, сколько всѣхъ птицъ, то работа была-бы очень продолжительна; страусы при своей необыкновенной зоркости и осторожности непременно замѣтили-бы ее и разбѣжались.

Къ дѣтямъ своимъ страусы показываютъ большую привязанность, но отцы больше, нежели матери. Мать, при видѣ опасности, броситъ ихъ и побѣжитъ, а отецъ — никогда. Какой-бы врагъ ни грозилъ ему: собака, гіэна, человѣкъ — все будетъ защищаться и укрывать дѣтенышей крыльями. Охотники безжалостно пользуются этимъ: замѣтивъ слѣды маленькихъ страусовъ, они начинаютъ кричать. Птенчики тотчасъ бросаются къ старымъ; старые, чтобы не растерять ихъ и не разлучаться съ ними, останавливаются и всѣ пропадають. Иногда на страусовъ пускають гончихъ собакъ. Между-тѣмъ, какъ старые съ ними бьются, Арабы берутъ маленькихъ, приносятъ къ себѣ въ палатки и выкармливаютъ ихъ. Выростая, эти страусы дѣлаются очень ручными: они спятъ вмѣстѣ съ дѣтьми, играютъ, ходятъ за ними, когда дѣти отправляются рвать траву, рыть корни, или собирать финики. Иногда въ палаткѣ Араба представляется необыкновенно патріархальная картина: дитя спитъ, положивъ голову на гриву чуднаго лоснящагося жеребенка, а подлѣ него сидитъ страусикъ и, кажется, охраняетъ его сонъ. Такіе семейные страусы во время переходовъ съ одного кочевья на другое безъ всякаго присмотра бѣгутъ за верблюдами, и не было случая,

чтобы какой-нибудь изъ нихъ отсталъ, или ушелъ въ пустыню. Они очень живы, веселы, забавны, понимаютъ ласку и шутку, играютъ съ собаками, перегоняются со всадниками и въ однообразіи пустыни составляютъ весьма пріятное развлеченіе. Если на пути покажется заяцъ, и люди бросятся догонять его, страусъ тоже всполошится и вмѣстѣ со всадниками кинется со всѣхъ ногъ за звѣрькомъ, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ можетъ поймать его. Замѣтивъ что-нибудь съѣдобное въ руцѣ удитяти, страусъ тихонько повалитъ его и старается отнять; онъ въ этомъ отношеніи изумительно ловокъ и проворенъ: изо рта у человѣка вырветъ финикъ и не разсѣчетъ клювомъ губъ, даже несколько не оцарапаетъ. У него, кажется, однакожь есть просто страсть глотать всякую всячину: такъ, при моихъ глазахъ, онъ сорвалъ съ одной дамы ожерелье и проглотилъ его съ такимъ искусствомъ, что мы видѣли только, какъ мелькнулъ кончикъ. Денегъ при немъ никто не считай: въ одну минуту подцѣпитъ нѣсколько монетъ. Вотъ на этихъ-то ручныхъ страусахъ иногда и ѣздятъ, разумѣется, маленькіе дѣти; большаго человѣка не сдержитъ. Если страусу становится тяжело, то онъ безъ церемоніи сбрасываетъ съ себя ношу.

Охотятся въ Африкѣ еще за страусами, какъ у насъ за нѣкоторыми звѣрьми, папримѣръ, за медвѣдями, за кабанамъ и т. д. Ихъ подстерегаютъ въ пзвѣстныхъ мѣстахъ—у болотъ и лужъ, когда они приходятъ пить. Впрочемъ это требуетъ большаго терпѣнья, потому что страусъ пьетъ дня черезъ четыре, дней черезъ пять. Изволь дожидаться. За то иногда набѣгутъ ихъ цѣлыя тучи; можно считать сотнями. Хорошій охотникъ повалитъ однимъ выстрѣломъ нѣсколько штукъ. Впрочемъ, когда хочетъ получить ихъ перья и неспорченные —

непомятыя, необрызганныя кровью. то долженъ попа-
дать въ голову; а тутъ больше одного страуса не убьешь:
и то — рѣдкость. Такіе стрѣлки у Арабовъ — знамени-
тые люди. О нихъ пишутъ стихи и поютъ пѣсни.

СРАЖЕНІЕ ПОПУТАЯ СЪ ЗМѢЮ.

ОЦЕНА ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО РѢКѢ СЕНЕГАЛУ.

Была смертная духота; жаръ ломилъ кости, давилъ грудь. Мы ѣхали по Сенегалу; казалось на рѣкѣ должно-бы быть свѣжѣй: но въ густыхъ тростникахъ, между которыми мы пробирались, воздухъ былъ совершенно неподвиженъ и оттого нагрѣлся ужасно, какъ въ комнатѣ, наглухо запертой и жарко натопленной. Мы выбрались на берегъ и, отдыхая шаговъ черезъ десять, какъ разслабленные, потянулись искать тѣни. Змѣй было множество, и онѣ безпрестанно съ шипѣньемъ и шуршаньемъ бѣжали отъ насъ. Не вдалекѣ было разбросано нѣсколько пальмъ. Меня поразило то, что на нихъ, почти на самыхъ кон-

цахъ вѣтвей, висѣли будто огромные резиновые мячи, или бомбы. «Неужели это — особеннаго рода пальмовые плоды?» подумалъ я. Подходимъ и видимъ, что это гнѣзда попугаевъ. Мы легли подъ широколиственной тѣнью. Воздухъ колыхнулся, налетѣла туча и уронила нѣсколько капель дождя; но и онѣ были теплы, какъ капли слезъ, или крови. Попугаевъ было множество; они огромными стаями садились на поля, засѣянные мансомъ. Черные, какъ уголь, мальчишки — негры преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ, бросали камнями, кричали, хлопали въ ладоши и звонко щелкали языкомъ. Это смѣшило и развлекало насъ, и мы иногда на минуту забывали свое утомленіе. Изъ спугнутыхъ попугаевъ то тотъ, то другой прилетитъ къ гнѣзду и юркнетъ въ него съ разлету: можетъ-быть, по врожденной ихъ предусмотрительности, гнѣзда были привѣшены такъ, что подлѣ нихъ на гибкой вѣтви никому и ничему никакъ нельзя было держаться. Вдругъ на одной изъ ближнихъ пальмъ раздался хриплый и рѣзкій крикъ попугая. Онъ кружился около своего гнѣзда; перья у него поднялись и распушились; онъ щелкалъ клювомъ, кричалъ озабоченно и злобно и бросался въ зелень дерева. Присмотрѣвшись, мы увидѣли, что къ гнѣзду его подползала не длинная, но съ порядочную палку толстая змѣя. Она двигалась осторожно, опасаясь свалиться, и всякій разъ, когда попугай хотѣлъ ударить ее клювомъ, или крыломъ, такъ быстро поворачивала къ нему голову и раздвала ротъ, что бѣдная птица съ ужасомъ бросалась прочь. Однакомъ раза два-три попугаю удалось долбнуть своего смертельнаго врага. Змѣя, кажется, собиралась-было уже вернуться назадъ; но крайней-мѣрѣ, она на минуту остановилась. Вѣтвь гнула подъ ея тяжестію.

Вдругъ изъ отверстія чернаго, круглаго гнѣзда показалась оранжевая головка въ пушку: попугайчикъ, слыша крикъ матери, выглянулъ. Глаза змѣи засверкали: она сперва съежилась, потомъ метнулась по вѣтви и всунула голову въ гнѣздо. Попугай налетѣлъ и вонзилъ свой клювъ въ шею змѣи. Она не вынесла боли, выдвинула голову изъ гнѣзда и съ шипѣньемъ ворочала ея, чтобы укусить попугая. Мнѣ казалось, что и самъ попугай тоже шипѣлъ. Въ гнѣздѣ раздавался жалобный пискъ: кричали дѣти. Я не вынесъ, схватилъ ружье и, прицѣлившись такъ, какъ отъ роду никогда не прицѣливался, чтобы не убить попугая и не перебить вѣтви, выстрѣлилъ въ змѣю. Пуля зацѣпила ее. Попугай съ испугу отлетѣлъ; змѣя шарахнулась на землю. Попугай съ непонятною яростію на нее бросился и началъ рвать ее безъ всякой осторожности. Змѣя, извернувшись, укусила его въ ногу. Попугай крикнулъ пронзительно, отлетѣлъ шаговъ на сто, сѣлъ тоже на землю и началъ съ остервенѣніемъ рвать укушенное мѣсто, бросая перья и куски мяса. Должно-быть, ядъ жегъ его. Я еще два раза выстрѣлилъ въ змѣю изъ револьвера и убилъ ее совсѣмъ. На этотъ разъ попугай не испугался моихъ выстрѣловъ: онъ торопливо продолжалъ дѣлать себѣ операцію. Какъ мнѣ хотѣлось помочь ему! Но онъ обошелся безъ моей помощи. Ободравъ себѣ ногу по самое стегно, онъ куда-то улетѣлъ; гдѣ былъ и что дѣлалъ, не знаю: но черезъ четверть часа воротился и началъ таскать кормъ дѣтямъ.

ВОЙНА МЕЖДУ ПЛЕМЕНАМИ ПУСТЫНИ САХАРЫ.

араванъ разграбленъ; женщины вытерпѣли страшныя оскорбленія; пастбища и водопой не въ безопасности отъ сильнаго враждебнаго племени: могутъ ли такія обиды быть изглажены набѣгомъ мстителей? Нѣтъ. Старшины и шейхи рѣшились идти войною на враговъ.

Воззванія ко всѣмъ дружественнымъ племенамъ написаны и разосланы. Эти вѣрные союзники въ счастіи и несчастіи не откажутъ въ помощи; оскорбленіе одного равно чувствительно для всѣхъ племенъ. И какъ имъ не быть дружными? Не составляютъ-ли они, при всякомъ случаѣ, *одного ружья одного голоса?* О, каждое племя пришлетъ, навѣрное, сколько можетъ помощи!

Но союзники далеко: раньше 8 или 10 дней они не поспѣютъ; между-тѣмъ совѣтъ собранъ, старшины обсуживаютъ предпріятіе и стараются одушевить цѣлое племя.

«О, рабы Божіи!» восклицаютъ они, «готовьтесь отомстить врагамъ за кровавую обиду! Подкуйте лошадей вашихъ, наготовьте сѣстныхъ припасовъ на двѣ недѣли, не забудьте зеренъ, сушеной говядины и масла; готовьте всего, какъ можно больше: помните, не для однихъ себя, но столько-то союзныхъ племенъ надобно принять и угостить. Прикажите вашимъ красавицамъ дочерямъ и женамъ, быть готовымъ къ походу: пусть онѣ надѣнутъ свои лучшіе наряды, пусть уберутъ, какъ можно великолѣпнѣе, своихъ верблюдовъ и придѣлаютъ къ вьюкамъ самыя пышныя паланкины; да и сами одѣньтесь получше; настало время не только убивать врага, но и ослѣплять его богатствомъ и красотой. Приготовьте оружіе, запаситесь порохомъ и къ такому-то дню будьте готовы! У кого есть боевой конь и онъ останется дома, тотъ платитъ двадцать овецъ; у кого ружье и онъ не пойдетъ на врага, платитъ пеню въ десять овецъ.»

Никто не можетъ отказаться отъ войны; пѣшіи или конный, но долженъ идти. Все готово; охраненіе лагеря, остающихся женщинъ, дѣтей, больныхъ и пастуховъ поручено старикамъ, а начальство надъ всѣми дано самымъ почтеннымъ и опытнымъ.

Но и враждебное племя не дремало; оно узнало отъ путешественниковъ о готовящемся нападеніи; оно тоже собрало своихъ союзниковъ и приготовилось встрѣтить нападеніе. Стада, палатки, лучшія пожитки отвезены въ мѣсто, которое считаютъ безопаснымъ. Наѣздинки и красивыя женщины съ своими верблюдами, необходимыя зрительницы битвъ, готовы; шейхи выбираютъ удобное для битвы мѣсто и ждутъ.

Ждать приходится не долго; племя, готовящееся мстить за обиды, не теряетъ времени. Наканунѣ отъ-

ѣзда, или выступленія, всѣ союзные старшины собираются и въ присутствіи *марабутовъ* (отшельниковъ) произносятъ надъ священной книгой, Сиди-Абд-Аллаха, слѣдующую клятву:

«О, друзья! поклянемся правдою, заключенною въ святой книгѣ Сиди-Абд-Аллаха, быть братьями, составить одно общее ружье, и если придется умереть, то всѣмъ лечь отъ одной сабли; если вы насъ позовете днемъ, мы явимся днемъ, если позовете ночью, мы выйдемъ изъ тьмы ночной!»

На слѣдующее утро, въ назначенный часъ, человѣкъ высокаго происхожденія, благороднѣйшій изъ благородныхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, садится на своего любимаго коня; за нимъ, на верблюдахъ, красивыя жены; онъ даетъ условный знакъ — и весь станъ поднимается. Все зашевелилось; все движется. Глаза ослѣплены живописною пестротой всадниковъ, верблюдовъ съ разноцвѣтными шатрами, пѣшихъ воиновъ. Сначала двинулось все нестройною толпою; но, мало-по-малу, войско приведено въ порядокъ. Пѣшіе собрались въ кучку, идутъ толпою съ ружьями на плечѣ; далѣе жепщины съ своими верблюдами; вокругъ нихъ невольники и степенные всадники, которые готовы защитить ихъ отъ опасности; это самое надежное войско, это люди, у которыхъ прошелъ первый пылъ молодости и безпечнаго веселья. Вокругъ всего войска скачутъ, гарцуютъ молодые люди, для которыхъ война — праздникъ, а жизнь — веселый разгулъ. Лошади ихъ кипятъ, какъ и они, отвагой и силой; гончія собаки выгоняютъ то зайца, то газель, то антилопу, и вся шумная ватага съ криками гонится за ними.

Одни только шейхи задумчивы и молчаливы; на нихъ лежитъ вся отвѣтственность. Если будетъ удача,

то награда имъ большая; самая значительная добыча достанется на ихъ долю; но если будетъ неудача, то укоры, проклятія, разореніе и стыдъ не минуютъ ихъ. Вотъ, почему они задумчивы и часто совѣщаются.

За войскомъ, не въ близкомъ отъ него разстояніи, идутъ верблюды, навьюченные съѣстными припасами.

И вся эта разнородная, пестрая толпа вьется по степи, то поднимаясь, то спускаясь съ холма, подъ палящими лучами лѣтняго солнца; никто не замѣчаетъ усталости и жара; всѣ веселы: всѣ думаютъ о славѣ и о богатой добычѣ. Испытанные воины рассказываютъ о своихъ подвигахъ и рѣчь ихъ принимаетъ поэтическій характеръ и поэтическій размѣръ; вокругъ нихъ тѣсняются музыканты; флейты ихъ звучатъ подъ ладъ съ рассказомъ и своею мелодіею то выражаютъ восторгъ, то диссонансами прерываютъ рассказчика; женщины восклицаютъ отъ восхищенія. Но весь этотъ шумъ покрывается гиканьемъ всадниковъ и непрерывнымъ гуломъ ружейныхъ выстрѣловъ; это — арабская *фантазія* *).

Но вотъ, ружейная пальба замолкла. Молодой, прекрасный всадникъ запѣваетъ одну изъ прадѣдовскихъ пѣсенъ въ честь женщины; слова его дышатъ жаркими, южными выраженіями; всѣ съ новымъ наслажденіемъ слушаютъ давно знакомую пѣснь, любятъ странными сравненіями и упиваются звуками родной поэзіи. Вотъ, нѣкоторые отрывки изъ подобной пѣсни:

«О, други! вы не знаете Меріемъ (Маріанны), вы не знаете женщины, рожденной въ раю, вы не знаете

*) *Фантазіей* арабы называютъ бѣшеную скачку на лошадахъ, причемъ дѣлаютъ разныя, самыя труднѣйшія упражненія вольтижировъ и въ то же время стрѣляютъ изъ ружья, бросаютъ его на воздухъ, подхватываютъ и на скаку вновь заряжаютъ.

этого чуднаго творенія единого Бога! Слушайте, я вамъ опишу ее:

«Меріемъ — это самъ бей *Османъ*, окруженный войскомъ, когда онъ идетъ въ походъ, при трубныхъ звукахъ, съ развѣвающимися знаменами.

«Меріемъ — это лучший кровный скакунъ, который живетъ въ наслажденіи, въ золоченыхъ палатахъ, пьетъ воду ключевую, нѣжится подъ прохладною тѣнью, а служатъ ему черные рабы.

«Меріемъ — это луна между звѣздами, пальма страны Бени-Мазебъ *) высокая, гордая, плодовъ которой не сорвать смертному.

«Нѣтъ, Меріемъ газель, скачущая въ пустынѣ. Жадный охотникъ преслѣдуетъ ее маленькаго; онъ уже приложился въ него изъ ружья; но благородная мать видитъ, курокъ спустился, порохъ на полкѣ вспыхнулъ — прыгнула впередъ: она умѣетъ жертвовать жизнью и принять пулю, готовившуюся для ее маленькаго.

«О, Меріемъ не имѣетъ *сестры* (равной себѣ) во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта!

«Она неогѣненна! Меріемъ дороже Туниса вмѣстѣ съ Алжиромъ, со всѣми ихъ лавками и надушенными то-варями.

«Она дороже всѣхъ кораблей, которые скользятъ по *синему* (морю), со всѣми ихъ парусами, со всѣми богатствами, со всѣми людьми на нихъ.

«Она драгоцѣннѣе пятисотъ ретивыхъ коней, всего состоянія племени, когда они, почуявъ порохъ, мчатся на врага съ своими гордыми всадниками.

«Она драгоцѣннѣе пяти сотъ верблюдовъ, за которыми слѣдуютъ столько же молоденькихъ, а за ними

*) Жители Бени-Мазебъ отличаются строгою, безукоризненною нравственностью.

сто рабовъ изъ Судана, готовыхъ служить мусульманамъ.

«О, она стоитъ всѣхъ кочующихъ Арабовъ, счастливыхъ, независимыхъ; всѣхъ Арабовъ осѣдлыхъ, несчастныхъ жертвъ хитрости султановъ.

«Голова ея украшена чистымъ шелкомъ, изъ-подъ котораго вырываются черныя волны ея надушенныхъ мускусомъ и мирромъ волосъ. *Ея зубы бѣлѣе жемчуга, оправленнаго корраллами губъ. Ея глаза, сверкающіе жаркою кровью, ранять сильнѣе ядовитыхъ стрѣлъ дикаго племени Берну....*»

Прошло нѣсколько часовъ; зной становится невыносимый: пора отдохнуть. Палатки разбиты; готовятъ завтракъ; лошади разнузданы, онѣ пущены на паствѣ; всѣ отдыхаютъ.

Солнце стало уже ниже; жаръ свалилъ; уже за три часа по полудни. Впередъ, въ походъ вы, смѣлые наѣзтники! начните блестящую фантазію, покажите на что способны вы сами и кони ваши, *пылющіе воздухъ*. Награда ждетъ васъ! Посмотрите: вотъ между верблюдами пробирается черный невольникъ; ему поручила прекрасная госпожа отдать серебряное подножье, или ожерелье тому изъ отважныхъ наѣзтниковъ, фантазія котораго затмила собою всѣ другія, какъ луна превосходить блескомъ самыя яркія звѣзды.

До солнечнаго заката предводители уже нашли удобное мѣсто для становища: тамъ есть вода, трава и мелкій кустарникъ, чтобы разложить огонь. Сигналъ для остановки данъ; кони разнузданы и расѣдланы; на ноги имъ наложены желѣзные путы; Негры отправляются за травой и за водой; палатки разбиты, верблюды тоже спутаны. Женщины, передъ кестрами готовятъ кушанье, смѣются и разговариваютъ бѣзъ умолку. Тысячи смѣш-

ныхъ и граціозныхъ сценъ даютъ стану оживленный и по своему разнообразію привлекательный видъ. Мало-по-малу все утихаетъ; каждая палатка, по распоряженію старшины, высылаетъ одного человѣка сторожить скотъ и лагерь отъ воровъ, или отъ нечаяннаго нападенія. Ночная мгла усиливается; все потонуло въ темнотѣ; ничто не напоминаетъ о становищѣ. Не спитъ только звѣрь хищный и столько же хищный степной воръ, притановившійся въ кустахъ; отъ того и другого часовые рѣдко спасаютъ спящихъ товарищей.

Ночь прошла, не пересчитавъ всего, что скрыла ея темнота, настаетъ второй день похода. Предводители выбираютъ вѣрныхъ соглядатаевъ *шуафъ* (путешественниковъ) и отправляютъ ихъ въ непріятельскій лагерь; по мѣрѣ приближенія къ нему, они переѣзжаютъ только ночью, а день прячутся гдѣ-нибудь въ кустахъ, или въ горахъ. Имъ поручено узнать мѣстоположеніе непріятельскаго войска. сколько подкрѣпленія пришло къ нему и убѣдиться, въ какомъ онъ расположеніи духа. Дойдя уже близко къ непріятелю, одинъ изъ шуафъ надѣваетъ на себя лохмотья нищаго и въ этомъ видѣ проникаетъ въ дуаръ (деревню). Онъ считаетъ лошадей и пѣшихъ воиновъ, палатки и верблюдовъ, ничто не ускользаетъ отъ его внимательности; онъ замѣчаетъ — смѣются ли, веселятся ли, или ходятъ, повѣся голову, и обо всемъ этомъ даетъ подробный отчетъ товарищамъ.

Всю ночь *шуафы* проводятъ по близости отъ деревни, чтобы знать, какъ будетъ встрѣченъ солнечный восходъ. Если на зарѣ всадники занимаются *фантазіей*, стрѣляютъ, поютъ, веселятся — значить, они получили сильное подкрѣпленіе и нисколько не боятся нападенія.

Племя, между тѣмъ, подходитъ все ближе и ближе; осталось всего миль десять до враждебнаго дуара. По-

ходъ былъ очень медленный; женщины и пѣшіе мѣшали быстротѣ, но болѣе всего сами шейхи замедляли шествіе; они намѣрены дать врагамъ время хорошенько сообразить свое положеніе. Не вздумаютъ ли они помириться? Вѣдь, такіе случаи нерѣдко бываютъ; шейхамъ же это особенно выгодно: помимо народа достанутся имъ тайные подарки: бумажныя ткани, суконные бурнусы, ружья, оправленные серебромъ, ножныя браслеты и золотыя деньги. Когда переговоры однажды начались, они, по большой части, ведутъ къ миру, потому-что главные голоса въ совѣтѣ, заранѣе задаренные, бываютъ на ихъ сторонѣ.

Наконецъ войско уже очень близко къ *дуару*, но неизвѣстность все еще прежняя: намѣрены ли они мириться, или готовы встрѣтить ихъ съ оружіемъ — никакихъ еще сношеній ни прямыхъ, ни тайныхъ между врагами нѣтъ.

Народонаселеніе дуара узнало, что сила нападающихъ многимъ превышаетъ собранное ими войско, и они рѣшаются откупиться отъ грозящей имъ бѣды. Они собираютъ самыхъ мудрыхъ и краснорѣчивыхъ марабутовъ, каждый даетъ имъ на дорогу вещей для подарковъ, денегъ и дорогія ткани. Ночью уполномоченные отправляются въ непріятельскій лагерь; тамъ ждетъ ихъ уже одинъ изъ заранѣе увѣдомленныхъ шейховъ; онъ тайно ведетъ ихъ въ свою палатку и получаетъ много дорогихъ подарковъ; это его вполне располагаетъ къ мирнымъ предложеніямъ. Онъ ведетъ марабутовъ въ ближайшую палатку къ другому шейху: тамъ опять подарки и уже двое провожаютъ ихъ къ третьему, гдѣ повторяется то же самое, и всѣ трое идутъ съ мирными посланниками къ четвертому и съ нимъ вмѣстѣ далѣе, пока толпою, постоянно увеличивающеюся, не обойдутъ всѣхъ, имѣю-

щихъ вліяніе, т. е. всѣхъ голосовъ совѣта. Когда эти предварительныя мѣры кончены, марабуты приступаютъ къ исполненію своего посольства, будучи вполне увѣрены, что говорить будутъ не передъ глухими.

«Мы пришли», говорятъ они, «только по чувству любви къ Богу и ближнему. Вы знаете, мы марабуты и, кромѣ добра, ничего не хотимъ ни вамъ, ни пославшимъ насъ. Вамъ надобно, изъ уваженія, какое намъ оказываете, помириться съ мусульманами, которые остались тамъ, въ дуарѣ; это будетъ лучше, нежели навлекать на насъ всѣ несчастія войны, смерть и разореніе. Если вы хотите поступить хорошо, Богъ наградитъ васъ, вашихъ женъ, дѣтей, лошадей и верблюдовъ; если вы ищете зла, пусть же оно и падетъ на ваши головы. Повторяемъ вамъ, помиритесь! Да проклянетъ Богъ демона войны!»

Между слушателями, обыкновенно начинаются несогласія: одни дѣлаютъ видъ будто жаждутъ битвы, другіе будто понемногу поддаются мирнымъ предложеніямъ; но въ душѣ всѣ одного мнѣнія, и, послѣ самыхъ непродолжительныхъ споровъ, шейхи говорятъ:

«Ну, хорошо! мы помиримся, изъ любви къ Аллаху и изъ уваженія къ вамъ, но на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Вы намъ въ точности возвратите всѣ вещи, всѣ пряности, всѣхъ животныхъ, которыхъ вы у насъ похитили, когда разграбили нашъ караванъ въ такомъ-то мѣстѣ.

2) Вы намъ съ точностью заплатите *дейя* *) (цѣну крови) нашихъ братьевъ, погибшихъ отъ меча вашего.

*) Цѣною крови за одного въ Сахарѣ бываетъ обыкновенно слѣдующая: или пятьдесятъ трехлѣтнихъ верблюдовъ, или триста овецъ; слѣдовательно, одинъ верблюдъ равняется шести овцамъ, когда дѣло идетъ о цѣнѣ крови.

3) Вы намъ отдадите всѣ стада, угнанныя вами въ послѣдній набѣгъ на наше селеніе.

4) Вы намъ отдадите всѣхъ лошадей и всѣхъ верблюдовъ, которыхъ ваши воры украли у насъ; они и теперь въ вашемъ дуарѣ: мы ихъ сами видѣли.»

Марабуты принимаютъ условія и ручаются за исполненіе ихъ; приносятъ священную книгу Сиди-Абд-Аллаха и всѣ шейхи клянутся не нарушать мира. Послѣ этого марабутовъ угощаютъ и они отправляются домой извѣстить дуаръ объ успѣхѣ переговоровъ и заставить выполнить условія, въ которыхъ поручились.

На слѣдующій день наступающее племя продолжаетъ идти впередъ и разбиваетъ палатки въ виду дуара, въ полумили отъ него. Марабуты и шейхи враждебнаго племени являются въ сопровожденіи всего выкупа, назначеннаго мирными условіями. Тутъ опять приносятъ книгу Сиди-Абд-Аллаха и старшины той и другой стороны клятвенно заключаютъ миръ:

«Клянемся правдою Сиди-Абд-Аллаха, что между нами не будетъ больше ни набѣговъ, ни кражи, ни убійства, ни мести. Отнынѣ мы будемъ братьями; ружья наши будутъ стрѣлять только за одно.» Послѣ клятвы, марабуты той и другой стороны читаютъ нѣсколько молитвъ и говорятъ: «Да наградить васъ Аллахъ, дѣти наши, что вы зарыли въ землю *ножъ злодѣйства*, и да благословить онъ за это васъ, ваши семейства и вашихъ животныхъ!»

По заключеніи мира, шейхи той и другой стороны посѣщаютъ марабутовъ и приносятъ имъ подарки.

Нападающее племя, по заключеніи мира, прогостивъ дня три у своихъ бывшихъ враговъ, отправляется домой. Тутъ-то начинается самая блестящая, необузданная *фантазія*: лошади прыгаютъ, скачутъ; ружейные вы-

стрѣлы слѣдуютъ одинъ за другимъ и сливаются въ непрерывный гулъ; женщины восклицаютъ отъ восторга и хлопаютъ въ ладони — это общая радость, счастье, упоеніе! Съ дюжину шейховъ осталось, между тѣмъ, въ дуарѣ: ихъ угощаютъ, какъ можно лучше, дарятъ имъ драгоценныя ружья, бурнусы и т. п.; при отѣздѣ, ихъ провожаютъ хозяева и они увозятъ съ собою тоже съ десятокъ враждебныхъ шейховъ къ себѣ въ гости и стараются не отстать отъ нихъ, ни въ угощеніи, ни въ подаркахъ.

Такимъ образомъ заключенный *вѣчный миръ* продолжается довольно долго, т. е. годъ, или два года.

Не всегда, однакожъ, миръ заключаютъ; иногда марабуты приходятъ не ночью, а днемъ; иногда подарки ихъ недостаточны и тогда завистники восклицаютъ:

«Клянемся женами и дѣтьми, мы будемъ сражаться; пусть-себѣ тому дали сукна, а тому денегъ, третьему драгоценностей, четвертому бумажныя ткани, или оружіе; всѣ шейхи получили что-нибудь, а намъ что досталось? Братья наши погибли отъ пули непріятельской, стада наши уведены и пасутся на чужихъ пастбищахъ: что дали намъ въ замѣнъ всѣхъ потерь нашихъ? Нѣтъ, клянемся Сиди-Абд-Аллахомъ пороховъ заговорить!»

И дѣйствительно, пороховъ говорить; ни подарки, ни обѣщанія не могутъ заставить его замолчать. Но самая жестокая битва бываетъ та, когда дуаръ рѣшается сражаться и не предлагаетъ мира.

Нападающіе идутъ впередъ; къ нимъ не являются послы и они разбиваютъ палатки въ двухъ миляхъ отъ непріятеля, готового къ битвѣ. Передовые наѣзники встрѣчаются на равнинѣ; они осыпаютъ другъ друга бранью и мѣняются ружейными выстрѣлами; поскакавъ туда и сюда, одни восклицаютъ:

«Вы женщины, а не воины! Развѣ вы не видите, что ночь настала и въ темнотѣ не отличить зайца отъ васъ; да и днемъ, по вашей трусости, это не легко! На что тратить ночью порохъ? Дождемся утренняго свѣта, а съ нимъ вмѣстѣ и вашего послѣдняго часа!»

— Собаки вы, презрѣнныя! Вотъ, мы васъ завтра! Если вы мужчины, то мы встрѣтимся грудь съ грудью.

Передовые разѣзжаются и каждая сторона возвращается въ свой лагерь; шейхи составили, между тѣмъ, охранные отряды въ сто человѣкъ конныхъ и въ сто пѣшихъ. На слѣдующій день враждебныя войска наблюдаютъ дѣйствія другъ друга: если одна сторона снимаетъ палатки, другая дѣлаетъ тоже самое; если одна оставляетъ ихъ и конница и пѣшіе выступаютъ, а за ними женщины на верблюдахъ, противники ихъ дѣлаютъ точь-въ-точь такъ-же. Наконецъ войска сходятся: впереди всадники, тотчасъ за ними женщины на верблюдахъ, чтобы ободрить и воспламенить ихъ; онѣ окружены пѣшими, а за ними еще отрядъ пѣшихъ, это — арьергардъ и подкрѣпленіе. Битву начинаютъ десять, или пятнадцать всадниковъ, которые стараются зайти непріятелю въ тылъ.

Начальники, съ довольно значительнымъ отрядомъ, занимаютъ середину боевой линіи. Сцена мало-по-малу оживляется; молодые, пылкіе люди бросаются впередъ; лошади ихъ столько-же нетерпѣливы, какъ они сами. Арабы срываютъ феску, или чалму съ головы и поютъ военную пѣснь, или поджигаютъ товарищей подобными восклицаніями:

«Гдѣ тѣ воины, у которыхъ есть жены? Сегодня насталъ день отличиться въ глазахъ ихъ!»

«Гдѣ тѣ храбрые, которые всегда хвалились своими подвигами? Сегодня насталъ день показать ее на дѣлѣ,

а не на словахъ! Пусть нынче для вражды языкъ будетъ дологъ, а не для бесполезной болтовни!

«Гдѣ тѣ, которые ищутъ славы? Идите, она ждетъ васъ!

«Впередъ, дѣти пороха! Взгляните, передъ вами сыновья жидовъ! Нашъ мечъ напьется крови ихъ, онъ жаждетъ ея! Все имущество ихъ достанется намъ; мы его отдадимъ нашимъ женамъ!

«Впередъ! молодые храбрецы, впередъ! Бросайтесь! Пули не убиваютъ! Убиваетъ одна только судьба!»

Со всѣхъ сторонъ раздаются крики; лошади взвиваются на дыбы, всадники бросаютъ ружья вверхъ и подхватываютъ ихъ; на лицахъ видна жажда крови; раздаются выстрѣлы и начинается рукопашный бой.

Одна сторона дрогнула и начинаетъ отступать къ верблюдамъ съ женщинами; въ это время съ обѣихъ сторонъ раздаются крики женщинъ: одни рукоплещутъ и своими словами стараются придать новый пылъ побѣдителямъ; другіе издають крики негодованія и стараются укорами, обидами и проклятіями поддержать своихъ ослабѣвающихъ мужей и братьевъ.

«Такъ, вотъ они, хваленые воины! Они, видно, только умѣютъ ѣздить по праздникамъ въ нарядномъ платьѣ съ бѣлыми стремянами! Посмотрите, вотъ они бѣгутъ, какъ зайцы, они готовы оставить женъ! О, жида вы, сыновья жидовъ! Долой съ лошадей, отдайте ихъ намъ, и мы покажемъ вамъ, какъ драться! Подавайте сюда оружіе: вы не стоите того, чтобъ носить его; отъ сегодняшняго дня никто не назоветъ васъ мужчинами! О, вы трусы! Да проклянетъ васъ Аллахъ!»

Подобныя оскорбленія возбуждаютъ мужество побѣжденныхъ; они бросаются впередъ и противники ихъ пьются; пѣхотинцы подоспѣли имъ на помощь и недавніе

побѣдители отброшены до ихъ женщинъ; тутъ повторяются тѣже проклятія и обиды, какія недавно слышались съ противной стороны, вмѣсто недавнихъ похвалъ, какими они за минуту осыпали своихъ отцовъ, мужей и братьевъ.

Они подались опять впередъ и сраженіе продолжается между двумя рядами зрительницъ; побоище ужасное; наконецъ та сторона, которая потеряла больше лошадей и людей, лучшіе и храбрѣйшіе шейхи которой пали, начинаетъ колебаться и вскорѣ обращается въ бѣгство. Нѣсколько храбрыхъ предводителей пытается остановить ихъ, но напрасно: шейхи скачутъ направо, налево, просятъ, уговариваютъ, стараются подстрекнуть самолюбіе, но ни что не помогаетъ.

«Есть-ли между вами мужчины?» восклицаютъ они.
«Неужели я не найду ни одного?»

«Скрѣпите сердце! Если вы убѣжите, ваши жены упадутся въ неволю и вамъ будетъ вѣчный стыдъ!»

«Умирайте! никто ни скажетъ: они бѣжали!... Умирайте, вѣдь есть еще жизнь!»

Тутъ нерѣдко происходятъ трогательная сцена: самый храбрый, всѣми любимый шейхъ не хочетъ пережить своего пораженія, стыда своего племени; онъ бросается въ самый пылъ, чтобъ найти смерть, но его удерживаютъ молодые люди; стѣснившись около него, они восклицаютъ:

«Ты отецъ нашъ; что станется съ нами, когда мы лишимся тебя? Позволь намъ умереть за тебя; мы не хотимъ оставаться подобно стаду овецъ безъ пастуха.»

Нѣкоторые храбрые еще бьются, но вскорѣ ихъ увлекаетъ общее бѣгство, и они подлѣ своихъ женъ; тутъ каждый спасаетъ, что для него дороже всего. Все племя скачетъ безъ памяти; только изрѣдка то тотъ, то другой оборачивается назадъ и отбивается отъ погони.

Но случается, что иногда мужественный и отчаянный поступокъ измѣняетъ ходъ сраженія. Однажды при нападеніи племени Сп-Эль-Джедитъ на племя Арбаа, молодой четырнадцатилѣтній Аисса-бенъ-эль-Шерифъ сѣлъ на лошадь и присоединился къ сражавшимся, но увидѣвъ, что его соплеменники бѣгутъ, онъ бросился впередъ, поворотилъ лошадь и закричалъ:

«Какъ! вы взрослые, вы мужчины, и вы боитесь! Вы выросли въ порошокъ, и вы не умѣете побѣждать его! Неужели для того только вы и ухаживали за своими конями, чтобы притчѣе уходить отъ враговъ?» — Но ему отвѣчали однимъ общимъ крикомъ: Джедитъ! Джедитъ, вотъ Джедитъ! — «Джедитъ, прерываетъ ихъ мальчикъ, ну что же, это одинъ человѣкъ, такъ неужели вамъ не стыдно, что онъ васъ гонитъ, какъ стадо овецъ? Такъ посмотрите-же на Джедита, посмотрите! онъ гонитъ сотни мужчинъ, а дитя сумѣетъ остановить его — смотрите!» И Аисса ударилъ своего скакуна острыми стременами и какъ вихорь помчался на страшнаго Джедита. Тотъ не остерегся, не обратилъ вниманія на мальчика: чего ему было опасаться дитяти? Но Аисса уже подлѣ него и однимъ прыжкомъ очутился за нимъ, на его лошади; одной рукой онъ уцѣпился ему за шею, а другою поражаетъ его кинжаломъ. Джедитъ старается освободиться отъ неожиданнаго непріятеля, но не можетъ; уже кровь струится изъ нѣсколькихъ ранъ; ему остается только нарочно свалиться съ лошади, чтобы въ паденіи придавить мальчика и потомъ уже добить его на землѣ. Ловкій и внимательный Аисса увернулся и, пользуясь паденіемъ Джедита, однимъ скачкомъ очутился на его драгоцѣнной лошади и мчался уже къ своимъ. Подвигъ его пристыдилъ всѣхъ; они съ новымъ мужествомъ бросились на враговъ и побѣда осталась на ихъ сторонѣ.

Побѣдители могли бы въ конецъ истребить побѣжденныхъ, или навсегда разорить ихъ, но жажда, съ какою они предаются грабежу, спасаетъ послѣднихъ; всякій обираетъ павшаго врага, ловить лошадей, захватываетъ палатку, верблюда и что попадется, поэтому-то самымъ храбрымъ и проворнымъ воинамъ удается спасти своихъ женъ и часть своего имущества. Разграбивъ все, что было подъ рукою, побѣдители думаютъ объ отступленіи, о томъ, какъ-бы сохранить пріобрѣтенное; они опасаются неожиданнаго нападенія побѣжденныхъ.

Шейхи съ большимъ вниманіемъ распоряжаются отступленіемъ; послѣ небольшой кучки воиновъ, впереди идутъ верблюды съ клажей, за ними женщины, а наконецъ само войско. Въ первые дни не останавливаются отъ восхода до захода солнечнаго; никто не знаетъ отдыха, всѣми силами стараются уйти подальше отъ непріятелей.

Съ плѣнными женщинами поступаютъ очень почтительно; только бѣдняки снимаютъ съ нихъ цѣнныя украшенія и богатый нарядъ; богатые же оставляютъ имъ все, до малѣйшей бездѣлицы, нерѣдко выкупаютъ и вновь одѣваютъ обиженныхъ бѣдняками и вмѣстѣ съ верблюдами отсылаютъ ихъ назадъ къ мужьямъ.

Въ пустынѣ нѣтъ обыкновенія брать въ плѣнъ; сражающихся тутъ же убиваютъ; но никогда не обезображиваютъ мертваго или раненаго; только изрѣдка попадаютъ подобныя исключенія, и то всегда вслѣдствіе личной мести. Только своихъ раненыхъ подбираютъ съ поля сраженія, а раненыхъ непріятелей оставляютъ въ степи, на произволъ судьбы, нисколько не позаботившись о ихъ ранахъ и о томъ, найдутъ-ли они помощь отъ своихъ соплеменниковъ.

При возвращеніи домой, побѣдителей встрѣчаютъ съ

безумною радостью; женщины выстраивают своих верблюдовъ въ одну линію, подвигаются медленно, кричатъ, хлопаютъ въ ладони и махаютъ разноцвѣтными шальми; молодые люди дѣлаютъ самую бѣшеную и блестящую фантазію. Огромное количество кушаньевъ наготовлено для своихъ и для союзниковъ; шейхи собираютъ деньги для уплаты союзникамъ. Каждый простой воинъ получаетъ десять испанскихъ червонцевъ, или вещь, которая равняется этой цѣнѣ; это получаютъ союзники, кромѣ добычи, которую каждый изъ нихъ самъ прибрѣлъ. Само собою разумѣется, шейхъ получаетъ гораздо больше: кромѣ своей части добычи, ему даютъ еще значительные подарки, какъ-то: ковры, палатки, оружіе, лошадей и т. п.

Союзниковъ угощаютъ, какъ можно лучше, и когда они отправляются домой, шейхи садятся на коней, провожаютъ ихъ часа три-четыре и, при разставаньи, повторяютъ клятву: «всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ составлять одинъ военный кличъ, одно общее ружье и являться утромъ, когда зовутъ утромъ, ночью — когда зовутъ ночью.»

Странно можетъ показаться, отчего племя, ожидающее нападеніе и нежелающее просить мира, не старается заранее уйти куда-нибудь подальше? Оттого, что непріятель можетъ напасть во время перехода, захватить врасплохъ во время остановки, и тогда не было бы возможности ни сражаться, ни отстаивать стадъ, которыя всегда увеличиваютъ беспорядокъ; къ тому-же, можно зайти въ безводное мѣсто; или наткнуться на другое враждебное племя. Слѣдовательно, лучше всего выбрать удобное мѣсто, ждать битвы, или нести повинную голову въ непріятельскій лагерь..... «О, Аллахъ! спаси насъ, спаси нашихъ коней! Каждый день голова наша прекло-

няется къ новому мѣсту и мы спимъ подѣ новой пальмой. Аллахъ, вспомни наши ночныя бдѣнія, при звукахъ флейтъ и барабановъ и помоги намъ!»

Раздѣлъ добычи, послѣ нападенія на общаго непріятеля, производится всегда подѣ надзоромъ старшины, съ чрезвычайною точностью и по правиламъ, однажды установленнымъ.

Человѣкъ, убившій врага, можетъ взять себѣ его платье, оружіе и лошадь. Онъ подвергался опасности; ему придется отвѣчать Аллаху за смерть правовѣрнаго. Лошадь пойманная на полѣ битвы, идетъ въ раздѣлъ; всѣ захваченныя стада овецъ, палатки, лошади, верблюды, мулы, хлѣбъ зерновой — все дѣлится поровну между всѣми нападавшими. Кромѣ доли изъ общей добычи, каждый шейхъ и начальникъ получаетъ по 30 или 40 овецъ, или по три и по четыре верблюда; если шейхъ самъ не ходилъ въ походъ, все же ему даютъ частицу добычи, *узелъ шейха*.

Если кто-нибудь дастъ другу лошадь для войны, онъ получаетъ частицу добычи; если лошадь бываетъ убита, или попадется въ плѣнъ, но племя все же осталось побѣдителемъ, тогда дѣлаютъ складчину и выплачиваютъ хозяину, что лошадь стоила, говоря: *она погибла для пользы цѣлаго племени*. Если походъ былъ неудаченъ, хозяинъ ничего не получаетъ, онъ долженъ перенести свою потерю, ему говорятъ: *ты искалъ счастья!*

Если кто далъ съѣстныхъ припасовъ для войны, а самъ не ходилъ, онъ все же имѣетъ право на *копые* (часть добычи): онъ принималъ участіе въ сражавшихся.

Кузнецъ получаетъ *копые*: онъ трудами и искусствомъ помогъ сражавшимся. Кузнецовъ никогда не убиваютъ; подобное преступленіе принесло бы несчастіе и проклятіе Аллаха всему племени.

Въ битвѣ не убиваютъ того, кто сбросилъ съ себя бурнусъ и подходитъ, держа ружье надъ головою, прикладомъ вверхъ. Пастуховъ тоже не трогаютъ.

Особенная, значительная часть добычи назначается *путешественникамъ* (шуафамъ), которые подкрадывались къ непріятельскому лагерю, осматривали его и жертвовали своею жизнью для пользы цѣлаго племени. Если *шуафъ* лишился при этомъ лошади, ему выплачиваютъ сто испанскихъ червонцевъ, или даютъ точно такую же, какую онъ потерялъ. Цѣна эта не слишкомъ большая, потому-что въ шуафы выбираются только отличнѣйшіе всадники съ лучшими лошадьми.

Племя, возвращающееся съ добычей, даетъ *конье* той знатной женщинѣ, которая первая выйдетъ изъ палатки, встрѣтитъ ихъ съ восклицаніемъ радости и будетъ славить ихъ подвиги.

Красавицы, участвовавшія въ походѣ, имѣютъ право на свою долю изъ общей добычи.

Кто далъ взаймы ружье, получаетъ одну четверть изъ доли должника своего. Если племя собирается на войну и у какого-нибудь бѣдняка нѣтъ лошади, онъ идетъ въ поле, ловить какую-нибудь, хозяина которой нѣтъ дома, идетъ въ одному сосѣду, беретъ сѣдло, но оно безъ стремень и подпруги; у другого достаетъ подпругу, у третьяго стремена, и такимъ образомъ снарядившись, отправляется въ походъ. Если лошадь убита, хозяину выплачивается чего она стоила, само собою разумѣется только тогда, когда походъ былъ удаченъ; если-же лошадь возвратится цѣла и невредима, Арабъ преспокойно выпускаетъ ее на пастбище, съ котораго взялъ; и говоритъ: «Она была только орудіемъ храбраго всадника, который подвергался опасности для пользы своего роднаго племени». Хозяину же не даютъ

ничего. Между-тѣмъ люди, давшіе сѣдло, стремяна, подпругу и другіе необходимыя для всадника вещи, имѣютъ право на извѣстныя части приходящейся всаднику доли изъ общей добычи. Самимъ Арабамъ такое постановленіе кажется страннымъ, и они выразили это въ слѣдующей баснѣ:

«Сѣдельная лука говоритъ всаднику: — Неужели ты хочешь оставить всю добычу себѣ одному? Кто тебѣ служилъ мѣстомъ сидѣнья? Могъ-ли ты сражаться, если-бы я тебя не поддерживала?»

«Вотъ еще чѣмъ хвалишься!» восклицаетъ подпруга: «безъ меня развѣ могла ты служить человѣку? Безъ меня не пользу, а вредъ-бы ты принесла ему. Кто, если не я, держалъ тебя на лошадиной спинѣ?»

«Тише, тише!» прерываютъ ихъ стремяна; «безспорно, пользы принесли вы много; но кто, если не мы, поддерживали его, когда онъ привставалъ, чтобы сильнѣе ударить непріятеля, добычу съ котораго вы такъ жарко другъ у друга оспариваете? Кто ему помогалъ выглядывать даль, наклоняться до земли, оборачиваться назадъ, чтобы наносить удары, или избѣгать ихъ?»

«Да, это вы», подтверждаетъ узда; «никто не можетъ убѣжать отъ правды! Однакожъ, о мои дѣти, клянусь всезнающимъ Аллахомъ, всадникъ былъ-бы очень бѣденъ, если-бъ имѣлъ васъ только помощниками. Гдѣ бы вамъ найти дорогу къ богатой добычѣ? Вы блуждали-бы теперь въ безлюдной пустынѣ и не знали куда направиться. Полно же спорить. Больше всѣхъ я принесла пользы: я прямо указала вамъ путь, я васъ привела къ добычѣ.»

«Ну, наслушалась я вашихъ толковъ!» съ улыбкой презрѣнія прервала ихъ лошадь, которая все стояла молча, наостривъ уши. «Странно, мнѣ все казалось,

что я больше всѣхъ сдѣлала въ походѣ; мнѣ казалось, что вы всѣ валялись бы въ углу безъ употребленія и что васъ взяли только потому, что меня нашли. Видно, все это мнѣ почудилось; должно-быть я ошиблась; вѣрно, вы меня принесли сюда и носили въ битву! Признаюсь, ошиблась! Такъ отведите меня поскорѣе на пастбище: тамъ, по-крайней-мѣрѣ, я не услышу вашихъ толковъ!»

И всадникъ слушалъ. Чтобы поскорѣе прекратить споръ, онъ раздѣлилъ добычу на шесть равныхъ частей: далъ одну сѣдлу, другую подпругѣ, третью стремянамъ и уздѣ, а остальные три оставилъ себѣ; лошадь отвелъ онъ на пастбище, потрепалъ ее по шеѣ, погладилъ и сказалъ: «тебѣ я ничего не даю, но тебѣ остается честь и слава, что была полезна всему племени».

Кто даетъ сѣдло со всѣми принадлежностями — имѣетъ право на половину доли изъ добычи, что называется *обыкновеніе сѣдла*.

Для марабутовъ отдѣляютъ трехъ верблюдовъ, еще до дѣлежа. Чтобы предупредить несогласія и неудовольствія, шейхи выбираютъ судьями пять человѣкъ, извѣстныхъ своею честностью и безпристрастіемъ; они обыкновенно раздѣляютъ племя на четыре части и добычу на четыре части. Судьи (*мекадемъ*) заботятся о томъ, чтобы никто не утаилъ чего изъ общей собственности, какъ-то: золотыя, серебряныя украшенія, деньги, кораллы и т. п.; они заставляютъ отдавать все утаенное. Если кого-нибудь подозрѣваютъ въ утайкѣ, его самого и палатку обыскиваютъ; если вещи не найдены и виновный продолжаетъ отпираться, его принуждаютъ покаяться надъ священной книгой Сиди-Бенъ-Абд-Аллаха. Въ пустынѣ не найдется ни одного человѣка, который посмѣлъ-бы, надъ этой священной книгой, произнести

ложную клятву: Арабы увѣрены, что за нею неминуемо послѣдуетъ или мгновенная смерть, или потеря всѣхъ стадъ, верблюдовъ, лошадей и цѣлаго состоянія.

Мекадемы получаютъ, кромѣ своей доли, еще особенную награду за труды при раздѣлѣ добычи.

Такимъ образомъ война, кромѣ наслажденія мести и случая выказать свое удалство, приноситъ съ собою еще значительныя выгоды; поэтому-то Арабъ съ удовольствіемъ отправляется на нее.

«Я ихъ видѣлъ», говоритъ арабскій поэтъ, «готовыхъ къ битвѣ: лоснящіеся кони ихъ — самой чистой крови; на лбу у нихъ висятъ разноцвѣтныя кисти — признакъ счастья. Бедра ихъ исхудали отъ долгихъ путешествій — на нихъ нѣтъ ни капли жира, признака лѣни, но мясо ихъ твердо и упруго, какъ сталь; они мчатся на непріятеля, какъ молнія изъ громовой тучи!

«О, я видѣлъ этихъ бѣгуновъ! Они не знаютъ усталости; скорѣе всадникъ утомится, чѣмъ ихъ легкія ноги. Я знаю красавца степей: его голова суха, уши прозрачны, губы тонки, ноздри открыты и подвижны; шея изгибается, какъ лебединая; нѣжная, черная, мягкая, какъ шелкъ, шерсть переливается на солнцѣ; грива и хвостъ точно волнистая коса степной красавицы. *Клянусь головою пророка*, въ его жилахъ благородная кровь! О, посмотрите, какъ онъ несетъ меня на врага! О! дайте мнѣ обогреть своею кровью мой бурнусъ бѣлый, какъ слоновая кость Судана; его блескъ оттого станетъ только ярче. Я знаю, удача и богатая добыча ждетъ меня: мой конь держитъ голову вверхъ, ржаніе его, какъ трубный звукъ, разносится по пустынѣ; скорѣе впередъ! Счастіе ждетъ насъ!»

ПУТЕШЕСТВІЕ ЛИВИНГСТОНА ВЪ ЮЖНУЮ АФРИКУ.

Южная Африка вообще очень мало известна даже самому образованному міру; на всѣхъ картахъ она оставлена или совершенно бѣлою, или наполнена самыми сомнительными рѣками, озерами и племенами. Въ послѣдніе 10 лѣтъ два путешественника посвятили свои труды на изслѣдованіе этихъ темныхъ странъ — Бартъ къ Сѣверу отъ экватора, Ливингстонъ къ Югу, вдоль рѣки Замбезе. Послѣдній вернулся въ Англію, открывъ множество новыхъ рѣкъ, озеръ и племенъ, въ концѣ 1856 года. Свѣдѣнія — чрезвычайно любопытныя, да и самъ онъ человѣкъ любопытный. Давидъ Ливингстонъ родился въ 1813 году въ Шотландіи, въ небольшомъ мѣстечкѣ близъ Глазго; онъ работалъ сначала на одной изъ фабрикъ этого города, потомъ поступилъ въ университетъ и окончилъ курсъ. Несчастное положеніе язычниковъ на Югѣ Африки заняло его до такой степени, что онъ предложилъ Лондонскому обществу миссій отправиться

миссіонеромъ въ одну изъ дикихъ странъ. Его предложеніе было охотно принято; онъ еще болѣе усовершенствовался въ Богословіи и медицинѣ, получилъ званіе доктора и въ 1841 году былъ уже подъ раскаленнымъ небомъ, на раскаленной землѣ, среди раскаленного воздуха, въ виду племенъ, какъ бы обгорѣвшихъ отъ солнечнаго зноя. Тамъ онъ вполне изучилъ языкъ Бешуановъ и проникъ до 25 градусовъ Южной широты, въ деревню Колобенгъ, самую южную точку англиканскихъ миссій. Открывая мало по мало въ 1849, 1850 и 1851 годахъ берега озера Ньями, узнавая сосѣднія племена, докторъ Ливингстонъ напалъ на рѣку Замбезе и въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, съ 1853 до 1856, занимался изслѣдованіемъ ея. Онъ *прошелъ* до четырехъ тысячъ миль по топкимъ болотамъ, глухимъ, дремучимъ, безпутнымъ и безслѣднымъ лѣсамъ, по затопленнымъ долинамъ. По цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ онъ ни одного человѣка, кромѣ проводника; его мучила и изнуряла страшная лихорадка; левъ изгрызъ ему руку; со всѣхъ сторонъ окружали его непріятельные люди. убійственная природа.... Какой долгій, какой ужасный путь! Какое изумительное мужество и самоотверженіе! Ливингстонъ былъ созданъ для подобныхъ путешествій; онъ невѣроятно силенъ, крѣпокъ, необыкновенно бодръ, превосходно знаетъ медицину, свободно говоритъ на языкъ Бешуановъ; къ тому же возвышенная цѣль просвѣтить, сдѣлать добрыми и кроткими несчастныхъ дикарей одушевляла его неистощимымъ героизмомъ, среди невообразимыхъ лишеній, физическихъ и умственныхъ трудовъ. Въ 1852 г. онъ отвезъ свое семейство въ Капштадтъ; оставивъ его подъ покровительствомъ главнаго управленія миссій, самъ отправился на рѣку Хобе, впадающую въ Замбезе, и остановился въ Линіанти, столицѣ

племени Маколотовъ на 18° южной широты. Дикари, наслышавшись о его благодѣянiяхъ, приняли его съ необыкновеннымъ радушиемъ и выразили охоту принять христіанское ученіе. Если Іисусъ Христосъ, говорили они, любилъ бѣлыхъ и исполнялъ всѣ ихъ желанiя, то Онъ и насъ услышитъ, когда мы научимся молиться. При этомъ они просили у Ливингстона лекарствъ отъ разныхъ болѣзней и побольше подарковъ. Пробывъ въ Ливіанти около года, Ливингстонъ предпринялъ путешествіе вверхъ по Замбезе въ португальскую колонію Сенъ-Поль де-Лоанда, на Конгскій берегъ, подъ 9° южной широты; его провожала цѣлая толпа Маколотовъ; въ продолженіи шести мѣсяцевъ онъ поднимался все по Замбезе. Дикари называютъ ее еще Лаамбе, а иногда Сешеке: всѣ эти названiя значатъ на туземномъ языкѣ рѣка, какъ бы это была рѣка изъ рѣкъ. При впаденіи въ нее рѣки Хобе, она въ очень жаркое и сухое время была шириною въ 500 метровъ. Онъ путешествовалъ частію въ челнокѣ, частію верхомъ на волѣ; послѣдній способъ былъ гораздо утомительнѣе перваго. Замбезе разливается каждый годъ два раза; прибрежныя страны очень плодородны и хорошо населены, несмотря на убійственныя лихорадки, развивающіяся послѣ разливовъ рѣкъ. Такъ какъ вода подымается выше десяти футовъ, то жители построили возвышенiя, куда бы она не могла дойти. Въ продолженіе всего путешествiя Ливингстона шли страшные дожди; часто, чтобъ сохранить свой хронометръ отъ сырости, онъ носилъ его подъ мышкой въ продолженіе цѣлыхъ недѣль; часто ему приходилось ночевать въ сыромъ платѣ, подъ дождемъ, на землѣ, пропитанной водою. Ему нужно было между прочимъ переправиться черезъ небольшую рѣку: прежде, чѣмъ онъ и его проводники добра-

лись до нея, они принуждены были идти по огромнымъ болотамъ, заросшимъ папирусомъ, осокой и тростникомъ; всѣ эти растенія были остры и колючи; чтобъ не изрѣзать челнока, сдѣланнаго изъ коры, они были принуждены нести его на головѣ, по поясъ въ водѣ, въ продолженіе трехъ сутокъ, пока наконецъ могли въ первый разъ отдохнуть на рѣкѣ. Всѣ дикари принимали его вездѣ необыкновенно хорошо; но приближаясь къ Анголѣ — португальскимъ владѣніямъ — онъ увидѣлъ, что при недостаткѣ религіи, Европейцы сдѣлали много вреда свободною торговлею Неграми: пьянство, жадность и другіе пороки развиты у нихъ въ высшей степени; они обирали Ливингстона за позволеніе переѣзжать рѣки, не давали ни ему, ни его людямъ никакихъ припасовъ; путешественники должны были отдать имъ не только большую часть своихъ вещей, но даже все платье. Лихорадки и всякаго рода нужды изнурили Ливингстона до такой степени, что онъ не могъ держаться на спинѣ вола безъ посторонней помощи; и изъ здороваго, крѣпкаго человѣка онъ сдѣлался похожимъ на скелетъ. Онъ съ восхищеніемъ ночевалъ въ первый разъ въ домѣ Коонбѣ послѣ шести-мѣсячнаго путешествія; но ни удобства, ни попеченія, которыми окружили его, не спасли его отъ болѣзни; онъ принужденъ былъ лечиться нѣсколько недѣль. Тутъ ему представился удобный случай вернуться въ Англію, которой онъ не видалъ уже болѣе двухъ лѣтъ: но двѣ причины удержали его; во первыхъ, онъ считалъ не честнымъ бросить въ чужомъ краю толпу дикарей, которая такъ вѣрно охраняла его; потомъ, онъ не достигнулъ цѣли своего путешествія; не просвѣтилъ и не обратилъ въ христіанство грубыхъ жителей Южной Африки; чувство долга превозмогло, и онъ вернулся по заразительнымъ

болотамъ, подвергаясь ярости дикарей, чтобъ докончить святое дѣло.

Ливингстонъ не ограничился простымъ, поверхностнымъ взглядомъ на эту дикую страну; онъ географически опредѣлилъ новый путь, новыя неизвѣстныя до тѣхъ поръ точки, чтобы облегчить труды своимъ послѣдователямъ. Его особенно печаливало его одиночество, не смотря на то, что онъ былъ постоянно окруженъ толпою Макололовъ. «Это — настоящая каторга, писалъ онъ, видѣть постоянно ихъ кривлянья, ихъ грубость, слышать ихъ раздирающія душу пѣсни.» Вернувшись въ Линіанти, онъ долженъ былъ приготовляться къ дальнѣйшимъ путешествіямъ на два мѣсяца. Охотниковъ провожать его набралось вдоволь: до ста четырнадцати Макололовъ рѣшились идти съ нимъ хоть на край свѣта, не смотря на то, что имъ нужно было проходить по землѣ ихъ враговъ Матембелевъ, гдѣ царствовалъ извѣстный своею жестокостью тиранъ Моссе-лекатци.

Осенью 1855 года Ливингстонъ, верхомъ на волѣ, оставилъ Линіанти и отправился на востокъ, внизъ по теченію Замбезе, не теряя ея ни на одинъ день изъ виду; онъ безпрестанно употреблялъ разные инструменты для опредѣленія мѣста этой рѣки на картѣ. Видя это, дикари стали говорить, что докторъ снимаетъ солнце и мѣсяцъ съ неба и носитъ ихъ подъ мышкой.

Проѣзжая по землѣ Макололовъ, Ливингстонъ вполнѣ изучилъ ихъ нравы. Тамъ есть нѣсколько племенъ; особенно сильно и многочисленно племя Негровъ Балондовъ; они живутъ вдоль по теченію Замбезе, отдѣльными семьями; ядовитыя мухи не позволяютъ имъ разводить скотъ: поэтому они очень усердно занимаются земледѣліемъ. У нихъ — огромные сады; въ поляхъ множество

мужчинъ и женщинъ заняты обработываніемъ маиса, ржи, пшеницы, проса и огромнаго количества риса: постоянныя разлитія Замбезе очень помогаютъ хлѣбопашеству, такъ что за самый небольшой трудъ бываетъ огромное вознагражденіе.

Во всѣхъ языческихъ странахъ женщины не имѣютъ никакихъ правъ, очень часто они стоятъ наравнѣ съ вещами: у Кафровъ и Готтентотовъ участь ихъ самая жалкая; тутъ же напротивъ онѣ имѣютъ необыкновенныя права: онѣ засѣдаютъ въ совѣтахъ; когда молодой человѣкъ женится, то не невѣста переходитъ къ нему въ деревню, а онъ къ ней. Только жена можетъ требовать развода, при чемъ дѣти принадлежать матери, отецъ не имѣетъ на нихъ ни малѣйшаго права; мужчина не можетъ ничего предпринять безъ позволенія жены. За все это жены должны заботиться о продовольствіи своихъ мужей; отъ этого женщины рано выходятъ замужъ; незамужнихъ совершенно нѣтъ, можетъ быть, по причинѣ многоженства. Когда жены хотятъ наказать своего мужа, то употребляютъ самое чувствительное средство — всѣ рѣшаются не давать ему ѣсть; если вернувшись домой, онъ требуетъ у первой жены обѣда, та отсылаетъ его ко второй, вторая къ третьей и такъ далѣе. Раздосадованный и голодный мужъ взлѣзаетъ на дерево посреди деревни и кричитъ жалобнымъ голосомъ: «о горе мнѣ, несчастному! — послушайте: я думаю что у меня — жены, а вмѣсто того у меня колдуньи, которыя хотятъ уморить меня голодомъ. О, горе мнѣ, у меня нѣтъ ни одной жены!» Если жены не ограничиваются этимъ наказаніемъ и прибавляютъ къ этому побои, мужъ находитъ защиту у старшинъ; они заставляютъ которую нибудь жену пронести его на плечахъ по всей деревнѣ до самаго дома; мужчины

осыпають ее насмѣшками, а женщины отвѣчаютъ имъ бранью. Видя, что низенькая сухая старушенка тащитъ высокаго, крѣпкаго и сильнаго молодаго человѣка, Ливингстонъ засмѣялся: старуха погрозила ему. Эти Негры необыкновенно суевѣрны; они приписываютъ всѣ болѣзни и несчастія раздраженнымъ тѣнямъ своихъ предковъ; чтобъ умиловать ихъ, они отправляются въ чащу лѣсовъ и приносятъ тамъ жертвы; кромѣ того у нихъ есть грубо сдѣланныя изъ глины изображенія людей и львовъ. {Во время несчастій они проводятъ цѣлыя ночи передъ ними, бьютъ въ барабаны и коверкаются до изнеможенія. Вообще они очень кротки и радушно принимали Ливингстона. Какъ только онъ подходилъ къ деревнѣ, его встрѣчалъ старшина и просилъ выбрать себѣ домъ, гдѣ онъ хочетъ остановиться; если Ливингстонъ располагался подъ деревомъ, его старались защитить отъ солнечныхъ лучей, дождя и сырости; вся деревня приносила съѣстныхъ припасовъ для него и для его проводниковъ на нѣсколько дней. Дичи и разныхъ животныхъ тамъ вездѣ было множество. Слоны ходили огромными стадами; они вбѣгали въ огороды, ѣли тыкву и другія овощи, приходили въ необыкновенное бѣшенство, если ихъ старались прогнать изъ сада, бросались тогда на людей, давили ихъ, сбрасывали дома, и, вытоптавъ всѣ, съ ревомъ убѣгали. Когда у Ливингстона не было другой пищи, онъ убивалъ молодыхъ слонятъ; мясо ихъ очень вкусно. Но туземцы особенно любятъ зебръ; они охотно употребляютъ въ пищу жирафъ, гипопотамовъ, антилопъ, буйволовъ и другихъ животныхъ; болота усыпаны дикими утками и гусями, но на нихъ никто не обращаетъ почти никакого вниманія. Легкость добывать себѣ пропитаніе помогала путешествію Ливингстона.

Въ Ноябрьѣ онъ подѣхалъ къ огромному водопаду на Замбезе. Онъ немного ниже впаденія въ нее рѣки Хобе. Ливингстонъ первый изъ Европейцевъ открылъ этотъ водопадъ, называемый Мизіотунга; по его словамъ, это самое любопытное зрѣлище, какое онъ только видѣлъ въ Африкѣ. За пятьдесятъ верстъ слышится уже шумъ воды и виднѣются столбы водяныхъ паровъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ необыкновенно красива, шириною въ версту; она испещрена множествомъ небольшихъ островковъ, поросшихъ огромнымъ тропическимъ лѣсомъ; страшная масса воды вливается вдругъ въ базальтовое ущелье съ 11 сажень шириною и оттуда падаетъ съ высоты 15 сажень съ ужаснымъ громомъ и трескомъ въ широкій бассейнъ. Чтобъ разсмотрѣть водопадъ поближе, Ливингстонъ, съ четырьмя дикарями, сѣлъ на челнокъ и спустился внизъ по теченію до самаго водопада; посреди потока, надъ пропастью, виситъ прелестный островокъ; здѣсь-то и остановился Ливингстонъ. Но съ острова ничего не видно; онъ окруженъ тонкою серебристою водяною пылью; двѣ блестящія, необычайно яркія радуги постоянно стоятъ надъ нимъ. Столбъ паровъ, необыкновенно тонкихъ и мелкихъ, подымается до 60-ти саженей и падаетъ оттуда мелкимъ пронизывающимъ дождемъ; капли его при солнечномъ свѣтѣ кажутся самыми разнообразными драгоцѣнными камнями. Когда Ливингстонъ видѣлъ этотъ водопадъ, въ Замбезе было очень мало воды: дикари говорили ему, что когда рѣка наполняется до береговъ, то столбы пыли видны за 70, а громъ водопада слышится за 80 и больше верстъ. Послѣ паденія, Замбезе течетъ уже спокойно въ высокихъ, лѣсистыхъ берегахъ.

Еще въ 1854 г. родственникъ Ливингстона, жившій въ Капской землѣ, извѣстный миссіонеръ Моффатъ,

былъ у тирана Мателеловъ Моселекатци, выпросилъ у него 20 человекъ дикарей и столько же воловъ, чтобъ перевезти Ливингстону вещи, книги и платье, и разныя разности, необходимыя въ путешествіи. Моселекатци согласился и послалъ своихъ людей съ вещами до рѣки Замбезе, границы своего государства; доѣхавъ до нея, они начали громко звать Макололовъ съ того берега, не дозволялись ихъ, бросили всѣ вещи на берегу и уѣхали. Какъ только они скрылись изъ виду, Макололы на челнокахъ переѣхали Замбезе, перевезли всѣ вещи къ себѣ, сложили ихъ всѣ на островѣ, сберегли отъ порчи, и черезъ годъ, когда Ливингстонъ пріѣхалъ къ нимъ, отдали ему все въ совершенной цѣлости. Вѣроятно, имя доктора, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ у нихъ, спасло его вещи отъ разграбленія, они боялись его, какъ колдуна; какъ бы то ни было, но вещи не пропали; а въ Европѣ никакое колдовство не спасло бы ихъ.

Онъ видѣлъ между прочимъ на одномъ островѣ на Замбезе огромный мавзолей могущественнѣйшему изъ царей древности. Памятникъ сдѣланъ изъ дикаго камня и окруженъ воткнутыми въ землю семьюдесятью слоновыми клыками; тамъ и сямъ на шестахъ воткнуты черепа убитыхъ непріятелей; прежде это считалось лучшимъ украшеніемъ, но, къ счастью, теперь вывелось изъ моды. Должно быть, и у дикарей голова человѣческая не дорого цѣнится.

Весь лѣвый берегъ Замбезе, начиная отъ водопада, покрытъ цѣпами холмовъ, которыя идутъ къ Сѣверу и образуютъ одну сплошную возвышенность.

Эта страна до самаго устья Замбезе по климату и здоровому воздуху несравненно лучше другихъ: здѣсь нѣтъ ни непроходимыхъ лѣсовъ, ни заражающихъ воз-

духъ болотъ. Почва вездѣ превосходная, не очень гористая, покрытая невысокою, но сочною, ровною травой. Хлѣба родится вдоволь; нѣтъ ядовитыхъ мухъ, мѣшающихъ заниматься разведеніемъ скота.

Наслаждаясь въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ здоровымъ и чистымъ воздухомъ, Ливингстонъ спустился по Замбезе до впаденія въ нее съ лѣвой стороны большой рѣки Лоанги. Здѣсь видны слѣды Европейцевъ; это развалины португальскаго города Зумбо, или Жумпо; онъ составлялъ самую отдаленную колонію внутри Африки.

Отсюда начались для Ливингстона опять различныя трудности; дикій, грубый народъ неохотно встрѣчалъ Европейца; къ тому же въ это время у нихъ шла ожесточенная война съ Португальцами; никто не давалъ ему ни челноковъ, ни припасовъ. Львовъ множество; они считаются священными, и никто не убиваетъ ихъ; чтобы избавиться отъ нихъ, ночью спятъ по большей части на деревьяхъ, днемъ же, при появленіи ихъ, становятся на колѣни и бьютъ въ ладони, въ знакъ почтенія. Львы, разумѣется, ѣдятъ своихъ почитателей. У Ливингстона и его спутниковъ не было ни одного вола; имъ пришлось идти пѣшкомъ въ страшный зной. Они старались миновать деревни, не встрѣчаться съ жителями, скрываться по кустарникамъ; попадись кому-нибудь на глаза — тотчасъ ограбятъ.

Когда Ливингстонъ въ первый разъ вошелъ въ сношенія съ дикарями этой страны, они приняли его за Португальца и хотѣли тотчасъ же убить; къ счастью, они еще во время узнали, что онъ Англичанинъ; съ того самаго мгновенія они стали смотрѣть на него съ любовію, какъ на человѣка, который любитъ и освобождаетъ Негровъ.

Различные лишения и многочисленные труды такъ изнурили его, что онъ отъ слабости и болѣзни не могъ стоять на ногахъ и вѣроятно бы умеръ, еслибъ португальскій губернаторъ города Тете не прислалъ ему съѣстныхъ припасовъ и не доставилъ возможности добраться до города, куда онъ прибылъ въ Мартѣ 1856 года.

Губернаторъ и всѣ вообще Европейцы наперерывъ старались о восстановленіи его силъ; въ нѣсколько недѣль, которыя онъ пробылъ въ Тете, онъ совершенно поправился и занялся изслѣдованіемъ окрестностей города. Онъ узналъ, что прежде здѣсь находили золотую руду, но по недостатку средствъ разработка ея была скоро брошена.

Растительность здѣсь очень богата; хлопчатая бумага во множествѣ растетъ въ дикомъ состояніи. Индиго и сахарнаго тростнику также очень много. Его товарищи знали еще прежде сахарный тростникъ и все, что можно дѣлать изъ него; но у нихъ не было для этого необходимыхъ снарядовъ; они дали Ливингстону нѣсколько слоновыхъ клыковъ и просили купить имъ все нужное. Здѣсь онъ простился съ товарищами и отправился къ устьямъ Замбезе съ однимъ только дикаремъ, котораго хотѣлъ взять съ собою въ Англію; въ концѣ Мая 1856 года онъ окончилъ свое гигантское путешествіе въ португальскомъ приморскомъ городѣ Килимани, гдѣ давно ждалъ его англійскій корабль.

Слабый умъ дикаря, котораго онъ взялъ съ собою, чтобъ показать ему преимущества образованія надъ невѣжествомъ, не вынесъ всего того, что онъ увидѣлъ. Когда имъ пришлось переѣзжать на лодкѣ съ берега на корабль, волны и качка такъ испугали несчастнаго, что онъ безпрестанно съ ужасомъ спрашивалъ Ливинг-

стона: «неужели по этойкой дорогѣ мы отправимся?» Добравшись до корабля, они, по Мозамбикскому каналу, доплыли до острова Св. Маврікія; но въѣзжая въ гавань Сенъ-Луи, шедшій на всѣхъ парахъ пароходъ окончательно разстроилъ умъ бѣднаго дикаря. Онъ въ ужасѣ бросился въ море и утонулъ, не смотря на всѣ попытки спасти его.

Съ острова Маврікія Ливингстонъ отправился черезъ Адень и Суэцъ въ Средиземное море и въ Декабрѣ 1856 года ступилъ на Европейскую землю, которой не видалъ въ продолженіи шестнадцати лѣтъ.

Въ Англіи и Франціи его встрѣтили блистательнымъ образомъ. Лондонское королевское географическое общество, постоянно награждавшее его, присудило ему за послѣдніе труды большую золотую медаль. Парижское географическое общество дало ему двѣ золотыя медали съ самымъ лестнымъ отзывомъ.

Общество миссій въ Лондонѣ, видя, что всѣ открытія въ Южной Африкѣ сдѣланы миссіонерами, предоставило Ливингстону основать двѣ колоніи, одну у Мосселекатци, другую у Макололовъ. Ему же поручено и управленіе послѣднею. Онъ спѣшилъ поселиться съ своимъ семействомъ среди народа, который такъ дружелюбно его принялъ, и передать ему начала истиннаго просвѣщенія.

А говорятъ еще, что въ нынѣшнее время нѣтъ примѣровъ безкорыстія, великодушія, самопожертвованія! Какой походъ можно сравнить съ путешествіемъ Ливингстона? И какъ послѣ этого не стыдно бояться какихъ-нибудь трудовъ!

ИЗЪ ЖИЗНИ АЛЖИРЦЕВЪ И КАБИЛОВЪ.

Юверо-западная часть Африки — Алжиръ и Кабилъ, принадлежатъ Франціи. Господствующее племя тамъ — Арабы. Не смотря на всѣ усилія Французовъ, образованіе ихъ распространяется тамъ медленно. Измѣнить характеръ жителей также трудно, какъ ихъ горы и пустыни. Въ понятіяхъ и образѣ жизни Арабовъ неизгладимо сохраняется вліяніе трехъ силъ: алкорана, привычекъ воинственно-кочеваго быта, патріархальныхъ чувствъ и преданій. Когда ѣдешь по африканской пустынѣ и вдали увидишь пальму, то кажется, что она обрадовалась твоему появленію, машетъ тебѣ съ привѣтствіемъ широколиственной главой, манитъ тебя въ свою тѣнь и прохладу. Это символъ сочувствія Араба къ путнику и чужестранцу, котораго зной, жажда и утомительный путь приводятъ къ его палаткѣ. Въ ней, говоря восточнымъ языкомъ, нѣтъ порога, о которой могла-бы запнуться нога путника; у входа ея съ дружескимъ привѣтомъ стоитъ гостепріимство. Оно говоритъ трогательными словами корана:

«Щедрому Богъ даруетъ двадцать милостей».

«Милостыня, сдѣланная съ вѣрою, безъ тщеславія, втайнѣ, — тушитъ гнѣвъ Божій; она тушитъ грѣхъ, какъ вода — огонь».

«У двери рая стоитъ Ангелъ и гласить: «Кто даетъ милостыню сегодня, будетъ сытъ завтра».

«Удерживайся отъ зла, — это милостыня, которую ты подаешь самъ себѣ».

Изъ этихъ понятій и священныхъ увѣщаній произошло у Арабовъ учрежденіе, извѣстное подъ именемъ *анайя*.¹

Дать страннику, или кому-бы то ни² было, *анайя*, значитъ принять его подъ особое свое покровительство; это походить на паспортъ, или охранительную грамоту, съ тою разницею, что у насъ паспортъ зависитъ отъ начальства, а въ Кабилѣ каждое частное лице можетъ дать *анайя*; и какъ только путешественникъ, или другой кто получилъ его, то онъ уже становится лицомъ священнымъ для всего племени.

Иностранецъ, путешествующій въ Кабилѣ, подъ покровительствомъ *анайя*, не только безопасенъ отъ насилія, но и отъ мести своихъ враговъ; будь онъ преступникъ, и тогда освобождается временно отъ уголовного наказанія. Злоупотребленія, могущія произойти отъ распространенія такого великодушнаго правила, предупреждаются большою осторожностію Арабовъ.

Кабилы не слишкомъ щедры на раздачу *анайя*; они большею частію берегутъ его для своихъ друзей; бѣглецъ не можетъ имъ воспользоваться болѣе одного раза; *анайя* купленное считается недействительнымъ, а кто украдетъ, или силою отниметъ его, того неминуемо казнить смертію. Для избѣжанія обмана и всякаго невольнаго нарушенія этого правила, въ подтвержденіе права на *анайя*, обыкновенно дается какой-нибудь видимый

знакъ: вещь, извѣстная въ цѣломъ племени, какъ собственность того, или другаго человѣка, напримѣръ, ружье или палка; нерѣдко посылается съ путникомъ слуга, а иногда и самъ хозяинъ провожаетъ его, если имѣетъ причины бояться.

Степень важности *анайя* зависитъ отъ достоинства и состоянія лица, которое его даетъ. Данное человекомъ нисшаго сословія, оно уважается только въ его деревнѣ и въ ближайшихъ окрестныхъ селеніяхъ.

Данное лицомъ, имѣющимъ вліяніе на сосѣдственныя племена, оно можетъ быть тамъ возобновлено другомъ его и такъ далѣе. Въ Кабилѣ это покровительство безгранично уважается и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ даже неизвѣстно имя покровителя.

Получившій *анайя* можетъ проѣхать всю Кабилию совершенно безопасно, какъ бы велико ни было число его враговъ, и какого-бы свойства ни были жалобы противъ него. Ему стоитъ только предъявить свое *анайя* у разныхъ племенъ, у которыхъ ему случится быть, и всякій поспѣшитъ сдѣлать честь предъидущему *анайя*, замѣняя его своимъ. Такимъ образомъ путешественникъ спокойно достигаетъ своей цѣли.

Для Кабила ничего не можетъ быть святѣе его *анайя*; нарушеніемъ его неприкосновенности онъ безчеститъ и подвергаетъ отвѣтственности не только себя лично, но и весь свой родъ, всѣхъ друзей своихъ, все селеніе. Иной не нашелъ бы товарища для отмщенія за обиду, но какъ скоро дѣло идетъ о признаніи его *анайя*, онъ подниметъ все племя. Такіе случаи и рѣдко бываютъ; однако въ преданіи сохранился о томъ памятный примѣръ: другъ одного Кабила подходитъ къ его дому и проситъ покровительства. Хозяина не было дома; жена его даетъ прохожему собаку, очень извѣстную въ цѣ-

домъ краю и онъ отправляется, вполне увѣренный въ безопасности. Но собака вскорѣ прибѣжала домой одна вся въ крови. Хозяинъ встревожился; собрались люди, пошли по слѣдамъ собаки и нашли трупъ прохожаго. Тотчасъ объявлена война тому племени, на чьей землѣ онъ былъ убитъ; много пролито крови, и деревня, подавшая поводъ къ этой враждѣ, до-сихъ-поръ называется *деревнею собаки*.

Покровительство этого *анайя* очень обширно. На-примѣръ, человѣкъ слабый, или въ большой опасности, просить убѣжища у перваго попавшагося Кабила. Они совершенно не знаютъ другъ друга, и встрѣча ихъ только случайная; однако такая просьба почти всегда исполняется. Женщины, по природной сострадательности, никогда не отказываютъ въ покровительствѣ. Былъ вотъ какой случай: одинъ Кабилъ зарѣзалъ другаго; осталась вдова, и у нея двое братьевъ. Братья, по обычаю, должны были отомстить за кровь кровью. Схвативъ злодѣя, они притащили его къ себѣ въ домъ; вдова была тутъ же; несчастный, пораженный нѣсколькими ударами, влачась по землѣ, успѣлъ коснуться ея ноги и вскричалъ: прошу твоего *анайя*! Она бросаетъ на него свое покрывало, и убійцы оставляютъ его.

Подобные обычаи, такъ свято соблюдаемые, имѣютъ благотѣльное вліяніе на весь бытъ мусульманскаго общества въ Алжирѣ.

Народъ полудикій, гордый, воинственный, раздробленный на множество племенъ, неизбѣжно враждующихъ между собою часто по самымъ ничтожнымъ причинамъ, необходимо долженъ имѣть нравственные правила, которыя могли-бы замѣнять, или подкрѣплять законную власть, облегчать сношенія торговыя и промышленныя. Въ этомъ-то и состоитъ главная польза *анайя*; а сколько

кровавыхъ мщеній, сколько убійствъ, грабительства, воровства и обидъ всякаго рода предупреждаетъ оно! Весь Кабилъ посредствомъ него соединяется взаимными одолженіями, взаимными благодареніями.

Въ Кабилѣ замѣчателенъ еще другой обычай: когда начнутъ созрѣвать плоды, начальники племенъ объявляютъ запрещеніе трогать деревья. Это тоже всегда исполняется свято; а во время собиранія плодовъ каждый владѣлецъ сада обязанъ прокормить извѣстное число бѣдныхъ. Входъ въ сады и виноградники открытъ для всѣхъ безъ разбора; въ саду позволено ѣсть сколько угодно плодовъ, но унести запрещено строжайшимъ образомъ.

Арабы не отличаются чистотою, а между тѣмъ опрятность предписывается имъ религіозными правилами. Магометъ установилъ два рода умовеній: большое и малое. Большое совершается въ особенныхъ случаяхъ, означенныхъ въ алкоранѣ.

Малое умовеніе соблюдается въ точности передъ каждою молитвою. Извѣстно, что мусульмане молятся пять разъ въ день: на разсвѣтѣ, въ полдень, въ три часа, при захожденіи солнца и въ восемь часовъ вечера. Мусульманинъ при умовеніи наливаетъ себѣ воды на руки, начиная съ правой, выполаскиваетъ три раза ротъ, вдыхаетъ три раза воду ноздрями, умываетъ лице, обѣ руки до локтей и ноги, строго наблюдая, чтобы правая рука мыла ногу лѣвую, а лѣвая руку правую. Когда у Араба не случится воды, то онъ дѣлаетъ тѣлодвиженія, похожія на умовеніе; онъ умывается мысленно, или, по-крайней-мѣрѣ, формально; а для невѣжественнаго человѣка формальность — важное дѣло.

За несоблюденіе религіозныхъ обрядовъ Магометане считаютъ Французовъ отверженными отъ Бога. Успѣхи

ихъ на войнѣ и до-сихъ-поръ кажутся Арабамъ дѣломъ чернаго ангела. Чтобы избѣжать его вреднаго вліянія, мусульмане носятъ разныя амулетки, и навѣшпваютъ ихъ даже на шею своихъ лошадей. Они увѣрены, на-примѣръ, что кожа съ львиного лба, положенная на голову человѣку, уничтожаетъ въ немъ нерѣшительность и страхъ.

Ученые и нѣкоторыя женщины составляютъ разные напитки, дѣлаютъ нашенпыванія и другіе странныя суевѣрные обряды.

Въ Алжирѣ есть множество предразсудковъ на счетъ льва. Тамъ его считаютъ чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и животнымъ, и если замѣтятъ въ васъ объ этомъ сомнѣніе, то скажутъ: «види, ты не слыхалъ *господина съ большой головой*, когда онъ говоритъ: *я и сынъ жены*».

Въ самомъ дѣлѣ, когда левъ реветъ, кажется, будто слышатся арабскія слова: *ана у бенъ ель мера, у бенъ ель мера!* которыя значатъ: «*я и сынъ жены, и сынъ жены!*» Изъ этого-то Алжирцы заключаютъ, что левъ имѣетъ чувство владычества, дарованнаго Богомъ ему и человѣку, но человѣку въ большей мѣрѣ, и что левъ самъ сознается въ томъ, называя человѣка два раза: «*и сынъ жены, и сынъ жены!*» Арабы твердо убѣждены, что *господинъ съ большой головой* понимаетъ ихъ языкъ; они приводятъ тому множество примѣровъ, извѣстныхъ во всемъ ихъ краю, и до того убѣдительныхъ, что они могутъ поколебать невѣріе самаго упорнаго натуралиста.

Магометанство жестоко въ отношеніи къ женщинѣ и не смотря на поэзію, которою окружаютъ ее восточныя стихотворцы, она все таки раба, не больше. Арабъ любитъ свою жену точно также, какъ свою лошадь,

или свое оружіе. Ревнивый до крайности, онъ всячески прячетъ ее отъ чужаго взгляда и не позволяетъ даже другу своему говорить не только съ нею, но и объ ней. Арабъ не станетъ разспрашивать своего брата, или знакомаго о его супругѣ, по-крайней-мѣрѣ, онъ не сдѣлаетъ этого прямо, но постарается употребить самыя двусмысленныя выраженія: «какъ поживаютъ люди? Здорово-ли твое семейство? или здоровы-ли дѣти Адама?» Такая осторожность въ обращеніи простирается у всѣхъ послѣдователей Корана до того, что даже на вопросы о значеніи женщинъ въ ихъ странѣ отвѣчаютъ съ большою неохотою.

А между-тѣмъ — странное явленіе — женщина все таки играетъ весьма важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ арабскаго народа. То, какъ жрица, даетъ она совѣты; то, какъ героиня среднихъ вѣковъ, возбуждаетъ и поддерживаетъ мужество цѣлаго племени. Когда народу предлагаютъ невыгодный, или безчестный миръ, начальникъ общаго собранія встаетъ и говоритъ: «а что скажутъ наши жены!»

Бедуинки жительницы пустынь, по воспитанію мало отличаются отъ горожанокъ, и тѣ и другія не получаютъ ни какого образованія, а богатые считаютъ за правило не заниматься ровно ни чѣмъ. При вступленіи въ замужество, оставляя родительскій домъ, онѣ только перемѣняютъ мѣсто заключенія. Онѣ живутъ лишь для того, чтобы ѣсть, гулять, наряжаться и ожидать приказаній своего господина. Никто изъ чужихъ не можетъ ни видѣть ихъ, ни говорить съ ними. Изъ дому выходятъ онѣ въ баню, въ мечеть, или на кладбище, всегда съ черными невольницами и закутанныя въ самый странный костюмъ: широкіе шаровары стянуты возлѣ ступни; на плечахъ родъ жилета; бѣлый платокъ закрываетъ

лице отъ подбородка до самыхъ глазъ; туника изъ легкой бѣлой шерстяной матеріи надѣвается сверхъ платья, закрываетъ голову и лобъ и оставляетъ открытыми только глаза; наконецъ сверхъ всего этого накидывается широкій шерстяной плащъ, подъ которымъ прячутся даже руки.... Тоску наводятъ эти бѣлыя фигуры съ ихъ медленною, не твердою походкою; онѣ, какъ привидѣнія, молча пробираются по самымъ безлюднымъ улицамъ.

За то дома, въ семействѣ, Аравитянки носятъ щегольской костюмъ. Голову украшаютъ онѣ металлическою прозрачною шапочкою въ видѣ конуса, и носятъ ее, обыкновенно наклоня нѣсколько назадъ; конусъ завершается кускомъ богатой матеріи съ широкой бахромой; ожерелье, серги коралловыя, или золотыя, на ногахъ и рукахъ браслеты дополняютъ ихъ украшеніе.

Ноги отъ колѣнъ до ступни остаются совершенно открытыми и на нихъ надѣвается только маленький башмачекъ, шитый золотомъ.

Всѣ Аравитянки, когда позволяетъ ихъ состояніе, очень тщательно занимаются своею красотою, и потому ужасно безобразятъ себя. Онѣ красятъ окраины вѣкъ, концы пальцевъ и ногти; для вѣкъ употребляется черная краска, въ составъ которой входитъ преимущественно сажа, — а для пальцевъ и ногтей оранжевая. Алжирскія Еврейки, т. е. тѣ, которыя принадлежатъ къ богатымъ фамиліямъ, подчиняются однимъ правиламъ съ Аравитянками. Многія изъ нихъ и до нынѣ сохраняютъ свой типъ и отличаются необыкновенной красотою.

Въ Кабилѣ положеніе женщинъ очень различно отъ того, какое онѣ занимаютъ у кочующихъ племенъ. Кабилскія женщины могутъ выходить съ открытымъ лицомъ и принимаютъ участіе въ общественныхъ увеселе-

ніяхъ: онѣ иногда пляшутъ вмѣстѣ съ мужчинами въ воинской пляскѣ, взмахивая надъ своею головою ятаганами, или ружьями.

Хотя женщины у Кабиловъ ведутъ жизнь довольно дѣятельную и раздѣляютъ съ ними труды и несчастія, но все-же онѣ рабы, только рабы, освобожденные отъ заточенія въ тюрьмѣ. Сила ихъ характера, ихъ мужество нерѣдко даютъ имъ власть надъ самими мужьями: то возбуждаютъ онѣ войну между мирными племенами, то заставляютъ соглашаться на мирныя условія, а въ сраженіи эти женщины — настоящія разъяренныя львицы. Нерѣдко видали ихъ въ рукопашномъ бою съ европейскими солдатами; смерть онѣ предпочитаютъ бѣгству. Въ 1835 году, въ одномъ сраженіи было убито 14 кабилскихъ женщинъ. Въ 1836 вдова начальника одного племени, убитого наканунѣ, сама предводительствовала войскомъ противъ Французовъ. Она стояла на скалѣ и, размахивая знаменемъ, мужественнымъ крикомъ возбуждала своихъ противъ непріятеля.

А вотъ примѣръ, который показываетъ, что женщины въ Кабиліи умѣютъ соединить съ своими дикими качествами самое благородное великодушіе. Одинъ испанскій корабль былъ выброшенъ бурей на берегъ не далеко отъ Бужіи; два Француза, или, говоря вѣрнѣе, два Алжирца, французскіе подданные, попали въ руки Кабиловъ. За несчастныхъ плѣнниковъ предложенъ былъ выкупъ. Но Кабилы не хотѣли и слышать о пощадѣ; собравшаяся на берегу толпа требовала немедленной смерти. Одинъ изъ членовъ этого племени, по имени Убрамъ, давшій убѣжище плѣнникамъ въ своемъ домѣ, старался всѣми силами защитить ихъ противъ бѣшенства ожесточенной толпы: но напрасно. Тогда онъ отправился домой и сказалъ своимъ несчастнымъ гостямъ

слѣдующія слова: «я старался спасти васъ, но не могъ. Бени-Абрамы хотятъ вашей смерти; они идутъ за мной и убьютъ васъ. Этого не должно быть, потому-что вы мои гости; но такъ какъ мнѣ невозможно избавить васъ отъ смерти, и я не хочу переносить безчестія видѣть васъ убитыми въ моемъ домѣ, то вы должны уйти отсюда. Ступайте за мною въ горы; тамъ я самъ убью васъ».

Несчастные, обезоруженные, связанные, лишенные всякой возможности защищаться, повинуются и готовы идти за Убрамомъ. Въ эту минуту является его мать и спрашиваетъ, куда они собираются. Узнавъ его намѣреніе, она плюетъ сыну въ лицо, осыпаетъ его ругательствами, называетъ трусомъ, негоднымъ человѣкомъ, и приказываетъ, грозя проклятіемъ за неповиновеніе, отвести обоихъ плѣнныхъ черезъ горы по извѣстнымъ ему тропинкамъ въ Бужію, гдѣ они укроются отъ преслѣдованій Бени-Абрамовъ. Смущенный, уничиженный Убрамъ безъ малѣйшаго сопротивленія отправляется съ плѣнными, благополучно доходитъ до Бужіи, сдаетъ ихъ коменданту и получаетъ за нихъ выкупъ. Въ тотъ же день Бени-Абрамы сожгли его хижину, увели стада и истребили плантаціи. Узнавъ объ этомъ несчастіи, за которое полученный выкупъ былъ весьма слабымъ вознагражденіемъ, онъ сказалъ спокойно: «разореніе мое не бѣда! Мать этого желала, и ея желаніе было справедливо».

Нельзя предвидѣть, какого величія и славы можетъ достигнуть этотъ народъ въ будущемъ, когда просвѣщеніе соединится съ этими высокими добродѣтелями, которыя заставляютъ даже забывать его настоящее невѣжество. Арабы еще гордятся своей страной и ни хотятъ ни въ чемъ измѣнять своего быта. Одинъ Арабъ,

находясь въ Парижѣ, говорилъ генералу Дома: «Въ вашей странѣ управленіе строгое; и днемъ и ночью люди могутъ путешествовать безопасно. Всѣ ваши зданія прекрасны, освѣщеніе восхитительно, экипажи удобны, какъ нельзя болѣе; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего, чтобы могло сравняться съ вашими пароходами и желѣзными дорогами. Для всѣхъ возрастовъ и для всѣхъ состояній есть у васъ и пища, и удовольствія. Войска ваши устроены по степенямъ, одна выше, другая ниже. Въ каждомъ городѣ у васъ есть мушкетеры; они защита вашей земли; желѣзо вашихъ солдатъ блеститъ, какъ серебро. Воды и мостовъ у васъ довольно. Ваше земледѣльческое хозяйство устроено прекрасно, соотвѣтственно съ каждымъ временемъ года. Съ наслажденіемъ смотришь на ваши плоды и овощи, которые земля ваша производитъ въ такомъ множествѣ. Въ ботаническомъ саду видѣли мы такихъ животныхъ, такіа растенія и деревья, о которыхъ ни мы, ни наши предки и не слыхали никогда. Вашего шелку, бархату, драгоценныхъ каменьевъ и матерій достанетъ для всего свѣта. Наконецъ, самое поразительное для насъ, это быстрота, съ которой вы узнаете все, что дѣлается въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ».

Вотъ, конечно, великолѣпная похвала просвѣщенію, но Арабъ прибавлялъ: «за то ваше небо туманно, солнце свѣтитъ вамъ день, или дня два сряду, а наше небо чистое и солнце постоянное. Случается гроза и у насъ, но она скоро проходитъ; чрезъ нѣсколько минутъ возвращается прекрасная погода и теплота. Вы привязаны къ землѣ этими домами, которые вы такъ любите, а мы ихъ терпѣть не можемъ; мы каждые два, или три дня видимъ новыя страны. Переходя съ одного кочевья на другое, мы и воюемъ, и охотимся; наши дѣвушки раду-

ются, поютъ; тутъ-же съ нами идутъ стада верблюдовъ и барановъ, дары Божіи; молодые жеребята рѣзвятся около своихъ матерей. Вы, какъ рабы, все время проводите въ трудахъ; мы ничего не дѣлаемъ; жизнь наша — молитва, война, охота, гостепріимство; мы или сами въ гостяхъ, или у насъ гости. Грубая земляная работа дѣло невольниковъ.... Жены наши, если онѣ насъ любятъ, сами сѣдлаютъ намъ коней; провожая насъ въ путь, онѣ говорятъ: О, господинъ! да будетъ угодно Богу, чтобы ты вернулся благополучно. Земля наша, весною-ли, зимою-ли, во всякое время года, подобна великолѣпному ковру, усыпанному благоухающими цвѣтами.... У васъ гостепріимство продается за деньги; у насъ ты скажи только: «я гость Божій», всѣ поспѣшатъ услужить тебѣ и утолить твой голодъ».

Вотъ что говорилъ Арабъ, и въ самомъ Парижѣ сынъ Алжира вздыхалъ по своимъ пальмамъ.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО АБИССИНИИ.

Съ восточной стороны Аравійскаго залива (Краснаго, или Чермнаго моря), изъ Джедага намъ надобно было переѣхать на западную, въ Абиссинію. Но, какъ ребенокъ, робкій и не твердый на ногахъ, идетъ, все держась за мать: такъ нашъ арабскій корабль шелъ, придерживаясь земли, и мы, спускаясь внизъ, къ югу, по берегу, додыбали кое-какъ до пристани — Конфудага. Это было 1840 года, 24 октября, въ шесть часовъ вечера. На другой день намъ захотѣлось выдти на берегъ; но корабль, по причинѣ мелководія, не могъ подойти къ нему. Мы сперва отправились въ челнокъ, но вскорѣ должны были вылѣзть и идти въ бродъ, по колѣна въ водѣ, сдѣлавъ все, необходимое для подобной переправы, мы съ сапогами и другими принадлежностями костюма въ рукахъ побрели на берегъ. Это дѣло самое обыкно-

венное въ путешествіи; отъ того, что сапоги съ ногъ перешли на руки и мы, какъ доскутники, торгующіе на толкучемъ рынкѣ, были увѣшаны разными вещами, конечно, нечего было приходить въ отчаяніе. Но намъ надобно было тотчасъ явиться къ губернатору, и еслибъ онъ узналъ о способѣ нашего путешествія, то мы ужасно упали-бы въ его мнѣніи и онъ непременно надѣлалъ-бы намъ грубостей. Аравитяне, какъ и всѣ невѣжественные люди, судятъ о человѣкѣ по платью и вообще по внѣшней обстановкѣ, и непременно оскорбятъ его, если не боятся. Впрочемъ, безпокойство наше не значило ничего въ сравненіи съ безпокойствомъ одного Англичанина, бывшаго съ нами. Въ это время начались непріязненныя дѣйствія между Англіей и Египтомъ. Губернаторъ только-что получилъ объ этомъ извѣстіе. Цѣлый городъ былъ въ тревогѣ; съ часу на часъ ожидали, что вотъ появятся англійскіе корабли, начнутъ громить его своими *невырными* ядрами. Народъ кипѣлъ; всѣ бѣгали изъ дома въ домъ, вооружались съ ногъ до головы, кричали, мѣшая брань съ изрѣченіями ал-корана, грозили саблями и кулаками всей Европѣ, а Англичанъ, всѣхъ до единого, стращали истереть въ порошокъ и развѣять по воздуху. Появленіе Англичанина въ такую минуту и среди такихъ безпощадныхъ враговъ, конечно, было-бы опасно. Не смотря на то, что онъ былъ самый мирный путешественникъ и самый кроткій человѣкъ, что ему до войны не было равно никакого дѣла, первый солдатъ, узнавъ его, пустилъ-бы въ него пулю, или вонзилъ кинжалъ; да и самъ губернаторъ, вѣроятно, не лучше-бы поступилъ съ нимъ.

По этому мы называли своего благороднаго товарища Французомъ. Скрыть его было тѣмъ легче, что онъ говорилъ совершенно по-французски. Но одно обстоятель-

ство чуть не погубило его и всѣхъ насъ: когда насъ ввели въ залу къ губернатору, онъ былъ окруженъ предводителями войска и совѣтовался съ ними, какъ защищать городъ. Это, какъ видно, было для него дѣло совсѣмъ непривычное, да и непріятное; оно и точно, что тутъ хорошаго? Въмѣсто того, чтобы спокойно, сидя на диванѣ, пить кофе, курить кальянъ и сладко дремать, слушая сквозь сонъ разсказъ изъ тысячи и одной ночи, или однообразный напѣвъ пѣсни, тутъ изволь думать, соображать, распоряжаться; а это для лѣнивой восточной головы самая мучительная вещь. По этому губернаторъ ужасно сердился на Англичанъ, какъ они смѣли потревожить его, и сказавъ съ нами нѣсколько словъ, началъ осыпать ихъ самою грубою бранью. Выраженія его, показывавшія совершенное невѣжество и отсутствіе всякаго приличія, и для насъ были отвратительны, а нашего добраго Британца вывели изъ терпѣнія. Взглянувъ на него, я увидѣлъ, что онъ стиснулъ зубы, крѣпко сжалъ кулаки и, сверкая глазами, готовъ былъ кинуться на грубіяна. Я испугался за товарища и за себя и поспѣшилъ выдти вонъ. Откройся, что одинъ изъ насъ — Англичанинъ, насъ-бы всѣхъ пригяли за англійскихъ шпионовъ и, безъ сомнѣнія, или тутъ-же-бы изрубили, или еще замучили.

Какъ ни дуренъ былъ корабль нашъ, но мы съ особеннымъ удовольствіемъ перебрались на него, чтобы быть поскорѣе подальше отъ свирѣпыхъ Арнаутовъ (Албанцевъ), кровожадными, ястребиными глазами такъ и ловившихъ въ лицѣ своего начальника какое-нибудь кровожадное желаніе, чтобы броситься исполнять его. Наконецъ знаменитый капитанъ нашъ рѣшился нуститься въ открытое море, потому-что нельзя-же было, все держась берега, переѣхать черезъ Аравійскій заливъ.

Мы на всѣхъ парусахъ подобрались къ острову Мессавагъ. Хотя губернаторъ былъ боленъ при смерти, однакожъ принялъ насъ ласково, съ самой дружелюбной улыбкой. Искренно пожалѣвъ о немъ, мы просили его заступиться за насъ у управителя городка Аркико, поставившаго за правило подъ разными предлогами избирать всѣхъ путешественниковъ, особенно Европейцевъ. Губернаторъ Мессавага охотно общалъ намъ свое посредничество, хотя не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Чтобы не утомлять больного, мы извинились, что обезпокоили его, поблагодарили его за добродушіе, не покинувшее его на краю могилы, и поспѣшили уйти.

Островъ Мессавагъ — на Аравійскомъ заливѣ, у восточнаго берега Африки; въ длину онъ 470 сажень, въ ширину 190. Онъ принадлежитъ къ числу коралловыхъ, или мадрепорическихъ. Въ самомъ высокомъ мѣстѣ онъ поднимается надъ моремъ не болѣе, какъ на четыре метра. Онъ совершенно безплоденъ: ни деревца, ни былинки, ни ключа. Для питья собираютъ въ водоемы дождевую воду: но ея едва достаточно бываетъ только для губернатора и его пріятелей, потому-что дожди идутъ лишь съ Октября до Марта, и то не очень часто и не очень сильно. Другіе жители Мессавага съ твердой земли получаютъ воду, впрочемъ, крѣпко отзывающуюся сѣрой. Одна частица этого островка принадлежитъ живымъ, другая — мертвымъ. Водоемы вырублены на гробницахъ.

Очень не многіе дома — каменные; всѣ другіе — не что иное, какъ шалаши, построенные изъ вѣтвей, и покрыты или рогожами, или соломой. Деревянная скамья на четырехъ ножкахъ, постель и стулья — вотъ вся мебель этихъ бѣдныхъ хижинъ. На скамьѣ съ одного конца до другаго натянуты переплетенныя соломенныя веревки,

или ремни. Они составляютъ родъ рогожки, на которой довольно спокойно можно сидѣть и лежать. У богатыхъ эта скамья покрывается персидскимъ ковромъ, или выдѣланной кожей. Но жилье Мессавагца принаровлено къ мѣстнымъ обстоятельствамъ: сквозъ стѣны непрерывно входитъ и выходитъ воздухъ; а это не только наслажденіе, но и существенная потребнѣсть въ такомъ знойномъ климатѣ, каковъ на Мессавагѣ: лѣтомъ тамъ бываютъ жары до 54 градусовъ въ тѣни, считая по стоградусному термометру; по реомюровскому, чаще другихъ употребляемому, это выйдетъ 44 градуса. Мы испытали такой зной въ 1842 году, въ Іюлѣ. Просто чуть не развариваешься заживо. Потъ ручьями течетъ изъ всего тѣла; лежишь, какъ разслабленный; нѣтъ силъ рукой пошевелить; дышешь, какъ огнемъ и самъ чувствуешь жаръ своего дыханья. Настаетъ ночь; думаешь—вотъ будетъ лучше: не тутъ-то было; жару, можетъ быть, меньше, но духота таже, если не сильнѣй. Отъ темноты, кажется, становится еще тяжелѣе; а что еще хуже—воздухъ, отъ гніенія на приморскихъ отмеляхъ, дѣлается заразительнымъ. Впрочемъ туземцы переносятъ все это гораздо лучше пріѣзжихъ, особенно сѣверныхъ жителей. И вотъ что замѣчательно: многіе живутъ ужасно долго; въ наше время, изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, тамъ было около пятнадцати столѣтнихъ стариковъ, а не задолго до нашего пріѣзда умеръ одинъ, которому было полтора ста лѣтъ. Чаще всего умираютъ молодые люди, а кто проживетъ тридцать лѣтъ, тотъ ужъ безопасенъ отъ всякихъ язвъ и заразы. Одно только хорошо на этомъ островѣ: это пристань. Лучше ея нѣтъ на всемъ Аравійскомъ заливѣ. Въ ней можетъ помѣщаться около шестидесяти барокъ, на какихъ обыкновенно ѣздятъ Арабы.

Всѣ жители Мессавага — мусульмане, или иначе — магометане. Отъ природнаго характера, отъ климата, а главное — отъ необразованности, они не любятъ труда. Мастера, которые строятъ барки, всѣ иностранцы. На цѣломъ островкѣ мы нашли только одного мѣдника, одного мастера золотыхъ дѣлъ, одного сапожника, портнаго и двухъ цирюльниковъ. Цирюльники, разумѣется, служатъ тамъ и докторами. Они-то своими ланцетами и сражаются со всѣми болѣзнями островитянъ, можетъ быть, и храбро, но какъ видно, не очень успѣшно; а видно это по обширности кладбища. Впрочемъ и то сказать — надгробный камень часто переживаетъ цѣлыя поколѣнія: имя, написанное на немъ, сотрется, совсѣмъ забыто, тропинка, когда-то къ нему вившаяся отъ деревни, заглохнетъ, а онъ все лежитъ, невнятно говоря, что когда-то жилъ какой-то человѣкъ.

Мессавагцы проводятъ цѣлые дни въ кофейныхъ, на рынкѣ, или на набережной. Женщины ихъ тоже не большія охотницы до работы: сидятъ, или лежатъ съ утра до вечера на плетеныхъ лавкахъ, а ужъ много, если мало-мальски займутся своимъ хозяйствомъ, т. е. покрикиваютъ на негритянокъ, невольницъ. И хозяйство-то пустое — сварить кушанье, кофе, да убрать шалашъ. Иногда, чтобъ избавиться отъ скуки, онѣ изъ пальмовыхъ листьевъ плетутъ циновки, или корзины. Корзины дѣлаютъ онѣ очень плотно и просушивъ ихъ въ дыму, употребляютъ, за недостаткомъ другой посуды, для сбереженія молока. А главную работу ихъ составляютъ вѣеры, тоже изъ пальмовыхъ листьевъ, очень употребительные на Мессавагѣ, чтобы навѣвая на себя воздухъ, сколько-нибудь прохлаждаться — средство, при тамошнемъ зноѣ, впрочемъ, ничтожное. Читать ничего не читаютъ, а отъ того и остаются въ совершенномъ не-

вѣжествѣ и не умѣютъ воспитывать дѣтей, которыя вырастаютъ также невѣждами.

Гдѣ нѣтъ просвѣщенія, образованности, тамъ не можетъ быть и хорошей нравственности; да ужъ лѣнь, бездѣйственность — сама по себѣ, есть ужасный порокъ; отъ ней-то, должно быть, и у Мессавагцевъ произошло множество другихъ самыхъ грубыхъ пороковъ: они корыстолюбивы, склонны къ кражѣ, дерзки, жестоки и неспособны оцѣнивать услугу и одолженіе. Благодарность можетъ чувствовать тотъ, кто готовъ самъ оказывать благодареніе.

Одинъ островитянинъ былъ пулей раненъ въ руку. Европейецъ перевязалъ ему рану, ходилъ за нимъ и вылечилъ его отъ болѣзни, которая могла кончиться смертію. Другъ выздоровѣвшаго пришелъ къ нему и сталъ его поздравлять. «Хвала Магомету!» отвѣчалъ вылечившійся: «онъ послалъ мнѣ этого собаку — христіанина, чтобъ меня вылечить!» И это было сказано въ присутствіи благотворительнаго Европейца, такъ что онъ могъ слышать такую благодарность.

Въ Мессавагѣ ходятъ только венеціанскіе червонцы и австрійскіе талеры съ изображеніемъ императрицы Маріи Терезіи. Въ мелкой торговлѣ употребляютъ смѣшную монету — родъ стеклянныхъ зеренъ. На одинъ талеръ (около девяти гривенъ серебр.) ихъ полагается 3840. Если вы станете размѣнивать европейскую монету на эти *бурхокосы*, Мессавагецъ непременно воспользуется случаемъ, чтобъ обсчитать васъ. Вы замѣтите ему это, а онъ скажетъ: считайте сами. Вы станете считать, и вотъ ужъ насчитали три тысячи восемь сотъ тридцать зернышекъ. Мессавагецъ начинаетъ кричать, что вы сбились: надо пересчитывать снова; но вамъ нѣтъ времени, вы теряете терпѣнье, а Мессавагцу то и нужно: онъ

обманулъ васъ и, посмѣиваясь, съ удовольствіемъ идетъ пить кофе, курить табакъ и рассказывать о своемъ обманѣ другимъ, такимъ-же безсовѣстнымъ обманщикамъ.

Намѣреваясь путешествовать по Абиссиніи, мы постарались покороче сблизиться съ нѣкоторыми Абиссинцами — съ Агаудеромъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ короля области Тигре, съ Зарайломъ, сыномъ диксакскаго владѣтеля, и съ богатыми гондарскими купцами, огромнымъ караваномъ пришедшими къ самому берегу моря. Они должны были вскорѣ вернуться въ свое отечество и могли быть намъ очень полезными въ краю незнакомомъ, между людьми хитрыми и вѣроломными. Намъ легко было съ ними познакомиться и возбудить въ нихъ къ себѣ участіе: Абиссинцы — христіане; Мессавагцы — Магометане, ненавидятъ ихъ, и при всякой возможности дѣлаютъ имъ самыя грубыя оскорбленія. Слѣдовательно, вниманіе наше къ Абиссинцамъ, какъ къ людямъ, исповѣдующимъ одну съ нами вѣру, какъ къ людямъ угнетеннымъ, было очень естественно. Они цѣнили его тѣмъ болѣе, что мы, обращаясь съ губернаторомъ за просто, безъ церемоній, казались въ ихъ глазахъ особами очень важными. И надобно сказать правду, общество ихъ для насъ было весьма пріятно: за нашу ласковость и предупредительность, они старались отплатить самую искреннею готовностію оказывать намъ всякую услугу. То, что сначала было сдѣлано нами по расчету, послужило основаніемъ самыхъ дружескихъ отношеній. Они сами вызвались быть нашими вожатыми на пути въ Абиссинію. Намъ именно этого и хотѣлось. Но купцы еще не распродали своихъ товаровъ; много тысячъ зеренъ приходилось имъ еще пересчитывать съ Мессавагцами, а насъ обстоятельства, можно сказать, гнали съ Мессавага. Добрый губернаторъ умеръ; мы остались безъ по-

кровителя. Мессавагцы съ недоброжелательствомъ смотрѣли на насъ, какъ на христіанъ и какъ на Европейцевъ, и искали случая сдѣлать намъ оскорбленіе. Онъ тотчасъ представился: мы снимали карту жалкаго ихъ островишка, на которомъ живутъ самые презрѣнные люди. Они стали къ намъ придираться, стали мѣшать намъ, говоря, что мы дѣлаемъ это съ злымъ умысломъ, чтобъ завоевать ихъ землю. Дѣло дошло до ссоры и, пожалуй, кончилось-бы кинжалами и пистолетами, еслибъ за насъ не вступился одинъ чиновникъ. Послѣ этого, нечего было медлить: мы наскоро собрались, наняли барку и черезъ часъ были уже въ Мессавагскомъ заливѣ, подлѣ Аркико. Правитель Аркико, Гассанъ, былъ предупрежденъ о нашемъ приѣздѣ и дожидался насъ на берегу моря. Мы вышли и поклонились ему. Онъ попросилъ насъ садиться подлѣ него на прибрежномъ пескѣ. Спасибо и за эту абиссинскую вѣжливость: ему самому земля служила диваномъ, а песокъ ковромъ. Между-тѣмъ, нашъ гостепріимный хозяинъ внимательно смотрѣлъ, какъ съ барки переносили наши вещи.

Гассанъ былъ высокаго роста, тонкій и тощій, какъ почти всѣ Арабы. Ему было около сорока пяти лѣтъ. Начинаящая сѣдѣть борода усиливала отливъ смуглаго цвѣта его лица; суровыя черты его, однакожъ, не внушали никакого страха, напротивъ, располагали даже къ довѣренности. За поясомъ у него торчалъ кинжалъ въ серебряныхъ ножнахъ и съ серебряной рукоятью. Снаружи полированное серебро и приманчивые узоры; внутри желѣзо, наточенное для убійства — живое изображеніе коварства. встрѣчающагося не на одномъ востокѣ. На ногахъ у Гассана были просторныя, красныя сандалии, очень красивыя; на головѣ маленькая шелковая разноцвѣтная шапочка.

Когда всѣ наши вещи были перенесены на берегъ, Гассанъ повелъ насъ въ одинъ изъ своихъ домовъ, смежный съ тѣмъ, въ которомъ жилъ онъ самъ съ своимъ семействомъ. Это жилье было построено изъ бамбуковыхъ бревенъ, плотно вбитыхъ въ землю и связанныхъ воловьими ремнями. Оно было въ одинъ этажъ; мебели въ немъ было только четыре лавки, надъ которыми, также какъ въ Мессавагѣ, натягивались переплетенныя соломенные веревки и ремни. Это намъ не дало высокаго понятія о богатствѣ нашего хозяина: но когда мы походили по Аркико и посмотрѣли, въ какихъ лачугахъ и шалашахъ гнѣздятся его граждане, то домъ Гассана показался намъ великолѣпнымъ дворцомъ.

До сихъ поръ все шло не дурно: но Гассанъ извѣстенъ былъ своимъ лихоимствомъ. Мессавагскаго губернатора, который могъ его обуздывать, теперь уже не было на свѣтѣ. Мы очень опасались, что за свое гостепріимство онъ заставитъ насъ расплатиться дорого. Желая испытать его, мы подарили ему ружье со штыкомъ и объявили, что вскорѣ хотимъ отправиться и просили доставить намъ нѣсколько верблюдовъ для перевозки вещей. Онъ обѣщался исполнить наше желаніе, но, очевидно, не былъ доволенъ нашимъ подаркомъ.

Египетскій вице-король Мегметъ-Али, другъ просвѣщенія и самъ образованнѣйшій человѣкъ, покровительствовалъ всѣмъ Европейцамъ. Гассанъ находился въ зависимости отъ Мегмета-Али; по этому, не смѣя притѣснять насъ открыто, прибѣгнулъ къ хитрости.

Рано по-утру мы просыпаемся отъ ужаснаго шума и крика, встаемъ, бѣжимъ посмотрѣть, что это такое и видимъ—нашъ Гассанъ стоитъ въ толпѣ какихъ-то звѣрообразныхъ людей и громко ораторствуетъ. Они кри-

чали и вопили нестройными, рѣзкими голосами. Густые волосы, лохмотья, едва закрывающія ихъ тѣло, длинныя копья, прямые мечи, мускулистыя руки, крутыя и широкія груди, дрожащія отъ громкаго вѣрка — толпа этакихъ людей хоть-бы кого встревожила. Не понимая языка, мы смотрѣли съ безпокойствомъ и недоумѣніемъ на эту свирѣпую толпу. Замѣтивъ насъ, Гассанъ началъ кричать громче и размахивать руками сильнѣе. Послѣ этого онъ подошелъ къ намъ и сказалъ: это Когосы, пастухи нашихъ горъ. Они ужасно разсвирѣпѣли на меня за то, что я не взялъ съ васъ пошлыны, которую до сихъ поръ платили всѣ Европейцы, вѣзжающіе въ Абиссинію. Часть пошлыны, по нашимъ обычаямъ, принадлежитъ имъ. Сказавъ это, онъ внимательно посмотрѣлъ на насъ, желая отгадать, какое впечатлѣніе произвели слова его.

Мы, разумѣется, не показали ни малѣйшаго безпокойства, тѣмъ болѣе, что, очевидно, онъ не смѣлъ открыто притѣснять насъ и прибѣгнуть къ такой ребяческой уловкѣ. По этому, мы объявили ему рѣшительно, что не станемъ платить никакой пошлыны, преблагополучно поѣдемъ безъ его согласія, или останемся у него и напишемъ вице-королю, Мермету-Али, о затрудненіяхъ, которыя намъ дѣлають. Мы сдѣлали ему одну уступку, однакожь, въ видѣ личнаго, отъ нашей воли зависящаго распоряженія, именно — мы сказали, что возьмемъ себѣ каждый по проводнику, тогда какъ обыкновенно цѣлые караваны берутъ только одного. Это значитъ, мы доставляли Когосамъ возможность заработать четыре талера, не считая платы за верблюдовъ. Для такихъ оборванцевъ, какъ они, и этого было-бы довольно: но они подняли крикъ, шумъ, начали махать копьями, грозить намъ. Но мы были непоколебимы и поставили на своемъ.

Не смотря на то, что въ этихъ переговорахъ прошло много времени, мы не хотѣли дожидаться до другаго дня и настоятельно требовали тотчасъ-же отправить насъ въ путь. Гассанъ началъ говорить, что мы не успѣемъ доѣхать до какой-нибудь деревни, что намъ придется ночевать подъ открытомъ небомъ, а въ долинахъ рыщетъ множество дикихъ звѣрей, отъ которыхъ невозможно защищаться, и т. д. Но люди, насъ окружавшіе, не уступали дикимъ звѣрямъ ни въ хитрости, ни въ жестокости; всякое кочевье было не опаснѣе дома гассанова, и мы поѣхали. Въ самомъ дѣлѣ, солнце вскорѣ сѣло; мы остановились въ окрестностяхъ одной деревеньки, миляхъ въ двухъ къ югу отъ Аренко. Только что мы расположились на ночлегъ, видимъ — кто-то къ намъ скачетъ; это былъ добрый Зарайлъ. Появленіе его очень обрадовало насъ, а участіе его произвело въ насъ самое пріятное впечатлѣніе: благородный молодой человѣкъ, узнавъ, что мы одни находимся въ рукахъ Когосовъ, очень встревожился, поспѣшилъ уѣхать изъ Мессавага, чтобы провожать насъ до дому своего отца. Онъ привезъ съ собою еще пріятное извѣстіе, что абиссинскій караванъ вскорѣ хотѣлъ пуститься въ путь, и, вѣроятно, догонитъ насъ въ Даксагѣ. На другой день мы поднялись съ мѣста въ шестомъ часу. Путь нашъ шелъ все по той-же равнинѣ, низменной, песчаной и безплодной: кое-гдѣ попадались только чахлая мимозы, покрытая пылью, сжигаемая солнцемъ. Часа черезъ два, мы доѣхали до первыхъ уступовъ горъ. Тутъ мы вошли въ ущелье: въ немъ было нѣсколько свѣжѣе отъ тѣни и зелени. По довольно удобной отлогости мы поднялись на плоскую возвышенность. Тутъ были и деревья и растенія: намъ очень хотѣлось остановиться; но не было ни капли воды. Проводники говорили, что

намъ необходимо свернуть въ сторону, гдѣ есть прекрасный ручей—великое сокровище въ знойной пустынѣ. Въ одиннадцать часовъ, мы дѣйствительно приѣхали на берегъ ручья: но ручей высохъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли лужи воды. Но за то мы могли спрятаться отъ лучей солнца подѣ густою тѣнью прелестнѣйшихъ акацій. Мы рѣшились тутъ остановиться, и, чтобы собраться съ силами, провести всю ночь: но проводники уговорили насъ выбрать ночлегъ въ другомъ мѣстѣ, потому что къ ручью приходятъ ночью пить львы и другіе звѣри. Это, дѣйствительно, была правда, и не одинъ путешественникъ погибалъ здѣсь.

Съ часъ ѣхали мы вдоль высохшаго ручья и наконецъ остановились у подошвы горъ. Усталость одолѣла насъ. Распорядились, однакожъ, такъ, чтобы кто-нибудь былъ на сторожѣ: левъ не свой братъ; зубы и когти его — крѣпки и остры, какъ наточенное желѣзо. Къ тому-же, въ незнакомой сторонѣ все увеличиваетъ страхъ. Но, проснувшись по-утру, я увидѣлъ, что всѣ наши товарищи и проводники спятъ самымъ безопаснымъ сномъ. Льву была-бы славная пожива.

Обрадовавшись тому, что мы живы и здоровы, мы весело отправились въ путь. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, онѣ точно будто выросли и, казалось, стояли стѣной, задвинувъ намъ дорогу. Но вскорѣ увидѣли маленькое узенькое ущелье, которое издали чернѣлось, какъ трещина. Это была долина Гаддасъ. Она, незамѣтно возвышаясь, ведетъ къ подножію Таренты, этой послѣдней цѣпи горъ, за которой начинается Абиссинская плоская возвышенность. Ущелье простирается миль на двѣнадцать; но путь по немъ труденъ: вьется непрерывными излучинами, заваленъ обломками скалъ и неровенъ, какъ русло рѣки. Это

ущелье, въ самомъ дѣлѣ, превращается въ ужасную, стремительную рѣку, въ *дождевое время*, т. е. когда въ Абиссиніи постоянно идутъ дожди. Мы ѣхали въ то время, когда ужъ дождей не было; по долину струился прекрасный ручей; деревья раскидывали надъ нами свои зеленые шатры; растенія и цвѣты благоухали въ прелестной и южно-величавой красотѣ своей. Изъ густой зелени ихъ поднимались стада куропатокъ необыкновенной величины; газели бродили, какъ домашнія козы, нисколько не пугаясь насъ; зайцы, какъ-будто нарочно напущенные, попадались на каждомъ шагѣ. Иной, завидѣвъ насъ издали, подбѣжитъ къ самой дорогѣ, сядетъ и смотреть, или начнетъ лапкой чесать мордочку, станетъ ѣсть траву, или займется другимъ хозяйствомъ. Обезьяны тысячами прыгали, цѣплялись по деревьямъ, гонялись другъ за другомъ, дрались руками, или перебрасывались сучьями. Тогда какъ внизу кипѣла такая разнообразная, шумная жизнь, надъ нами и кругомъ насъ въ угрюмой неподвижности, въ задумчивомъ молчаніи стояли горы. Вѣчно-бѣгущая и вѣчно-говорливая волна, шепотъ травы, шорохъ вѣтвей и листьевъ, вѣянье и хлопанье птичьихъ крыльевъ, блеянье козъ и визгъ обезьянъ — шумъ, блескъ, волненіе, пестрота — внизу, а въ вышинѣ однообразныя громады, невозмутимоспокойныя и холодныя — какъ на все это не засмотрѣться? Какъ обо всемъ этомъ не задуматься? Засмотрѣвшись и задумавшись, мы незамѣтно проѣхали часть долины Гаддаса, называемой Гаммалю.

Отсюда мѣстоположеніе и виды совершенно перемѣняются: ручья больше нѣтъ; земля становится безплодною; все нѣмо, какъ камни, загромаждающіе дорогу и скалы, которыя, кажется, каждую минуту готовы обрушиться на вашу голову, или сдвинуться и сдавить васъ въ

ущельѣ: тѣсно жарко, душно! Скорѣй, скорѣй — дальше въ путь! Вотъ что-то зеленѣетъ впереди: а! это маленький оазисъ — небольшая полоса земли, покрытая травою и деревьями. Не успѣешь взглянуть на него, не успѣешь дохнуть свѣжымъ воздухомъ, съ него повѣвающимъ, какъ уже опять пошли груды камней и крупный сухой песокъ, поглощающій изъ воздуха всякую влажность, враждебный всякому растенію. Горы становятся все выше и выше и надобно поднимать голову, чтобы взглянуть на небо. Такъ мы ѣхали до самаго Тоббо. Тутъ природа вознаградила насъ за труды, усталость и терпѣніе. Кругомъ — все зелень и цвѣты; деревья финиковыя, тамариновыя, каперцовыя — настоящий садъ и самый прелестный. Чудная картина! Надъ вершинами горъ сгущаются, подобныя имъ, хмурыя, угрюмыя тучи, а у подножія горъ прыгаютъ стройныя, легко-ногія газели (дикія козы); по стволамъ и сучьямъ деревьевъ мечутся бѣлки; изъ густой зелени вѣтвей роями поднимаются птички, перья которыхъ пестрѣютъ и блестятъ, какъ листья самыхъ живописныхъ, самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Смотря на все это съ любопытствомъ и наслажденіемъ, мы пьемъ сладкій воздухъ и съ полною беззаботностью, которую пріобрѣтаетъ человѣкъ во время продолжительныхъ странствованій, нѣжимся подъ густою и прохладною тѣнью, въ чужой землѣ, какъ будто въ своемъ саду. Иногда, отъ безпрерывно перемѣняющихся новыхъ впечатлѣній, отъ роскоши растеній, отъ множества движущихся вокругъ животныхъ, мелькающихъ птицъ, въ глазахъ и въ мысляхъ такъ запестрѣетъ, что точно будто не наяву, а въ волшебномъ снѣ, гдѣ все блеститъ, кипитъ, снуется и сверкаетъ. Тутъ мы провели ночь. На другой день были уже у подножія Таренты. Сидя подъ вѣтвистой смоков-

ницей, мы дѣлали наблюденія надъ воздухомъ. Стоградусный термометръ нашъ показывалъ въ полдень уже *только* двадцать шесть градусовъ. Послѣ того зноя, какой мы вытерпѣли прежде, это было прохладно.

По условію съ Гассаномъ, отсюда мы должны были возвратить къ нему верблюдовъ; животное, драгоцѣнное въ песчаной пустынѣ, верблюдъ не годится для горъ: тутъ онъ и тяжелъ, и неловокъ. испортитъ тотчасъ себѣ ноги и пропадетъ; какъ ни жаль, а бросай его на съѣденіе звѣрямъ.

Верблюдовъ нужно было замѣнить быками и Когосами. Когосы совсѣмъ не мирные пастухи. Они живутъ въ пещерахъ и шалашахъ по скатамъ горъ; стада свои пасти гоняютъ въ долину. Они жестоки и непременно ограбятъ путешественника, если не приметъ его подъ свое покровительство Гассанъ, начальникъ ихъ. Тѣ, которыхъ онъ дастъ вамъ въ проводники, своею головою отвѣчаютъ за вашу безопасность. У Когосовъ безчисленные стада. Они кормятся молокомъ и сыромъ. Земледѣліемъ или совсѣмъ не занимаются, или занимаются очень мало; зерновой хлѣбъ покупаютъ они у жителей Тигрѣ, гдѣ родится его очень много. Впрочемъ, въ Тигрѣ живутъ Абиссинцы — христіане. Когосы ненавидятъ ихъ и охотнѣе входятъ въ сношенія съ Мессавагцами, своими единовѣрцами, мусульманами *).

Они доставляютъ туда молоко, масло, козъ и овецъ, и промѣниваютъ на полотно, табакъ и другія мелочи домашняго быта.

Узнавъ отъ нашихъ проводниковъ, что намъ нужны быки, Когосы — человѣкъ десять, явились къ намъ, по видимому, съ большою готовностію; но тутъ же объявили

*) Объ исламизмѣ смотр. Ж. д. Д. 1852 г. № 43, стр. 683.

съ открытымъ безстыдствомъ, что намъ непремѣнно нужно взять у нихъ никакъ не меньше двѣнадцати быковъ; между тѣмъ и пяти было совершенно достаточно. Начался споръ: мы говорили, убѣждали, доказывали; Когосы кричали и грозили. Спасибо, что за насъ вступился Зарайль; иначе бы спору конца не было: остановились на томъ, чтобы взять семь быковъ. Но тутъ начались новыя хлопоты: Когосы стали поднимать, щупать, осматривать, переворачивать наши чемоданы и тюки: тотъ тяжелъ, тотъ слишкомъ легокъ, тотъ неудобенъ, тотъ по своей жесткости набьетъ волю спину, тотъ свалится со спины — словомъ, препятствій было найдено множество, и Когосы показали въ этомъ отношеніи чрезвычайную прозорливость: дѣлать нечего — надобно было все развязывать и перекладывать. Когда наконецъ тяжести были уравнены и прилажены, Когосы, какъ сумасшедшіе, бросились на наши вещи, стараясь захватить тѣ, которыя казались имъ легче; произошла ужасная сумятица: нѣсколько человѣкъ бросались на одну и ту же вещь, рвали изъ рукъ другъ у друга тюки, узлы, чемоданы, толкались, ссорились между собою. Зарайль уговорилъ ихъ рѣшить дѣло по жеребью: они согласились; все кое-какъ уладилось и мы тронулись въ путь.

Тарента, по которой и на которую мы поднимались, почти вездѣ представляетъ голый камень: но она покрыта деревьями, которыя растутъ въ трещинахъ. Изъ нихъ одно особенно замѣчательно: его, кажется, и нигдѣ нѣтъ, кромѣ Абиссиніи. Тамъ называютъ его *кол-куамъ*. Оно походитъ на огромный канделябръ. Симметрически расположенные сучья — совсѣмъ голы; на нихъ нѣтъ ни одного листка, и только на самыхъ концахъ — по большому пуку цвѣтовъ. Цвѣты измѣняются

по времени года и изъ ярко-желтыхъ переходятъ въ красные.

Три часа пересбирались мы черезъ Таренту; тропинка то была завалена камнями, которые катились изъ-подъ нашихъ ногъ и падая въ пропасть, съ глухимъ шумомъ, казалось, говорили: берегись! Ступай осторожно! Иногда путь, и безъ того тѣсный, намъ задвигала скала; надобно карабкаться руками и ногами, чтобы подняться на ея вершину. За то, когда мы совсѣмъ взобрались на гору, было чѣмъ насладиться: мы стояли выше всѣхъ горъ, пройденныхъ нами отъ моря: онѣ тѣснились, пересѣкались и будто набѣгали одна на другую, какъ волны. Со стороны Абиссиніи видѣлись вдали горы Тигрѣ: легкія и граціозныя вершины ихъ, какъ тонкія облака, незамѣтно сливались съ синевой неба. Мы смотрѣли на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ и любопытствомъ. Онѣ манили насъ къ новой, незнакомой странѣ, къ Абиссиніи, которая была цѣлю нашего путешествія, для достиженія которой мы переносили столько трудовъ, неудобствъ и опасностей.

Взошедъ на Таренту, мы будто перешли въ другой край, въ другой климатъ; вѣдь извѣстно, чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣй; а мы, въ продолженіи трехъ часовъ, поднялись на 1,118 метровъ (1,565 арш.); поэтому въ температурѣ, т. е. въ степени теплоты воздуха, сравнительно съ тѣмъ мѣстомъ, откуда мы отправились, произошла большая разница. Въ 10 часовъ утра термометръ намъ показывалъ только 14 градусовъ, а въ полдень 16. Привыкнувъ къ ужаснымъ жарамъ, мы дрожали отъ холода и едва могли согрѣться, пріютившись гдѣ нибудь у камня на солнцѣ. Отдохнувъ на горахъ, мы отправились въ путь и благополучно доѣхали до Диксага. Это — жалкая деревня: низкія, кое-какъ сбитыя и слѣплен-

ныя лачуги, разбросанныя по уступамъ горъ, человѣкъ тысячи полторы жителей, христіанъ и магометанъ, — вотъ и все.

Зарайлъ повелъ насъ прямо къ своему отцу, Багарнагассу, *королю моря*. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, Багарнагасъ сказалъ, что готовъ тотчасъ принять насъ. Такая предупредительность очень расположила насъ въ его пользу и, судя по сыну, мы съ совершенною довѣрчивостію смотрѣли на гостепріимство отца. Но проводникъ нашъ, Саидъ, сказалъ намъ: «смотрите, держите свой языкъ на привязи: вы будете имѣть дѣло съ грабителемъ, самымъ безсовѣстнымъ. Если онъ узнаетъ, что у васъ есть только одинъ талеръ, то и отъ него захочетъ чѣмъ нибудь поживиться!» Мы поблагодарили Саида за его заботливость о насъ и не обратили никакого вниманія на его слова. Насъ ввели во дворецъ морскаго короля. Первое отдѣленіе его жилища составляла конюшня. Такую пріемную мы сочли для себя нѣсколько неудобною и прошли во вторую комнату: въ ней женщины приготовляли хлѣбъ и кушанье; мы пошли дальше: въ третьей комнатѣ было совершенно темно, или такъ показалось намъ съ надворья, послѣ яркаго свѣта. Начинаемъ всматриваться: вверху, въ потолокъ маленькое отверстіе; оттуда, какъ въ продушину, падаетъ свѣтъ, и черезъ нѣсколько минутъ, мало-помалу, привыкая къ темнотѣ, мы различаемъ, что стоимъ передъ грознымъ королемъ. На немъ былъ балахонъ, первоначально бѣлый, но потомъ затасканный и запачканный коровьимъ масломъ. Багарнагасъ сидѣлъ, развалившись небрежно на лавкѣ, покрытой сыромятною бычачьей шкурой. Онъ молча смотрѣлъ на насъ съ самымъ внимательнымъ любопытствомъ. Въ мрачной и суровой его фізіономіи было что-то отталкивающее.

Мы не повѣрили первому впечатлѣнію, потому что иногда подъ самой непріятной наружностью скрывается благороднѣйшее сердце. Но вскорѣ мысли наши о хозяинѣ перемѣнились, и не безъ основанія: съ первыхъ словъ онъ обнаружилъ желаніе вывѣдать отъ насъ, богаты ли мы, чтобъ порядочно обобрать насъ за оказанное гостепріимство. «Сколько денегъ издержали вы до пріѣзда сюда?» спрашивалъ онъ насъ. «Достаточно ихъ у васъ, чтобы между нами входить съ людьми въ пріятныя сношенія? Подарки всегда располагаютъ къ дружбѣ. Если васъ приметъ король, или другой какой начальникъ, старайтесь надлежащимъ образомъ отплатить ему за хорошій пріемъ — давайте ему подарки, соотвѣтственные его достоинству: чѣмъ больше вы будете давать, тѣмъ больше пріобрѣтете себѣ покровителей.»

Мы очень воспользовались этимъ наставленіемъ и рѣшились, какъ можно крѣпче держать свой языкъ и свой карманъ. А хозяинъ хотѣлъ развязать у насъ и тотъ, и другой. Онъ началъ угощеніемъ и пригласилъ къ столу. Посрединѣ стола стояла какая-то пирамидка. Сверху на ней было выдолблено углубленіе, а въ него — налито топленое масло. Подлѣ было поставлено тѣсто изъ ячной муки. Хозяинъ проворно бралъ отъ него кусокъ, проворно скатывалъ его руками, обмокалъ въ масло, а еще проворнѣй глоталъ. Мы изъ вѣжливости тоже должны были ѣсть этотъ составъ и ужасно боялись, какъ бы намъ не подали еще чего нибудь подобнаго. Но знаменитый повелитель моря удовольствовался однимъ. Подали очень крѣпкое, пьяное питье — медъ. Хозяинъ и тутъ показалъ намъ большую *предупредительность*: онъ, не дожидаясь насъ, прежде всѣхъ началъ осушать чашку за чашкой и вскорѣ опьянѣлъ

совершенно. Мы были этому очень рады, потому что тотчас могли уйти безъ всякихъ церемоній; вѣдь, когда привыкнешь къ вѣжливости въ обществѣ, то боишься невнимательностію оскорбить даже дикаря: а тутъ оскорблять было некого: пьяный — не человѣкъ, а животное.

Зарапъ между тѣмъ успѣлъ вычистить и убрать конюшню и превратилъ ее въ залу: на мѣсто муловъ и верблюдовъ помѣстился въ ней мы. Здѣсь у насъ пересѣивали чуть ли не всѣ жители Диксага. Появленіе какихъ-то бѣлыхъ людей было для нихъ необыкновеннымъ происшествіемъ; каждому хотѣлось взглянуть на насъ; они же узнали, что мы не деремся, не царапаемся, не кусаемся; поэтому тѣснились къ намъ толпами, заговаривали съ нами, трогали насъ за платье, за тѣло, разсматривали даже до мелочей всѣ наши вещи. Все удивляло ихъ. Разсматривая наши большіе дорожные сапоги, подбитые толстыми гвоздями, они помирали со смѣху. Иные, поумнѣй, дѣлали намъ множество вопросовъ о нашемъ отечествѣ, о нашей религіи, о нашихъ обыкновеніяхъ, словомъ, о томъ, что мы имѣли намѣреніе узнавать и изслѣдывать въ странахъ, по которымъ путешествовали. Хотя намъ это иногда ужъ и надоѣдало, но мы отвѣчали на всѣ ихъ вопросы и старались объяснять имъ вещи, какъ можно проще. Почему знать? Можетъ быть, отъ подобныхъ разговоровъ у кого-нибудь родится желаніе образоваться, и онъ сдѣлается просвѣтителемъ своего отечества. Можетъ быть, наша ласковость дастъ хорошее понятіе о Европейцахъ и спасетъ жизнь хотя одному путешественнику, попавшемуся въ бѣду.

Мы, какъ видно, очень понравились туземцамъ: съ наступленіемъ ночи, нѣкоторые изъ нихъ издумали дать намъ сцену (концертъ). Мальчики, отъ десяти до

пятнадцати лѣтъ, вооруженные копьями и щитами, пришли огромною ватагой на нашъ дворъ. Они нѣсколько разъ ловко промаршировали передъ нами, потомъ стали рядами, лицомъ къ намъ и начали пѣть намъ самыя льстивыя похвалы. Вотъ, что у меня удержалось въ памяти: «пѣть людей на свѣтѣ красивѣе васъ; лица у васъ такія бѣлыя, волосы такіе тонкіе! Удивительно! Вы храбрѣе пѣзъ храбрыхъ: въ день битвы вы въ прахъ стопчете враговъ своихъ, и тысячи вдовъ будутъ оплакивать ваши подвиги. Счастливы друзья ваши! Они наслаждаются спокойствіемъ и *тучнѣютъ* отъ вашей щедрости.» Такія похвальныя пѣсни сопровождались самою странною игрой и самыми уморительными маневрами, представлявшими разныя положенія, какія человѣкъ можетъ принимать во время битвы, напримѣръ, какъ раненый кричитъ, какъ убитый валится на землю, какъ тому выбили глазъ и онъ, бѣдненькій, не можетъ имъ видѣть, какъ другому отрубилъ ногу, и онъ прыгаетъ на одной ногѣ и проч. Мы хохотали, и они были этимъ очень довольны, потому что для дикаря хохотъ есть выраженіе самаго большаго удовольствія. Улыбки и тихаго одобренія для него — мало. Въ благодарность за игру, пѣнье и похвалу, мыѣдали дикагскимъ артистамъ талеръ. За такой подарокъ они чуть не оглушили насъ крикомъ самымъ радостнымъ. Но щедрость наша разманила и другихъ пѣвцовъ. Вскорѣ явилась къ намъ другая толпа славить нашу красоту, наше мужество и наше великодушіе. Но на этотъ разъ мы не стали ихъ слушать и даже не пустили къ себѣ на дворъ, говоря, что мы не достойны такой чести, что для насъ довольно и однѣхъ похвалъ, пропѣтыхъ въ первый разъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы слышимъ крикъ, шумъ

и ссору. Это еще одна толпа шла къ намъ съ привѣтствіями и похвалами нашей щедрости. Встрѣтившись съ тѣми, которыхъ мы только что отъ себя выпроводили, новые пѣвцы начали приставать къ нимъ, чтобы тѣ съ ними подѣлились; а дѣлиться было не чѣмъ. Кто ихъ знаетъ, какъ они между собою раздѣлялись! Вѣроятно, дракой.

На другой день повелитель моря приходилъ къ намъ нѣсколько разъ. Но это вниманіе онъ оказывалъ не намъ, а нашимъ мѣшкамъ и чемоданамъ. Они своею таинственностію разжигали его воображеніе, особенно тѣ, которые были заперты замками. Онъ представлялъ, что они набиты золотомъ. Ему же деньги были очень нужны: Багарнагассъ былъ долженъ десять тысячъ франковъ королю Тигрѣ, который грозился, въ случаѣ отказа въ платежѣ, напасть на Диксагъ и до тла разорить его. Положеніе повелителя моря было очень затруднительно, и онъ хотѣлъ нашими деньгами расплатиться съ своимъ займодавцемъ. Присутствіе сына его, Зарапла, который показывалъ къ намъ большую привязанность, препятствовало ему рѣшиться на какое нибудь открытое насиліе. Багарнагассъ подъ какимъ-то предлогомъ выпроводилъ его на три дня въ сосѣдственную деревню. Зараилъ видѣлъ, что отецъ его затѣваетъ что-то недоброе; прощаясь съ нами, благородный молодой человѣкъ заплакалъ и совѣтовалъ, какъ можно, больше смотрѣть за нашими вещами. «Здѣсь», говорилъ онъ, много воровъ и разбойниковъ».

Эти обстоятельства заставили насъ не шутя призадуматься: мы были въ разбойничьемъ притонѣ. Сандъ не скрывалъ своего безпокойства: но какъ человѣкъ опытный, онъ свелъ дружбу съ слугами Багарнагасса и узналъ отъ нихъ, что хозяинъ ищетъ случая завладѣть

всѣмъ нашимъ имуществомъ, а самихъ насъ перебить. Мы не знали, на что рѣшиться. Бѣжать, конечно, было бы лучше всего; но какъ бѣжать безъ вещей? Да и куда, въ чужой, незнакомой сторонѣ, между дикихъ горъ и среди полу-дикихъ племенъ? Багарнагассъ непременно догналъ-бы насъ и внѣ своего дома еще удобнѣе могъ-бы скрыть свое убійство. И такъ, сами не зная, чего ждать, мы стали осматривать свое оружіе и готовиться къ отчаянной защитѣ.

Неизвѣстность болѣе всего томила насъ. Вдругъ мы слышимъ, что пріѣхали какіе-то купцы и хотятъ насъ видѣть. Мы обрадовались имъ, какъ братьямъ, которые явились для спасенія насъ. Они, дѣйствительно, поступили съ нами по-братски. Это были негоціанты изъ того каравана, съ которымъ мы познакомились у Мессавага. Они расположились на ночлегъ за милю отъ Диксага. Но узнавъ, что мы еще у Багарнагасса, по добродушной предусмотрительности захотѣли навѣдаться, что съ нами дѣлается. Мы въ короткихъ словахъ рассказали имъ о своей опасности. Они задумались. «Знаете, что?» сказалъ одинъ изъ нихъ; «мы пойдемъ на поклонъ къ Багарнагассу. Вы тоже придите туда и скажите ему при насъ, что вы хотите сейчасъ же присоединиться къ нашему каравану, переночевать съ нами, чтобы на завтрашній день рано утромъ отправиться въ путь». Мы такъ и сдѣлали. Багарнагассъ пришелъ отъ этого въ большое замѣшательство; оправившись нѣсколько, онъ сказалъ: «хорошо; но вамъ нужно носить щиковъ человѣкъ десять; а скоро ночь на дворѣ: гдѣ ихъ теперь съискать?» — «Наши слуги, отвѣчали купцы, перенесутъ всѣ вещи путешественниковъ.» Дѣлать нечего: Багарнагассъ долженъ былъ выпустить насъ изъ своихъ рукъ, которыми онъ, можно сказать, уже дер-

жалъ насъ за горло. Мы, какъ вырвавшіеся пзъ-подъ ножа, начали дышать свободно, когда переступили черезъ порогъ багарнагассовой конюшни. Онъ провожалъ насъ жадными глазами, какъ тигръ отнятую у него добычу, крови которой онъ ужъ попробовалъ. Надобно самому быть въ пустынь, въ степи, въ логовищѣ разбойника, среди племенъ, гдѣ грабежъ и убійство дѣло обыкновенное, чтобы понять, какое наслажденіе чувствовали мы, находясь въ кругу нашихъ друзей, нашихъ избавителей, родныхъ намъ по человѣчеству! Мы крѣпко жали имъ руки и готовы были цѣловать ихъ.

Кто-бы вы ни были, кому придется читать эти строки, дитя, дѣвица, или юноша, не откажите въ участіи человѣку, зашедшему въ вашъ край, на чужбину и нуждающемуся въ помощи! И въ городахъ, и во многотысячнѣхъ бываетъ тоже, что среди абиссинскихъ пустынь!

Когда мы пріѣхали на мѣсто ночлега, купцы пригласили насъ къ своему ужину. Мы начали рассказывать про свои приключенія; они про свои. Среди дружескихъ разговоровъ незамѣтно пролетѣло время. Было уже около десяти часовъ. Мы легли спать на землѣ вокругъ огня, подъ густымъ навѣсомъ деревьевъ. Небо непоколебимымъ и гостепріимнымъ кровомъ обнимало землю. Звѣзды сіяли. Было чрезвычайно тихо. На свѣжемъ воздухѣ, съ самымъ сладкимъ чувствомъ мы начали засыпать. Вдругъ вдали раздался какой-то протяжный, глухой, но могучій ревъ. Проводники встрепенулись, приподняли головы, и, какъ-бы желая проникнуть глазами сквозь темноту, стали прислушиваться: тихо! Все будто замерло и подобно намъ притаило дыханіе. Черезъ нѣсколько минутъ — опять тотъ же ревъ, но уже слышнѣе и ближе. Проводники съ недоумѣніемъ и без-

покойствомъ переглянулись между собою. Мы внимательно смотрѣли на нихъ, ожидая, что они скажутъ. Раздался еще ревъ съ какимъ-то перекатнымъ рокотаньемъ. И слышно было, что съ этимъ ревомъ въ темнотѣ что-то подвигалось прямо къ намъ. Проводники въ одинъ мигъ вскрикнули разными голосами, повскакали съ своихъ мѣстъ и начали хвататься за оружіе, повторяя: «левъ! левъ!» Мы тоже кинулись къ оружію. Левъ, дѣйствительно, подходилъ къ намъ. Вѣроятно, высматривая, съ которой стороны лучше напасть, онъ бродилъ вокругъ каравана, и между тѣмъ какъ мы смотрѣли въ одну сторону, готовясь выстрѣлами встрѣтить своего ужаснаго врага, звонкій голосъ его раздавался неожиданно съ другой. Далеко отдавался этотъ страшный голосъ пустыни, и въ немъ слышались сила, дерзость, жалоба и жажда крови. Очевидно, голодъ мучилъ его. Мы развели большіе огни кругомъ всего своего становища, надѣясь, что яркій блескъ испугаетъ его, начали шумѣть, кричать, стучать, стрѣлять безпрестанно: ни тутъ-то было — идетъ да и только, обводитъ и затягиваетъ около насъ все тѣснѣе и тѣснѣе свой кругъ. Вотъ ужъ мы слышимъ, какъ подъ его лапами ломаются и хрустятъ кусты, какъ онъ ползетъ и крадется, и однажды огромная косматая тѣнь, какъ призракъ мелькнула въ темнотѣ, въ которую далеко врывалось отраженіе пламени. Мы направили туда всѣ свои жалкія охотничьи ружья; но тѣнь, какъ мелькнувшая птица, исчезла. Животныя тоже чувствовали опасность во всемъ ея ужасѣ: они жались другъ къ другу, наостривъ уши, медленно и тяжело дышали, какъ послѣ утомительнаго пути и сильный потъ проступалъ у нихъ сквозь шерсть. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, они отгадывали по инстинкту, что левъ скорѣе бросается на живот-

пос, псжелп на челоѡѡка. Пятъ часовъ сряду мы были въ безпрерывномъ страхѣ: положеніе наше становилось невыносимымъ. Наконецъ мы начали уже было думать, что левъ боится огня п крпку, какъ вдругъ онъ скакнулъ изъ темноты, перепрыгнулъ черезъ огонь, схватилъ мула, какъ кошку, п исчезъ съ нимъ въ одно мгновение. Нападеніе было сдѣлано съ той стороны, откуда мы его совсѣмъ не ождали. Едва мы успѣли оглянуться, уже ничего не было видно; на землѣ остался только широкій слѣдъ крови, брызнувшей изъ-подъ острыхъ зубовъ п когтей пустыннаго грабителя, далеко отброшеннаго горящаго головы, да вдаль еще раза два мелькнула прыгающая безобразная масса. Потомъ все утихло. Мы, какъ испуганные внезапнымъ привидѣніемъ, стояли еще нѣсколько минутъ въ изумленіи п ужасѣ; наконецъ начали мало-по-малу оправляться п толковать о минувшемъ. Хозяинъ чуть не плакалъ о потерянномъ мулѣ. Мы стали его успокаивать, общаясь съ-обща вознаградить его потерю. Хотя всѣ, бывавшіе въ пустынѣ, знали, что левъ не станетъ нападать въ другой разъ, однакожъ сна не было ни у кого ни въ одномъ глазѣ. Не выпуская оружія изъ рукъ, мы просидѣли до разсвѣта п рано поднялись съ ночлега.

Чтобы путешествовать въ Абиссиніи приличнымъ образомъ, не теряя своего достоинства, ни въ какомъ случаѣ не надобно идти пѣшкомъ, пли ѣхать на ослѣ. Иначе — васъ засмѣютъ, васъ будутъ презирать. Такова сила невѣжества! Мало этого: когда живописецъ рисуетъ, напримѣръ, картину путешественника на ослѣ, то онъ никакъ не рѣшится представить осла; это показалось-бы въ высшей степени унижительнымъ для искусства. Что же дѣлаетъ художникъ? Онъ рисуетъ такое животное, которое не походить ни на осла, ни

на лошадь, ни на верблюда, ни на мула, какое-то свое, несуществующее въ природѣ (фантастическое).

Самымъ почтеннымъ, благороднымъ животнымъ считается въ Абиссиніи мулъ. Мы купили пять муловъ, по пятидесяти франковъ за cadaго, и отправились съ полною надеждою на должное уваженіе къ намъ. Мы ѣхали битымъ путемъ, такимъ, по которому больше всего ѣздятъ въ Абиссиніи. Не думайте, однакожь, что это такая большая дорога, какія бываютъ въ Европѣ и въ другихъ образованныхъ странахъ. Это — тропинка, не болѣе. Она прихотливо вьется по скатамъ горъ въ вѣду, или посреди долинь. Въ иныхъ мѣстахъ съ обѣихъ сторонъ колючія травы и кустарники такъ и хватаютъ васъ за платье: вѣрно, въ Абиссиніи, что народъ, что природа, вѣчно хотятъ сорвать что-нибудь съ человѣка. Послѣ мелкихъ непріятностей путешествія и самыхъ пріятнѣйшихъ отдыховъ въ пустынной тишинѣ горъ и долинь, мы добрались до области Гунцобо: дикія, голыя горы, одна другую пересѣкающія, одна надъ другой возвышающіяся, на горахъ развалины какихъ-то строений, между горами — плодоноснѣйшія долины — вотъ Гунцобо. На бѣду мы попали тамъ на еженедѣльную ярмарку, которая бываетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни одного жилья. Тутъ всякій караванъ, Богъ вѣсть, почему, долженъ платить таможенную пошлину. Это обыкновеніе ввелось издавна, и никто противъ него не споритъ: но опредѣленной пошлины не установлено и отъ этого происходитъ безчисленное множество споровъ. Воспользовавшись этимъ, жители Гунцобо объявили неслыханныя требованія такъ, что хоть отдавай все, что везешь, да и самъ ступай на придачу. Съ обѣихъ сторонъ поднялся крикъ, шумъ: иногда въ горячности, но упрямству, спорили за нѣсколько горстей чернаго перцу.

Когда дошла очередь до насъ, споръ перемѣнился: ужъ тутъ дѣло было не о горсти перцу — пѣтъ, а о горстяхъ талеровъ. Мы же сдѣлали большую ошибку — не навязали себѣ, по обыкновенію абиссинскихъ христіанъ, голубаго шелковаго снурка на шею. Насъ приняли за мусульманъ и, по враждѣ къ нимъ, старались притѣснить. Къ счастью, въ это время явился священникъ, чтобы папутствовать нашъ караванъ молитвою и благословеніемъ. Онъ былъ ужасно бѣденъ: длинная одежда его изъ краснаго сукна была вся въ лохмотьяхъ: кисейная бѣлая чалма огромнаго размѣра давала ему странный видъ; передъ нимъ шелъ мальчикъ, весь въ красномъ, съ серебрянымъ крестомъ въ рукѣ. За нимъ шло двое дьячковъ. Священникъ прочелъ нѣсколько молитвъ и благословилъ караванъ; туземцы внимательно слѣдили за всѣми нашими движеніями. Мы съ благоговѣніемъ слушали молитвы и дали талеръ на церковь. Видя, что мы — христіане, Абиссинцы стали обращаться съ нами дружелюбно.

Послѣ этого мы спокойно дошли до Адуа и до становища абиссинскаго царя Уббѣ. Влѣхавъ въ его владѣнія, наши спутники предались обыкновенной своей восточной безпечности: они знали, что здѣсь ихъ никто не ограбитъ, а больше имъ ничего не было нужно. Тянутся себѣ шагъ за шагомъ, останавливаются отдыхать, не уставши, гдѣ только понравится мѣстоположеніе, спятъ, или рассказываютъ другъ другу разные похождения, и не думаютъ о завтрашнемъ днѣ. Но намъ хотѣлось все видѣть, хотѣлось все знать; медленность ихъ раздражала насъ тѣмъ болѣе, что мы не знали, какъ приметъ насъ Уббѣ. Отъ его прихоти вполне зависѣло — позволить, или не позволить намъ путешествовать по Абиссиніи. Заупрямься онъ — и дѣло кон-

чепо: намъ пришлось-бы ѣхать во Францію ии съ чѣмъ. Приближеннымъ его былъ Агаудересъ. Приѣхавъ въ Гвенденту, мы позвали Агаудереса въ свою палатку и сказали: «До сихъ поръ мы пользовались твоей дружбой. Ты оказалъ намъ большія услуги; въ Диксагъ ты спасъ намъ жизнь. Позволь же намъ чѣмъ-нибудь отплатить тебѣ за одолженіе; иначе мы были-бы неблагодарны. Прими же отъ насъ въ знакъ признательности эту палатку, эту пару пистолетовъ, этотъ кусокъ кнесп.» Агаудересъ былъ въ восторгѣ и, безъ нашей просьбы, самъ обѣщалъ расположить въ нашу пользу окружающихъ. Убѣе и его самага.

Становище абиссинскаго повелителя было помѣщено на ровной вершинѣ горы; туда можно было подняться только съ одной стороны, и то между рывинами и пропастями. Мы взошли. Намъ представился, можно сказать, на скорую руку наметанный городъ.

Наше появленіе произвело сильное дѣйствіе на солдатъ: они наперерывъ обращались къ намъ, заговаривали съ нами, спрашивали насъ. Но Убѣе не очень торопился. Когда ему сказали о насъ, онъ отвѣчалъ, что этотъ день посвящаетъ молитвѣ. Такой отвѣтъ мы приняли за недоброжелательство и стали бояться, какъ-бы онъ не разстроилъ всѣхъ нашихъ намѣреній. Всю ночь провели мы, не смыкая глазъ, въ большомъ безпокойствѣ. Къ тому-же, абиссинскія насѣкомыя поступали съ нами совсѣмъ негостепріимно: они мучили насъ безъ милосердія.

На другой день явился къ намъ офицеръ, назначенный быть нашимъ *вводителемъ во дворецъ*. Жилище Убѣе находилось въ самой срединѣ его становища. Оно отдѣлялось огромной — густой и высокой живой оградой

отъ солдатскихъ лачугъ. Въ пространствѣ, ею обнимаемомъ, заключались жилища женщинъ, кухни и конюшни — словомъ, всё принадлежности домашняго быта, которыхъ требуетъ абиссинская роскошь. Насъ встрѣтила многочисленная толпа: любопытные тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ, забѣгали намъ впередъ и смотрѣли въ глаза, такъ что мы съ трудомъ могли подвигаться между ними. Наконецъ мы вошли во дворецъ Уббѣ. Приближенные его тотчасъ съ необыкновенною вѣжливостію пригласили насъ садиться. Вскорѣ Уббѣ принялъ насъ. Дворецъ его — одна комната. Она хорошо построена и чиста, хотя стѣны ея даже не выбѣлены внутри: украшеніе ея составляютъ щиты и сабли, повѣшенные на бычачьихъ рогахъ, вбитыхъ въ стѣны. Полъ былъ покрытъ свѣжею травой.

Когда мы вошли, Уббѣ небрежно сидѣлъ на лавкѣ, покрытой богатымъ персидскимъ ковромъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Противъ него сидѣли три человека, исполнявшіе важнѣйшія должности. Это его министры. Справа и слѣва, въ самомъ почтительномъ положеніи, стояли высшіе изъ военачальниковъ, его окружавшихъ. Позади него — два мальчика — лѣтъ двѣнадцати, или четырнадцати. Должность ихъ состояла въ томъ, чтобы отгонять мухъ отъ повелителя. Всѣ эти знатные люди были въ одеждѣ изъ самага бѣлаго полотна, т. е. были обернуты полотномъ и очень ловко. Черныя лица ихъ отъ бѣлизны одежды казались еще чернѣй. Въ глазахъ ихъ выражалась крайняя заботливость услужить Уббѣ, и они не пропускали ни малѣйшаго случая: если Уббѣ кашлялъ, ближайшій къ нему изъ его вельможъ торонился подать полу своего платья, чтобы утереться. Если Уббѣ чихалъ, или дѣлалъ какое-нибудь движеніе, его тотчасъ закрывали тѣмъ-же полотномъ, чтобы предохранить отъ дурнаго

глаза *), который, по мнѣнію Абиссинцевъ, особенно гибельно дѣйствуетъ на человѣка, когда онъ дѣлаетъ дѣло.

Мы поклонились Уббѣ съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія. Онъ улыбнулся намъ, какъ только могъ привѣтливѣе и сдѣлалъ знакъ рукою, чтобъ мы садились. Его министры тотчасъ раздвинулись и дали намъ мѣсто подлѣ себя. Мы внимательно смотрѣли на него: онъ былъ весь закутанъ въ бѣлое, чрезвычайно тонкое полотно, отъ губъ до ногъ. Ему было лѣтъ сорокъ; маленькаго росту, худощавый, сложенія очень не крѣпкаго, черты лица тонкія и пріятныя, выраженіе умное, широкій лобъ, большой и нѣсколько орлиный носъ, губы толстыя, глаза продолговатые — вотъ его портретъ. Живой и быстрый взглядъ его, казалось, такъ и пронизываетъ васъ насквозь и хочетъ высмотрѣть въ душѣ вашей самыя потаенныя мысли. Волосы его были раздѣлены на нѣсколько маленькихъ прядей и пучками падали назадъ. Они были ужасно намазаны свѣжимъ коровьимъ масломъ. Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ сталъ говорить съ нами, но не прямо, а черезъ посредника, черезъ третьяго, который называется *ртомъ* Уббѣ.

«Здравствуйте! сказалъ онъ намъ: я радъ вашему счастливому прибытію. Вы оказали въ Мессавагѣ покровительство абиссинскимъ купцамъ; вы друзья наши. Скажите, что я могу для васъ сдѣлать?»

— Оказать намъ свое покровительство и позволить свободно путешествовать въ твоей землѣ.

«Путешествуйте въ моемъ царствѣ, гдѣ вамъ угодно. Но скажите, для чего вы пріѣхали изъ такой дали? Что вамъ за надобность подвергаться такимъ опасностямъ?»

*) См. статью «Дурной Глазъ» въ 35 № 1852 г.

— Абиссинцы — наши единовѣрцы. Мы хотѣли познакомиться съ ними, какъ съ братьями. Ктому-же, есть цѣлебныя травы, которыя растутъ только въ вашей землѣ; намъ-бы хотѣлось набрать ихъ для себя: говорятъ, онѣ годятся отъ всякихъ болѣзней.

Мы говорили такъ, приспособляясь къ понятіямъ необразованныхъ Абиссинцевъ. Иначе, они-бы насъ не поняли.

«Я знаю, отвѣчалъ Уббѣ, что бѣльше очень любопытны. Они хотятъ все видѣть, все знать. Отъ того-то, можетъ быть, ваше племя и превосходитъ всѣ другія племена въ мірѣ; потому что, правду сказать, вѣдь вы дѣлаете удивительныя вещи.»

— Вотъ нѣкоторыя бездѣлцы, которыя работаютъ въ нашемъ отечествѣ: прими ихъ отъ насъ, и мы будемъ рады, если онѣ придутся тебѣ по нраву.

Говоря это, мы поднесли ему кавалерійскую саблю, коверъ и зрительную трубу. Король внимательно рассмотрѣлъ наши подарки. Они ему очень понравились; и онъ не скрывалъ этого. Похваливъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, онъ передалъ ихъ своимъ приближеннымъ. Придворные были въ совершенномъ восторгѣ. Между тѣмъ король и всѣ они съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на ящикъ, который стоялъ передъ ними и котораго мы еще не открывали. Они были увѣрены, что въ немъ скрывается что-нибудь чудесное. Мы, опасаясь, какъ-бы не испортить дѣла, были въ нерѣшимости, отдавать-ли послѣдній подарокъ, или нѣтъ. Абиссинцы, кажется, поняли это совсѣмъ иначе: чуть-ли они не полагали, что намъ стало жаль разставаться съ драгоценною вещью. По мѣрѣ того, какъ мы колебались, нетерпѣніе ихъ возрастало больше и больше: таинственный ящикъ воспламенялъ ихъ воображеніе.

Наконецъ Уббѣ не выдержалъ и съ раздражительно-стію дитяти, которому смерть хочется получить самую привлекательную игрушку, вскрикнулъ: «да показывайте же скорѣй, что у васъ тамъ такое, въ этомъ ящикѣ». Одинъ изъ нашихъ товарищей тронулъ эту загадочную вещь, и ящикъ заигралъ. Это была шарманка. Изумленіе, восторгъ и въ тоже время какой-то испугъ изобразились на лицахъ всѣхъ. Въ молчаніи, неподвижно, не смѣя шевельнуться, удерживая дыханіе, они слушали мелодическіе, до тѣхъ поръ незнакомые имъ звуки. Спустя нѣсколько минутъ, чтобы дать изумленнымъ Абиссинцамъ придти въ себя, мы остановили волшебный для нихъ механизмъ: шарманка умолкла. Абиссинцы приступили къ намъ съ вопросами: «что это? Какъ это дѣлается? Откуда берутся эти звуки? Кто тамъ внутри поетъ такъ сладко?» Мы объясняли имъ, какъ только можно было подробнѣй и проще: но, очевидно, объясненія наши казались имъ неудовлетворительными. Вопросы за вопросами сыпались на насъ дождемъ. Это наконецъ намъ наскучило. Мы опять тронули шарманку. Говоръ мгновенно умолкъ: все какъ оцѣпенѣло. Чтобы доставить имъ полное наслажденіе, мы вертѣли шарманку попеременно и играли до тѣхъ поръ, пока ужъ почти выбились изъ силъ. Тогда изумленіе слушателей миновалось и перешло въ шумную веселость; лица всѣхъ сіяли самымъ младенческимъ удовольствіемъ: поднялся шумъ, смѣхъ, хохотъ, посыпались шутки, остроты, забавныя замѣчанія. Тѣхъ-же людей нельзя было узнать въ эту минуту: куда дѣвалась ихъ восточная важность, ихъ принужденная степенность, ихъ угрюмость? Все исчезло и смѣнилось этимъ развязнымъ, дружескимъ говоромъ, который составляетъ прелесть европейскаго общества, гдѣ ни для кого не считается

оскорбленіемъ выразить свое благородное чувство. Мало-по-малу однакожь все пришло въ прежнее положеніе. Убьё поблагодарилъ насъ вѣжливымъ образомъ, спросилъ, куда мы изъ Абиссиніи намѣрены ѣхать, предостерегалъ насъ отъ опасностей и наконецъ сказалъ: «прощайте! Путешествуйте у меня, гдѣ вамъ угодно, ступайте, куда хотите, и если снова вздумаете меня видѣть, я всегда буду радъ вамъ».

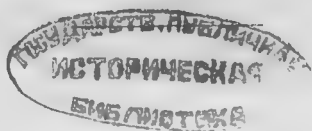
Мы также были въ восхищеніи отъ шарманки: она приобрѣла намъ благосклонность одного изъ самыхъ сильныхъ владѣтелей Абиссиніи. Окружающіе его изъ-явили намъ глубочайшее уваженіе и услужливость. Едва только мы вышли отъ Убьё, какъ уже явился къ намъ посланный отъ него и привелъ въ подарокъ быка и четырехъ барановъ. Мы поблагодарили его и отправились изучать новый для насъ край, т. е. осматривать мѣста, описывать ихъ, составлять географическія карты, узнавать жителей, ихъ костюмы, нравы, языкъ, обыкновенія и т. д. Прошло нѣсколько дней: мы попрѣли говядину и баранину и, остановясь въ одной бѣднѣйшей деревушкѣ, голодали, вспоминая благодѣтельную шарманку. Вдругъ, къ величайшему нашему удивленію, является къ намъ солдатъ отъ покровителя нашего, Убьё. Вошедъ въ нашу комнату, онъ, въ знакъ вѣжливости, открылъ свои плечи, низко поклонился и, припавъ къ землѣ, хотѣлъ поцѣловать наши ноги. Мы не допустили его до этого, подняли его и спросили о здоровьѣ Убьё. «Государь мой здоровъ», отвѣчалъ посланный; «онъ приказалъ мнѣ провожать васъ по всѣмъ его владѣніямъ и доставлять вамъ каждый день боченокъ меду, сто хлѣбцевъ, барана, горшокъ молока и кормъ для вашихъ муловъ и другихъ вьючныхъ животныхъ. Но прежде, нежели вы оставите насъ, онъ проситъ оказать ему услугу.»

— Какую услугу?

«Возвратите голосъ этому маленькому ящичку, который прежде такъ хорошо пѣлъ.»

Тутъ онъ вынулъ изъ мѣшка нашу шарманку. «Онъ теперь охрипъ и, какъ мы его ни заставляли, ни за что пѣть не хочетъ.»

Большаго труда намъ стоило удержаться отъ смѣха. Причину, отъ чего пропалъ у шарманки голосъ, было легко отгадать. Оставшись одни и не опасаясь уронить себя во мнѣнїи бѣлыхъ, Абиссинцы начали ее вертѣть непрерывно: устанетъ король — передастъ ее министру; устанетъ министр — примется другой. Пока она обойдетъ весь кругъ придворныхъ, Уббѣ отдохнетъ и — опять играй бѣдная машина. Наконецъ, разумѣется, нѣсколько зубцовъ было сломано, валикъ остановился, волшебный голосъ умолкъ. Они — вертѣть сильнѣй — не тутъ-то было. Я полагаю, что, пожалуй, ее даже и прибили: молчить, заупрямилась! Вотъ ее и отправили къ намъ. Къ счастью, мы отыскиали одного кузнеца, золотыхъ дѣлъ мастера, мѣдника, машиниста — все, что вы хотите. Онъ разобралъ шарманку и возвратилъ ей голосъ. Посланный немедленно отправился къ своему королю. Попробовали — играетъ. Восторгъ — больше прежняго! Уббѣ въ знакъ своей признательности прислалъ намъ огромнаго вола. Мы отправились дальше, а онъ съ своими приближенными началъ по прежнему тѣшиться пѣнїемъ чародѣйскаго сваряда: Что-то они съ нимъ сдѣлають, когда онъ опять охрипнетъ? Вскорѣ послѣ того, мы были уже на землѣ другаго абиссинскаго владѣтеля.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 декабря 1871 г.
